Исследования по археологии СССР

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ А. А. ЖДАНОВА

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР

Сборник статей в честь профессора М. И. Артамонова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1961

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского государственного университета

В сборнике помещены статьи проблемного характера по археологии каменного века и эпохи бронзы. Рассматриваются связи населения юга Европейской части СССР с населением Центральной Европы и бассейна Дуная, характеризуются культуры скифов, сарматов и поздних кочевников. Важное место занимают статьи, посвященные славяно-русской археологии. В них отмечается единство культуры древних славян и публикуются новые археологические материалы, позволяющие пересмотреть традиционную датировку культур, что важно для решения проблемы этногенеза славян. В сборнике публикуются неизданные материалы и данные новейших раскопок: трипольской культуры, эпохи бронзы и раннего железа, античного мира.

Книга предназначается для историков и широкого круга читателей, интересующихся прошлым нашей Родины.

Ответственный редактор проф. *В. Ф. Гайдукевич*

Михаилу Илларионовичу
АРТАМОНОВУ

в ознаменование его 60-летия
и 35-летия научной деятельности

с глубоким уважением посвящают свои статьи его ученики и товарищи по работе в Университете, Эрмитаже и Институте археологии Академии наук СССР

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М. И. АРТАМОНОВА

Сын тверского крестьянина Михаил Илларионович Артамонов был в числе тех, кому Октябрьская революция открыла двери в науку. За плечами М. И. Артамонова большая жизнь, исполненная труда и творческих исканий. Свыше ста печатных работ наглядно отображают его вклад в отечественную науку и характеризуют его как выдающегося советского ученого. Но значение научной деятельности М. И. Артамонова гораздо шире, чем можно было бы судить по его печатной продукции, ибо в ней не закреплены в полном объеме многочисленные устные выступления М. И. Артамонова, имеющие всегда широкий резонанс в кругах археологов, его курсы лекций по различным разделам археологии, его руководство археологическими экспедициями, открывшими для науки ценные памятники древних культур, — достаточно назвать хотя бы многолетнюю Волго-Донскую экспедицию, по размаху исследований одну из крупнейших в Советском Союзе.

Характерными чертами исследовательского почерка М. И. Артамонова являются исключительная широта кругозора, оригинальность построений, благородное стремление к строжайшей объективности в научных исследованиях, определяющейся принципами исторического материализма.

Проблематика исследований М. И. Артамонова чрезвычайно широка по диапазону.

Видное место в исследованиях М. И. Артамонова заняла разработка истории скифов по письменным источникам и на материалах археологии. Этой теме была посвящена докторская диссертация (1941 г.), опубликованная в виде серии статей. В этих и других статьях («Общественный строй скифов», 1947; «Вопросы истории скифов в советской науке», 1947; «О землевладении и земледельческом празднике у скифов», 1947; «Скифское царство в Крыму», 1948; «Этногеография Скифии», 1949; «К вопросу о происхождении боспорских Спартокидов», 1949; «К вопросу о происхождении скифов», 1953; «Этнический состав населения Скифии», 1953; и др.) М. И. Артамонов предложил интересную концепцию развития скифского общества и государства, выдвинул идею о происхождении скифов от носителей срубной культуры и на основе сопоставления сведений Геродота с археологическими данными предложил новую карту расселения скифских племен. Важное научное значение имеют раскопки М. И. Артамонова на скифском Немировском городище.

Вторая крупная проблема, занимавшая М. И. Артамонова в течение многих лет, — это история поздних кочевников, населявших степи юга Европейской части СССР, — хазар, болгар, авар, венгров, половцев и др. В ряде работ, посвященных этой теме («Очерки древнейшей истории хазар», 1937; «Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии», 1940; «Новые раскопки Саркела—Белой Вежи», 1949; «Раскопки Саркела—Белой Вежи в 1950 г.», 1951; «Надписи на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища», 1954; «Хазарская крепость Саркел», 1956; «Саркел—Белая Вежа», 1958 и др.), М. И. Артамонов обобщил огромный фактический материал и выяснил многие дотоле неизвестные обстоятельства конкретной истории кочевнических народов. Важную роль в этом труде сыграли материалы его собственных раскопок в районе станицы Цимлянской. В настоящее время в Издательстве Государственного Эрмитажа готовится к печати монография М. И. Артамонова «История хазар» — итог многолетних исследований.

Третья проблема, увлекшая М. И. Артамонова, — это проблема происхождения славян. В его работах, посвященных этой проблеме («Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси», 1940; «Венеды, невры и будины в славянском этногенезе», 1946; «К вопросу о происхождении восточных славян», 1948; «Происхождение славян», 1950; «Венеды и лужицкая культура», 1951), выдвинуты смелые гипотезы и дана развернутая, серьезно обоснованная критика концепции автохтонного происхождения восточных славян. Позиция М. И. Артамонова по этому вопросу в ходе острой научной дискуссии приобретает с каждым годом все большее число сторонников среди ученых.

Кроме названных тем, М. И. Артамонов плодотворно трудился над вопросами истории древнерусского изобразительного искусства, над теоретическими проблемами археологии и этнической истории, проводил полевые и теоретические исследования культур эпохи бронзы (курганы Северного Кавказа) и средневековья («Средневековые поселения на Нижнем Дону», 1935; «Белая Вежа», 1952 и др.).

М. И. Артамонов десятки лет занимается преподавательской деятельностью в Ленинградском университете, с 1935 г. — как профессор Университета. Многие ученики М. И. Артамонова, в том числе ученики из стран народной демократии, ныне работают в археологии как самостоятельные исследователи.

Широко известна научно-организационная деятельность профессора М. И. Артамонова. Он возглавлял Институт истории материальной культуры (ныне Институт археологии) Академии наук СССР, был проректором Ленинградского университета, с 1949 г. заведует в Ленинградском университете кафедрой археологии, с 1951 г. занимает пост директора Государственного Эрмитажа. Член КПСС с 1940 г. М. И. Артамонов ведет большую общественно-политическую работу, являясь депутатом Ленинградского Городского Совета депутатов трудящихся, членом Ленинградского Совета мира, председателем общества «Бордо — Ленинград». Заслуги М. И. Артамонова перед советской наукой и государством отмечены правительственными наградами; о широком признании научных заслуг М. И. Артамонова свидетельствуют также присвоенные ему иностранные почетные ученые звания. М. И. Артамонов избран действительным членом Польской академии наук, почетным членом Шотландского королевского общества любителей древности.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ М. И. АРТАМОНОВА [1]

1. Постройки Краснохолмского района. Верхневолжская этнологическая экспедиция. Л., ГАИМК, 1926, стр. 1—58.
2. Один из стилей монументальной живописи XII—XIII вв. ГАИМК, Бюро по делам аспирантов. Сб. I, Л., 1929, стр. 51—68.
3. Миниатюры Кенингсбергского списка летописи. ИГАИМК, т. X, вып. I. 1931, стр. 3—28.
4. Донская экспедиция ГАИМК (Поселение предскифской эпохи близ хутора Ляпичева на Дону). «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 1—2, стр. 51—55.
5. К истории средств передвижения. «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 5—6, стр. 23—32.
6. Экспедиция на Манычстрой «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 9—10, стр. 59.
7. Инструкция по учету и охране памятников материальной культуры на новостройках. ГАИМК, Л., 1933, стр. 1—16, 2-е изд. ГАИМК, Л., 1934, стр. 3—9 (в соавторстве с М. П. Грязновым и Б. А. Латыниным).
8. Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костяками. ПИДО, 1934, № 7—8, стр. 108—125.
9. Из истории методики археологических раскопок. ПИДО, 1935, № 1—2, стр. 142—164.
10. Обзор археологических источников эпохи возникновения феодализма в Восточной Европе. ПИДО, 1935, № 9—10, стр. 267—286.
11. A. Zakharow und W. Arendt. Studia Levedica. Archaeologischer Beitrag zur Geschichte der Altungarn in IX Jh. Mit 8 Tafeln und 27 Textabbildungen. Archaeologia Hungarica, XVI. Budapest, 1934, т. I (Рец.) ПИДО, 1935, № 9—10, стр. 243—246.
12. Работы на строительстве Манычского канала. Отчет о работах. Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг. ИГАИМК, № 109. Л., 1935, стр. 201—212.
13. Средневековые поселения на Нижнем Дону. ИГАИМК, № 131. Л., 1935, стр. 1—118.
14. Раскопки курганов в долине реки Маныч в 1935 г. СА, т. IV, 1937, стр. 93—132.
15. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1937.
16. Достижения советской археологии. ВДИ, 1939, № 2, стр. 122—129.

[1] Настоящий сборник статей был подготовлен к 5 декабря 1958 г. — дню 60-летия проф. М. И. Артамонова, однако по техническим причинам выход сборника в свет задержался. В связи с этим список пополнен — в него внесены также и работы М. И. Артамонова, написанные за последнее время.

17. Некоторые вопросы древней истории СССР. Вестник Академии наук, 1939, № 7, стр. 26—38.
18. Мастера Нередицы. Новгородский исторический сборник, вып. 5. Новгород, 1939, стр. 33—47.
19. Киммерийцы и скифы в Передней Азии. Упадок государства Урарту (в соавторстве с Б. Б. Пиотровским). В кн.: «История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства». Под общей редакцией М. И. Артамонова, кн. I. М.—Л., Изд. АН СССР, 1939, стр. 169—173.[2]
20. Киммерийцы и тавры. Происхождение скифов. (В соавторстве с С. А. Жебелевым.) Там же, стр. 216—221.
21. Население Скифии, его хозяйство и быт ко времени Геродота. (В соавторстве с С. А. Жебелевым.) Там же, стр. 221—230.
22. Общественное устройство и обычаи скифов. (В соавторстве с С. А. Жебелевым). Там же, стр. 230—234.
23. Религия скифов. Скифские курганы. (В соавторстве с С. А. Жебелевым.) Там же, стр. 234—239.
24. Сарматы и меоты. Звериный стиль. (В соавторстве с С. А. Жебелевым.) Там же, стр. 239—244.
25. Вторжение сарматов в Причерноморье. Скифское царство в Крыму. (В соавторстве с С. А. Жебелевым.) Там же, стр. 331—334.
26. Гунно-болгарские племена в степной полосе Восточной Европы в V—VI вв. История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства. Под общей редакцией М. И. Артамонова, кн. II, М.—Л., Изд. АН СССР, 1939, стр. 169—176.
27. Северокавказские аланы. Культура варваров юга СССР в V—VII вв. н. э. (в соавторстве с Б. Е. Дегеном-Ковалевским). Там же, стр. 176—189.
28. Авары и болгарская держава Органы и Кубраты. (В соавторстве с А. Н. Бернштамом.) Там же, стр. 189—196.
29. Хазары и тюрки. Там же, стр. 196—202.
30. Происхождение славян. Венеты, склавены и анты. Там же, стр. 202—213.
31. Возникновение Хазарского каганата. Царство гуннов (Джидан). Там же, стр. 382—388.
32. Хазары в Крыму. Борьба с арабами. Там же, стр. 388—398.
33. Хазарские города. Взаимоотношения с арабами во второй половине VIII в. Восстание Иоанна Готского. Там же, стр. 398—404.
34. Обращение хазар в иудейскую религию. Там же, стр. 405—411.
35. Саркел, хазары и мадьяры в IX в. Там же, стр. 411—424.
36. Хазарский каганат в X в. Там же, стр. 424—435.
37. Волжская Болгария. (В соавторстве с В. В. Гольмстен, А. И. Смирновым.) Там же, стр. 447—457.
38. ИИМК в 1939 г. КСИИМК, вып. 4, 1940, стр. 63—66.
39. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии. СА, т. VI, 1940, стр. 130—167.
40. Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси. КСИИМК, вып. 6, 1940, стр. 3—14.
41. Первобытное общество в свете новейших археологических исследований в СССР. «Советская наука», 1940, № 11, стр. 48—65.

---

[2] Издание этой книги (тт. 1—2) массовым тиражом в связи с началом Великой Отечественной войны не было осуществлено. Однако некоторое количество экземпляров было отпечатано, разослано по крупным библиотекам и научно-исследовательским учреждениям и до сих пор служит многим читателям.

42. Станица Цимлянская. Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.—Л., Изд. АН СССР, 1941, стр. 187—200.
43. Очерки истории Северного Причерноморья. Скифы. Тезисы к диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Ленинградский государственный университет. Л., 1941, стр. 1—8.
44. Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. I. Опыт периодизации памятников. Изд. Грузинской Академии наук. Тбилиси, 1941, 231 стр. + CXXVI таблиц (Рец.). Вестник Академии наук, 1942, № 9—10, стр. 91—102.
45. Н. Н. Миклухо-Маклай. Путешествия. Тт. 1—2 (Рец.). Вестник Академии наук, 1942, № 2—3, стр. 109—113.
46. Археологические теории происхождения индоевропейцев. Ленинградский государственный ордена Ленина университет. Научная сессия 16—30 ноября 1945 г. Тезисы докладов на секции исторических наук. Л., 1945, стр. 61—66.
47. Венеды, невры и будины в славянском этногенезе. Вестник ЛГУ, 1946, № 2, стр. 70—86.
48. Древний Дербент. СА, т. VIII, 1946, стр. 121—144.
49. Южно-Подольская археологическая экспедиция. Вестник ЛГУ, 1946, № 4—5, стр. 236—237.
50. Археологические теории происхождения индоевропейцев в свете учения Н. Я. Марра. Вестник ЛГУ, 1947, № 2, стр. 79—106.
51. V. Gordon Childe. Scotland before the Scots (London, 1946). В. Гордон Чайльд. Шотландия до шотландцев. Лондон, 1946. (Рец.). Вестник ЛГУ, 1947, № 7, стр. 111—121.
52. Общественный строй скифов. Вестник ЛГУ, 1947, № 9, стр. 70—87.
53. Вопросы истории скифов в советской науке. ВДИ, 1947, № 3, стр. 68—82.
54. Nosek. Kultura grobów skrzynkowych i podkloszowych w Polsce południowo-zachodniej. Z 14 rycinami w tekście i 25 tablicami. Kraków. Polska Akademia Umiejętności, 1946 (Prace prehistoryczne, № 3). Носек С. Культура ящичных и подколпачных погребений в юго-западной Польше. (Рец.). ВИ, 1947, № 12, стр. 132—134.
55. Археологические исследования в Подолии. Вестник ЛГУ, 1947, № 12, стр. 134—135.
56. Юго-Подольская экспедиция. КСИИМК, вып. 21, 1947, стр. 74—76.
57. Этногеография скифов по археологическим данным. Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 г. Отд-ние истории и философии АН СССР. М.—Л., 1947, стр. 62—63.
58. Третий Разменный курган у ст. Костромской. Там же, стр. 73—75.
59. Происхождение и древнейшая история славян по археологическим данным. Там же, стр. 79—81.
60. О землевладении и земледельческом празднике у скифов. Уч. зап. ЛГУ, № 95, серия исторических наук, вып. 15. Л., 1947, стр. 3—20.
61. С. А. Семенов-Зусер. Скифская проблема в отечественной науке. Харьковский гос. ун-т им. А. М. Горького, т. X. Харьков, 1947. (Рец.). Вестник ЛГУ, 1948, № 3, стр. 157—164.
62. К вопросу о происхождении восточных славян. ВИ, 1948, № 9, стр. 97—108 (По поводу книги П. Н. Третьякова «Восточно-славянские племена», М.—Л., Изд. АН СССР, 1948).
63. Скифское царство в Крыму. Вестник ЛГУ, 1948, № 8, стр. 56—78.
64. Археологические исследования в Южной Подолии (Винницкой области) в 1948 г. Вестник ЛГУ, 1948, № 11, стр. 177—181.
65. Третий Разменный курган у ст. Костромской. СА, т. X, 1948, стр. 161—182.

66. В отделе археологии Исторического института Ленинградского государственного университета. Вестник ЛГУ, 1948, № 9, стр. 133—139.
67. Этногеография Скифии. Уч. зап. ЛГУ, № 85, серия исторических наук, вып. 13. Л., 1949, стр. 129—171.
68. Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г. СА, т. XI, 1949, стр. 305—336.
69. К вопросу о происхождении боспорских Спартокидов. ВДИ, 1949, № 1, стр. 29—39.
70. Південноподільська експедиція. Археологичні пам'ятки УРСР, т. I. Київ, 1949, стр. 257—262.
71. К вопросу об этногенезе в советской археологии. КСИИМК, вып. 29, 1949, стр. 3—16.
72. Новые раскопки Саркела—Белой Вежи. ВИ, 1949, № 10, стр. 138—143.
73. Na marginesie zagadnienia pochodzenia słowian wschodnich (П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. Wydawnictwo Akademii Nauk ZSRR. M—L., 1948). (Рец.). «Światowit», t. XX. Warszawa, 1949, стр. 359—390.
74. К вопросу о происхождении скифов. ВДИ, 1950, № 2, стр. 37—47.
75. Происхождение славян. Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний, Ленинградское отделение. Л., 1950, стр. 52.
76. Раскопки Саркела—Белой Вежи в 1950 г. ВИ, 1951, № 4, стр. 147—151.
77. Венеды и лужицкая культура. Вестник ЛГУ, 1951, № 1, стр. 153—176.
78. Белая Вежа — русская колония в степях Подонья. КСИИМК, вып. 41, 1951, стр. 41—44.
79. Археологические исследования в зоне будущего Цимлянского водохранилища. Вестник ЛГУ, 1951, № 2, стр. 141—145.
80. Труды товарища Сталина по вопросам языкознания и советская археология. СА, т. XV, 1951, стр. 7—16.
81. Раскопки Саркела—Белой Вежи. Академия наук СССР. Тезисы докладов на сессии Отд-ния историй и философии и Пленуме ИИМК, посвященных итогам археологических исследований 1946—1950 гг. М., 1951, стр. 69—71.
82. Бронзовый век (в соавторстве с О. А. Граковой). БСЭ, изд. 2-е, т. 6, 1951, стр. 151—154.
83. Белая Вежа. СА, т. XVI, 1952, стр. 42—76.
84. Итоги археологических исследований 1949—1951 гг. в Саркеле — Белой Веже. Ленинградский государственный ордена Ленина университет им. А. А. Жданова. Научная сессия 1951—1952 гг. Тезисы докладов на секции исторических наук. Л., 1952, стр. 32—34.
85. Этнический состав населения Скифии. Доклады VI научной конференции Института археологии АН УССР. Киев, 1953, стр. 169—196.
86. Надписи на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища. СА, т. XIX, 1954, стр. 263—268.
87. Археологические исследования в Южной Подолии в 1952—1953 гг. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 100—117.
88. Некоторые итоги пятилетних исследований Юго-Подольской археологической экспедиции. КСИА АН УССР, вып. 4, 1955, стр. 84—87.
89. Славянские железоплавильные печи на Среднем Днестре. Сообщения Гос. Эрмитажа. Вып. VI, 1955, стр. 26—29.
90. Болгаро-советская археологическая экспедиция 1954 г. Академия наук СССР. Тезисы докладов на сессии Отд-ния истории, на пле-

нуме ИИМК и сессии ученого совета ИЭ, посвященных итогам археологич. и этнографич. исследований 1954 г. М., 1955, стр. 36—37.
91. Khazar-festningen Sarkel. «Viking», XIX. Oslo, 1955, стр. 99—120.
92. Саркел. БСЭ, изд. 2-е, т. 38. 1955, стр. 114—115.
93. К вопросу об археологических памятниках славян и праболгар на Нижнем Дунае. Предисловие к книге Живки Въжаровой «Славянобългарското селище край село Попино Силистренско». София, 1956, стр. 3—10.
94. Славяне и Русь. Лен. гос. университет. Научная сессия 1955—1956 гг. Тезисы докладов по секции исторических наук. Л., 1956, стр. 3—6.
95. Хазарская крепость Саркел. Acta archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae, т. VII. Budapest, 1956, стр. 321—341.
96. Скифы. БСЭ, изд. 2-е, т. 39, 1956, стр. 230—231.
97. Le Musée d'Etat de l'Ermitage. «Museum», t. X, № 2. Paris, 1957, стр. 97—113.
98. Очередные задачи Государственного Эрмитажа. Сообщения Гос. Эрмитажа. Вып. XII, 1957, стр. 3—5.
99. Хазарский каганат. БСЭ, изд. 2-е, т. 46. 1957, стр. 23.
100. Хазары. Там же.
101. Бронзовый век (в соавторстве с О. А. Граковой). Перевод из БСЭ. Пекин, 1957 (на китайском языке).
102. Произведения китайского искусства в Эрмитаже. «Чжунсу юхао», 1958, № 5, стр. 30—32 (на китайском языке).
103. Предисловие. Труды Волго-Донской археологической экспедиции, т. I. МИА, № 62, 1958, стр. 5—6.
104. Саркел—Белая Вежа. Там же, стр. 7—84.
105. Советский Эрмитаж. «Искусство», 1958, № 6. стр. 59—64.
106. От редактора. Труды Волго-Донской археологической экспедиции, т. II. МИА, № 75, 1959, стр. 5—8.
107. Szarkel — Belaja Vezsa. «Szovjet Régészet», XVI, Magyar Nemzeti Múzeum, Történeti Músëum, 1960, стр. 39—65 (перевод статьи из кн. «Труды Волго-Донской археологической экспедиции», т. I, МИА, 62).

Г. Ф. Корзухина, Л. С. Клейн

К ВОПРОСУ О ДРЕВНЕЙШИХ ЗЕМЛЕКОПНЫХ ОРУДИЯХ

П. И. Борисковский

Землекопная техника гораздо древнее земледелия, она существовала даже у наиболее примитивных племен охотников-собирателей — таких, как тасманийцы начала прошлого века. У не знающих земледелия примитивных племен землекопная техника была связана главным образом с собиранием растительной пищи, ловлей диких животных в ямы, с сооружением жилищ и могильных ям. Простейшим и распространеннейшим землекопным орудием являлась прямая деревянная палка, заостренная, а в некоторых случаях, для придания большей твердости, и обожженная на одном конце. Она была известна полтора-два века тому назад всем охотничье-собирательским племенам земного шара: от наиболее примитивных тасманийцев до относительно более развитых индейцев Калифорнии и эскимосов Лабрадора и Гренландии. Обстоятельное описание землекопного орудия австралийских племен приводит Эйльманн.[1] Оно представляло собой прямую деревянную палку, в среднем 1,20—1,60 м длины, круглую или слегка уплощенную в сечении. Рабочий конец ее был заострен или срезан в виде долота. Землекопная палка являлась женским орудием. С ее помощью женщины выкапывали из земли съедобные корни, извлекали мелких животных. С ее помощью выкапывались также ямы для ловли крупных животных. Эти ямы в отдельных случаях достигали 1,50 м глубины.[2] С помощью копательных палок австралийцы вырывали и могильные ямы, достигавшие иногда глубины 1,60 м и 1,30 м длины.[3] Своими землекопными палками австралийцы работали очень быстро и искусно, иногда даже предпочитая их железным лопатам.

Землекопная палка служила не столько для выкапывания земли, сколько для ее разрыхления. Земля разрыхлялась толчками палки, направленными не вертикально вниз, а слегка в сторону от работающего. При выкапывании ям действия палки должны были дополняться действиями руки, выгребающей разрыхленную землю (австралийцы,[4] семанги[5], огнеземельцы[6]). Рука могла быть дополнена деревянным корыт-

---

[1] E. Eylmann. Die Eingeborenen der Kolonie Südaustralien. [Б. м.], 1908, стр. 367—369.

[2] Там же, стр. 272.

[3] E. Eylmann, ук. соч., стр. 231; F. Bonney. On some customs of the aborigines of the River Darling, New South Wales. Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. Vol. XIII. London, 1883—1884, стр. 122—137.

[4] H. Basedow. The Australian aboriginal. Adelaide, 1925, стр. 164, табл. 21; Г. Кунов. Всеобщая история хозяйства, т. I, М.—Л., 1929, стр. 37, рис. 6.

[5] R. Martin. Die Inlandstämme der Malayischen Halbinsel. Jena 1905, стр. 724; P. Schebesta. Among the forest dwarfs of Malaya. London, 1931, стр. 115, 206.

[6] A. Agostini. Zehn Jahre in Feuerland. Lelpzig, 1924, стр. 279; M. Gusinde. Die Feuerland-Indianer, Bd. I. Die Selk'nam. Wien, 1931, стр. 288, 549—550.

цем (австралийцы[7]), лопаткой животного (огнеземельцы) или корзиной (индейцы Калифорнии[8]), с помощью которых разрыхленная земля извлекалась из ямы. Таким образом, действия лопаты заменялись на этой примитивной ступени техники комбинацией действий землекопной палки и корытца, широкой кости животного или корзины.

Не следует недооценивать эффективность такой примитивной палки. Помимо повседневных поисков пищи, с ее помощью предпринимались и большие земляные работы. На Суматре кубу с помощью такого орудия выкапывали ямы для ловли слонов.[9] Индейцы Калифорнии выкапывали с помощью землекопной палки ямы для жилищ глубиной до 1 м и 5—12 м в поперечнике.[10] А об одном из калифорнийских племен — племени патвин сообщают, что они, разумеется, трудясь коллективно, подобными палками сооружали такое жилище за один день.[11] Но в то же время человек, вооруженный палкой в качестве единственного копательного орудия, в очень большой мере зависел от окружающих природных условий — от свойств грунта, который он копал, и от времени года, когда производилась эта работа.

Австралийская копательная палка была мало пригодна для работы в вязкой глине. Огнеземельцы, если земля промерзла, труп в землю не зарывали, а просто прикрывали камнями; видимо, их землекопные палки не были пригодны для работы в промерзшей земле. У индейцев Калифорнии ямы для жилищ выкапывались обычно весной, когда почва мягче всего.

Несколько более развитая форма орудия для копания — это деревянная заостренная палка с надетым на нее для придания большей тяжести просверленным камнем. Такая палка с большой силой вонзается в землю, а для извлечения кусков земли ею с большим удобством можно действовать наподобие рычага. Это землекопное орудие использовалось в начале XIX в. бушменами в Южной Африке.[12] В более отдаленном прошлом оно употреблялось и некоторыми племенами индейцев Калифорнии,[13] у которых, несомненно, появилось независимо от бушменов. С помощью такой усовершенствованной землекопной палки бушмены выкапывали охотничьи ямы уже до 3—4 м глубиной.[14]

Еще более совершенный тип землекопного орудия — деревянная

---

[7] E. Eylmann, ук. соч., стр. 369; F. Bonney, ук. соч., стр. 122—137.

[8] R. Dixon. The Northern Maidu. Bull. Amer. Museum of Natural History, vol. XVII, 1902, стр. 168—169; P. E. Goddard. Life an culture of the Hupa. University of California, Publications in American archaeology and ethnology, No I, vol. I, 1903, стр. 3—88; McKern. Patwin Houses. University of California, publications in American archaeology and ethnology, vol. XX, 1923, стр. 159—175.

[9] B. Hagen. Die Orang-Kubu auf Sumatra. Paris — Frankfurt a. M., 1908, стр. 113—115; Р. Фальц. В девственных лесах Суматры. М., 1935, стр. 69, 80, 85.

[10] R. Dixon. The Northern Maidu...; P. E. Goddard. Life and culture...; McKern. Patwin Houses...

[11] McKern, ук. соч., стр. 164.

[12] S. Dornan. Pygmies and bushmen of the Kalahari. London, 1925, стр. 118—120; L. Schultze. Aus Namaland und Kalahari. Breslau, 1907, стр. 668; G. Fritsch. Die Eingeborenen Südafrika's. Breslau, 1872, стр. 437; S. Passarge. Südafrika, 1908, стр. 219—220.

[13] H. W. Henshaw. Perforated stones from California. Washington, 1887; W. H. Holmes. Perforated stones. Handbook of American Indians North of Mexico, pt. 2. Smithsonian Institution, Bureau of American ethnology, bull. 20. Washington, 1910.

[14] S. Dorman, ук. соч., стр. 101—102; S. Passarge, ук. соч., стр. 219—220; J. Barrow. Voyage dans la partie meridionale de l' Afrique fait dans les années 1797 et 1798, t. 2, 1801, стр. 85—86, 100; H. Lichtenstein. Reisen in südlichen Afrlca in den Jahren 1803—1806, Bd. II. 1812, стр. 72—73; E. Keller. Verbreitung der Fallenjagd in Africa. Zeitschrift für Ethnologie. Berlin, 1936, Hft 1/3, стр. 1—118.

палка с острием из рога или кости на конце. Такая палка, оснащенная рогом антилопы, иногда встречалась у бушменов. Более высокие технические свойства этого орудия видны на примере кирки или пешни, употреблявшейся эскимосами для прорубания во льду прорубей, для рыбной ловли и т. п. На конец длинной деревянной палки насаживалось составляющее ее прямое продолжение острие из рога или из кости.[15] Таким орудием можно было работать уже по твердому или промерзшему грунту. Эскимосы прорубали такой киркой слой льда, достигавший глубины 1 м. Кирка употреблялась эскимосами лишь в сочетании с черпаком, которым извлекались размельченные ею куски льда. По сути дела, это тот же технический прием, что и у австралийцев, огнеземельцев, индейцев Калифорнии: действия разрыхляющей землю палки комбинируются с действиями корытца, лопатки животного или корзины. До появления железной лопаты ямы повсюду выкапывались с помощью этого приема.

Наиболее совершенным землекопным орудием, появившимся у племен, еще не знавших земледелия, является мотыга. Более или менее уплощенное острие мотыги не составляет прямого продолжения рукоятки, а находится под прямым или острым углом к ней. Такая мотыга, специально употреблявшаяся для выкапывания могил, была известна у андаманцев.[16] Ее лезвие, находившееся под прямым углом к рукоятке, было сделано из раковины. Но основным землекопным орудием андаманцев оставалась все та же простая деревянная палка. Особенно широко были распространены мотыги на Крайнем Севере — у чукчей,[17] коряков [18] и у некоторых племен эскимосов.[19] Наконечник мотыги делали из кости, из клыка моржа или из рога и с помощью ремней привязывали к деревянной рукоятке. Мотыги являлись у северных племен основным землекопным орудием, употреблению которого почти не мешали ни времена года, ни характер грунта. Подобно деревянным землекопным палкам индейцев Калифорнии, мотыги племен Крайнего Севера употреблялись как для поисков растительной пищи, так и для выкапывания ям при сооружении жилищ.

Племенам Крайнего Севера были известны и лопаты для копания снега, их лезвие обычно изготовлялось из кости. Таким образом, землекопная техника и землекопные орудия у племен Крайнего Севера в XVIII—XIX вв. были значительно более сложными, чем у других современных им племен, также не знавших земледелия.

В заключение скажем несколько слов об археологической стороне вопроса. Несколько лет тому назад превосходное исследование на эту

---

[15] E. W. Nelson. The eskimo about Bering strait. Smithsonian Institution, Bureau of American Ethnology, annual report No 18. Washington, 1899, стр. 174—175; J. Murdoch. Ethnological results of the Point Barrow Expedition. Smithsonian Institution, Bureau of American Ethnology, annual report No 9. Washington, 1892, стр. 307; K. B. Smith. The Caribou eskimos, pt. I. Copenhagen, 1929, стр. 122.

[16] E. H. Man. On the aboriginal inhabitans of the Andaman islands. Journal of the Anthropological Institute of Great Britain, vol. XII. 1883, стр. 398; E. H. Man. On the Andamanese and Nicobarese objects presented to Pitt Rivers. Journal of the Anthropological Institute of Great Britain, vol. XI. 1882, стр. 268 и сл.

[17] W. Bogoras. The Chukchee, pt. I. Material culture. Mem. American Museum of Natural History, vol. VII. 1904, стр. 170, 178, 198; В. Г. Богораз. Очерк материального быта оленных чукчей. Сборник Музея антропологии и этнографии, вып. 2, 1901, стр. 7, 32—33.

[18] W. Jochelson. The Koryak. Mem. American Museum of Natural History, vol. VI, pt. 2. 1908, стр. 577.

[19] E. W. Nelson. The eskimo about Bering strait, стр. 75; J. Murdoch. Ethnological results of the Point Barrow Expedition, стр. 302--304.

тему выполнил Богуслав Клима.[20] Рассматривался этот вопрос и в работах советских исследователей палеолита.[21]

Представляется несомненным, что уже древнейшие обезьяноподобные люди типа питекантропов и синантропов пользовались простейшими деревянными землекопными палками. Но у нас отсутствуют сколько-нибудь определенные доказательства существования последних в те эпохи. Не дошли до нас и землекопные орудия неандертальцев мустьерского времени, но зато сохранились неглубокие могильные ямы, вырытые неандертальцами (Ла Шапелль о Сан, Ле Мустье, Ла Ферраси, Киик-Коба и др.), что уже определенно свидетельствует о существовании примитивных орудий, с помощью которых такие ямы выкапывались.

При переходе к позднему палеолиту начинают встречаться разнообразные ямы, с большим искусством выкапывавшиеся первобытными людьми: жилые, очажные, кладовки и т. п. Распространяются и разнообразные наконечники мотыг и кирок из кости, бивня мамонта и оленьего рога. Обзор некоторых из них содержится в названных выше работах П. П. Ефименко, П. И. Борисковского, С. А. Семенова и Б. Климы. Исключительно интересно то, что в раскапываемом в самые последние годы Б. Климой позднепалеолитическом поселении Павлов к югу от Брно (Моравия) можно констатировать сочетание узких кирок и мотыг, служивших, вероятно, для разрыхления земли, с более широкими лопаточками, служившими, вероятно, для выгребания разрыхленной земли из ямы, как и у примитивных охотничье-собирательских племен недавнего прошлого.[22]

Данные о существовании в палеолите землекопных палок, подобных бушменским, с надетыми на них просверленными камнями отрывочны и неясны. В этой связи следует только упомянуть находку половины просверленного круглого камня, сходного с бушменским.[23] (Мы не решаемся сказать что-либо определенное о предназначавшемся для надевания на копательную палку круглом камне с отверстием, найденном В. А. Городцовым при раскопках Ильской стоянки.)[24] Среди археологических памятников Северной Африки широко распространены каменные шары с просверленным в них отверстием;[25] но работами последних лет доказано, что они, как и подобные же шары из Южной Африки, относятся не к позднему палеолиту, а главным образом уже к неолиту и одновременны древнейшей керамике. Кроме того, значительная часть этих

---

[20] B. Klíma. Přinos nové paleolitické stanice v Pavlove k problematice nejstárších zemědělských nástroju. Památky archeologické, вып. XLVI. Praha, 1955, стр. 5—26.

[21] П. П. Ефименко. Первобытное общество. 3-е изд. Киев, 1953, стр. 378; П. И. Борисковский. Палеолит Украины. М.—Л., 1953, стр. 223—226; С. А. Семенов. Первобытная техника. М.—Л., 1957, стр. 212—214.

[22] B. Klíma. Přinos nové paleolitické stanice v Pavlove k problematice nejstárších zemědělských nástroju; B. Klíma. Výzkum paleolitického sídliště u Pavlova v roce 1954. Archeologicke rozhledy, ročnik 1957, вып. 2, стр. 145—151; B. Klíma. Übersicht über die jüngsten paleolithischen Forschungen in Mähren. Quartär, Bd. IX. 1957, стр. 85—131. [Благодаря любезности Б. Климы я имел возможность ознакомиться с обеими группами этих землекопных орудий из Павлова на археологической базе в Долни Вестонице (Моравия)].

[23] W. J. Sollas. Ancient hunters, 3-rd ed. London, 1924, стр. 534.

[24] В. А. Городцов. Результаты исследования Ильской палеолитической стоянки. МИА, № 2, 1941, стр. 21—22.

[25] E. Gobert. Boules de pierre pérforées du Capsien et des industries deriveés. L'Anthropologie, t. 45. 1935 стр. 1—14; R. Vaufrey. Deux poids de digging stick dans l'ibero-maurusien. L'Anthropologie, t. 42. 1932, стр. 648—649.

шаров ввиду их легкости не могла употребляться для отягчения землекопных палок.[26]

Одной из особенностей позднего палеолита является отсутствие устойчивых, повторяющихся форм землекопных орудий. Это связано с тем, что потребность в таких орудиях была эпизодической, нерегулярной, а техника землекопных работ делала только свои первые шаги.

---

[26] H. Alimen. Préhistoire de l'Afrique. Paris, 1955; R. Vaufrey. Préhistoire de l'Afrique, t. I. Le Maghreb. Paris, 1955.

ПАМЯТНИКИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ИСКУССТВА НА ТЕРРИТОРИИ СССР

З. А. Абрамова

Исследования древнейших следов человеческой деятельности — памятников палеолита на территории СССР принесли немало ценных

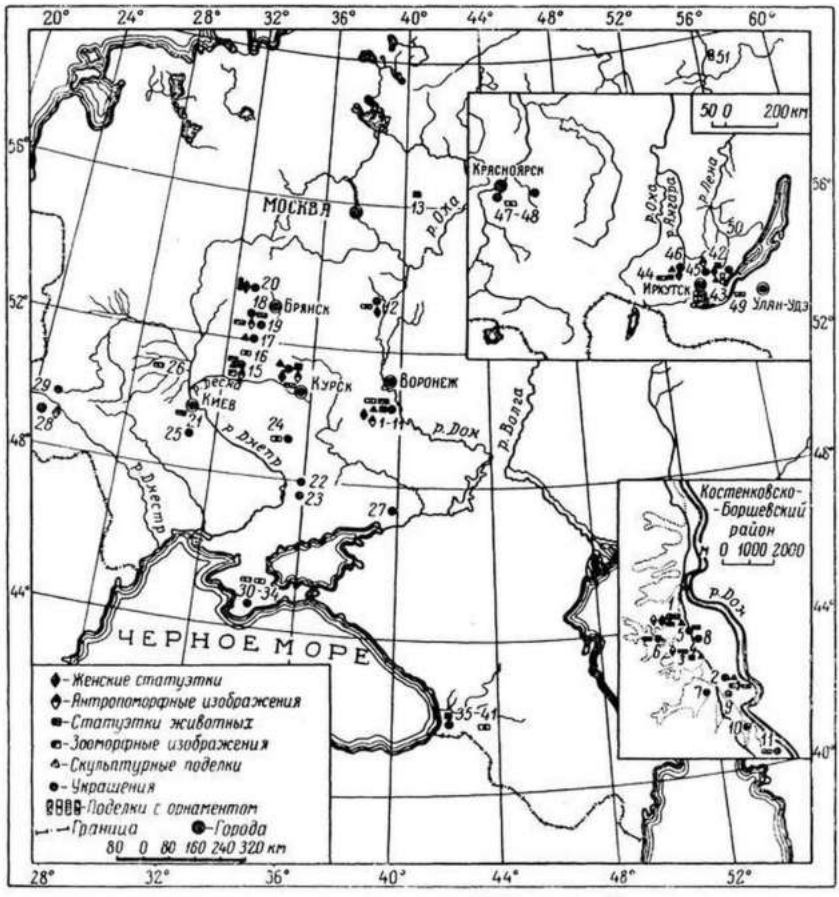


Рис. 1. Карта палеолитических стоянок СССР, где найдены произведения искусства.

открытий, по-новому осветивших жизнь и культуру первобытного населения нашей страны, в том числе искусство палеолитического человека.

Замечательные образцы палеолитического искусства, открытые до революции при постройке военного госпиталя в Иркутске (1871 г.), на Кирилловской стоянке в Киеве (конец XIX в.), в Мезине на Украине (1909—1914 гг.), значительно пополнились в советское время новыми богатыми находками палеолитической скульптуры и резьбы, происходящими из Костенок I и Гагарина на Дону, Елисеевичей на Судости, Мальты и Бурети в Сибири и многих других палеолитических поселений. В связи с изучением палеолитического человека и его культуры в духе марксистского миропонимания советскими исследователями по-новому поставлены общие вопросы палеолитического искусства и художественного творчества древнейшего человека.

Все это вызывает потребность в обобщающем обзоре палеолитического искусства на территории СССР, в подведении итогов всему сделанному в этой области советской археологической науки, тем более, что до сих пор не было даже опытов простого подсчета накопленных фактов во всем их объеме.

Очевидно, с регистрации находок и следует начать наш обзор. Ареал распространения образцов палеолитического искусства в СССР охватывает огромные пространства от Днестра на западе до Забайкалья на востоке, от г. Владимира на севере до берегов Черного моря на юге (рис. 1).

Начнем со стоянок Восточной Европы, наиболее полно изученных и давших замечательные образцы художественной деятельности древнего человека.[1]

Бассейн р. Дон

1. Костенки I. По исключительному обилию художественных изделий и совершенству исполнения многих из них эта стоянка по праву занимает одно из первых мест среди палеолитических поселений не только СССР, но и всей Европы. В центре внимания палеолитических скульпторов, обитавших в Костенках I, находились изображения женщин, дошедшие до нас в виде целых, поразительных по исполнению и совершенству статуэток, изготовленных из бивня мамонта, а также множество обломков фигурок из плотного мергеля. Наряду с женскими статуэтками заметное место принадлежит изображениям животных, представленных как целыми фигурками (мамонт и, возможно, носорог), так и отдельными головками (преимущественно хищники: медведь, волк, тигролев и птицы). Они исполнены из мергеля и имеют небольшие размеры. Резные изображения на кости и камне в Костенках I — довольно редкое явление. Это плохо исполненные, неясные изображения. Орнамент несложен и сводится к поперечным насечкам, крестику, зигзагу и «елочке». Большую группу составляют шарики и подвески из мергеля, а также различные костяные поделки, возможно служившие украшениями или имевшие культовое значение.[2]

2. Александровское поселение (Костенки IV). Здесь мы находим миниатюрные фигурки животных, главным образом мамонта и бизона, изготовленные из мергеля. Любопытна головка животного, не поддающаяся точному определению и поделка конусовидной формы, скорее всего напоминающая изображение медвежьей лапы. Многочисленную группу изделий составляют тщательно выточенные и зашлифован-

[1] Стоянки группируются по бассейнам рек. Порядковые номера перед названием стоянки соответствуют ее обозначению на географической карте.

[2] П. П. Ефименко. Костенки I. М.—Л., 1958; А. Н. Рогачев. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине, МИА, № 59, 1957, стр. 9—134.

ные каменные диски двояковыпуклой формы. Из бивня мамонта изготовлены загадочные поделки антропоморфного характера, покрытые точечным орнаментом, и другие предметы.[3]

3. Аносовка II, слой 2. Сравнительно небольшая площадь раскопок доставила интересную серию различных поделок из мергеля. Это — своеобразно трактованные изображения мамонта, носорога, свыше 50 полушаровидных миниатюрных изделий с тщательно заглаженным основанием.

4—11. На остальных стоянках, обнаруженных в Костенках, найдены единичные экземпляры произведений искусства. Среди них необходимо отметить находку в Костенках II — очень схематичной человеческой фигурки из кости вместе с тремя орнаментированными обломками костей.[4] Обломки костей с простейшим геометрическим орнаментом найдены в верхнем слое пункта В Костенок 12, во втором слое Маркиной горы и в Борщево II. Из украшений можно упомянуть костяные подвески из стоянки Маркина гора и Тельманской стоянки, каменные подвески и подвески из белемнитов из Костенок 17, перламутровые бусы из Борщево I. Велико число подвесок из зубов животных, просверленных у корня: только в погребении ребенка на Городцовской стоянке находилось свыше 150 просверленных зубов песца.

12. Гагарино. На этой стоянке найдены своеобразные женские статуэтки из бивня мамонта, подвески, имитирующие клыки оленя, и просверленные зубы животных. На обломке тонкой трубчатой кости заметна легкая нарезка.[5]

Бассейн р. Клязьмы

13. Сунгирь (Добросельская). Здесь найдена плоская костяная фигурка животного, по-видимому лошади, и различные костяные бусы и подвески.

Бассейн р. Десны

14. Авдеево. Стоянка во многом сходна с Костенками I, но количественно беднее последней произведениями искусства. Женские фигурки из бивня мамонта находятся в различной степени изготовления — от грубой заготовки до совершенной, полностью законченной статуэтки. Любопытны фигурка мамонта из костяной губчатой массы, антропоморфная статуэтка из метакарпальной кости мамонта, загадочная поделка из мягкого песчаника и различные костяные предметы. Заметно развитие орнамента.[6]

15. Мезин. Образцы искусства из Мезина своеобразны и не находят себе аналогий на других палеолитических стоянках. Это — скульптурные поделки из бивня мамонта, покрытые сложным орнаментом. Одни из них по форме напоминают птиц, другие скорее принадлежат к фаллическим изображениям. Высокого развития и правильности очертаний достиг в Мезине геометрический орнамент, очень тонко и тщательно нанесенный на пластины из бивня мамонта. Особо следует отметить роспись также геометрического характера, сделанную красной краской на

[3] А. Н. Рогачев. Александровское поселение древнекаменного века у села Костенки на Дону. МИА, № 45, 1955.

[4] П. И. Борисковский. Раскопки в Костенках II в 1953 г. СА, т. XXV, 1956, стр. 173—188.

[5] С. Н. Замятнин. Раскопки у с. Гагарина (верховья Дона, ЦЧО). ИГАИМК, вып. 118, 1935, стр. 26—77.

[6] М. Д. Гвоздовер. Обработка кости и костяные изделия Авдеевской стоянки. МИА, № 39, 1953, стр. 192—226.

лопатке и двух нижних челюстях мамонта. К украшениям принадлежат палочки со вздутиями и перехватами, подвески, имитирующие клыки оленя, и тонкие костяные пластинки с отверстиями.[7]

16—17. На соседних деснинских стоянках найдены единичные предметы: в Новгород-Северской стоянке ребро мамонта с параллельными нарезками,[8] в Пушкарях I украшения в виде двух плоских стерженьков из бивня мамонта и подвески.[9]

18—19. Произведения искусства из стоянок Тимоновка и Супонево не многочисленны, но своеобразны. В Тимоновке найдены обломки кости и бивня мамонта с вырезанными на них рисунками, чаще всего геометрического характера, в некоторых случаях напоминающих изображение рыбы.[10] Среди костяных изделий Супонева найдена небольшая округлая поделка из бивня мамонта, по мнению И. Г. Шовкопляса, представляющая головку антропоморфной статуэтки. На обломках бивня мамонта видны различные орнаментальные нарезки, в одном случае, по-видимому, изображение рыбы. Обломок пластинки из бивня мамонта с отверстием на конце, возможно, является частью налобного обруча. Кроме того, найдено 13 небольших плоских бус из бивня мамонта.[11]

20. Очень интересна стоянка Елисеевичи, откуда происходит скульптурное изображение женщины и свыше 10 больших пластин из бивня мамонта, покрытых сложной орнаментальной резьбой.[12]

Бассейн р. Днепр

21. Кирилловская стоянка. Здесь найден известный бивень мамонта, покрытый своеобразным и сложным орнаментом, в котором исследователи видят изображение каких-то фигур, возможно, птицы и черепахи. Еще два обломка бивня из этой же стоянки имеют простые узоры.[13]

22—23. Единичные украшения найдены на стоянках Надпорожья: известны просверленные раковины морских моллюсков и обрезанный у корня зуб животного из Дубовой балки,[14] раковина и кусочек янтаря со следами обработки из Кайстровой балки.[15]

24—26. На других украинских стоянках сохранились отдельные произведения искусства. В Гонцах найдено несколько обломков бивня мамонта с нарезками и обломок подвески из медвежьего клыка, украшенный кольцевыми нарезками.[16] В Добраничевке обнаружены поделки из янтаря, употреблявшиеся как украшение.[17] У с. Клинец най-

---

[7] Мізин. Візначніші серії кістяніх виробів в Мізинській палеолітичной стації в освітленні Федора Вовка. Київ, 1931; И. Г. Шовкопляс. Некоторые итоги исследования Мезинской позднепалеолитической стоянки в 1954—1956 гг. СА, 1957, № 4, стр. 99—115.

[8] І. Г. Підсплічко. Дослідження палеоліту в УРСР. Палеоліт і неоліт України, т. І. Київ, 1947, стр. 92, рис. 17.

[9] П. И. Борисковский. Палеолит Украины. МИА, № 40, 1958, стр. 223.

[10] В. А. Городцов. Социально-экономический строй древних обитателей Тимоновской палеолитической стоянки. СЭ, 1935, № 3, стр. 3—13.

[11] І. Г. Шовкопляс. Кістяни виробі Супоневської палеолітичної стоянки. Археологія, т. VI. Київ, 1952, стр. 81—92.

[12] К. М. Поликарпович. Работы по исследованию палеолита и эпипалеолита в БССР и Западной области в 1933—1935 гг. СА, т. V, 1940, стр. 81—87; К. М. Поликарпович. Работы по палеолиту в Западной области в 1936 г. СА, т. V, 1940, стр. 285—290.

[13] Ф. К. Волков. Искусство мадленской эпохи на Украине. Археологическая летопись Южной России, № 1, 1903, стр. 15—36.

[14] П. И. Борисковский. Палеолит Украины, стр. 380.

[15] Там же, стр. 383.

[16] Там же, стр. 324; І. Ф. Левицький. Гонцівска палеолітична стоянка. Палеоліт і неоліт України, т. І, Київ, 1947, рис. 10.

[17] І. Г. Шовкопляс. Археологічни дослідження на Україні (1917—1957). Київ, 1957, стр. 50.

ден обломок бивня мамонта с орнаментом в виде елочек и отдельных линий.[18]

27. Отдельные украшения находятся на стоянке Амвросиевка: плоская каменная подвеска, миниатюрные бусинки из ископаемых члеников морских лилий и раковины с просверленными отверстиями.[19]

Бассейн р. Днестр

28. Молодова V. На одном из «жезлов начальника», происходящих из 7-го горизонта, вырезано изображение человека в фас — единственная находка подобного рода в СССР. Здесь и в других горизонтах найдены диски из песчаника, подвески, просверленные зубы животных и раковины.[20]

29. Лисичники. Здесь обнаружены ископаемые раковины с отверстиями и обломок белемнита с глубоким желобком для привязывания.[21]

Крым

30—34. Произведения искусства в палеолитических местонахождениях Крыма единичны. Они сводятся к некоторым видам естественных украшений и обломкам кости и рога с нарезками. Обычны просверленные зубы животных, в том числе зубы ископаемых акул. Зубы благородного оленя встречены в нижнем слое Шан-Кобы и верхнем слое Сюрени I. В нижнем слое Сюрени I найдены ископаемые раковины с просверленными отверстиями. Отсюда же происходят и костяные подвески в виде небольших обломков кости с отверстиями, а также обломки костей с различными нарезками, возможно, орнаментального характера. Обломки костей с параллельными нарезками происходят из Мурзак-Кобы, Шан-Кобы и Сюрени II.[22] Можно упомянуть также относящиеся к более позднему времени украшенные орнаментом гальки из Балин-Кош.[23]

Кавказ

35—41. В палеолитических памятниках Кавказа образцы палеолитического искусства также представляют крайне редкое явление. Это — скульптурное изображение рыбки, подвески из талька и просверленные раковины морских моллюсков из Сагварджиле,[24] обломки костяных изделий с орнаментом и просверленные зубы животных из Гварджилас-Клде.[25] Можно также упомянуть отдельные находки: зуб оленя

---

[18] В. А. Месяц. Новая находка орнаментированного бивня мамонта. КСИА, вып. 6. Киев, 1956, стр. 40—42.

[19] П. И. Борисковский. Палеолит Украины ..., стр. 340, 361.

[20] А. П. Черныш. Изображение человека позднепалеолитического времени. КСИИМК, вып. 67, 1957, стр. 133—134.

[21] П. И. Борисковский. Палеолит Украины..., стр. 131.

[22] Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения Крымского палеолита. Труды II межд. конф. АИЧПЕ, вып. V, 1934, стр. 162, табл. VII; С. Н. Бибиков. Позднейший палеолит Крыма. Материалы по четвертичному периоду СССР, вып. 2, М.—Л., 1950, стр. 124; Е. А. Векилова. Стоянка Сюрень I. МИА, № 59, 1957, стр. 300—302, рис. 31.

[23] О. Н. Бадер. Изучение эпипалеолита Крымской Яйлы. СА, т. V, 1940, стр. 97, рис. 4.

[24] Н. З. Киладзе. Многослойный археологический памятник «Сагварджиле». Сообщ. АН Груз. ССР, т. XIV, № 9. Тбилиси, 1953, стр. 566, рис. 6.

[25] Д. М. Тушабрамишвили. Палеолитические остатки в пещере Гварджилас-Клде (Западная Грузия). Автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. ист. наук. Тбилиси, 1955, стр. 11—12; С. Н. Замятнин. Палеолит Западного Закавказья. I. Палеолитические пещеры Имеретии. Сб. МАЭ, т. XVII. М.—Л., 1957, стр. 499, рис. 26.

с глубокими нарезками для подвешивания из пещеры Девис-Хврели,[26] наконечники дротиков с параллельными нарезками из пещер Таро-Клде и Уварова. Интересен обломок трубчатой кости из пещеры Сакажиа, на котором сохранились следы начертания, исполненного краской.[27] Особое значение имеют единственные в СССР следы настенной гравировки в пещерных навесах Мгвимеви.[28]

Сибирь. Басейн р. Ангары

42. Иркутский госпиталь. Здесь мы встречаем своеобразные изделия из бивня мамонта: уплощенный шар, столбики цилиндрической формы, покрытые концентрическими рядами параллельных линий, кольца различных диаметров, пластинки с просверленными отверстиями, а также 8 клыков благородного оленя с отверстиями для подвешивания.[29]

43. Верхоленская гора. На стоянке найдены две подвески из агальматолита, по форме напоминающие клыки оленя, и роговое шило с орнаментом из черточек.[30]

44. Мальта. Стоянка чрезвычайно богата произведениями искусства разных жанров: это— многочисленные оригинальные женские статуэтки, резные фигурки лебедя, куропатки и водоплавающих птиц, изображенных в полете, гравированное изображение мамонта на пластинке из бивня мамонта, изображение трех змей на крупной пластинке-бляхе, браслеты из бокхеда и бивня мамонта, различные скульптурные предметы, покрытые орнаментом в виде спиралей, полулунных вырезов и пр., украшения из просверленных позвонков рыб, кристаллов кальцита, многочисленные подвески и бусы.[31]

45. Буреть. Стоянка является прямым аналогом Мальты, хотя и беднее последней произведениями искусства. Здесь найдены женские статуэтки, фигурка птички, диски-галечки из нефрита и змеевика со следами пришлифовки, каменные бусы и подвески из рога.[32]

46. Красный Яр. На стоянке обнаружены: оригинальная скульптура, изображающая, по-видимому, полусидящую женскую фигурку и бусы из эмали зуба животного.[33]

---

[26] Г. К. Ниорадзе. Палеолит Грузии. Труды II межд. конф. АИЧПЕ, вып. V, 1934, стр. 229.

[27] С. Н. Замятнин. Палеолит Западного Закавказья. .., стр. 462, 478, 480.

[28] С. Н. Замятнин. Пещерные навесы Мгвимеви, близ Чиатуры (Грузия). СА, т. III, 1937, стр. 57—76.

[29] И. Д. Черский. Описание коллекции млекопитающих животных, собранных Ново-Сибирской экспедицией 1885—1886 гг. Приложение № 1 к т. LXV Записок Академии наук. СПб., 1891, стр. 696—702; А. С. Уваров. Археология России, т. I. Каменный период. М., 1881, стр. 233—234; т. II, 1881, табл. I.

[30] В. И. Громов. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит). Труды Ин-та геол. наук, вып. 64, геол. серия, № 17. М., 1948, стр. 370, фиг. 88, *2, 3*; Б. Э. Петри. Сибирский палеолит. Сб. трудов профессоров и преподавателей Гос. Иркутского ун-та, т. V. Иркутск, 1923, стр. 44.

[31] М. М. Герасимов. Мальта, палеолитическая стоянка. Иркутск, 1931; М. М. Герасимов. Раскопки палеолитической стоянки в с. Мальта. ИГАИМК, вып. 118, 1935; М. М. Герасимов. Палеолитическая стоянка Мальта. СЭ, 1958, № 3, стр. 28—52.

[32] А. П. Окладников. Буреть — новая палеолитическая стоянка на Ангаре. СА. т. V, 1940, стр. 290—293; А. П. Окладников. Новые данные о палеолитическом прошлом Прибайкалья. КСИИМК, вып. V, 1940, стр. 59—62.

[33] З. А. Абрамова. К вопросу о женских изображениях в мадленскую эпоху. КСИИМК, вып. 76, 1959, стр. 103—107.

Бассейн р. Енисея

47. Афонтова гора II, нижний горизонт. Здесь имеются различные украшения: три округлых шарика из бивня мамонта, кружки и бусинки из агальматолита, просверленные зубы песца и оленя, бусы-пронизки.[34]

48. Образцы искусства на стоянке Афонтова гора III сходны с материалами предыдущей стоянки. Интересен крупный диск из агальматолита с радиально расходящимися нарезками.[35]

Бассейн р. Селенги

49. Ошурково. Плоская каменная подвеска со штрихами и обломок костяного орудия с орнаментальной нарезкой в виде зигзага.

Бассейн р. Лены

50. Шишкинские скалы. Среди древних наскальных рисунков находятся два изображения дикой лошади и одно — дикого быка, выполненные по контуру красной краской. Они датируются палеолитическим временем.[36]

Урал

51. Стоянка Талицкого. Здесь найдены ребро мамонта и обломок кости животного с поперечными орнаментальными нарезками.[37]

Алтай

52. Усть-Канская пещера. Отсюда происходит обломок костяной подвески с отверстиями.[38]

Обобщая все вышесказанное о распространении палеолитического искусства на территории СССР, можно для наглядности представить имеющиеся в нашем распоряжении материалы в сводной табл. 1. Из нее видно, что в СССР, в отличие от Западной Европы, образцы палеолитической живописи и резьбы представляют крайне редкое явление.[39] Основными сюжетами палеолитического искусства СССР являются скульптурные изображения женщин и животных. Антропоморфные статуэтки, их обломки и заготовки насчитывают около 130 экз. Основные типы женских статуэток изображены на рис. 2. По количеству и по совершенству исполнения, а следовательно, и по тому значению, которое придавали древние люди этим изображениям, скульптурные фигурки женщин стоят на первом месте. Определенно выраженных мужских статуэток не найдено. Женские статуэтки в большинстве своем изображают обнаженных женщин в традиционной позе, т. е. строго фрон-

---

[34] Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки Северной Азии. Труды II межд. конф. АИЧПЕ, т. V, 1934, стр. 255, табл. VI, *11*; табл. *7—19*.

[35] Там же, стр. 255—256, рис. 6.

[36] А. П. Окладников. Древнейшие наскальные изображения Северной Азии. СА, т. XI, 1949, стр. 155—170.

[37] М. В. Талицкий. Палеолитическая стоянка на р. Чусовой. Бюлл. Ком. по изуч. четвертичного периода, 1940, № 6—7, стр. 136—140.

[38] С. И. Руденко. Усть-Канская пещерная палеолитическая стоянка. МИА, № 79, 1960, стр. 104—125.

[39] Датировка некоторых писаниц Зараут-Сая (Средняя Азия) палеолитическим временем остается сомнительной до полной публикации памятника.

тально, со слегка наклоненной вниз головой. Вторая общая черта статуэток, роднящая их с фигурками из палеолитических местонахождений Западной и Центральной Европы, — это общая реалистическая передача

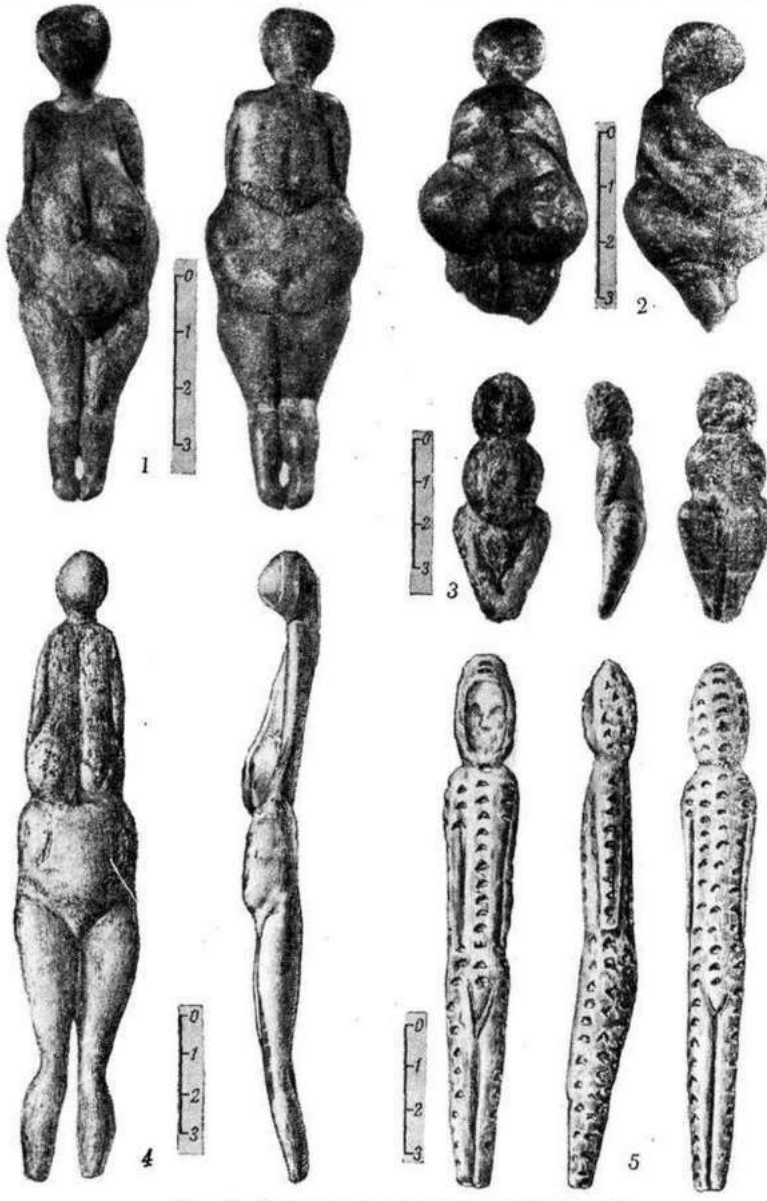


Рис. 2. Основные типы женских статуэток:
1 — Костенки 1; *2* — Гагарино; *3* — Мальта; *4* — Авдеево; *5* — Буреть.

форм тела, но с утрированным изображением деталей. У многих статуэток намеренно подчеркнуты черты женщины-матери — объемистые висящие груди, выпуклый огромный живот, жировые валики в области таза и бедер. На некоторых статуэтках изображены детали одежды или пред-

меты украшения: пояса, перевязи, браслеты, ожерелья, набедренные повязки. Иногда головки статуэток тщательно украшены орнаментом в виде круговых коротких насечек и углублений. У некоторых фигурок из сибирских стоянок черты лица переданы весьма тщательно и детально. Особенности статуэтки из Бурети, покрытой правильными рядами полулунных вырезов, позволили А. П. Окладникову высказать гипотезу о виде одежды населения Ангары того времени, во многом напоминающей одежду современных народов Севера.[40]

Особое внимание обращает на себя то обстоятельство, что статуэтки женщин почти повсюду находились внутри жилищ, как бы намеренно были припрятаны в специальные ямки и углубления. Очень часто эти ямки находились вблизи очагов. Жилище в Костенках I было брошено при каких-то особых обстоятельствах, как отметил П. П. Ефименко, а многие женские статуэтки намеренно разбиты.[41]

Эти наблюдения дают возможность подойти к объяснению назначения женских статуэток. В чем можно видеть причину их обилия и широкого распространения от Бискайского залива до Байкала, их нахождения группами в различных стоянках? Попытки такого объяснения делались почти со времени первых открытий статуэток в Западной Европе в конце прошлого столетия, но только советские ученые подошли к решению этой проблемы с учетом всех имеющихся данных, с тщательным анализом обстановки, окружавшей палеолитического человека. Особенно много сделано в этой области П. П. Ефименко,[42] С. Н. Замятниным,[43] А. П. Окладниковым.[44] Кроме археологов, вопрос о значении и характере женских изображений эпохи палеолита в нашей литературе затрагивали также искусствоведы[45] и этнографы.[46]

Учитывая все сделанное в этой области, мы можем суммировать результаты исследований в следующих положениях: образ женщины был сложен и включал в себя различные представления, связанные с особым значением женщины в раннем родовом обществе. Женские статуэтки являлись отражением идеологии охотничьих племен эпохи становления материнского рода. Опираясь на этнографические данные, можно утверждать, что образ женщины в эпоху палеолита рассматривался как бы с двух сторон, не противоречащих, а взаимно подкрепляющих друг друга. С одной стороны, это образ женщины-хозяйки дома и очага, хранительницы домашнего огня и связанные с этим представления о домашнем благополучии и увеличении рода. С другой стороны, в эпоху палеолита, возможно, существовало представление о женщине

---

[40] А. П. Окладников. Палеолитическая статуэтка из Бурети. МИА, № 2, 1941, стр. 104—108.

[41] П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 431—432.

[42] П. П. Ефименко. Женские статуэтки ориньяко-солютрейской эпохи. СГАИМК, № 7, 1931, стр. 4—5; П. П. Ефименко. Значение женщины в ориньякскую эпоху. ИГАИМК, т. XI, вып. 3—4, 1931; П. П. Ефименко. Первобытное общество..., стр. 396—404.

[43] С. Н. Замятнин. Раскопки у с. Гагарина..., стр. 69—77.

[44] А. П. Окладников. Якутия до присоединения к Русскому государству. История Якутской АССР, т. I. М.—Л., 1955, стр. 44—48.

[45] А. С. Гущин. Происхождение искусства. М.—Л., 1937, стр. 107.

[46] В. Г. Богораз. Социальный строй американских эскимосов. Тр. ИААЭ, т. IV. М.—Л., 1936, стр. 195—256; С. В. Иванов. О значении двух уникальных женских статуэток американских эскимосов. Сб. МАЭ, т. XI. М.—Л., 1948, стр. 162—170 и др. работы; А. Ф. Анисимов. Представления эвенков о шингкэн'ах и проблема происхождения первобытной религии. Сб. МАЭ, т. XII. М.—Л., 1949, стр. 160—194; Д. К. Зеленин. Культ онгонов в Сибири. М.—Л., 1936, стр. 262; Д. Е. Хайтун. К вопросу об интерпретации женских изображений ориньякской эпохи. Уч. зап. Тадж. гос. ун-та, т. VII. Сталинабад, 1955, стр. 129—142. (Гипотезы Д. К. Зеленина и Д. Е. Хайтуна мало обоснованы и не могут быть приняты во внимание, — *З. А.*).

как хозяйке стихий природы, как владычице зверей, в первую очередь промысловых, от обилия которых зависели жизнь и благополучие общин. И в том и в другом случае несомненна связь этого образа с идеей плодородия: в первом — с образом прародительницы связывались дом, жилище, очаг, во втором — для удачной охоты особенно важны были, с точки зрения первобытного человека, магические обряды, в которых женщине отводилась решающая роль.

В дополнение следует упомянуть еще о фигурках, несомненно, антропоморфного характера, но без отчетливо выраженных признаков. Таковы, например, так называемые «сидящие статуэтки» из Костенок I, Авдеева и Красного Яра. Особое место в этой категории занимают статуэтки из Мезина. Наиболее правильно видеть в них те же изображения женщин, но переданные в условной, стилизованной манере. Стилизацию фигурок подчеркивает особый геометрический орнамент, покрывающий их поверхность. Как стилизованные фигурки, так и антропоморфные головки, обладающие рядом зооморфных признаков, являются, по-видимому, выражением новых идей, связанных с тотемистическими представлениями. Изображения полуфантастических, полуреальных существ, различные причудливые головки с чертами как человека, так и животных широко известны в западноевропейском палеолите. Возможно, это — первое проявление идей, относящихся к культу тотемических предков, существующему наряду с культом прародительниц.

Вторую большую группу произведений палеолитического искусства СССР составляют скульптурные изображения животных (рис. 3). Первое место среди них принадлежит мамонту. Фигурки мамонта из Костенок I, Аносовки II и Костенок IV изготовлены из мергеля и переданы в условно-обобщенной манере. Несмотря на заметные различия в трактовке, все они имеют общие признаки, отражающие характерные очертания фигуры мамонта: маленькую шишковатую голову, высокий горб на спине и четко выделенный хобот. Статуэтка мамонта из Авдеева отличается от них, но находит ближайшую аналогию, как отметила М. Д. Гвоздовер, в Пшедмости (Чехословакия). Резное изображение мамонта из Мальты очень близко некоторым западноевропейским изображениям, в частности из Ла Мадлен.

В палеолитическом искусстве изображения носорога встречаются реже: известны очень выразительные головки из Долних-Вестониц и Павлова, реалистические рисунки из Фон-де-Гом, Трилобит и т. д. В палеолите СССР фигурки из Аносовки II и Костенок IV менее выразительны, но, несомненно, изображают именно носорога с его массивным горбом и опущенной вниз головой.

Из других изображений животных заслуживает внимания голова львицы из Костенок I, совершенная по реализму и по мастерству отделки. Менее совершенны, но легко определимы головки льва, медведя, волка.

Что касается смысла палеолитических изображений животных и их назначения, то, несомненно, своим появлением эти фигурки обязаны существовавшему на самых ранних ступенях развития первобытных верований примитивному культу зверей и охотничьей магии. Изображения животных преследовали, прежде всего, чрезвычайно важную для палеолитического общества цель — воздействовать на животное, сделать его добычей охотника, обезвредить хищника или умилостивить грозного зверя. На этой древней основе со временем, с дальнейшим развитием родовой организации, возникает тотемизм и более сложные формы культа животного.

Наряду с животными, имевшими для первобытного человека экономическое значение, часто изображались птицы, рыбы, змеи, что связано,

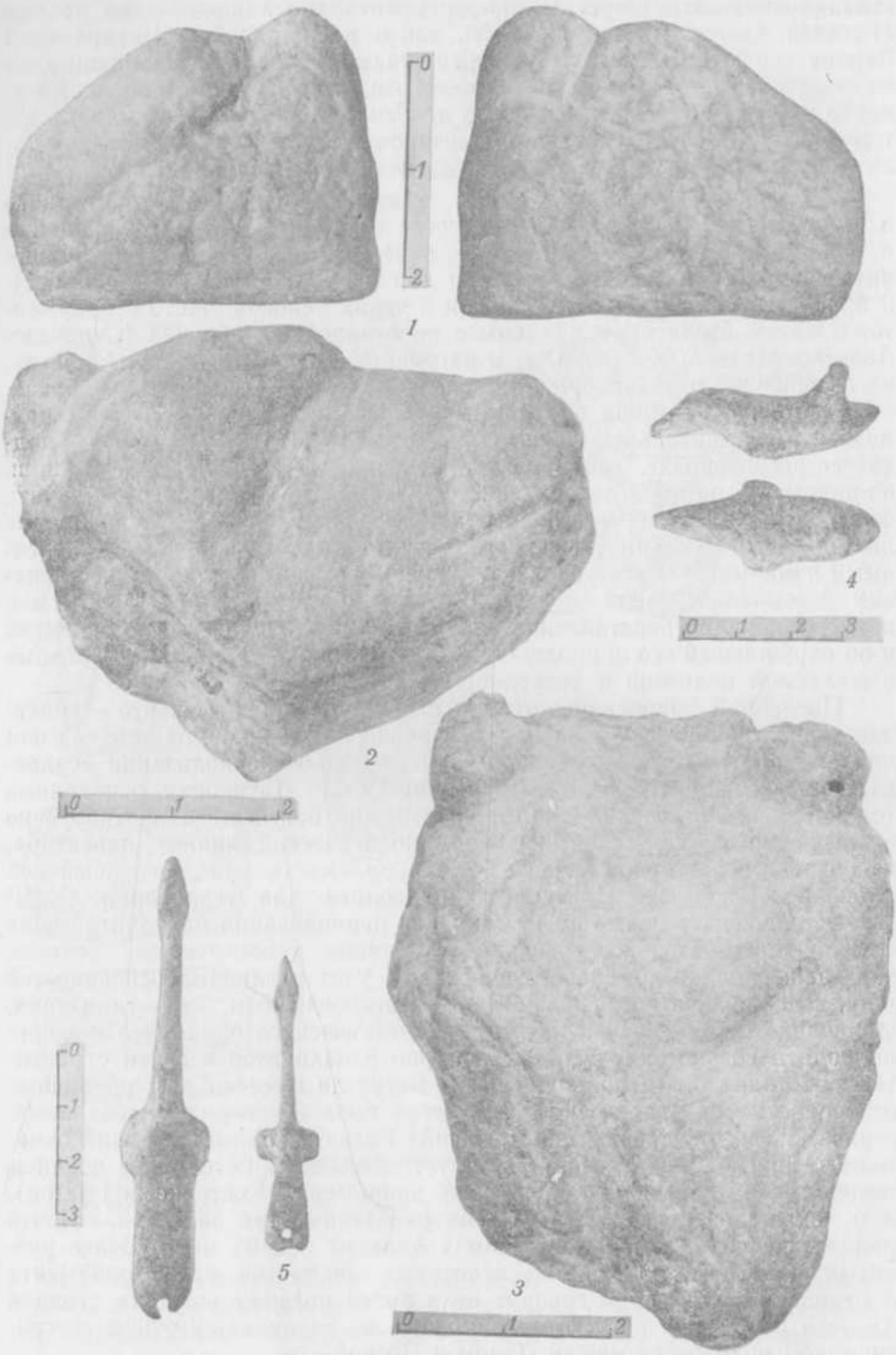


Рис. 3. Некоторые виды изображений животных.

1 — мамонт (Костенки I); *2* — медведь (Костенки I); *3* — волк (Костенки I); *4—5* — птицы (Мальта).

по-видимому, с развитием мифологии, с представлениями о земле, небе и стихиях природы. Допустимо предположить, что найденные на разных стоянках палеолита как в СССР, так и в Западной и Центральной Европе «сплюснутые шары» и диски с лучами, радиально расходящимися из центра, могли изображать солнце. У этих предметов нет никаких признаков их употребления. Ряд других изделий неопределенного характера, тщательно изготовленных и орнаментированных, без всяких следов утилитарного использования, также мог иметь культовое значение.

С большой и сложной темой о взаимоотношении утилитарного и эстетического элементов в искусстве палеолита связаны украшения и орнамент. Многие скульптурные поделки могли служить украшениями. Сюда относятся и застежки для одежды (Мезин, Пушкари I), и браслеты в виде широких обручей и узких полосок, часто с орнаментом (Мезин, Мальта), и диадемы в виде налобных обручей (Супонево, Авдеево, Мальта, Костенки I), и нагрудные бляхи и пряжки (Мальта), не говоря уже о разнообразных и многочисленных подвесках и бусах.

Часто на обломках бивня мамонта, кости или рога нанесены различные орнаментальные композиции, смысл которых с трудом поддается расшифровке. Так, орнамент на бивне из Кирилловской стоянки, по-видимому, не имел декоративного значения, на нем можно различить фигуры, напоминающие голову птицы, черепаху, различные волнистые линии, зигзаги, удлиненные изогнутые контуры, заполненные поперечными линиями. Все эти условные рисунки и орнаментальные изображения несомненно имели определенное идейное содержание и так или иначе отражали представления палеолитического человека о себе самом и об окружавшей его природе. Однако смысл их не может быть раскрыт с желаемой полнотой и уверенностью (рис. 4).

Последний вопрос, на котором следует остановиться, это — значение произведений искусства для датировки памятников, из которых они происходят. Известно, насколько запутан вопрос периодизации верхнепалеолитических стоянок на территории СССР. Датировки, основанные только на геологических данных, неизбежно вступают в противоречие с датировками, опирающимися на типологический анализ инвентаря, главным образом кремневого. Неприемлемость западноевропейской хронологической схемы верхнего палеолита для территории СССР заставляет искать новые пути в области периодизации палеолитических стоянок, привлекая всю совокупность данных: геологические условия залегания, анализ кремневого инвентаря, учет различных особенностей произведений искусства. Считается установленным, что стилизация, упрощение в скульптуре, развитие геометрического орнамента к концу палеолита возрастают. Это закономерно и находится в связи с развитием абстрактного мышления. Но не могут ли вместе с тем различные особенности палеолитического искусства быть выражением локальных, этнических и этнографических отличий? Развитый геометрический орнамент Мезина (Десна) свидетельствует, возможно, не о более позднем возрасте этой стоянки по сравнению, например, с Костенками I (Дон), а о локально-этнических различиях населения этих областей. Почти полностью аналогичное Костенкам I Авдеево (Сейм) имеет более развитый орнамент, и сходство некоторых элементов этого орнамента с мезинским опять-таки говорит не о более позднем возрасте стоянки Авдеево по отношению к Костенкам I, а об ее промежуточном географическом положении между Доном и Десной.

В целом стоянки Десны, в отличие от стоянок Дона, показывают широкое развитие геометрического орнамента и почти не имеют реалистической скульптуры, богато представленной на Дону.

В заключение нашего обзора мы можем констатировать, что на территории СССР выявлено большое количество образцов палеолитического искусства, в особенности скульптуры. По обилию, своеобразию,

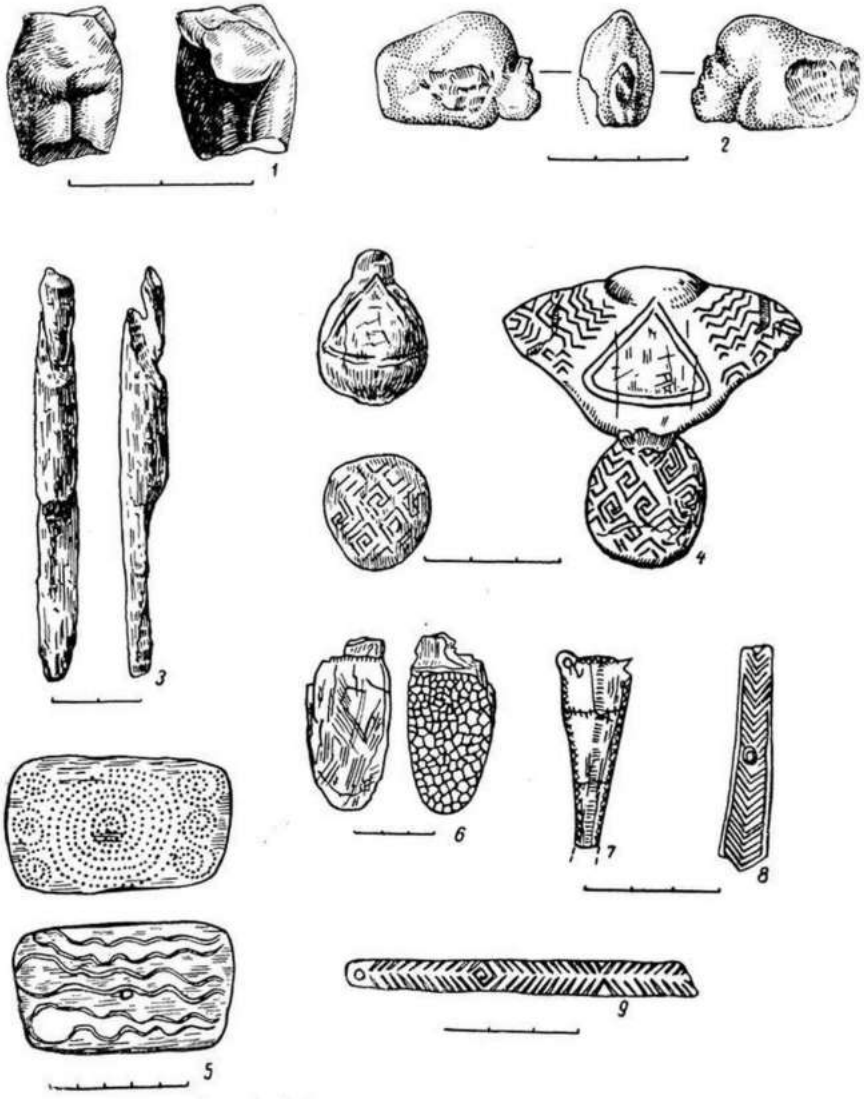


Рис. 4. Образцы палеолитического искусства.

1 — обломок женского торса (Костенки I); *2* — носорог (Костенки IV); *3* — схематическая фигура человека (Костенки II); *4* — „птичка" (Мезин); *5* — бляха с изображением змей и спиралей (Мальта); *6—9* — костяные поделки с орнаментом (*6* — Елисеевичи, *7—8* — Авдеево, *9* — Мезин).

а также и художественному совершенству эти памятники занимают одно из первых мест в мире. Они позволяют полнее понять духовный мир древнейшего человечества, раскрыть подлинное содержание и истоки искусства. С них-то и начинается история художественного творчества, история искусства народов Советского Союза.

Таблица распространения образцов палеолитического искусства на территории СССР

Бассейн реки или область	Палеолитическое поселение	Изображения женщин: Целые	Изображения женщин: Фрагменты	Изображения женщин: Заготовки	Антропоморфные изображения: Скульптура	Антропоморфные изображения: Гравюра	Изображения животных: Мамонт	Носорог	Бизон	Тигролев	Медведь	Волк	Лошадь	Змея	Птица	Рыба	Неопределенное	Скульптурное подобие	Украшения: Диадемы	Браслеты	Диски	Пуговицы	Подвески	Бусы	Зубы животных	Раковины	Позвонки рыб	Бедемниты	Орнамент: На бытовых предметах	На бивнях мамонта	На обломках кости и рога	На камнях и гальках	Наскальная роспись и гравировка
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34
р. Дон	Костенки I (I слой, III слой)	6	47	10	10	1	10	6?		5	5	1	1		11		+	+	+				+		+	+			+				
	Костенки IV (в. гор., н. гор.)				2		10		3								+	+			+	+	+	+	+							
	Аносовка II, слой 2						15	4				2						+															
	Костенки II				1																								+		+		
	Волковская																																
	Маркина гора . . .																	+											+		+		
	Городцовская . . .																							+									
	Костенки XVII (в. гор., в. гор.)																						+		+			+					
	Тельмановка (1 слой, 2 слой, 3 слой)																						+		+								
	Кельсиевская . . .				1?																				+				+				
	Боршево I																							+	+								
	Боршево II (в. гор., н. гор.)																								+				+		+		
	Гагарино	5	3	1																			+		+				+	+	+		
р. Клязьма	Сунгирь												1										+	+	+	+		+					

р. Десна	Авдеево	3		1	2		1											+	+						+				+	+	+	
	Мезин				17												+	+		+		+	+	+		+			+	+	+	
	Новгород-Северское																														+	
	Пушкари I																					+	+									
	Тимоновка															+		+							+					+		
	Супонево				1?											+		+	+					+						+	+	
	Елисеевичи	1														+								+						+		
р. Днепр	Кирилловское н. гор.																													+		
	Дубовая балка																								+	+						
	Кайстровая балка																									+						
Украина	Гонцы																	+							+					+	+	
	Добраничевка																						+									
	Клинец																													+		
	Амвросиевка																						+	+		+						
	Рогалик																						+			+	+					
р. Кубань	Ильская																						+								+	
р. Днестр	Молодова V гор. 1а																												+			
	Молодова V гор. 3				1?													+														
	Молодова V гор. 4																	+							+	+						
	Молодова V гор. 6																	+														
	Молодова V гор. 7					1												+			+				+	+						
	Молодова V гор. 8																						+			+						
	Лисичники																									+		+				
Крым	Сюрень I в. гор.																								+						+	
	Сюрень I н. гор.																						+			+					+	
	Сюрень II																														+	

Продолжение

Бассейн реки или область	Палеолитическое поселение	Изображения женщин			Антропоморфные изображения		Изображения животных												Скульптурные поделки	Украшения									Орнамент				Наскальная роспись и гравировка
		Целые	Фрагменты	Заготовки	Скульптура	Гравюра	Мамонт	Носорог	Бизон	Тигролев	Медведь	Волк	Лошадь	Змея	Птица	Рыба	Неопределенное			Диадемы	Браслеты	Диски	Пуговицы	Подвески	Бусы	Зубы животных	Раковины	Позвонки рыб	Белемниты	На бытовых предметах	На бивнях мамонта	На оленьих кости и рога	На камнях и гальках	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18		19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34
Крым	Шан-Коба																									+						+		
	Мурзак-Коба																															+		
	Балин-Кош																																+	
Кавказ	Мгвимеви																																	Геометрические начертания
	Сагварджиле															+								+			+							
	Гварджилас-Каде																									+				+				
	Сакажиа																															+		
	Таро-Каде																													+				
	Пещера Уварова																													+				
	Девис-Хврели																									+								
Сибирь	Иркутский госпиталь																		+			+				+						+		
	Верхоленская гора																							+						+				

р. Ан	Мальта	20	6	4			1							3	15		+	+	+	+		+	+	+			+		+		+	
	Буреть	5													2						+	+	+	+								
	Красный Яр				1																			+								
р. Енисей	Афонтова гора II, н.г.																				+		+	+	+							
	Афонтова гора III																				+		+	+	+							
	Бирюса, слой С																								+							
р. Селенга	Ошурково																						+						+			
р. Лена	Шишкинские скалы																															Изображение лошадей, быка
Алтай	Усть-Канская пещера																						+									
Урал	Стоянка Талицкого																														+	+

Примечания. 1. Знак + показывает наличие предметов на стоянке. 2. На стоянках Костенки I слой 2, 4, 5, Аносовка II слой 1, Кирилловская в. гор., Молодова V, гор. 2, 5, Афонтова гора в. гор. произведений искусства не найдено.

ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ КОРНЯХ КУЛЬТУРЫ НАДПОРОЖСКОГО НЕОЛИТА

А. Д. Столяр

Украинское Надпорожье и Приазовье в археологическом отношении бесспорно представляют один из наиболее интересных районов юга Европейской части СССР.

Значительными результатами ознаменовались проведенные здесь в довоенные и главным образом в послевоенные годы исследования памятников первобытной культуры — стоянок и могильников. Основной итог этих многолетних полевых работ, к сожалению, до сих пор не получивших достаточно полного отражения в археологической литературе, заключается, пожалуй, в том, что на смену одиночным, пускай даже очень выразительным, комплексам пришли такие серии исторически взаимосвязанных памятников, как, например, группа из десяти неолитических могильников (около 450 погребений), полностью развенчавшая представление об уникальности Мариупольской усыпальницы. Именно серийность накопленных материалов, позволяющая установить закономерную повторяемость одних явлений и характер эволюции других, расширяет возможности исторического понимания эпохи нового камня в Надпорожье — Приазовье, да и в значительно более обширном ареале. Этому же немало может содействовать открытие в этом районе еще более ранних, мезолитических могильников, характеризующих погребальную обрядность предшествующей неолиту культуры.

Однако следует признать, что эти действительно большие достижения советской археологии по существу еще не получили в науке той общеисторической оценки, которую они заслуживают. В специальной литературе тщетно искать даже краткое обобщающее резюме о неолитических могильниках Украины как об определенном культурно-историческом единстве.

А время для сводки археологических материалов в таком аспекте уже пришло. Само собой разумеется, что подобная задача не может быть решена предлагаемой краткой статьей. Ее цель ограничивается рассмотрением лишь одного вопроса — об исторических корнях неолитической культуры в Надпорожье и Приазовье и то в порядке его общей постановки.

* * *

Еще несколько лет тому назад наиболее древними погребальными комплексами не только Надпорожья — Приазовья, но и всего юга Европейской части СССР считались неолитические могильники. Сейчас они утратили такое основополагающее значение. Оно перешло к дне-

провским некрополям предшествующей, мезолитической поры — Волошскому,[1] 1-му[2] и 3-му[3] Васильевским могильникам.

Эти могильники, как и неолитические, оказались глубоко своеобразными памятниками, характеризующими преднеолитическое звено в историческом развитии Надпорожья как определенную этно-культурную совокупность.

Казалось бы естественным встретить именно в этом звене известный прообраз коллективных усыпальниц следующей эпохи, эпохи нового камня. Но первое же зрительное сопоставление обеих групп могильников как будто полностью убеждало в отсутствии какой бы то ни было генетической связи и исторической преемственности между ними. Могильники двух археологических эпох коренным образом отличны друг от друга во всех тех особенностях, которые определяют суммарный облик погребальных комплексов каждой из хронологических групп. Совершенно различны как структура и планировка памятников, так и увековеченный ими погребальный обряд. В самом деле, что может типологически роднить скорченные, располагающиеся на боку мезолитические захоронения и вытянутые, лежащие на спине неолитические? Это ведь разнотипные погребения, свидетельствующие о различных концепциях ритуальных представлений.

Правда, при раскопках были выявлены факты, которые можно истолковывать как отражение какого-то исторического контакта между двумя культурно-хронологическими группами могильников. В Волошском и 3-м Васильевском мезолитических некрополях были открыты отдельные вытянутые погребения. По обряду они совершенно идентичны тем погребениям, которые при специфической рядовой группировке образовывали усыпальницы неолитического Надпорожья. Но эти факты наряду с такой предположительной интерпретацией (в плане отражения определенной родственности мезолитической и неолитической культур Надпорожья) сразу же получили и иное гипотетическое объяснение. Последнее исходило из исторической разновременности и случайного совмещения в могильниках так называемых основных, скорченных и более поздних вытянутых погребений.[4]

В дальнейшем в роли исключительно убедительного аргумента отсутствия реальных связей между местными мезолитом и неолитом выступил массовый антропологический материал — фактически единственное материальное, что дали раскопки почти безынвентарных могильников. Выяснилось, что мезолитические могильники Надпорожья принадлежали грацильному населению древнесредиземноморского антропологического типа,[5] а неолитические некрополи — населению протоевропейского или, иначе, кроманьонского в широком смысле типа.[6] Оба типа представляют генетически разные, в данных условиях независимые друг от друга формы. Позднее проявивший себя в Надпорожье протоевропейский тип не может быть выведен из древнесредиземноморского. Таким образом, антропологические материалы со всей

---

[1] В. Н. Даниленко. Волошский эпипалеолитический могильник. СЭ, 1955, № 3, стр. 56—61.

[2] А. Д. Столяр. Могильник мезолитического времени у с. Васильевки на Днепре. Советская антропология, 1957, № 2, стр. 179—188.

[3] Д. Я. Телегин. Третий Васильевский могильник. КСИА, вып. 7, 1957, стр. 9—12.

[4] В. Н. Даниленко. Волошский эпипалеолитический могильник, стр. 61; Д. Я. Телегин. Третий Васильевский могильник, стр. 11.

[5] Г. Ф. Дебец. Черепа из эпипалеолитического могильника у с. Волошского. СЭ, 1955, № 3, стр. 62—73.

[6] И. И. Гохман. Палеоантропологические материалы из неолитического могильника Васильевка-2 в Днепровском Надпорожье. СЭ, 1958, № 1, стр. 25—29.

очевидностью свидетельствуют о двух последовательных этнокультурных пластах населения Надпорожья — мезолитическом и неолитическом.

Однако несмотря на справедливость общего заключения антропологов, которое, казалось бы, окончательно решало вопрос, все же тезис об отсутствии между погребальными памятниками мезолита и неолита какого бы то ни было исторического контакта оказался априорным. Он опровергается детальным сравнительным анализом, проведенным параллельно и вместе с тем независимо по двум линиям — в плане археологических и антропологических наблюдений.

Выясняется, что вытянутые погребения в обоих случаях входят в один культурно-хронологический комплекс со скорченными костяками, являясь его закономерным заключительным звеном. К тому же в антропологическом отношении черепа вытянутых погребений не выходят за пределы серий черепов скорченников тех же могильников.

Далее оказывается, что при общем разительном внешнем отличии обеих групп памятников в неолитических комплексах проявляется ряд ритуальных переживаний, которые могут быть генетически связаны с мезолитическими погребениями. К таким параллелям, заслуживающим специального рассмотрения, относятся особые черты способа захоронения (отсутствие индивидуальных могильных ям) и погребального обряда (признаки связывания погребенных, их ориентировка и взаимное перекрывание, применение охры, состав инвентаря), а также наличие отдельных специфических захоронений — парных, совместных и неполных, расчлененных.

Эти параллели достаточно убедительно говорят о наследовании части мезолитических традиций неолитическим населением той же области. Показательно также, что все отмеченные ритуальные переживания наиболее выразительно проявляются в комплексах трех неолитических усыпальниц (Никольской, Марьевской и Васильевке 2), открытых в окрестностях бывшего Ненасытецкого порога, т. е. в одном микрорайоне, по соседству с двумя исследованными мезолитическими некрополями (Васильевка 1 и Васильевка 3).

Подобная же связь подтверждается анализом антропологических материалов, если не ограничиваться суммарной характеристикой, а рассматривать их детально в определенном плане. Уже в могильнике Васильевка 1, при всей близости его антропологического материала к Волошскому, все же отмечается некоторое смягчение древнесредиземноморского типа и наличие одиночных черепов с протоевропейскими чертами.[7] А в типологически и, наверняка, хронологически наиболее позднем мезолитическом могильнике (Васильевка 3) наряду с древнесредиземноморским вариантом еще более отчетливо прослеживается широколицый протоевропейский тип, идентичный типу неолитического населения Надпорожья.[8]

Вместе с тем какие-то древние корни культуры надпорожского неолита подтверждаются также материалами недавно раскопанных новых неолитических могильников, относящихся к числу наиболее ранних памятников этого типа.

Такими комплексами, которые несколько сократили, хотя и не устранили полностью разрыв между коллективными могильниками надпорожского мезолита и неолита, являются 2-й Васильевский и Вольнянский

---

[7] Т. С. Кондукторова. Палеоантропологические материалы из мезолитического могильника Васильевка-1. Советская антропология, 1957, № 2, стр. 207, 209—210.

[8] Устное сообщение И. И. Гохмана.

некрополи. Их связующая роль особенно наглядно прослеживается при сравнительном анализе способа захоронения.

Обычно априорно считается, что покойников хоронили в индивидуальных могильных ямах в громадном большинстве древних погребальных памятников, даже в тех случаях, когда от древних ям не сохранилось никаких следов. Однако, как показывает изучение могильника Васильевка 1, древнее население Надпорожья в эту пору совершало захоронения, очевидно, иным образом. На площади некрополя путем разгребания верхнего слоя земли последовательно и неоднократно расчищались удлиненные горизонтальные площадки. Каждая из них заблаговременно предназначалась не для одного, а для ряда будущих погребений — покойников укладывали на расчищенном дне и, вероятно, присыпали сверху небольшими земляными холмиками вытянутой формы.

Эти специфические детали — отсутствие могильных ям, вырываемых специально для одного захоронения, укладывание покойников в расчищенное углубление, предназначенное для многократного использования, вероятное покрытие трупов нетолстым слоем земляной засыпи — роднят погребальные обряды мезолитического и неолитического Надпорожья. В целом они характерны и для неолитических могильников Поднепровья, несмотря на все отличие последних от усыпальниц мезолита. Именно эти особенности способа захоронения прослеживаются даже в таких поздних памятниках неолитической группы, как Мариупольский могильник, где также отсутствовали индивидуальные могильные ямы.[9]

Что же касается всей структуры могильников, то и здесь можно проследить связующие звенья. Определяющая особенность плана неолитических могильников состоит в том, что вытянутые погребения располагаются строго параллельно друг другу, образуя ряд или полосу, ориентированные поперечно относительно оси погребений. В мезолитических могильниках менее отчетливо, но все же достаточно ясно прослеживается расположение погребений также в пределах длинных полос. Но эти полосы по своей композиции в корне отличны от неолитических. Они как бы повернуты на 90° — вытянуты по той же оси, что и скорченные скелеты, и образуются погребениями, лежащими в большинстве случаев не рядом друг с другом, а последовательно, одно за другим (т. е. у черепа одного костяка располагаются ноги следующего, ориентированного таким же образом, и т. д.).

Тем не менее как при поперечной (неолитической), так и иногда при продольной (мезолитической) композиции рядов погребений выявляется подобная группировка погребений в виде отдельных скоплений. Каждое такое скопление, состоящее из нескольких скелетов, лежащих вплотную на одном горизонте и порой перекрывающих друг друга, является элементарной составной частью и мезолитических и неолитических [10] некрополей.

Подобные скопления получались в мезолитических могильниках обычно в тех случаях, когда отдельная расчищенная площадка тесно заполнялась последовательно укладываемыми покойниками. В мезолитических могильниках такие коллективные погребальные углубления пока не удалось распознать на натуральных планах или разрезах. Но взаимное расположение захоронений в отдельных скоплениях, которое могло иметь место только при описанном способе погребения, служит, хотя и косвенным, но все же достаточно убедительным аргументом.

---

[9] А. Д. Столяр. Мариупольский могильник как исторический источник. (Опыт историко-культурного анализа памятника). СА, XXIII, 1955, стр. 22—24.

[10] А. Д. Столяр. Мариупольский могильник..., стр. 25.

В самом позднем мезолитическом могильнике (Васильевка 3), как показывает его план,[11] в таких гнездах лежала не только значительная часть скорченников, но и вытянутые скелеты. Причем большинство последних размещалось очень выразительно — в виде двух соседних групп. Каждая из них состояла из стратиграфически связанных костяков (№№ 31—33 и 34—35) и каждой такой группе должно было соответствовать одно углубление или, иными словами, «гнездо» коллективного предназначения. Особенно существенно, что обе эти группы располагались последовательно восточнее аналогично ориентированного скопления из трех скорченников (погребения №№ 18—20) и строго параллельно друг другу. В таком размещении легко распознать композиционный прообраз общего ряда параллельно лежащих вытянутых погребений неолитических могильников и увидеть начало перехода к иному принципу построения некрополей — от расположения захоронений продольными полосами к их размещению в поперечных рядах относительно господствующей в данном некрополе ориентировки.

Дальнейшее развитие этого же начала и собственно генезис той сложной и своеобразной формы погребального памятника, которую получили более поздние неолитические некрополи, особенно наглядно прослеживается при анализе Вольнянского (раскопки Д. Я. Телегина, 1955 г.) и 2-го Васильевского (раскопки автора, 1953 г.) могильников.

Первый из названных некрополей оказался особенно важным для понимания начального этапа сложения так называемых траншейных могильников неолитической поры, ибо здесь Д. Я. Телегину удалось определить действительную структуру памятника.

Раскопки показали, что этот некрополь складывался постепенно из последовательно вырываемых ям, или «гнезд», отделенных друг от друга перемычками. Каждое «гнездо» предназначалось не для одного, а для группы погребений. Они заполнялись постепенно, являясь каким-то подобием земляных коллективных склепов, возможно, в своей основе семейных.

Итак, уже в этом памятнике, как в первооснове, проявляется то, что наиболее характерно для всех неолитических усыпальниц, независимо от усложнения их формы и структуры в ходе дальнейшего векового развития этой группы памятников. Таким определяющим признаком является помещение погребенных не в отдельных индивидуальных могилах, особо вырываемых для каждого покойника, а в специальных ямах коллективного предназначения. На дно подобной ямы, или «гнезда», укладывались первые погребения. На небольшом слое их засыпи располагались следующие по времени захоронения, образующие верхние ярусы погребений в стратиграфически многослойных группах.

Такие ямы-«гнезда» в своей сумме тождественны тому, что при анализе поздненеолитического Мариупольского могильника было названо могильной траншеей, сложившейся из ряда частей.[12] Да и вообще деление коллективных могильных ям на «гнезда» и траншеи может иметь в этом случае лишь условный характер. Следует помнить, что траншеи наибольшей длины и наиболее развитого типа, которые выявляются при анализе финально-неолитических комплексов, обычно складывались постепенно, по мере слияния и объединения в один ряд расположенных по соседству, первоначально отдельных «гнезд» — элементарных ячеек траншейной композиции могильника.

Подобное явление в начальной фазе можно проследить по плану некрополя Васильевка 2. Его общая планировка наглядно показывает,

[11] Д. Я. Телегин. Третий Васильевский могильник, стр. 9—10, рис. 1.
[12] А. Д. Столяр. Мариупольский могильник..., стр. 17—18, 26.

как первичные «гнезда» на отдельных участках сливались в одну рядовую или траншейную композицию, порой несколько накладываясь друг на друга и вызывая специфические повреждения погребений в более ранних «гнездах». В итоге сложилась форма, близкая к некрополям развитого типа, относящимся к более позднему времени.

Так анализ надпорожских погребальных комплексов перебрасывает мостик генетической преемственности от мезолитических могильников к наиболее ранним неолитическим некрополям, а от них — к последующим по времени усыпальницам того же типа, вплоть до самых поздних, времени перехода к эпохе меди.

Однако эта преемственность имела довольно сложный и противоречивый характер. Достаточно напомнить, что, во-первых, она прослеживается далеко не во всех определяющих аспектах погребального обряда и что, во-вторых, в Надпорожье на грани мезолита и неолита произошла решительная смена одного массива населения другим — грацильный, древнесредиземноморский тип был замещен протоевропейским, кроманьонским в широком смысле.

Генетическая преемственность в данном случае не может получить наиболее простое и обычное объяснение и не может быть истолкована как естественный результат длительного развития основ аборигенной мезолитической культуры последующими прямыми потомками ее творцов, вступившими в эпоху неолита.

Нет, история Надпорожья была более сложной. При замене одного живого носителя культуры другим не произошло совершенно естественного в подобном случае полного разрыва с древними традициями. И даже, напротив, неолитические могильники Надпорожья отразили в своих комплексах какой-то культурный контакт между двумя этнохронологическими группами некрополей — ряд местных традиций, уходящих корнями в донеолитическую древность, проявляется в могильных памятниках неолитической поры.

Исчерпывающее объяснение такой сложной воспреемственности двух последовательных культур, бытовавших в одном и том же локальном районе, очевидно, можно будет дать лишь в дальнейшем, при накоплении новых существенных фактов. Пока же уместно ограничиться лишь предварительными предположениями по этому поводу.

Есть основания полагать, что основным массивом, сыгравшим большую, если не решающую, роль в сложении своеобразного надпорожского неолита, было протоевропейское население, проникшее на пороги и южнее их из более северных и северо-западных областей — из зоны лесостепи. Но еще задолго до смены одной антропологической группы населения другой, на протяжении длительного времени, в разных формах (в том числе и в виде вооруженных столкновений) осуществлялись повторяющиеся контакты между надпорожскими древнесредиземноморцами и территориально наиболее близкими к ним протоевропейцами. Эти контакты, по-видимому, вели к включению каких-то небольших групп протоевропейцев в среду аборигенного мезолитического населения Надпорожья. С этим длительным взаимодействием, вероятно, можно связать как начало коренной ломки старого погребального обряда, которая завершилась окончательным переходом к вытянутым погребениям, так и включение в новый складывающийся обряд еще в процессе его генезиса некоторых черт более древнего, изживаемого культа.

В дальнейшем древнесредиземноморское население Надпорожья было подавлено протоевропейским. Последнее, возможно, вытеснило в соседние области отдельные коллективы древнесредиземноморцев, а другие их группы были либо ассимилированы, либо уничтожены.

Во всяком случае, антропологический тип надпорожского неолита не несет в себе заметных признаков значительного участия древнесредиземноморцев в его сложении.

Этот сложный процесс ломки происходил в то время, которое в схеме каменного века Надпорожья может быть определено как ранний неолит. Естественно ожидать, что с накоплением новых материалов в будущем можно будет уточнить относительную дату одного из значительных событий надпорожской истории. Возможно, будет установлено, что первичные элементы неолитической культуры как новой ступени развития производительных сил начали складываться еще в среде древнесредиземноморского населения и широколицые пришельцы с севера либо восприняли и развили их, либо же, наоборот, подавили. Столь же возможно, что первоначально северяне принесли с собой на Днепр лесостепной мезолит в чистом виде и только в дальнейшем, спустя многие поколения, уже на своей новой родине вступили на путь неолитического развития. Но подобные уточнения, значительно обогащающие общую историческую картину, доступны лишь будущему.

* * *

Пока же ранний неолит Надпорожья представляется только в целом как время значительных, порой, возможно, насильственных и бурных перемен, как своеобразное «смутное время» первобытной истории. В таком его образном определении, по-видимому, есть значительная доля истины. В частности, в какой-то степени оно подтверждается характером погребальных памятников этой поры.

К раннему неолиту затруднительно приурочить любой из трех надпорожских некрополей со скорченными погребениями, в том числе и наиболее поздний из них (Васильевка 3). К этому времени также нельзя отнести ни один, даже наиболее архаичный в типологическом отношении, неолитический некрополь. Пока первая фаза надпорожского неолита не представлена значительными коллективными могильниками, и в этом плане как будто прослеживается разрыв со старой местной традицией. Фактически эта традиция вновь возрождается и, более того, получает дальнейшее развитие (но, заметим, уже в ином оформлении) с самого начала среднего неолита. В это время, очевидно, наступила известная стабилизация в обстановке и сократились передвижения отдельных групп населения в силу окончательно определившихся результатов, вероятно, долгого и сложного единоборства двух разнокультурных групп населения в связи с окончательной победой северных протоевропейцев и возрождением былой прочной оседлости на новой культурной основе.

Что же касается конца мезолита и собственно начального неолита, то пока к ним можно отнести лишь отрывочные погребальные комплексы — как одиночные, так и состоящие из двух-трех одновременных или близких по времени погребений. Среди этих захоронений есть скорченные, полностью передающие мезолитический канон и, кстати, нередко открываемые вблизи от мезолитических некрополей, а также и вытянутые погребения. Первые говорят, по-видимому, о распаде усыпальниц древнесредиземноморского населения Надпорожья, возможно, в связи с его вынужденными передвижениями, а вторые, вероятно, свидетельствуют о том, что значительные кладбища протоевропейского населения (также в связи с его передвижениями) еще не сложились.

Можно ожидать, что будущие полевые работы приведут к открытию одиночных могильников переходного, ранненеолитического времени.

Их былое существование подтверждается косвенно сохранением и развитием во всех неолитических некрополях, начиная с типологически наиболее ранних, той композиционной основы, которая в своей начальной форме прослеживается уже на взаимном расположении групп вытянутых погребений в юго-восточной части могильника Васильевка 3 (см. стр. 38). Поэтому правильнее будет говорить не о полном временном пресечении этой традиции, а об ее очень значительном ослаблении.

Открытие могильников раннего неолита позволило бы точнее представить ход исторического развития в переходное, «смутное время» первобытной истории Надпорожья. Пока же этот период можно характеризовать лишь на основании известных науке комплексов из отдельных погребений.

Значительная часть одиночных погребений, в подавляющем большинстве вытянутых, была открыта на ранненеолитических стоянках Надпорожья в ясных стратиграфических условиях и поэтому получила достаточно обоснованную датировку. Уже сам по себе факт связи в этом районе древнейших неолитических стоянок с одиночными захоронениями нового ритуала (вытянутыми) представляется далеко не случайным, обещающим в дальнейшем интересную разгадку, способным еще в одном аспекте осветить древние исторические судьбы населения Надпорожья. Это сочетание тем более знаменательно, что если обратиться к поискам аналогий, то как обряд вытянутых погребений и их суммарная антропологическая характеристика, так и наиболее важные новые элементы культуры ранненеолитических стоянок Надпорожья (появление на площади стоянок «кухонных куч», остродонные горшки с шиповидным дном, исключительно широкое включение кости в производственный инвентарь и т. п.) поведут нас в одном направлении — на север и северо-запад и притом в некоторых случаях значительно дальше, чем это естественно было бы предполагать.

Из числа известных одиночных погребений особого внимания заслуживает захоронение, открытое на V Игреньской стоянке более четверти века тому назад, но получающее осмысление лишь сейчас, в связи с новыми погребальными памятниками надпорожского мезолита. Обнаруженный в этом случае не в яме, а прямо на поверхности древней дюны присыпанный кухонными отбросами из раковин мужской скелет лежал на левом боку со слегка согнутыми в коленях ногами. Инвентарь захоронения состоял из щитков речных черепах, наполненных моллюсками.[13]

Таким образом, этот комплекс органически соединил в себе погребальное положение и способ захоронения, восходящие к обрядности мезолитических могильников, со специфическим инвентарем, являющимся характерным для культуры наиболее ранних неолитических усыпальниц этой области (Никольский и 2-й Васильевский могильники). Так могло выглядеть только переходное звено, связывающее неолитический ритуал с мезолитическим. В этом отношении упомянутое погребение особенно ценно и убедительно.

Очевидно, что при рассмотрении всех затрагиваемых вопросов особая, зачастую решающая роль должна быть отведена антропологическому материалу. Многое в общей картине этой эпохи в Надпорожье было бы прояснено при сопоставлении антропологических характеристик одиночных скорченных и вытянутых погребений. Но такая возможность исключается, так как названные антропологические материалы не были сохранены. В этом отношении приходится надеяться лишь на будущие

[13] М. А. Миллер. Памятники родового общества на Игреньском полуострове. ПИДО, 1935, № 9—10, стр. 168—169; Б. В. Лунин. К вопросу о действительном возрасте «подкумского человека» в свете археологических данных. СА, IV, 1937, стр. 84—85.

исследования, в ходе которых значение палеоантропологии в прояснении исторических взаимоотношений двух последовательных, морфологически и генетически различающихся пластов днепровского населения будет все более возрастать.

Но если отрешиться от мыслей об успехах науки в будущем, когда на смену спорным гипотезам придет все более уточняемая в деталях широкая картина древней жизни, то пока придется основываться преимущественно на археологических материалах, зачастую выступающих только в роли косвенных доказательств.

И тем не менее можно в неолитических могильниках проследить архаичные особенности погребального обряда, восходящие еще к мезолиту. Эти особенности проявляются на протяжении многих столетий — от рубежа раннего и среднего этапа надпорожского неолита вплоть до вступления населения этой территории в медный век своей истории.

Для подтверждения приведенного тезиса остановимся кратко на результатах сравнительного изучения под этим углом зрения неолитических некрополей в порядке их относительной последовательности. При этом мы намерены придерживаться ранее предложенной периодизации, делящей так называемые траншейные неолитические могильники на три последовательные группы — раннюю, среднюю и позднюю.[14] Эта классификация не оспаривается новыми фактами, а напротив, в ряде случаев они ее подтверждают.

К р а н н е й группе первоначально были отнесены три некрополя — Марьевский,[15] Никольский [16] и в урочище Собачки.[17] Сейчас эта группа пополнилась двумя такими важными комплексами, как Вольнянский и 2-й Васильевский могильники, о которых уже шла речь.

Композиция первых трех некрополей характеризовалась залеганием погребений полосой или рядом, вытянутыми в перпендикулярном направлении относительно ориентировки захоронений. Захоронения лежали поперек полосы параллельно друг другу, и ростом взрослого человека определялась ширина полосы.

В названных могильниках скелеты то располагались на известном расстоянии, то, не повреждая друг друга, группировались вплотную, иногда образуя два либо три яруса лежащих по одной вертикали костяков. Если учесть сохранность погребений в таких стратиграфических группах и отсутствие установленных случаев прорезания более ранних погребений последующими, то можно с уверенностью утверждать, что подобная ситуация не могла сложиться в результате совпадения местоположения ряда индивидуальных могильных ям. Наблюдающаяся неоднократно своеобразная «слоеная» структура могла быть лишь следствием реконструированного нами способа захоронения. Она могла сложиться только при неоднократно повторяющемся, последовательном помещении покойников в постепенно заполняемую свободную полость специально для этого отрытых либо расчищенных ям-«гнезд», аналогичных выявленным в Вольнянском могильнике.

В других случаях такие гнезда стратиграфически не были распознаны археологами — вероятно, главным образом в связи с неблагоприятствующими этому почвенными условиями.

---

[14] А. Д. С т о л я р. Мариупольский могильник как исторический источник. Автореф. канд. дисс. Л., 1953, стр. 12—13.

[15] О. В. Б о д я н с ь к и й. Розкопки Мар'ївського та Федорівського могильників у Надпоріжжі. Археологічні пам'ятки УРСР, VI, 1956, стр. 179—181.

[16] О. В. Б о д я н с ь к и й. Неолітичний могильник біля Ненаситецького порога. Археология, V, 1951, стр. 163—172.

[17] Раскопан А. В. Добровольским в 1928 г. Не опубликован.

Но все же исследователи отметили, к сожалению очень скупо, отдельные небезынтересные факты. Так, приводимые сведения позволяют установить, что не только лежащие бок о бок скелеты, но нередко костяки, входившие в состав соседних групп, залегали на одной и той же абсолютной глубине, т. е. находились в одной горизонтальной плоскости. Закономерное повторение этого явления свидетельствует о наличии значительных по размерам могильных ям, или «гнезд», в какой-то степени подобных по своему назначению склепам, предназначавшимся для ряда захоронений.

Вероятно, чаще всего по мере роста некрополя отдельные могильные углубления («гнезда») вырывались последовательно в одном или же в двух противоположных направлениях от самого раннего из них. При этом каждое последующее доводилось примерно до глубины хорошо различимого дна более ранней коллективной могилы, к которой оно прирезалось. Именно такое соединение «гнезд» в одну вытянутую цепочку или полосу наглядно показывает южная часть Мариупольского могильника, менее заполненная погребениями, чем его центральная и северная части. Вероятно, поэтому южная часть зафиксировала в основных чертах начальную типологическую фазу, с которой вообще начиналось сложение и этого финального и значительно более ранних неолитических некрополей. Ее древние истоки достаточно отчетливо обнаруживаются планом позднейшей части мезолитического могильника Васильевка 3.

В результате схематически изложенного процесса в конечном итоге вырастала общая погребальная полоса или, как ее можно точнее назвать, могильная траншея — вытянутое углубление с параллельными длинными стенками и с относительно ровным горизонтальным дном либо на всем протяжении, либо же на отдельных значительных отрезках. В ранней группе некрополей, которую в будущем, возможно, придется расчленить на две хронологические подгруппы, такая полоса, или траншея, проявляется в своей самой простой, зародышевой форме. В дальнейшем она получает все более сложную композицию и многоярусную структуру.

Следует отметить, что уже в отдельных комплексах этой ранней группы могильников прослеживается в начальном виде размещение погребений не только в одном, но и в двух параллельных друг другу рядах, или полосах, а также бытование антиподальной ориентировки. И первый, и второй момент, равно как и сам способ погребения, связывают некрополи первой группы (которые пока с наибольшими основаниями могут быть отнесены к рубежу ранней и средней ступени надпорожского неолита) как с последующими неолитическими усыпальницами, так и с местными мезолитическими могильникам.

Таким образом, все, что сказано ранее относительно переходного характера Вольнянского и 2-го Васильевского могильников, справедливо по отношению ко всей ранней группе надпорожских неолитических некрополей.

Средняя по времени группа некрополей, которую можно синхронизировать со средней ступенью надпорожского неолита (культурой типа Средний Стог I), пока представлена двумя Вовнигскими могильниками, расположенными на противоположных берегах Днепра.[18] Эти некрополи отличаются от более ранних лишь размерами, числом погребений и в связи с этим некоторым усложнением композиции и структуры,

[18] М. Я. Рудинский. Вовнигские поздненеолитические могильники. КСИА, вып. 4, 1955, стр. 147—151; М. Я. Рудиньский. Перший Вовнизький пізньонеолітичний могильник. Археологічні пам'ятки УРСР, VI, 1956, стр. 151—161.

характеризующейся частым многократным перекрыванием скелетов или многоярусностью. Но принципиально нового они в себе ничего не несут.

Сохранившийся, вероятно, примерно наполовину левобережный Вовнигский могильник дал одну полосу, насыщенную единообразно ориентированными погребениями. Перекрывающие друг друга скелеты образовали сплошной пласт мощностью до 0,40 м, который условно, по глубинам, можно разделить на три яруса, или горизонта.

Несмотря на внешние отличия, могильник по существу близок к более древним, например к Никольскому некрополю. Достаточно последний насытить в такой же степени погребениями, уложенными по правилам господствующего обряда, чтобы получить общий план левобережной Вовнигской усыпальницы.

К тому же конечная форма некрополя вырастала постепенно из сливающихся отдельных групп погребений, уложенных в общих ямах-«гнездах». Наиболее глубокое и вместе с тем самое древнее из таких «гнезд», с которого началась история памятника, было прослежено при полевых работах. На его дне находилось особо выделяющееся мужское погребение (без черепа, как и, вероятно, подобное же погребение Марьевского могильника), перекрытое двумя последующими захоронениями. Еще несколько выше залегал самый нижний ряд, или ярус, скелетов, свидетельствующий, по-видимому, о том, что в дальнейшем бóльшие «гнезда» расчищались в две противоположные стороны от первого, начального углубления. Они вырывались на меньшую, примерно одинаковую глубину, продолжая последовательно друг друга.

Любопытно, что в значительно большем и почти полностью сохранившемся правобережном некрополе также в наиболее глубоком гнезде было открыто парное захоронение, имевшее особый ритуальный смысл и находящее аналогию в могильнике Васильевка 2.

Композиционно же этот второй некрополь составлялся тремя примерно параллельными рядами погребений, из которых многоярусным и наиболее насыщенным был центральный ряд. Архаичный прообраз подобной композиции наглядно прослеживается по комплексам Вольнянского, 2-го Васильевского и Марьевского некрополей.

Антиподальная ориентировка в этой хронологической группе пока документируется лишь одним погребением правобережного памятника. Оно показывает, что эта традиция, прослеживающаяся еще в мезолитических некрополях Надпорожья и позднее представленная комплексом Мариупольского могильника, продолжала проявлять себя по крайней мере в одиночных случаях в надпорожских усыпальницах среднего звена.

Обращает внимание значительный рост числа погребенных во Вовнигских некрополях (в левобережном сохранилось 31 погребение, а в правобережном их выявлено 130) по сравнению с более ранними могильниками (к примеру, в полностью сохранившемся могильнике Васильевка 2 находилось 27 погребений).

Вряд ли можно объяснять этот момент только разной продолжительностью использования ранних и поздних кладбищ, ибо в обоих случаях население вело, очевидно, оседлый и в общих чертах сходный образ жизни. Более оправдано связывать это с ходом общественного развития — с вероятным сложением родо-племенных институтов и, возможно, с численным возрастанием самих коллективов в связи с успехами общественного производства (в первую очередь скотоводства).

В третью, заключительную группу некрополей, относящуюся ко времени от перехода к позднему неолиту до начала эпохи меди (т. е. в целом отвечающую стоянкам типа Средний Стог II), вхо-

дит как грандиозная Мариупольская усыпальница,[19] так и значительно меньший, но не менее важный в научном отношении Чаплинский могильник.[20]

Они показывают, что в эту пору, как и ранее — с начала появления коллективных неолитических могильников, бытовали значительно разнящиеся между собой по «объему» некрополи и что на протяжении всего этого периода существовали как комплексы погребений с антиподальной ориентировкой, так и памятники с единообразным положением всех скелетов.

Что же касается расположения погребений в нескольких параллельных рядах, указывающего, возможно, на какой-то процесс консолидации общественных групп, то следы подобной планировки не прослеживаются ни в одном, ни в другом памятнике — то ли в связи с завершением этого процесса, то ли по каким-то другим причинам.

Вопрос о композиции Мариупольского могильника достаточно подробно освещен в печати.[21] На основании анализа издания памятника было выяснено, что он сложился не из сотни с лишним индивидуальных могил, а из ряда значительно бóльших углублений, расположенных по одной линии и давших в своей сумме три последовательные по времени части общей могильной траншеи. Так же был определен практиковавшийся здесь способ захоронения, оказавшийся в основных чертах общим для всех неолитических могильников Надпорожья и описанный уже выше. Обе эти реконструкции по существу не встретили обоснованных возражений и нашли отражение в общих археологических работах.

Проведенные в течение последних лет раскопки двух уже упоминавшихся неолитических могильников в целом подтвердили высказанные гипотезы и показали типологически наиболее раннюю ступень в генезисе коллективных неолитических усыпальниц Надпорожья. Так, в Вольнянском могильнике расположенные рядами отдельные ямы-«гнезда» с захоронениями еще были отделены друг от друга большими или меньшими перемычками. Если же последние срезались все новыми ямами, то в итоге образовывалась завершенная форма усыпальницы траншейного типа.

Однако высказанная ранее мысль о том, что в основе Мариупольского могильника «лежала вырытая в несколько приемов прямая траншея, полость которой постепенно заполнялась захоронениями»,[22] сейчас может быть уточнена. Очень вероятно, что начало двум наиболее многоярусным частям могильника — первой по времени центральной и последующей северной — положили первоначально изолированные друг от друга более глубокие «гнезда», в которые были уложены погребения, отнесенные исследователем памятника к IV и III ярусам. «Общая» же полоса, зафиксированная при раскопках памятника, уже объединяющая в одно целое все три части некрополя, была расчищена в несколько приемов на значительно меньшую глубину, отвечающую горизонту погребений II яруса. Таким образом, в этом случае сложение некрополя протекало примерно так, как и в двух могильниках у с. Вовниги.

Напомним также, что наиболее молодая, лишь в небольшой степени заполненная погребениями южная часть могильника достаточно

---

[19] М. Макаренко. Маріюпільский могильник. Київ, 1933.

[20] А. В. Добровольский. Могильник в с. Чаплі. Археологія, IX, 1954, стр. 106—117.

[21] А. Д. Столяр. Мариупольский могильник... (Автореф.), стр. 5—6; А. Д. Столяр. Мариупольский могильник... СА, XXIII, 1955, стр 17—18, 22—26.

[22] А. Д. Столяр. Мариупольский могильник... (Автореф.), стр. 6.

наглядно показывает процесс объединения отдельных «гнезд»-углублений в единое композиционное целое.

Во втором позднем некрополе (Чаплинском) представлены все промежуточные типологические звенья перехода от неолитической погребальной обрядности к погребениям эпохи древнейшего металла. Изучение этого памятника подтвердило вывод относительно Мариупольского могильника как единого археологического целого,[23] показав, что переход к скорченным индивидуальным погребениям таким же образом протекал и в Надпорожье, также совпадая с началом эпохи меди. На смену большим коллективным усыпальницам, которые, возможно, лучше называть не просто траншейными, а *траншейно-гнездовыми*, вкладывая в это определенный выше смысл, приходят некрополи, состоящие из отдельных скорченных погребений, зачастую находящихся в отчетливо прослеживающихся индивидуальных ямах и нередко сопровождающихся конструкциями из камня.

Так, в области днепровского Надпорожья история как бы повторяется дважды, но, конечно, каждый раз на совершенно другой основе.

Собранные сейчас материалы по мезолиту и неолиту Надпорожья — Приазовья представляют значительный научный интерес, внося немало нового в понимание прошлого юга Европейской части СССР в период перехода от культуры древнего камня к веку нового камня. В конце плейстоцена и начале голоцена эта область была районом многообразных длительных контактов между окраинными группами населения двух генеральных культурных провинций — североевропейской и средиземноморско-африканской.

Известные ныне мезолитические могильники наглядно подтверждают принадлежность культуры этой поры в Надпорожье к явлениям южного, средиземноморско-африканского круга. В неолите же эта область, по-видимому, была занята протоевропейцами, продвинувшимися сюда из зоны лесостепи. Культура последних, по своим генетическим корням северная, в новых южных условиях получила коренное переоформление — в первую очередь в связи со все более возрастающим значением скотоводства в ее хозяйстве.

Именно эта прогрессирующая отрасль архаичного производящего хозяйства определила в дальнейшем основные контуры развития культуры Надпорожья, ее исторические связи и судьбы.

---

[23] А. Д. Столяр. Мариупольский могильник. Сборник студенческих и аспирантских научных работ ЛГУ. Ч. I. Л., 1947, стр. 17—32.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ДРЕВНЕЙШИХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ

И. Н. Хлопин

На основании археологических исследований последних лет в Южном Туркменистане становится очевидным, что этот район можно относить со все большей определенностью к группе областей, где впервые произошла «неолитическая революция», — переход от присваивающего хозяйства охотников-собирателей к производящему хозяйству земледельцев-скотоводов.

Неолитическое поселение Джейтун [1] является именно тем памятником, который как нельзя лучше иллюстрирует этот процесс. Характер поселения, а также комплекс хозяйственного инвентаря, в том числе керамика, указывают на оседлый образ жизни древнего населения и определяют его хозяйственную деятельность. Однако органические остатки, прежде всего кости животных, свидетельствуют, что переход к производящему хозяйству произошел совсем недавно. Так, 70% из общего числа определимых костей принадлежит безоаровому козлу (Capra aegagrus) — предку домашних коз, причем некоторые признаки указывают на начало его одомашнивания. Сочетание земледельческого инвентаря и еще не одомашненных, но, вероятно, прирученных животных позволяют рассматривать поселение Джейтун как находящееся на начальном этапе производства пищи.

В Западном Иране остатками древнейшего земледельческого поселения являются нижние слои одного из холмов Сиалк у Кашана.[2] В древнейшем слое (Сиалк I, *1*) не было обнаружено никаких остатков жилищ, но уже в следующих слоях (Сиалк I, *2—5*) были найдены остатки домов с глинобитными стенами.[3] Каменный и костяной хозяйственный инвентарь (вкладышевые жатвенные ножи с костяной или глиняной основой, тесла и наконечники мотыг) свидетельствует о том, что какие-то участки земли уже обрабатывались, с них снимался урожай с последующей переработкой продуктов земледелия. Разведение домашнего скота также было знакомо древним обитателям Сиалка; стадо состояло из крупного и мелкого рогатого скота. На основании всего комплекса предметов этой культурной стадии можно утверждать, что мы имеем дело с племенами, которые нельзя считать только что вышедшими из стадии собирательства; по-видимому, население нижних слоев Сиалка имело уже сравнительно длительные земледельческие

[1] В. М. Массон. Джейтунская культура. Труды ЮТАКЭ, т. X. Ашхабад, 1960.

[2] R. Ghirshman. Fouilles de téré Sialk, prés de Kashan, Musée de Louvre, Série Archeologique. IV. Paris, 1937, pp. 10—24.

[3] Не исключена возможность, что так называемые глинобитные стены были сложены из продолговатых «булок», подобных тем, которые обнаружены на южно-туркменских поселениях Джейтун и Чопан-депе. Они не всегда могут быть заметны, так как с обеих сторон обмазаны толстым (5—7 см) слоем глины.

традиции. Конечно, древнейшие земледельцы населяли не только сиалковскую неолитическую деревню; они были распространены в значительной части предгорных районов восточного Загра.

Другим центром возникновения земледельческого образа жизни можно считать район верхнего течения Тигра и верховья его притоков — Диалы, Малого Заба и Большого Заба. Памятники, которые могут характеризовать начальные этапы этой хозяйственной стадии, — поселения Джармо[4] и Хассуна.[5]

Первое из них расположено на одном из отрогов Курдского плоскогорья, над долиной притока Тигра — Тук-че, и представляет собой пятиметровый холм, заключающий в себе восемь последовательных культурных слоев. Хотя находки представлены здесь набором типичных раннеземледельческих орудий, аналогичных Сиалку, все же на основании ряда данных можно полагать, что обитатели этого поселения стояли на более низком хозяйственном уровне. Их хозяйство, по мнению Г. Чайлда, было, по-видимому, близким к началу производства пищи.[6] Казалось бы, что об этом свидетельствует отсутствие глиняной посуды (она зафиксирована только в верхнем слое), но уже 95% костей животных принадлежит домашним или пригодным для одомашнивания видам: овце (козе), корове, свинье и собаке. Оседлый характер поселения и его открытое расположение скорее также указывают на то, что стадия «производства пищи» уже началась.

Поселение Хассуна, в отличие от предыдущих, расположено на равнине, западнее впадения в Тигр Большого Заба. В нижнем, древнейшем «неолитическом» слое Ia, не содержавшем видимых остатков жилищ, были обнаружены врытые в землю грубые крупные сосуды, зернотерки, каменные мотыги и тесла, обсидиановые наконечники дротиков и глиняные ядра для пращей. Кости животных, найденные здесь, принадлежали крупному и мелкому рогатому скоту, возможно, уже одомашненному. В следующих «архаических» слоях Iв и II уже имеются остатки жилых и хозяйственных глинобитных построек, сменяемые в дальнейшем строительными комплексами III—VI, названными «стандартными». Они состояли из нескольких небольших комнат, расположенных вокруг внутреннего двора с печью для выпечки хлеба. В «архаических» слоях появляются вкладышевые серпы и хорошо обожженные расписные сосуды. Нижние слои Хассуны следует синхронизировать, вероятнее всего, с верхними слоями Джармо, хотя, по мнению Г. Чайлда, нельзя утверждать, что это поселение предшествует Хассуне или Самарре; теоретически Джармо могло быть отсталым горным селением и относиться даже ко времени распространения на равнине халафской культуры.[7] Однако мнение Г. Чайлда, по-видимому, не может считаться неоспоримым, так как первоначальные очаги земледелия, в силу ряда причин (о них мы скажем ниже), следует искать именно в горных районах, а не на равнине. По всей вероятности, обитатели Хассуны основали свое поселение уже после того, как обитатели Джармо освоили приемы земледелия или, в крайнем случае, параллельно с ними.

Следующим районом возникновения земледелия следует считать области Палестины, примыкающие к горе Кармел, и поселение Иерихон. Здесь развивается натуфийская культура, которая, по словам

---

[4] R. Braidwood. The Near East and the foundations of civilisation. Oregon, 1952; R. and L. Braidwood. The Earliest village communities of South-West Asia. JWH, I, 1953.

[5] Seton Lloyd and F. Safar. Tell Hassuna. JNES, IV, 1945, стр. 257—289.

[6] Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., ИЛ, 1956, стр. 166.

[7] Г. Чайлд, ук. соч., стр. 167.

Г. Чайлда, может с основанием претендовать на хронологический приоритет, поскольку она является переходной стадией от присвоения пищи к ее производству.[8] Она стратиграфически предшествует неолитическому Иерихону, который представляет собой настолько своеобразное явление, что вызвал оживленную дискуссию в «Antiquity».[9] Не останавливаясь подробно на археологическом материале, следует лишь отметить, что наиболее вероятная дата докерамических слоев Иерихона восходит к VI тысячелетию до н. э.[10] Однако территориально этот район находится в значительном удалении от остальных (прежде всего от Южно-Туркменистанского), и материалы района исчерпывающим образом не опубликованы. Поэтому при дальнейшем рассмотрении проблемы возникновения производящего хозяйства район Палестины будет, как правило, опускаться.

На основании краткого обзора зафиксированных археологическими раскопками мест поселения древнейших земледельческих коллективов можно прийти к выводу, что в горных районах юго-западной части Азии находился один из центров возникновения земледельческой культуры вообще. Огромная исследовательская работа по определению древнейших очагов возделывания человеком культурных растений была проделана в 20—30-х годах Н. И. Вавиловым, который пришел к следующим аналогичным выводам, хотя подходил к разрешению этого вопроса с биологических позиций.

«Растения, их разновидности, — писал он, — не так легко переносимы из одной области в другую; несмотря на многие тысячелетия странствования народов, нет никаких затруднений в установлении основных очагов, центров формообразования большинства культурных растений».[11] Так, мягкая пшеница, одно из основных культурных растений человека от самых древних этапов земледелия до современности, насчитывает максимальное количество разновидностей (более 60) в районах Переднего Востока, в горных районах между северной Индией (Белуджистаном) и западным Ираном, особенно в Афганистане и прилегающих районах Таджикистана и Туркменистана. На основании концентрации сортового разнообразия Н. И. Вавилов предлагает считать родиной пшеницы именно эти горные области, которые объединяются им в Юго-Западно-Азиатский очаг возникновения земледелия. Кроме мягких пшениц (родиной твердых пшениц является Северная Африка, особенно Абиссиния), отсюда же происходят ячмень, рожь, лен, люцерна, шабдар, персидский клевер, яблоня, груша, алыча, гранат, айва, черешня, виноград и многие огородные растения.[12]

До исследований Н. И. Вавилова в специальной литературе господствовал взгляд, что земледельческие культуры возникли в речных долинах, прежде всего в долине Нила и Месопотамии.[13] Однако «периоду великих культур, объединявших многоплеменные составы населения, предшествовал естественный период обособленной жизни в замкнутых районах, и для этой цели горные районы могли служить прекрасными

[8] Г. Чайлд, ук. соч., стр. 61.

[9] В. М. Массон. Докерамический неолит Иерихона. СА, 1958, № 3, стр. 250—252.

[10] Карбоновый анализ дал для поздней фазы Иерихона даты 6250 (±200) г. до н. э. и 5850 (±160) г. до н. э. См. F. E. Zeuner. The radiocarbon age of Jericho. Antiquity, 1956, № 120, стр. 195—197.

[11] Н. И. Вавилов. О восточных центрах происхождения культурных растений. «Новый Восток», 1924, № 6, стр. 304.

[12] Н. И. Вавилов. Проблема происхождения мирового земледелия в свете современных исследований. М.—Л., 1932, стр. 7.

[13] Г. Танфильев. Очерк географии и истории главнейших культурных растений. Одесса, 1923, стр. 62—63.

убежищами».[14] «Если во влажных тропиках преимущественно развивается древесная растительность, то в горных тропиках и субтропиках, где обосновались первые земледельческие культуры, наоборот, развиваются преимущественно травянистые виды, к которым относится большинство важнейших культурных растений земли».[15] В силу благоприятных природных условий древнейшие этапы земледелия были в своей основе неполивными, т. е. отсутствовало какое-либо искусственное орошение. Чаще всего, в особенности на горных террасах и плато, практиковалось богарное земледелие, а иногда под засеваемые участки использовались дельтовые части горных ручьев и речек.

Возможно, что горные районы северо-западного Копет-Дага были населены охотничье-собирательскими племенами, которые хронологически предшествовали появлению на подгорной равнине неолитической раннеземледельческой Джейтунской культуры. Хотя места поселения людей пока не обнаружены, природные условия этих районов таковы, что наличие здесь памятников, оставленных охотничье-собирательскими племенами, весьма вероятно по нескольким причинам: во-первых, до настоящего времени на горных плато существуют крупные богарные посевы пшеницы и ячменя; во-вторых, Туркмено-Хорасанские горы до сих пор изобилуют всевозможной дичью, в том числе горными козлами; в-третьих, там имеется большое количество пещер и скальных навесов, вполне пригодных для обитания древних людей. Сочетание этих условий делает горы вполне пригодными для обитания, и следы поселений древних людей доджейтунского неолита (даже может быть и мезолита) при тщательных поисках, безусловно, могут быть обнаружены.

Для племен с «промежуточной» формой хозяйства (т. е. когда они уже перестали быть охотниками-собирателями, но еще не превратились в земледельцев-скотоводов) в этнографической литературе имеется специальный термин: народы — собиратели урожая.[16] Дело в том, что такие племена еще не осознают необходимости искусственной посадки злаков, но добывание продуктов питания у них основано на планомерном собирании большого количества одного или нескольких видов дикорастущих злаков, которые и служат им основной пищей. Народы — собиратели урожая, в отличие от охотников и собирателей, селятся уже в определенных местах, т. е. в непосредственной близости к территории, на которой произрастают большие массы диких растений одного вида. Более чем вероятно, что и земледелие и скотоводство берут свое начало именно от этой последней прогрессивной формы хозяйства охотников-собирателей. И в настоящее время у ряда племен Австралии, Полинезии, Северной и Южной Америки в основе хозяйства лежит собирание произрастающих большими массами дикорастущих злаков и иных растений.

Было бы неверным полагать, что люди позднего мезолита или раннего неолита, сделавшие первые шаги по искусственному выращиванию злаков, одновременно с этим также изобрели весь комплекс земледельческих орудий. Скорее всего последовательность была как раз обратная: сперва на поздних этапах присваивающего хозяйства народы — собиратели урожая выработали и научились применять для обработки продуктов собирательства такие орудия, как жатвенные ножи, терочные камни, ступки и др. Только после этого весь набор собирательского инвентаря

---

[14] Н. И. Вавилов. О восточных центрах..., стр. 303.
[15] Н. И. Вавилов. Проблема происхождения..., стр. 13.
[16] Ю. Липс. Происхождение вещей. М., ИЛ, 1954, стр. 103—110.

был применен для обработки специально посеянных злаков, чем и знаменовался его качественный переход в категорию орудий для производства пищи. Археологически найти точную грань между поздними собирателями и ранними земледельцами представляется делом нелегким, но одним из надежных критериев может служить долговременное оседлое поселение.

В настоящее время тезис Н. И. Вавилова о первоначальных изолированных очагах древнейших земледельческих культур, высказанный им в порядке научной гипотезы, блестяще подтверждается. Действительно, население охарактеризованных выше районов (Южно-Туркменистанского, Западно-Иранского, Северо-Иракского и Палестинского) жило и развивалось изолированными группами, особенно на ранних этапах. То сходство, которое можно проследить в ряде черт хозяйственного инвентаря и в орнаментации глиняной посуды, принадлежащей населению этих районов, следует объяснять тем, что техника земледелия была скорее всего повсюду одинаковой и, вероятно, одинаковый образ жизни порождал одинаковые во многих основных чертах взгляды на окружающую природу и возникающие на этой почве различные представления, материальным выражением которых и следует считать прежде всего орнаментацию посуды (роспись), различные изделия культового назначения, погребальные обряды и т. п.

Обратимся теперь к проблеме возникновения скотоводства. Первыми представителями домашних животных являются особи, относимые к категории крупного и мелкого рогатого скота, — быки, бараны и козлы. Древнейшими очагами одомашнивания крупного рогатого скота являются Индийский, Юго-Западно-Азиатский и Средиземноморский. Одним из аргументов в пользу выделения этих очагов служит мнение о том, что дикие особи исчезают вскоре после появления одомашненных животных и не сосуществуют с последними в одних и тех же областях.[17] Так, наиболее раннее исчезновение туров наблюдается в Индии и Передней Азии; несколько позднее, во времена хеттов (примерно в первой половине II тысячелетия до н. э.), они исчезают в Малой Азии и Египте. В более позднее время одомашнивание крупного рогатого скота происходило также в средней и южной части Восточной Европы и в Центральной Азии.

Что касается мелкого рогатого скота, коз и баранов, то теперь стало очевидным, что местами их первоначального приручения и одомашнивания следует считать ряд районов Переднего Востока. Родиной азиатского уриала (Ovis vignei) — родоначальника домашних овец — являются южные склоны Эльбурса, Южный Туркменистан, Афганистан, Белуджистан и Пенджаб.[18] По всей вероятности, родиной безоарового козла (Capra aegagrus) — родоначальника домашних коз — являются те же территории. Факт современного существования дикого безоарового козла наряду с его одомашненными потомками, хотя в этих же местах мы имеем наглядный пример исчезновения туров, можно объяснить тем, что последние, как более крупные животные, были скорее истреблены. Что же касается диких коз и баранов, то вытесненные человеком в труднодоступные места, они продолжали свое существование, так как оказались более неприхотливыми, нежели туры.

Таким образом, мы видим, что ареал диких злаков, из которых впоследствии были выведены культурные растения, в основных своих границах совпадает с ареалом первоначального появления ряда пород до-

[17] Н. Н. Колесник. Эволюция крупного рогатого скота. Труды Института животноводства Таджикского филиала АН СССР, т. XXIV, 1949, стр. 29—31.

[18] Г. Чайлд, ук. соч., стр. 59.

машнего скота. Этим были созданы благоприятные условия для развития первобытного синкретичного производящего хозяйства, в котором возделывание растений и разведение стад существовали органически слитно. Климатические условия, водный баланс и ландшафт как нельзя более способствовали ведению такого хозяйства первобытных земледельцев-скотоводов; в то же время горные цепи с расположенными между ними долинами препятствовали общению населения этих районов и обусловили их автаркию.

«Неолитическая революция» произошла если не одновременно, то в течение какого-то сравнительно небольшого отрезка времени в горных долинах и на предгорных равнинах нескольких районов Переднего Востока. Это свидетельствует об известном полицентризме возникновения земледелия и скотоводства. Этот процесс явился закономерным результатом совокупности экологических условий, с одной стороны, и наличием у охотничье-собирательских коллективов этих территорий ряда земледельческих и скотоводческих навыков — с другой, причем последние появились как следствие тех же экологических условий. Переход к производству продуктов с неизбежностью повлек за собой возникновение и развитие как многих новых, ранее неизвестных отраслей домашнего ремесла (гончарство, прядение, ткачество и т. д.), так и увеличение численности населения, вызвавшее в свою очередь усложнения в социальной структуре общества. Когда были окончательно освоены перечисленные виды хозяйственной деятельности, складываются предпосылки для колонизации новых территорий. К этому времени относится колонизация собственно Южной Месопотамии, а в более восточных районах освоение территорий, простирающихся вдоль горных хребтов, окаймляющих современные Иранские пустыни. Племена горных и предгорных районов Юго-Западной Азии должны были, чтобы иметь возможность существования, расселяться вдоль восточных отрогов Загра и южных склонов Эльбурса; аналогичный процесс расселения наблюдается и в южном направлении. Движение коллективов древних земледельцев в поисках новых мест поселения нужно объяснять только социально-экономическими причинами.

Во-первых, прежде чем создавать новое или совершенствовать какое-либо орудие труда, любой человек, в особенности член первобытного коллектива, должен был обеспечить себя пищей. Все его усилия и были направлены на производство пищи; применительно к условиям, в которых ему приходилось это делать, развивались и совершенствовались его орудия труда.

Во-вторых, каждый член первобытного коллектива заботился не только о сохранении собственной жизни, но и о продлении и усилении своего рода (хозяйственного коллектива), что достигалось стремлением к постоянному увеличению численности этого коллектива.

Можно полагать, что именно эти две стороны процесса, находящиеся в постоянном диалектическом противоречии, образуют основной естественноисторический закон развития первобытного общества, который порождал все другие закономерности. Так как «всякому особенному историческому способу производства в действительности свойственны свои особенные, имеющие исторический (т. е. преходящий, — *И. Х.*) характер законы населения»,[19] то, вступая в определенные общественные отноше-

---

[19] К. Маркс. Капитал, т. I. М., 1951, стр. 637. Далее К. Маркс поясняет свою мысль: «Абстрактный закон населения существует только для растений и животных, пока в эту область исторически не вторгается человек».

ния, люди тем самым начинают подчиняться определенному, независимому от их воли и сознания закону населения, свойственному только данной общественно-экономической формации. Это значит, что определенный хозяйственный коллектив, будь то род или племя, обладает независимым от составляющих его людей свойством увеличиваться численно только до определенных пределов. Этот коллектив может оставаться полнокровной ячейкой общества лишь в том случае, если его численность не меньше или равна какому-то минимуму и не больше или равна какому-то максимуму. Количество населения в определенном поселении, а также и на определенной территории не может быть выше той «критической массы» населения, которая способна без внутренних противоречий существовать на этой территории. Характер этой постоянно действующей закономерности таков, что она действует тем сильнее, чем слабее развиты производительные силы общества.

В связи с этим К. Маркс отмечал, что «их способ производства (первобытнообщинный, — *И. Х.*) требовал обширного пространства для каждого отдельного члена племени... Рост численности у этих племен приводил к тому, что они взаимно лишали друг друга территории, необходимой для производства».[20] Это значит, что численность населения в пределах определенной области должна была быть и была строго ограничена наличием средств существования и в первую очередь пищей. Когда основную пищу составляли продукты охоты и собирательства, требовались громадные пространства для прокормления небольшого племени. С переходом к производящему хозяйству эксплуатируемая территория сократилась, но все еще оставалась большой сравнительно с общей малочисленностью населения. Для того чтобы прокормиться, непрерывно растущему населению, приходилось увеличивать площади посевов; способ ведения хозяйства был экстенсивным, ибо слабо развитые производительные силы препятствовали ведению интенсивного земледельческого хозяйства. Но беспредельно площадь обрабатываемой земли возрастать не могла и поэтому на долю каждого члена коллектива при бо́льших затратах труда приходилось с течением времени все меньшее количество продуктов. Только с применением искусственного орошения и связанным с ним проведением каналов из крупных рек стало возможным сократить избыточное население и увеличить полезное, что, однако, не могло надолго удержать хозяйственный коллектив в определенных границах, хотя они значительно расширились.

В силу этого в прежде едином и сплоченном хозяйственном коллективе начинают брать верх центробежные силы, назревает конфликт между ростом населения и вызванным этим ростом недостатком средств к существованию. Единственным выходом для сохранения первобытнообщинного способа производства было дробление этого коллектива: в противном случае могло произойти его самоуничтожение.

Отпочковавшиеся коллективы людей должны были сами таким же образом разделиться через несколько поколений и, теснимые в свою очередь делившейся материнской общиной, отодвигаться все дальше и дальше от места своего первоначального обитания. При дроблении общины ее дочерняя часть отодвигалась до тех пор, пока не приходила в местность, отвечавшую требованиям привычной для нее формы хозяйства. По мере удаления дочерних родов от материнского, а также с течением времени ослабевала и утрачивалась связь между ними — сперва хозяйственная, затем родственная (родовая) и, наконец, языковая.

---

[20] К. Маркс. Вынужденная эмиграция. Сб. «Об Англии». М., 1952, стр. 333.

Однако благодаря совершенству родовой организации этот процесс происходил совершенно безболезненно для рода в целом.[21]

Расселение первоначально происходило сравнительно медленно, но в ходе исторического развития темп его неуклонно возрастал. Вследствие этого сравнительно рано отмечаются межрегиональные контакты, в частности, между населением южнотуркменистанского и северо-восточноиранского очагов возникновения производящего хозяйства, которые были разделены не особенно труднопереходимыми горными цепями Эльбурса и Туркмено-Хорасанских гор. Эти контакты, по-видимому, наиболее ранние, следует приурочить ко времени существования на северной прикопетдагской равнине культуры Анау I-А.

Закономерен вопрос о причинах существования таких односторонних контактов. Поскольку древнеземледельческие коллективы не могли нормально развиваться без периодической сегментации, имел место более или менее постоянный отлив населения из сравнительно густонаселенных районов. В глубь этих районов, в особенности в долины Тигра и Евфрата — места с наибольшей плотностью населения, этот отлив распространяться не мог. Население могло двигаться только вдоль гор по направлению к Афганистану и Белуджистану, а небольшая его часть просачивалась через горы в прикопетдагскую равнину. В последней процесс расселения также происходил в сторону менее населенных территорий, т. е. в юго-восточном направлении.

Не останавливаясь подробно на проблеме датировки раннеземледельческих культур Южной Туркмении,[22] следует только отметить, что, по всей вероятности, процесс перехода от собирательства к производству пищи проходил более или менее одновременно, по крайней мере, в североиракском, западноиранском и южнотуркменистанском районах. Радиокарбонные даты для древних слоев разных памятников подтверждают этот тезис. Нижний слой Джармо был датирован В. Либби около 4700 г. до н. э. (±320 лет);[23] по-видимому, Джейтунскую культуру следует датировать примерно тем же временем, а может быть даже несколько более ранним, так как верхний слой Кара-депе у Артыка (раннее Намазга III) был датирован в радиокарбонной лаборатории Института археологии АН СССР 2750 г. до н. э. (±220 лет).[24] Видимо, примерно к джейтунскому времени или несколько более позднему следует относить нижние слои Сиалка уже на основании ряда общих черт в материальной культуре этого поселения и памятников прикопетдагской равнины. Что касается Палестины, то там, видимо, «неолитическая революция» произошла раньше, чем в более восточных районах.

Таким образом, в субтропических горно-степных районах Переднего Востока примерно в VI—V тысячелетиях до н. э. сложилось несколько первоначально обособленных друг от друга очагов древнейшего земледельческо-скотоводческого образа жизни. По прошествии сравнительно небольшого отрезка времени эти районы, развивавшиеся

---

[21] Подобный процесс расселения племен был обнаружен у индейцев Северной Америки (Л. Г. Морган. Древнее общество. М.—Л., 1934, стр. 70), у аборигенов Австралии (А. Элькин. Коренное население Австралии. М.—Л., ИЛ, 1952; Н. А. Бутинов. Проблема экзогамии. Труды Института этнографии АН СССР, т. XIV, 1951, стр. 3—27) и был прослежен на археологическом материале у неолитических племен Европейской части СССР (А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.—Л., 1952).

[22] В. М. Массон. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. Труды ЮТАКЭ, т. VII. Ашхабад, 1956, стр. 321—326. В. М. Массон. Джейтун и Кара-депе. СА, 1957, № 1, стр. 157—160.

[23] W. F. Libby. Radiocarbon dating. Chicago, 1955, стр. 71.

[24] Х. В. Протопопов и С. В. Бутомо. Развитие техники жидких сцинтилляторов и ее применение для датировки по радиоуглероду (C^{14}). СА, 1959, № 2, стр. 32.

прежде более или менее равномерно, начинают перегонять друг друга как в хозяйственном, так и в социальном отношении. Более быстрыми темпами развивается прежде всего Северо-Иракский район, затем Западноиранский и в последнюю очередь Южнотуркменистанский как наиболее удаленный от городской цивилизации Шумера. Южнотуркменистанский очаг с раннего времени (Анау I А) начинает испытывать влияние, вероятнее всего, за счет инфильтрации населения, принадлежавшего более южным земледельческим культурам, убыстренные темпы развития которых были обусловлены постоянными контактами с дошумерийским населением Шумера и Сузианы. По всей вероятности, эти влияния время от времени способствовали дальнейшему развитию «анауских» культур, играя роль своеобразных стимулирующих импульсов.

РАННЕТРИПОЛЬСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ЛУКА-УСТИНСКАЯ

Т. Д. Белановская

Трипольское поселение у села Усть-Хмельницкой области Каменец-Подольского района открыто М. И. и И. М. Фишелевыми и исследовалось в 1953 г. Среднеднестровским отрядом под руководством С. Н. Бибикова.[1]

Во время разведки в обрезе левого берега Днестра, примерно в 200 м ниже разрушенного железнодорожного моста, было обнаружено залегание трех глинобитных жилищ, два из которых были раскопаны.[2] Найденный в жилищах материал позволяет отнести поселение Лука-Устинская к раннему этапу А по периодизации Т. С. Пассек.[3]

Рис. 1. Берег Днестра. Место раскопок.

Жилища расположены на первой надпойменной террасе (рис. 1); на расстоянии около 500 м к северо-востоку наблюдается возвышенность коренного берега, переходящая в ровное плато.

Высота берега Днестра в месте раскопок составляет примерно 6 м. Картина почвенных слоев такова: 0—0,20 м — пахотный слой; 0,20—0,80 м — делювиальный суглинок светло-серого цвета, мелкозернистой

---

[1] С. Н. Бибиков. Исследование трипольских памятников на Среднем Поднестровье. КСИА, вып. 4, 1955, стр. 138—139; С. Н. Бибиков. Трипольские поселения в окрестностях Луки-Врублевецкой. КСИА, вып. 6, 1956, стр. 13—17.

[2] Полевые исследования производились под руководством С. Н. Бибикова под наблюдением автора настоящей статьи; в работе принимали участие студенты-практиканты ЛГУ Н. К. Качалова и Т. А. Попова.

[3] Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949, стр. 28—41.

структуры, с единичными включениями очень мелкой гальки; 0,80—5,65 м — делювиальный суглинок светло-желтого цвета мелкозернистой структуры; в нижнем слое встречаются единичные раковины Unio и галька (очевидно, аллювиального происхождения); 5,65—6,40 м (до поверхности воды в Днестре) — аллювиальный галечник.

Культурный слой залегал в слое делювиального суглинка на глубине 0,40—0,85 м. В местах выхода культурного слоя подъемный материал не обнаружен; это давало основание предполагать сравнительную сохранность жилищ (за исключением той части их, которая была уничтожена при разрушении берега).

В раскопе I (в дальнейшем здесь было обнаружено жилище 1) уже при снятии первого штыка на глубину 0,20 м были встречены обломки

Рис. 2. Общий вид жилища 1.

обмазки и плиток, камни, кости животных, раковины Unio, а также единичные обломки керамики. Находки распределялись равномерно по всей площади раскопа. На втором штыке (глубина 0,40 м) и на третьем (глубина 0,60 м) состав находок оставался прежним, но сконцентрированы были они главным образом в центральной части раскопа. При снятии четвертого штыка на глубине 0,75 м выявились контуры площадки, именуемой в дальнейшем «жилище 1».

Жилище 1 (рис. 2) имело вытянутопрямоугольную форму, ориентировка его — северо-восток — юго-запад. Размеры 9×4 м (в древности жилище было больше, но юго-западная его часть уничтожена при разрушении берега Днестра). Конструкция площадки несложна — она однослойна, состоит из слабо обожженных вальков светло-желтого цвета, пористых, с отпечатками примеси половы. Глиняное тесто, если к нему прикоснешься, оставляет след. В ряде мест залегание вальков прерывается, образуя пустоты. Видимо, пол не подновлялся. В одном месте поверх вальков залегают плохо сохранившиеся плитки светло-желтого цвета около 5 см в поперечнике; в отличие от вальков структура плиток плотная, компактная. Конструктивных частей или мощного завала печи

обнаружено не было, однако в северо-восточной части жилища наблюдалась ошлакованность отдельных вальков и плиток; это дает основание предполагать, что здесь находилась печь. Тут же были обнаружены части разбитого сосуда; видимо, он стоял около печи — явление, обычное для глинобитных трипольских жилищ. Найдены лежавшие на боку две зернотерки со сглаженной поверхностью. Следов перегородок в жилище не оказалось. Его сохранившаяся часть представляет собой одно большое помещение с печью.

Находок немного, большую часть их составляет керамика, как правило, в обломках, которую можно разделить на три группы. Наиболее многочисленную группу составляет кухонная керамика, вторая по численности группа представлена керамикой с углубленным орнаментом, меньше всего керамики с каннелированным орнаментом. Количественное соотношение отдельных групп керамики в Луке-Устинской отличается от других раннетрипольских поселений, где преобладает керамика с углубленным орнаментом.[4]

I. Кухонная керамика грубая, изготовлена из глиняной массы желтого или сероватого цвета, с примесью шамота и зерен кварца. Внутренняя сторона сосудов обычно темнее. Обжиг слабый, но есть и хорошо обожженные фрагменты. Поверхность сосудов частью шероховатая, внутренняя сторона сглажена.

Иногда на поверхности видны неглубокие широкие борозды, получившиеся в результате сглаживания пальцами (табл. 1, *8*); большая часть обломков этой группы не орнаментирована (табл. 1, *9*; табл. 2, *5, 8, 11*); на отдельных обломках вдоль основания венчика нанесен несложный орнамент в виде ямок, сделанных пальцем (табл. 1, *4*), или насечек (табл. 1, *5*). Также имеются сосуды, горло которых лишено орнамента, а тулово покрыто ямками и бугорками (табл. 1, *11*). Толщина стенок — 0,8—1,2 см. Судя по обломкам, основные формы сосудов этой группы — горшки с широким горлом и глубокие миски.

II. Керамика с углубленным орнаментом светло-серого, желтоватого, палевого и розового цвета. Тесто глиняное, отмученное, с мелкой примесью шамота, в большинстве случаев плотное, хорошего обжига, хотя есть обломки слабо обожженные. Во многих случаях поверхность сглажена, причем сглаженные плоскости как бы дополняют систему орнаментации (табл. 3, *11*). Орнамент состоит из углубленных полос, нанесенных по сырой глине заостренным инструментом. Часто полосы расположены параллельно и образуют ленты, пространство между которыми заполнено поперечными насечками (табл. 2, *15*; 3, *5*). Орнамент подчеркивает отдельные части сосуда: на венчике обычно расположены вертикальные полосы, вдоль основания венчика проходит горизонтальная полоса (табл. 2, *13, 14*; табл. 3, *3, 4*), на тулове сосудов встречаются спирали, овалы из углубленных полос (табл. 3, *2, 6, 7*), дно отмечено насечками (табл. 2, *17, 20*) или выделено параллельными углубленными полосами (табл. 4, *23*). Сложные орнаментальные композиции придают керамике этой группы нарядный вид (табл. 3, *9*); иногда углубленные полосы сочетаются с отпечатками прямоугольного зубчатого штампа (табл. 2, *9, 10*); на двух фрагментах имеется выпуклость, имитирующая ушко, но без отверстия (табл. 4, *20, 21*). Округлые ямки и заполнение углубленных полос белой пастой, столь характерные для этого типа керамики, в данной группе не встречаются. Некоторые фрагменты украшены прочерченным орнаментом (табл. 3, *1*). Орнаментальные схемы примерно те же, что и на сосудах с углублен-

[4] Е. К. Черныш. К вопросу о раннетрипольских поселениях. Известия Молдавского филиала Академии наук СССР. № 4(31). Кишинев. 1956, стр. 11.

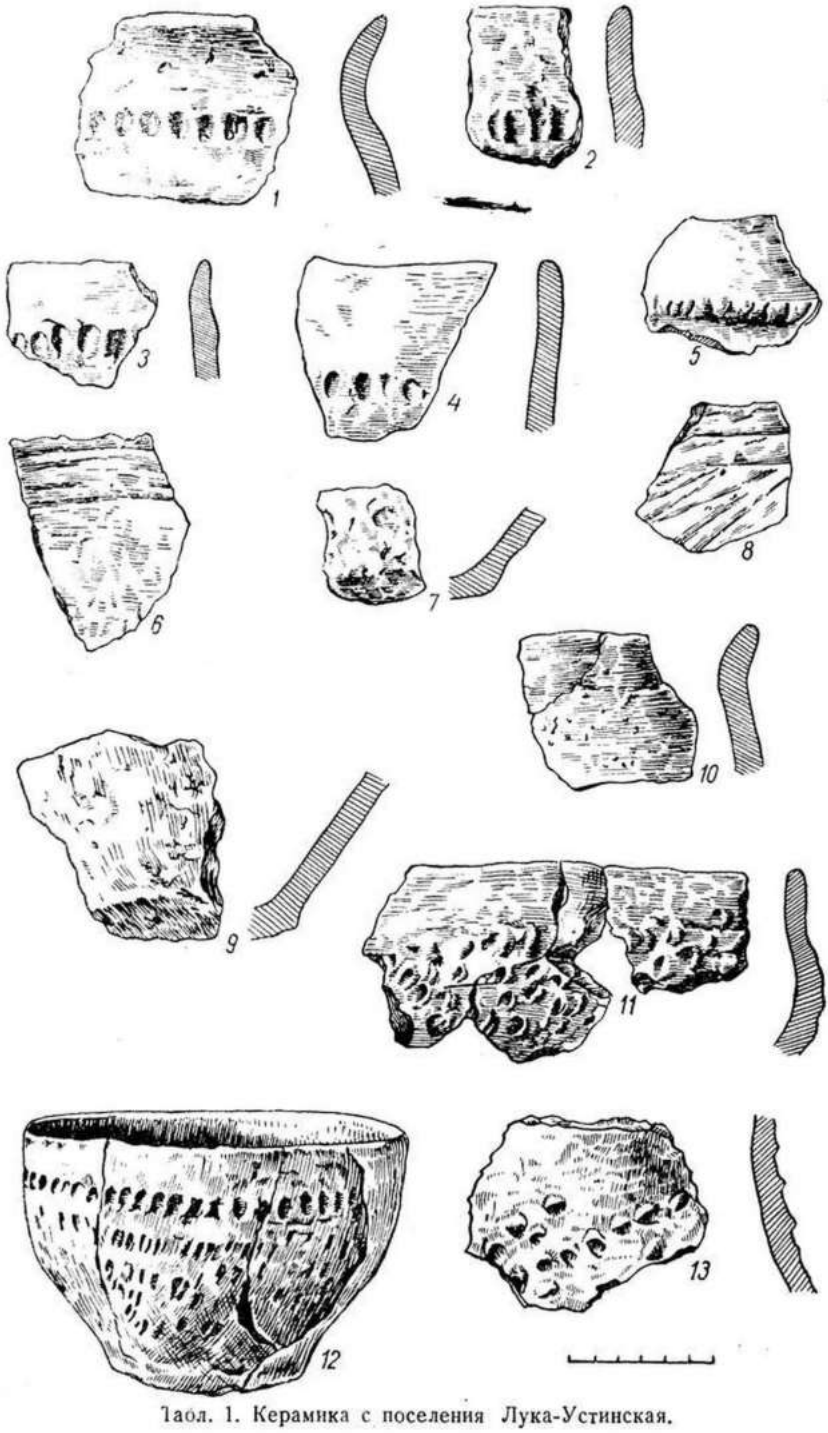


Табл. 1. Керамика с поселения Лука-Устинская.

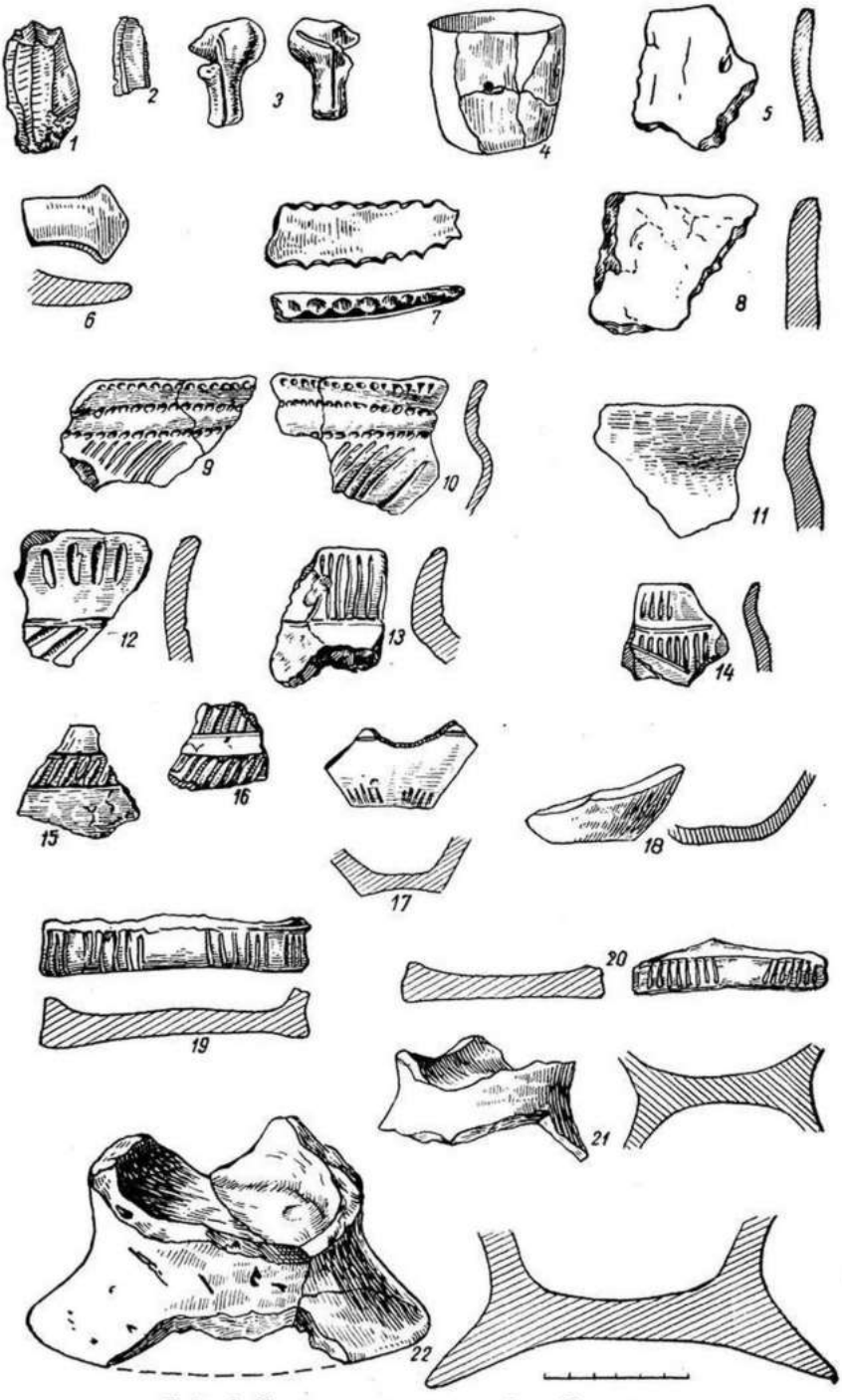


Табл. 2. Керамика с поселения Лука-Устинская.

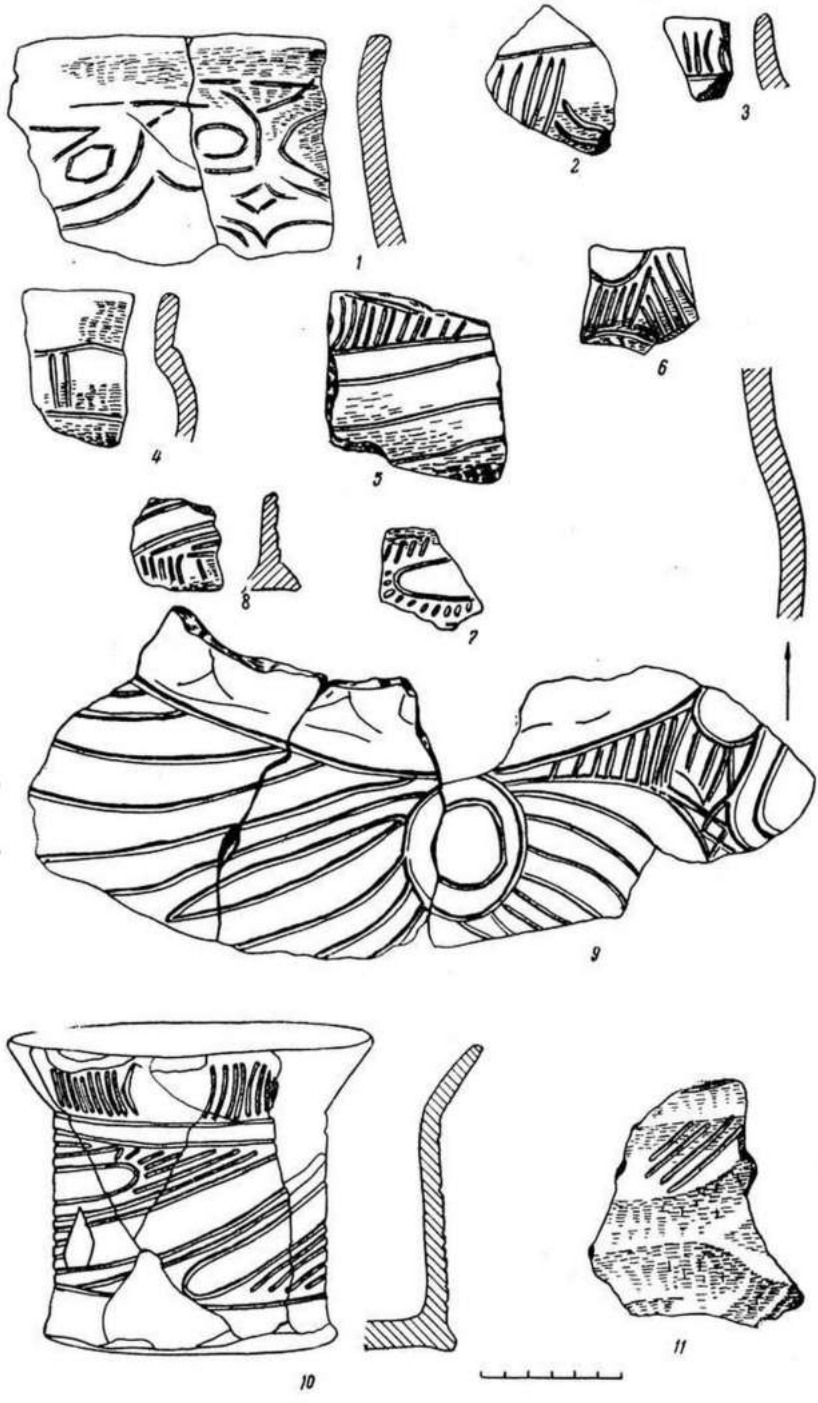


Табл. 3. Керамика с поселения Лука-Устинская.

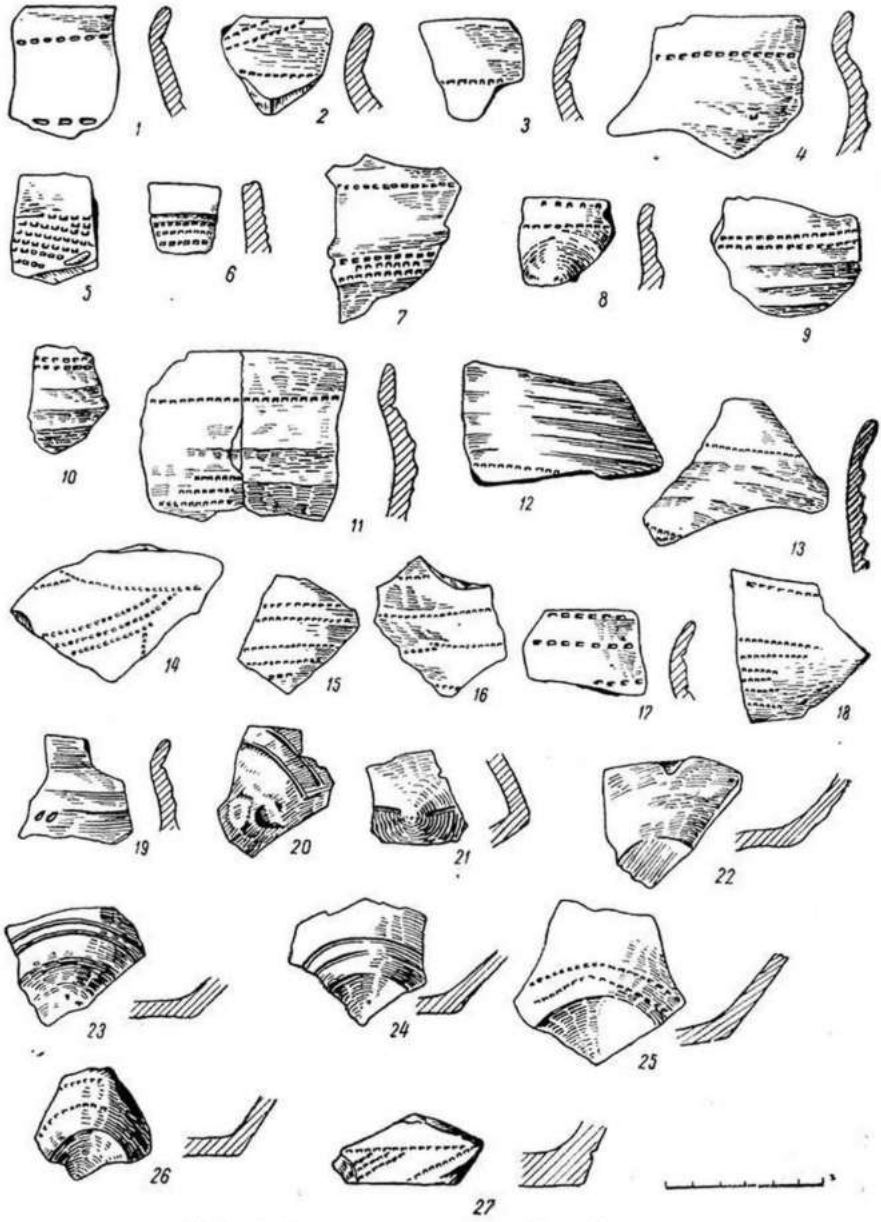


Табл. 4. Керамика с поселения Лука-Устинская.

ными полосами. По составу теста к этой же группе можно отнести обломки днища без орнамента (табл. 2, *18*; табл. 4, *22*).

По обломкам сосудов можно восстановить их формы; это — сосуды грушевидные, сосуды миниатюрные с небольшим дном, сосуды с отогнутым венчиком, сосуды с поддоном. Толщина стенок — 0,4—1 см.

К описанной группе керамики относится сосуд, который удалось частично реставрировать (табл. 3, *10*). Он имеет отогнутый венчик, почти прямые, слегка расширяющиеся книзу стенки и, несомненно, имел поддон (видны следы излома). Снаружи сосуд покрыт углубленным орнаментом. На венчике орнамент имеет вид слегка изогнутых параллельных полос, расположенных группами, на тулове — образует спиралевидные композиции. Высота сосуда — 12 см (в том числе высота венчика — 2,8 см), диаметр тулова — 11,3 см, диаметр дна — 11,5 см.

III. Каннелированная керамика сделана из хорошо отмученного теста светло-серого или темно-серого, реже желтоватого цвета, с мелкой примесью шамота. Лощение поверхностей, столь характерное для керамики этого типа, здесь отсутствует. Орнамент состоит из плоских каннелюр, расположенных параллельными горизонтальными рядами (табл. 4, *19*). Венчик не орнаментирован и отделяется от тулова полосой, состоящей из отпечатков прямоугольного зубчатого штампа (табл. 4, *11*, *13*). Иногда отпечатки зубчатого штампа расположены и по ребрам каннелюр (табл. 4, *10*), а иногда образуют самостоятельные орнаментальные схемы (табл. 4, *6*, 7, *14*). Судя по обломкам, это небольшие сосуды с прямым отогнутым венчиком и округлым туловом. Толщина стенок 0,4—0,6 см. По составу глиняного теста и толщине стенок к этой же группе относятся два неорнаментированных обломка днищ миниатюрных сосудов.

В жилище 1 найден также обломанный поддон миниатюрного сосуда без орнамента (табл. 2, *21*). Тесто хорошо отмученное, с единичной очень мелкой примесью шамота, слабого обжига. Высота — 4,8 см, диаметр — 6,5 см.

Среди керамических находок из аналогичного теста следует также отметить ручку черпака светло-желтого цвета, имеющую на одной стороне ребро посредине (табл. 2, *6*). К концу ручка расширяется. Длина ручки — 3,9 см, ширина — 2,1 см, максимальная ширина — 2,9 см, толщина — 1 см в центральной части и 0,5 см по краям.

В жилище 1 найден лишь один обломок глиняной фигурки, на поверхности которой нанесены углубленные полосы (табл. 2, *3*). Тесто светло-желтое, хорошо отмученное, слабого обжига. По сохранившейся части определить первоначальный вид фигурки затруднительно. Там же найдены кремневые концевые скребки и отщепы кремня светло-серого цвета.

Под жилищем найден обломок костяного рыболовного крючка.

Жилище 2 расположено на расстоянии 20 м к востоку от жилища 1. Юго-западный край его разрушен, и разрез жилища прослеживается в обрезе берега Днестра.

При снятии верхнего слоя земли до глубины 0,20 м были обнаружены единичные находки (обломки керамики, кремневые отщепы, раковины Unio), на глубине 0,40 м количество находок оставалось незначительным и несколько увеличилось лишь на глубине 0,40—0,60 м. Здесь выявились контуры площадки.

Сохранившаяся часть жилища имела площадь 7 × 4 м. Ориентировано жилище в направлении северо-восток — юго-восток. В разрезе берега под площадкой находилась яма, заполненная раковинами Unio; в ней прослеживались также отдельные кости животных.

Края площадки неровные, рваные, местами имеются пустоты. Конструкция площадки несложна, она в основном однослойная. Составляющие ее вальки сделаны из глиняного пористого теста со значительной примесью половы. В северо-восточной части жилища ясно прослеживались остатки печи, выделявшиеся сильной ошлакованностью обмазки. Из-под развала печи выступали гладкие подовые плитки большого размера — 0,10×0,20 м. В процессе разборки выявился под печи, выложенный из гладких плиток. У юго-западного края жилища было обнаружено несколько больших плит. Одна из них длиной 0,91 м стояла наклонно. Около плит обнаружена зола и обломок керамики эпохи полей погребений. Эти плиты, очевидно, представляют собой комплекс более позднего времени. Находок в жилище было немного, они состояли большей частью из обломков керамики, сосредоточенных главным образом в центральной части жилища.

Под площадкой находилась яма; ее очертания четко прослеживались по направлению ко дну, где залегали раковины. В верхней части контур ямы по цвету (светло-желтая окраска) почти не отличался от делювиального суглинка, из которого сложен берег Днестра. Яма неправильной формы; дно ее имело значительный наклон к юго-западу и было заполнено компактным слоем раковин Unio (наибольшая мощность слоя — 0,52 м) в самых различных положениях. На дне ямы прослеживались также мелкие обломки обожженных плиток.

Разборка была начата с юго-западной части ямы, северо-восточную ее часть сохраняли для получения поперечного разреза. Разборка показала, что уцелела приблизительно половина ямы, имеющая в плане форму неправильного сегмента размерами 1,70×0,65 м. Очевидно, первоначально яма имела форму неправильного овала. Стенки ее ровные, равномерно суживаются книзу. Самая глубокая (возможно, центральная) часть ямы прослеживалась в разрезе берега, глубина ее достигала 1,5 м.

Яма относится, несомненно, к тому же времени, что и глинобитное трипольское жилище. Об этом свидетельствуют встреченные на разных глубинах обломки трипольской керамики и вкрапления мелких кусочков обмазки и плиток. Скопление раковин Unio также относится к трипольскому времени и представляет собой, очевидно, запас раковин, имевших широкое применение в быту древних земледельческих племен (моллюсков употребляли в пищу, а раковины толкли и добавляли в качестве примеси в глиняное тесто; раковины использовали также и в виде украшений).

В яме были найдены человеческий череп и кости животных. По определению И. И. Гохмана, череп принадлежит девочке 12—14 лет. «. . . Сочетание выраженной долихокрании с узким и низким лицом, довольно широким носом и выступанием вперед верхней челюсти дает представление о средиземноморском расовом типе с отдельными чертами, характерными для современных негроидов».[5]

Интересны в этой связи выводы М. М. Герасимова, основанные на изучении антропологического материала Выхватинского могильника, раскопки которого производились Т. С. Пассек: «Антропологический тип древнего трипольца — вполне европейского облика; ближе всех отмечается сходство его со средиземноморским антропологическим типом».[6]

---

[5] И. И. Гохман. Череп ребенка из раннетрипольского поселения Лука-Устинская. Советская антропология, 1958, № 4, стр. 128.

[6] Т. С. Пассек. Некоторые итоги раскопок в Молдавии в 1955 году. КСИИМК, вып 70, 1957, стр. 85.

Череп ребенка из Луки-Устинской, таким образом, входит в круг других антропологических находок трипольской культуры; стратиграфические условия залегания его в яме под трипольским жилищем также говорят в пользу этого предположения. В связи с этим мы не можем согласиться с данной С. Н. Бибиковым датировкой погребения позднеславянским временем.[7] Керамический обломок, сделанный на гончарном круге, был найден на поверхности, среди плиток, а не в яме.

Вопрос о трипольских погребениях неоднократно ставился в археологической литературе.[8] Возможно, что в данном случае имело место частичное захоронение под жилищем, носившее ритуальный характер.

Фаунистические остатки, встреченные в жилищах и в яме, по определению В. И. Бибиковой, принадлежат быку, козе, косуле и оленю.[9]

Находки из второго жилища, так же как и находки из первого жилища, представлены в основном керамикой, которая может быть разделена на те же три группы: 1) грубая кухонная, 2) с углубленным орнаментом, 3) с каннелированным орнаментом. Наиболее многочисленную группу составляет кухонная керамика. Керамика с углубленным и керамика с каннелированным орнаментом почти равны по численности, с незначительным преобладанием керамики с углубленным орнаментом.

I. Кухонная керамика светло-желтого и серого цвета, внутри обычно темнее. Тесто с примесью шамота, зерен кварца, обжиг различный — есть фрагменты сильно и слабо обожженные. Наружная поверхность сосудов шероховатая, на ней иногда заметны неглубокие широкие полосы от сглаживания (табл. 1, *6*). Внутренняя сторона сглажена. Большинство фрагментов не орнаментировано (табл. 1, 7, *10*); в тех случаях, когда имеется орнамент, он весьма несложен, состоит из отпечатков пальцев, нанесенных рядами на сырую глину вдоль основания венчика (табл. 1, *1, 2, 3*), или ямок и бугорков, покрывающих тулово сосуда (табл. 1, *13*). Толщина стенок — 0,5—1 см. Основные формы сосудов — горшки с широким горлом и глубокие миски.

К этой же группе относится реставрированная миска светло-желтого цвета (табл. 1, *12*); поверхность миски шероховатая, тесто с примесью шамота и крупных зерен кварца. По тулову сосуда на расстоянии 2 см от края венчика нанесен орнамент — четыре ряда бугорков и ямок. Высота миски — 10,3 см, диаметр — 16 см, диаметр дна — 8 см.

II. Керамика с углубленным орнаментом светло-желтого и серого цвета. Тесто хорошо отмученное, компактное, хорошего обжига, с мелкой примесью шамота. Орнамент в виде углубленных полос, расположенных параллельно (табл. 3, *8*). Углубленные полосы частью широкие (3 мм), частью более узкие (1,5—2 мм). Нередко пространство между ними заполнено поперечными углубленными полосами (табл. 2, *16*). Параллельные углубленные полосы выделяют дно сосуда (табл. 2, *19*; 4, *24*). Только на одном фрагменте в углубленных полосах сохранились следы белой пасты (табл. 2, *12*).

---

[7] С. Н. Бибиков. Трипольские поселения в окрестностях Луки-Врублевецкой. КСИА, вып. 6, 1956, стр. 15.

[8] С. Н. Бибиков. К вопросу о погребальном ритуале в Триполье. КСИИМК, XLVIII, 1952, стр. 36—40; Ю. Захарук. До питання про обряд поховання населения трипільської культури в Середньому Подніпров'ї. Наукові записки Інституту суспільних наук. 1, АН УРСР, Львівський філіал. Київ, 1953, стр. 153—162; Т. С. Пассек. Итоги работ в Молдавии в области первобытной археологии. КСИИМК, 56, 1954, стр. 95—97; Т. С. Пассек. Новые данные о позднетрипольских поселениях на Днестре. Известия Молдавского филиала Академии наук СССР, № 5(25). Кишинев, 1955, стр. 26—29.

[9] С. Н. Бибиков. Трипольские поселения в окрестностях Луки-Врублевецкой. КСИА, вып. 6, 1956, стр. 15.

По обломкам можно восстановить такие формы керамики: сосуды с отогнутым венчиком и сосуды на поддонах. Поддон орнаментирован параллельными углубленными полосами, расположенными вертикально (табл. 2, *19*). Толщина стенок — 0,7—1 см.

III. Керамика с каннелированным орнаментом палевого, светло-желтого, светло-серого и серого цвета. Тесто глиняное, хорошо отмученное, с мелкой примесью шамота, слабого обжига. Лощение не прослеживается. Орнамент состоит из параллельных неглубоких каннелюр шириной 6 мм, сочетающихся с отпечатками мелкого прямоугольного зубчатого штампа. Отпечатки расположены по ребрам каннелюр или параллельно им (табл. 4, *9*, *12*, *15*, *16*, *17*). Иногда отпечатки зубчатого штампа составляют самостоятельную орнаментальную схему (табл. 4, *5*, *18*, *27*). Орнамент нередко выделяет отдельные части сосудов — ряд отпечатков зубчатого штампа проходит под венчиком (табл. 4, *1*, *2*, *3*, *4*) или параллельно дну сосуда (табл. 4, *25*, *26*). На одном фрагменте имеется выпуклость в виде ушка, но без отверстия; она окаймлена широкой каннелюрой (табл. 4, *8*).

По фрагментам можно восстановить форму сосудов — это миниатюрные сосуды с прямым или слегка отогнутым венчиком и узким дном. Толщина стенок 0,4—0,8 см.

В жилище 2 найден поддон сосуда светло-желтого цвета без орнамента (табл. 2, *22*). Тесто глиняное, хорошо отмученное, с единичными включениями крупных зерен кварца. Высота — 7,8 *см*, диаметр — 9,7 см, максимальный диаметр дна — 16,5 см.

Там же найден миниатюрный сосуд без орнамента, который удалось реставрировать (табл. 2, *4*). Тесто светло-желтого цвета. Высота — 4,4 см, диаметр — 5,8 см, диаметр дна — 3,1 см.

Обнаружен также обломок изогнутой ручки черпака желтовато-серого цвета с зигзагообразными краями (табл. 2, *7*). Обжиг хороший, в тесте значительное количество очень мелкой примеси. Длина обломка — 7,8 см, максимальная ширина — 2,4 см, минимальная — 1,1 см, толщина — 1 см.

Кремневые изделия встречаются в жилище 2 в виде единичных находок. Из них следует отметить тонкую пластинку из светло-серого кремня со следами трех предшествующих сколов на спинке (табл. 2, *2*). Края пластинки тонкие, с мелкими зазубринами. Оба конца обломаны. Длина — 2,9 см, ширина — 1,4 см. Найден также призматический нуклеус со следами продольных сколов (табл. 2, *1*). В результате пребывания в огне он потрескался и приобрел белый цвет. Единственная находка из металла — медная пластинка — тоже была обнаружена в жилище 2.

Поселение Лука-Устинская ближайшим образом связано с другими раннетрипольскими памятниками этапа А в Поднестровье, к ним относятся Лука-Врублевецкая,[10] Ленковцы,[11] Берново-Лука,[12] Со-

[10] С. Н. Бибиков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре. МИА, № 38, М.—Л., 1953.

[11] Е. К. Черныш. Раннетрипольское поселение у с. Ленковцы. КСИИМК, XLVII, 1952, стр. 41—51; Е. К. Черныш. Житлові споруди ранньотрипільського поселення біля с. Ленківці. Матеріали і дослідження по археології УРСР. Львівський філіал Академії наук УРСР. Інститут суспільних наук. Наукові записки, т. II, Київ, 1954, стр. 34—48; Е. К. Черныш. Раннетрипольское поселение у с. Ленковцы Черновицкой области. КСИА, вып. 4, 1955, стр. 136—137; Е. К. Черныш. Ранньотрипільське поселення Ленківці на середньому Дністрі. Київ, 1959.

[12] Т. С. Пассек. Раскопки трипольских поселений на Среднем Днестре. КСИИМК, 51, 1953, стр. 46—54; Т. С. Пассек. Археологическое изучение трипольских поселений на Днестре. Доклады VI научной конференции Института археологии. Киев, 1953, стр. 230—235.

лонченик,[13] Голерканы,[14] Попов-город,[15] Попикова Криница[16] и др.

По своему топографическому расположению на первой надпойменной террасе поселение Лука-Устинская сходно с Берново-Лукой и Лукой-Врублевецкой. Жилища в Луке-Устинской представлены наземными глинобитными сооружениями, которые были обнаружены и на других поселениях (Ленковцы, Солончени, Голерканы). Следует при этом отметить, что в Ленковцах, Солончени и Голерканах существовали одновременно и полуземлянки, являющиеся единственным видом жилищ в Луке-Врублевецкой и Берново-Луке.

Как отмечают исследователи, во всех наземных глинобитных жилищах пол был однослойным, что характерно также и для жилищ в Луке-Устинской.

Особенностью Луки-Устинской является небольшое количество находок. Это дает основания полагать, что жилища не были оставлены внезапно: их обитатели, уходя, взяли с собой весь наиболее ценный для них инвентарь. Кроме того, следует учесть, что часть жилищ была утрачена при разрушении берега Днестра.

Керамический комплекс из Луки-Устинской в основном сходен с находками, сделанными на других поселениях, где представлены те же группы керамики; однако можно отметить различия в деталях. В Луке-Устинской совершенно отсутствует керамика с прокраской, встреченная в Берново-Луке, Ленковцах и Луке-Врублевецкой. Инкрустация белой пастой, свойственная керамике с углубленным орнаментом из тех же поселений, представлена в Луке-Устинской лишь единичной находкой. Отсутствует в Луке-Устинской и столь обычный элемент орнамента, как округлые ямки, отмеченные на керамике с углубленным орнаментом во всех поселениях. Не встречается сочетание углубленного и каннелированного орнамента, обычное для Берново-Луки, Голеркан, Ленковцев.

Среди кухонной керамики Луки-Устинской, помимо обычной орнаментальной схемы (несложный орнамент в один ряд по основанию венчика), встречается и другой прием — сплошное покрытие поверхности тулова сосуда ямками и бугорками, что свойственно главным образом раннетрипольским памятникам по Пруту и Серету,[17] позднеэнеолитическим памятникам Подунавья и Балкан, а также всем фазам культуры Боян.[18] Аналогичная керамика была найдена Т. С. Пассек в верхнем культурном слое поселения Флорешты, на левом берегу р. Реут.[19]

Наиболее тесная связь прослеживается между материалами Луки-Устинской и материалами других раннетрипольских поселений Поднестровья. Однако Лука-Устинская может быть сопоставлена с раннетрипольскими памятниками и других районов, имеющими свои локальные

---

[13] Т. Г. Мовша. Глинобитное жилище раннетрипольского поселения Солончены 1. Известия Молдавского филиала АН СССР, № 5(25), 1955, стр. 5—14.

[14] Т. С. Пассек. Раскопки на многослойном поселении у с. Голерканы на Днестре в 1954 году. Известия Молдавского филиала АН СССР, № 4(31), 1955, стр. 19—37.

[15] М. Рудинський. Поповогородський вияв культури мальованої керамики. Антропологія, III, 1930, стр. 235—259.

[16] Т. С. Пассек. Трипольские поселения на Днестре. КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 44—45.

[17] Е. К. Черныш. К вопросу о раннетрипольских поселениях. Известия Молдавского филиала АН СССР, № 4(31). Кишинев, 1956, стр. 13.

[18] Т. С. Пассек. Новые открытия на территории СССР и вопросы позднеэнеолитических культур Дунайско-Днестровского междуречья. СА, 1958, № 1, стр. 40.

[19] Т. С. Пассек. Новые открытия на территории СССР и вопросы позднеэнеолитических культур. . ., стр. 39, рис. 5; Т. С. Пассек. Некоторые итоги раскопок в Молдавии в 1955 году. КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 87, рис. 32.

особенности: в Побужье — Борисовка,[20] Сабатиновка,[21] Греновка,[22] Печора,[23] Данилова Балка,[24] Красноставка,[25] Могильна,[26] Александровка,[27] на Пруте — Ветиловка,[28] в Румынии — Извоаре[29] и Ларга Жижиа.[30]

Кухонная керамика с орнаментом в виде ямок и бугорков по тулову сосуда представлена в Извоаре[31] и Ларга Жижиа.[32] В Извоаре мы встречаем и наиболее близкую аналогию обломку нашей статуэтки.[33]

Ближайшими аналогиями ручке черпака (табл. 2, *б*) являются находки из Луки-Врублевецкой [34] и несколько отличающаяся в деталях ручка из Александровки.[35]

Таким образом, Лука-Устинская является типичным раннетрипольским памятником этапа А со всеми особенностями, присущими памятникам этого времени в Поднестровье.

---

[20] М. Біляшівський. Досліди на городищі біля с. Борисівки Линецького району (б. Липовецького повіту), на Київщині. Коротке звідомлення за археологічні досліди 1925. Київ, 1926, стр. 67—71; М. Біляшівський. Борисівське городище. Трипільська культура на Україні, вып. 1, Київ, 1926, стр. 1—7.

[21] М. Л. Макаревич. Середньобузька експедиція по дослідженню пам'яток Трипільської культури. Археологічні пам'ятки УРСР, т. IV, Київ, 1952, стр. 91—95.

[22] М. Л. Макаревич, ук. соч., стр. 89—91.

[23] Археологічні дослідження на південному Поділлі в 1948 р. Археологічні пам'ятки УРСР, т. IV. Київ, 1952, стр. 193. Е. К. Черныш. Многослойный памятник у с. Печоры на Южном Буге. Археологический сборник. Гос. Эрмитаж, вып. 1. Л., 1959, стр. 166—201.

[24] Э. А. Сымонович. Раннетрипольское поселение в с. Данилова Балка. КСИИМК, XXXIX, 1951, стр. 104—109.

[25] Т. Л. Белановская. Трипольское поселение Красноставка. КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 31—39.

[26] Н. С. Гасюк. Разведки раннетрипольских поселений у с. Могильна. КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 173—175.

[27] А. Л. Есипенко. Памятники ранней поры Триполья у поселка Кирилловка Одесской области. КСИА, вып. 4, 1955, стр. 140—141; А. Л. Есипенко. Раннетрипольское поселение Александровка. Материалы по археологии Северного Причерноморья, вып. 1. Одесса, 1957, стр. 10—23.

[28] Б. О. Тимощук. Розвідка в бассейні р. Пруту. Археологічні пам'ятки УРСР, т. III. Київ, 1952, стр. 409—410.

[29] R. Vulpe. Izvoare. Sapaturile din 1936—1948. Editura Academiei Republicii Populare Romine, 1957.

[30] Santierul valea Jljei. Studii cercetări di istorie veche. Anul III, 1952, стр. 47—56.

[31] R. Vulpe, ук. соч., стр. 82, рис. 52.

[32] Studii si cercetări de istorie veche. Anul III, 1952, стр. 51, рис. 6.

[33] R. Vulpe, ук. соч., стр. 342, табл. 50, *1*, *2*.

[34] С. Н. Бибиков, ук. соч., стр. 342, табл. 50, *1*, *2*.

[35] А. Л. Есипенко. Раннетрипольское поселение Александровка. Материалы по археологии Северного Причерноморья, вып. 1. Одесса, 1957, стр. 20, табл. 1—8.

О ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ И ГЕНЕТИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ЛОКАЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ

Л. С. Клейн

Локальными вариантами катакомбной культуры принято считать группы памятников эпохи бронзы, родственные донецкой группе катакомбных погребений, которая была выделена В. А. Городцовым как особая культура,[1] а теперь трактуется как один из вариантов катакомбной культуры. Правда, нет единого мнения о том, какие именно из этих групп правомерно включать в число вариантов катакомбной культуры, а какие не обнаруживают признаков родства с нею в достаточном количестве и должны считаться особыми, самостоятельными культурами или вариантами каких-либо других культур. Но если не задаваться вопросами классификационного характера, если ограничиться лишь проблемами относительной хронологии и генетических связей, то, очевидно, при этом должны быть учтены все группы памятников, которые дают какие-либо основания, хотя бы спорные, для трактовки их в качестве локальных вариантов катакомбной культуры. К вариантам катакомбной культуры разными исследователями причислялись в разных сочетаниях: донецкий (или среднедонецкий), среднеднепровский, нижнеднепровский, североприазовский, волго-манычский (он же предкавказский вариант или предкавказская культура) и полтавкинская культура.[2]

---

[1] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде, Харьковской губернии 1901 года. Труды XII АС, т. I. М., 1905, стр. 174—225; В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 года. Труды XIII АС, т. I. М., 1907, стр. 211—297; В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. Отчет Исторического музея за 1914 г. М., 1916, стр. 170—179.

[2] Б. А. Латынин. Курганные погребения так называемого катакомбного типа. Тезисы диссертации, защищенной в ЛГУ в 1929 г.; Б. А. Латынин. Материалы по истории родового общества степей и лесостепей Восточной Европы. Корректорский оттиск из ПИДО, 1935, № 3—4 (статья не была напечатана); Б. А. Латынин. К вопросу об уровне развития производительных сил в эпоху ранней бронзы. КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 3—4, прим. 11; Г. В. Подгаецкий. Предскифский период на Среднем Дону (рукопись канд. дисс.). Архив ЛОИА, ф. 47, д. 23; Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры (Северное Причерноморье во втором тысячелетии до нашей эры). Труды ГИМ, вып. 24. М., 1955, стр. 11, 67—93; Т. Б. Попова. Этапы развития и локальные варианты катакомбной культуры. СА, вып. XXII. М., 1955, стр. 40—60. Ср. П. С. Рыков. К вопросу о культуре бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье. Отд. оттиск из журн. «Известия Краеведческого института изучения Южно-Волжской области при Саратовском университете», т. II. Саратов, 1927, стр. 1—11; P. Rau. Hockergräber der Wolgasteppe. Ausgrabungsmaterial des Zentralmuseums der Wolgadeutschen Republik. Mitteilungen des Zentralmuseums der Aut. Soz Räte-Republik der Wolgadeutschen, 3. Jahrg., 1928, Hft 1. Pokrowsk, 1928, стр. 15—16; P. Rau. Neue Funde aus Hockergräbern des Wolgadeutschen Gebiets. ESA, IV. Helsinki, 1929, стр. 41; С. С. Березанская, О. Г. Шапошникова. Рец. на книгу Т. Б. Поповой. СА, 1957, № 2, стр. 271—272.

С вопросом о хронологических и генетических взаимоотношениях локальных вариантов катакомбной культуры неразрывно связан вопрос о происхождении катакомбной культуры, так как вполне очевидно, что корни культуры должны прослеживаться от древнейшего ее варианта, исходного для остальных вариантов. Поэтому сторонники гипотезы о происхождении катакомбной культуры из культуры ямной (О. А. Кривцова-Гракова, Т. Б. Попова и другие) признавали древнейшими и исходными вариантами катакомбной культуры именно те, в которых есть памятники, сочетающие элементы обеих этих культур, и трактовали их как памятники «переходного типа».[3] При этом, приняв мысль о происхождении катакомбной культуры из ямной за доказанную, они отсюда уже выводили заключение о глубокой древности вариантов с «переходными» памятниками — североприазовского и нижнеднепровского, тогда как правильнее был бы обратный ход доказательств. Существование памятников с сочетанием элементов двух разновременных культур не является достаточным основанием для увязки этих культур в единую генетическую цепь. Следовательно, мысль об этой увязке не может служить доказательством исключительной древности приазовского и нижнеднепровского вариантов, а, напротив, сама нуждается в доказательстве.

М. И. Артамонов первым в советской археологической литературе выступил против концепции происхождения катакомбной культуры из ямной, указав, что памятники с сочетанием элементов обеих культур, расположенные на периферии катакомбной культуры, могут быть результатом смешения культур. В свою очередь М. И. Артамонов, основываясь на нескольких соображениях частного характера (северокавказские аналогии «репчатых» сосудов, кавказский облик металлического инвентаря катакомбной культуры и структурные аналогии между катакомбами и дольменами), выдвинул мысль о зарождении катакомбной культуры на Северном Кавказе и в связи с этим счел предкавказский вариант катакомбной культуры самым древним из ее вариантов, исходным для остальных.[4] Но предпосылки М. И. Артамонова недостаточны для доказательства этого тезиса, а следовательно, не может считаться доказанным и старшинство, превосходство в возрасте предкавказского варианта катакомбной культуры над остальными вариантами.

Если подойти к сопоставлению локальных вариантов катакомбной культуры без какой-либо предвзятой идеи о ее происхождении, то неизбежно бросится в глаза особое положение донецкого варианта в системе локальных вариантов катакомбной культуры.

Во-первых, по территориальному размещению донецкий вариант является центральным, все остальные по отношению к нему оказываются, так сказать, периферийными, окраинными.[5]

Во-вторых, донецкий вариант по ряду признаков выступает как сплошная, монолитная масса.

---

[3] О. А. Кривцова-Гракова. Генетическая связь ямной и катакомбной культуры. Труды ГИМ, вып. VIII. М., 1938, стр. 33—38; Т. Б. Попова, указанные сочинения.

[4] М. И. Артамонов. Раскопки курганов на Маныче в 1937 г. СА, вып. XI, 1949, стр. 331—333, 336; М. И. Артамонов. К вопросу о происхождении скифов. ВДИ, 1950, № 2, стр. 42, 47. Наиболее полное изложение этой гипотезы содержал спецкурс по катакомбной культуре, читавшийся М. И. Артамоновым в Ленинградском университете в сороковых годах (основываюсь на моих записях лекций, — *Л. К.*).

[5] См. Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры..., стр. 69 — рис. 15 (карты); стр. 95 — рис. 20 (карты); Т. Б. Попова. Этапы развития и локальные варианты..., стр. 41 — рис. 5 (карта).

По материалам В. А. Городцова, *погребения данной культуры почти всегда совершались в катакомбах.*[6] Из 76 погребений этой культуры В. А. Городцов отметил всего 11 случаев, когда погребения катакомбного типа находились в обычных грунтовых ямах.[7] Другими авторами было отмечено еще несколько подобных случаев.[8] В моей статье, специально посвященной этому вопросу, рассматриваются детально все эти случаи и приводятся доказательства того, что в большинстве случаев (если не во всех) здесь имелись разрушенные катакомбы, не выявленные при раскопках.[9] Таким образом, помещение покойника в катакомбу является на Донце правилом, не знающим или почти не знающим исключений.

Для донецких катакомб характерно положение покойника *всегда в скорченном виде.* Это правило неукоснительно соблюдается на Северском Донце.[10] В изюмской серии катакомбных погребений нет ни одного погребения с вытянутым скелетом. В бахмутской серии оказалось лишь одно такое погребение (Переездная, кург. 1, погр. 6)', но оно по ряду других особенностей выпадает из донецкой группы катакомбных погребений и, вероятно, должно относиться к приазовской группе.[11] С точки зрения территориальной локализации этого погребения такая его оценка вполне правомерна.

Еще один признак, характерный для донецкого варианта, — *положение покойника на правом боку, лицом к выходу из катакомбы.* В изюмских катакомбах все без исключения скелеты лежат на правом боку и все, за исключением одного, обращены лицом к выходу из катакомбы.[12] В бахмутской серии лишь в одном погребении (Ступки, кург. 1, погр. 4—9) имеется скелет ребенка, лежащего на левом боку, но и в этой катакомбе мужчина и несколько женщин покоятся на правом боку, а ребенок, оказавшийся на левом боку, находится в ногах одной из женщин, головой в противоположную сторону («валетом»). Вполне очевидно, что его положение — подчиненное, а не определяющее, и самостоятельного значения не имеет.[13]

Далее, строгим правилом является на Донце *ориентировка покойника головою на Ю или З*, чаще на Ю. В изюмской серии В. А. Городцова, если, как и поступил В. А. Городцов, не принимать в расчет покойников, ориентированных по принципу антитезы к основному погребенному, главному в данной катакомбе, окажется, что из 30 покойников 13 ориентировано головою на Ю, 11 — на ЮЗ и З, 6 на ЮВ и В и ни

---

[6] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде..., стр. 189—190; В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде..., стр. 221.

[7] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде..., стр. 200; В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде..., стр. 221.

[8] А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Родовое общество степей Восточной Европы. Основные формы материального производства. Известия ГАИМК, вып. 119, 1935, стр. 33—44; О. А. Кривцова-Гракова. Генетическая связь ямной и катакомбной культуры..., стр. 33—38.

[9] Л. С. Клейн. О так называемых ямных погребениях катакомбного типа (статья принята к печати в журнал «Советская археология»).

[10] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде..., стр. 192; В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде..., стр. 222, 226, 227.

[11] Там же, стр. 227.

[12] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде..., стр. 192.

[13] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахтумском уезде..., стр. 222, 226, 227; см. также в том же томе описание погребения на стр. 313—314.

одного — на С, СЗ или СВ.[14] В бахмутской серии, за исключением двух могил, принадлежность которых к этой группе сомнительна,[15] останется 7 погребений, ориентированных на Ю, 6 — на З и 5 — на ЮВ и В.[16] Итого по обеим сериям: на Ю — 20, на ЮЗ и З — 17, на ЮВ и В — 11 и ни одного погребения, в котором покойники были бы обращены головами к румбам северной половины компасного круга.

Однотипен и *облик керамики* — плоскодонные сосуды с выпуклыми боками, прямой шейкой и устойчивым широким дном. Эта форма является почти единственной для Донца: из 53 целых сосудов изюмской и бахмутской серий В. А. Городцова только 3 имели другую форму.[17]

Такая выдержанность, такое строгое соблюдение определенных норм характерны только для донецкого варианта. Очевидно, население, оставившее эту культуру на Донце, длительное время не принимало в свою среду сколько-нибудь значительных примесей иноплеменных групп. В этом смысле можно говорить о своего рода чистоте донецкого варианта.

Особенная монолитность донецкого варианта катакомбной культуры создает, кроме того, впечатление, что это культура, так сказать, уже отстоявшаяся, что составные ее элементы давно сплавились в единое целое. Это значит, что складывалась и кристаллизовалась эта культура где-то в другом месте, а на Северский Донец пришла уже в готовом, вполне сложившемся виде, с устойчивыми, прочно определившимися традициями.

Иначе обстоит дело с периферийными вариантами.

На Среднем Дону, по отрывочным сведениям, собранным в диссертации Г. В. Подгаецкого, устраивались *катакомбы*, но далеко не всегда. Г. В. Подгаецкий убедительно реконструирует разрушенные катакомбы там, где исследователи, ведшие раскопки, констатировали только грунтовые ямы, но признает возможным, что многие погребения катакомбного типа были здесь устроены в грунтовых ямах.[18] К этому следует добавить, что известны и достоверные погребения катакомбного типа на территории Среднего Подонья, устроенные в грунтовых ямах, перекрытых бревнами (Сватова Лучка, курганы 2 и 9), в насыпи (хутор Мечетный, курган 1, погр. 1) и даже в срубах (Сватова Лучка, кург. 1 и 8).[19]

В Северном Приазовье и в Крыму число погребений катакомбного типа в грунтовых ямах весьма значительно, но все же преобладают, по крайней мере в Северном Приазовье, погребения в катакомбах.[20] В предкавказских степях грунтовые ямы, по данным А. А. Иерусалимской, преобладают над катакомбами, составляя 70% от общего числа погребений данной культуры этого района.[21] Погребения полтавкин-

---

[14] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде..., стр. 192, 225.

[15] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде..., стр. 227.

[16] Там же, стр. 222, 226, 227.

[17] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде..., стр. 198, табл. VIII—IX; В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде..., стр. 232.

[18] Г. В. Подгаецкий. Предскифский период...

[19] Е. П. Трефильев. Археологическая экскурсия в Купянский уезд Харьковской губернии летом 1901 года. Труды XII АС, т. I. М., 1905, стр. 131—140.

[20] Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры..., стр. 54, 141; О. І. Тереножкін. Кургани в долині р. Молочної. Археологічні пам'ятки УРСР, т. VIII. Розкопки курганів на р. Молочній в 1951—1952 роках. Київ, 1960, стр. 5, 11, 13.

[21] А. А. Иерусалимская. К истории племен эпохи бронзы степного Предкавказья (Предкавказский вариант катакомбной культуры). Автореф. дисс. Л., 1958, стр. 6.

ского типа редко совершались в катакомбах: погребения с катакомбным устройством могилы составляют примерно четверть всех полтавкинских погребений, причем обычно это не настоящие катакомбы, а скорее подбои.[22] Наконец, на Днепре катакомб, по заключению Т. Б. Поповой, вообще нет; там погребения катакомбного типа всегда помещаются в грунтовых ямах или ямах с подбоями, но покойники в подбои не кладутся — туда помещаются только вещи.[23] Утверждение Т. Б. Поповой не совсем верно: катакомбы на Днепре и к западу от него есть,[24] но их там действительно обнаружено немного.

Скорченность покойников тоже не везде так обязательна, как на Донце. В Приазовье вытянутое положение покойника на спине встречается нередко, хотя и не преобладает.[25] Значительная группа погребений с вытянутыми скелетами, лежащими на спине, выявлена в Предкавказье.[26] Такое же положение погребенных встречается и в полтавкинских памятниках.[27] Средний Дон в этом отношении мало отличается от Северского Донца,[28] зато для Нижнего Поднепровья более характерным является вытянутое положение покойников на спине.[29]

Равным образом и *положение покойников* на боку в погребениях катакомбного типа на периферийных территориях не так строго выдержано, как на Донце. Г. В. Подгаецкий отмечает, что в погребениях катакомбного типа на Среднем Дону покойники иногда лежат на спине с подогнутыми к туловищу ногами, обычно же — на боку, чаще — на левом.[30] Т. Б. Попова придерживается того же мнения.[31] Если, однако, просмотреть материалы из раскопок Е. П. Трефильева и Е. Мельник, легко убедиться, что преобладающим здесь является положение на пра-

---

[22] P. Rau, ук. соч.; О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, вып. 46, М., 1955, стр. 16—17.

[23] Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры ..., стр. 73—74, 141.

[24] См., напр., В. А. Городцов. Классификация погребений Одесского кургана. Отчет Исторического музея за 1915 год. М., 1916, стр. 131—133; П. Д. Либеров. Курганы у хутора Харчевик. КСИИМК, вып. 45, 1952, стр. 74—82; А. И. Тереножкин. Комплексная экспедиция на Кременчугской ГЭС и раскопки у Ново-Георгиевска в 1956 году, КСИА, вып. 8, 1959, стр. 5—7.

[25] Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры..., стр. 31, 36; О. І. Тереножкін. Кургани в долині р. Молочної..., стр. 10. В сносках на стр. 9 и 10 А. И. Тереножкин предлагает поправки к описаниям погребений, содержащимся в моей статье в том же томе «Археологічніх пам'яток». Речь идет о реконструкции первоначального положения погребенных, нарушенного вследствие разложения мышц и связок. А. И. Тереножкин считает, что первоначально эти скорченные покойники были положены на спину с поднятыми кверху ногами, вследствие же разложения трупа ноги свалились на бок. Я, напротив, считаю, что эти погребенные лежали на боку, а вследствие разложения туловище отвалилось на спину (в собственном отчете А. И. Тереножкин также признал такую возможность — см. стр. 26 указанного тома). Я исхожу при этом из следующего: если прав А. И. Тереножкин, то 1) почему в погребениях однотипных ноги падают в одну и ту же сторону, а не беспорядочно — то направо, то налево, то в обе стороны? 2) почему одновременно череп оказывается повернутым лицевой частью в ту же сторону, куда «упали» ноги, и там же оказываются кисти обеих рук? Что же касается компромиссного решения, предложенного А. И. Тереножкиным в сноске на стр. 10 («кістяки лежали на боку, але з дуже великим поворотом корпусу на спину»), то в подобной позиции и живому человеку нелегко удержаться сколько-нибудь продолжительное время. Думается, что если в указанном томе и подлежит пересмотру интерпретация некоторых погребений этого типа, то не в моей статье (ср., напр., в указанном томе рис. 9, 12, 31, 33 и многие другие рисунки и описания).

[26] А. А. Иерусалимская, ук. соч., стр. 6.

[27] Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры..., стр. 133.

[28] Г. В. Подгаецкий. Предскифский период...

[29] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, вып. XVII, М., 1948, стр. 155.

[30] Г. В. Подгаецкий. Предскифский период...

[31] Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры..., стр. 84.

вом боку,[32] в Предкавказье покойники чаще лежат на левом боку,[33] в Северном Приазовье — то на левом боку, то на правом, то на спине с подогнутыми к туловищу ногами; положение на правом боку, однако, представляется мне преобладающим и здесь.[34]

Точно так же обстоит дело с *ориентировкой погребений*. Для Среднего Дона Г. В. Подгаецкий считает характерной южную ориентировку: из 8 учтенных им погребений только 2 (из них одно парное) оказались ориентированными на С и СЗ.[35] Если привлечь, однако, и здесь материалы Е. П. Трефильева и Е. Мельник, то цифровое соотношение резко изменится: прибавится 3 погребения с южной ориентировкой, 6 — с западной и 7 — с северной. А если учесть однотипные с последними погребения без керамики, то не 7, а 14 погребений окажутся с северной ориентировкой, и ее придется считать преобладающей. Во всяком случае, единой для всех погребений ориентировки здесь нет. На Среднем Днепре преобладает западная ориентировка, в Северном Приазовье на р. Обиточной — южная,[36] в полтавкинской группе — восточная,[37] но везде без строгой выдержанности; можно ли на Нижнем Днепре выявить ведущую ориентировку, пока неясно; на р. Молочной ориентировка самая разнообразная.[38]

Все это сочетается с *многообразием керамики*. На Среднем Дону Г. В. Подгаецкий выделил 4 типа сосудов. Из них два типа схожи с донецкими, но отличаются более вытянутыми пропорциями и слегка расширенной кверху шейкой, третий имеет еще и ребро (резкий перегиб стенок в средней части), придающее сосуду биконическую форму, а четвертый и вовсе далек от донецкого стандарта — это обычный горшок с небольшим, мягко отогнутым венчиком.[39] В предкавказских степях, кроме сосудов, похожих на донецкие (таковы многие сосуды I и II типов, по А. А. Иерусалимской), есть в значительном количестве и другие: большие репчатые сосуды, небольшие высокогорлые кувшины, сосуды с уступом и пр.[40] В Северном Приазовье, кроме керамики донецкого типа, тоже есть иная, совершенно на нее непохожая: яйцевидные сосуды с небольшим донцем и утолщенным венчиком, без шейки; нередко попадаются сосуды с одной или двумя ручками или с выпуклинами на плечиках и др.[41] Картину такого же смешения форм сосудов можно наблюдать и на территориях прочих периферийных вариантов.

Создается впечатление, что во всех этих окраинных группах памятников представлена смешанная культура, в которой катакомбная культура донецкого типа является лишь одним из компонентов,

---

[32] Е. П. Трефильев. Археологическая экскурсия...; Е. Мельник. Раскопки курганов в Харьковской губернии 1900—1901 гг. Труды XII АС, т. I. М., 1905, стр. 673—703; дневники раскопок, стр. 703—743.

[33] А. А. Иерусалимская, ук. соч., стр. 14.

[34] Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры..., стр. 56; О. І. Тереножкін. Кургани в долині р. Молочної..., стр. 10, 13. См. также мою сноску 25 здесь.

[35] Г. В. Подгаецкий. Предскифский период...

[36] Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры..., стр. 143—144.

[37] П. С. Рыков. К вопросу о культуре бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье; P. Rau, ук. соч.

[38] С. С. Березанская и О. Г. Шапошникова. Рец. на кн. Т. Б. Поповой. СА, 1957, № 2, стр. 271. О. І. Тереножкин. Кургани в долині р. Молочної..., стр. 10.

[39] Г. В. Подгаецкий. Предскифский период...

[40] А. А. Иерусалимская. О предкавказском варианте катакомбной культуры. СА, 1958, № 2, стр. 36—39 и рис. 1; Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры..., стр. 90.

[41] Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры..., стр. 86 и рис. 19; О. І. Тереножкін. Кургани в долині р. Молочної..., стр. 12.

а из прочих компонентов особенно значительную роль сыграла культура ямная.

Таково второе обстоятельство, выступающее при сопоставлении локальных вариантов катакомбной культуры, и таковы выводы из этого обстоятельства.

В-третьих, в ямной культуре, подстилающей донецкий вариант катакомбной культуры, нет никаких следов соседства с катакомбной культурой. Из этого приходится сделать вывод, что катакомбная культура пришла в бассейн Донца не с соседних, смежных территорий, а откуда-то издалека. Следовательно, ни один из окраинных вариантов катакомбной культуры не может считаться исходным для донецкого и более ранним, чем донецкий.

Из какой именно дальней местности могло прийти в бассейн Донца население, оставившее донецкий вариант катакомбной культуры, вопрос особый. Не вдаваясь здесь в детальное его рассмотрение, напомню лишь не раз привлекавшиеся в этой связи факты близких аналогий катакомбной культуре, известные в восточном Средиземноморье и в бассейне среднего течения Дуная — кёрешские и более поздние чаши на четырехлепестковой ножке, баденские сосуды с небольшим отделением внутри, катакомбы Кипра, Вучедола и Злоты, концентрические круги в орнаменте глиняной посуды культур этой территории и т. п.[42]

В-четвертых, очень характерно, что в погребениях донецкого варианта можно заметить лишь крайне слабые элементы, допускающие предположение о каком-то воздействии ямной культуры; таков круглодонный сосуд (Великая Камышеваха, кург. 2 у «Гострой Могилы», погр. 3),[43] профили некоторых типов керамики и т. п.[44]

Наличие подобных предметов еще не дает оснований для узко определенного вывода. Оно может быть свидетельством сосуществования катакомбной культуры, вторгшейся в бассейн Донца, с ямной культурой, остававшейся на смежных территориях, но может трактоваться и как результат включения небольшого количества носителей местной культуры в состав новоприбывших племен. Оба возможных решения отражают одну и ту же картину вторжения племен катакомбной культуры на территорию, которую занимали прежде носители ямной культуры. Малочисленность же и слабость этих предположительно чуждых элементов в катакомбной культуре Донца свидетельствует о том, что население ямной культуры было в основном не ассимилировано, а уничтожено или вытеснено с берегов Донца и что пришельцы весьма слабо поддавались воздействию ямной культуры смежных территорий (если она, разумеется, там сохранялась).

А возможно, что «подозрительные» элементы в донецком варианте катакомбной культуры и вовсе не связаны с культурой ямной.

В-пятых, только *вокруг* территории донецкого варианта катакомб-

---

[42] O. Montelius. Die Chronologie der ältesten Bronzezeit in Nord-Deutschland und Skandinavien. Braunschweig, 1900, стр. 202; O. Montelius. Die vorklassische Chronologie Italiens. Stockholm, 1912, стр. 150—152; В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде..., стр. 208—209; В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде..., стр. 247—248; В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России..., стр. 171—172; В. Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации, пер. с англ. М., ИЛ, 1952, стр. 218—221, 238—239, 395—396. Ср. также: О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы..., стр. 20.

[43] В. А. Городцов. Материалы археологических исследований на берегах р. Донца, Изюмского уезда, Харьковской губернии. Труды XII АС, т. I. М., 1905, стр. 327—328.

[44] См.: О. А. Кривцова-Гракова. Генетическая связь ямной и катакомбной культуры..., стр. 36.

ной культуры, причем именно на территориях окраинных ее вариантов, особенно в Северном Приазовье и Нижнем Поднепровье, отмечается множество памятников с сочетанием черт обеих культур — ямной и катакомбной. Это главным образом ямные и подбойные погребения с катакомбными вещами, гораздо менее многочисленные катакомбные погребения с традициями ямной культуры в инвентаре и обряде, поселения с керамикой ямной, катакомбной и керамикой промежуточных типов.

В число этих памятников следует включить и некоторые погребения, в которых найдены «костяные» молоточковидные булавки, костяные пронизи с нарезкой и другие украшения, большей частью из кости. До недавнего времени к памятникам *смешанного* ямно-катакомбного характера относили *ямные* погребения, содержавшие подобные украшения, ибо эти вещицы издавна прослыли характерными для *катакомбной* культуры, типичными предметами катакомбного инвентаря. Теперь к памятникам смешанного характера приходится относить уже не ямные, а *катакомбные* погребения с подобными находками, ибо отнесение молоточковидных булавок, пронизей с нарезкой и пр. к катакомбной культуре оказалось ошибочным. Как показал недавно Б. А. Латынин, собравший все сведения о молоточковидных «костяных» (они оказались роговыми) булавках и других предметах этого комплекса, все они на самом деле связываются в основном не с катакомбной, а с *ямной* культурой. Лишь иногда они встречаются в катакомбных погребениях окраинных вариантов катакомбной культуры (Днепр, Северное Приазовье, полтавкинская культура), но ни разу не были найдены на Донце.[45] Вот эти именно катакомбные погребения и надлежит теперь включать в число памятников смешанного характера.

Таковы основные разновидности памятников смешанного характера на окраинах (главным образом южных) катакомбной культуры.

Эти именно памятники и превлекались для доказательства происхождения катакомбной культуры из ямной в данных районах; они-то и трактовались (особенно подбойные погребения) как памятники «переходного типа». Однако памятники эти не дают корреляции типологических признаков и, следовательно, не выстраиваются в единую генетическую цепь. Признаки обеих культур сочетаются в них хаотично: катакомбные предметы встречаются и в ямных, и в подбойных, и в катакомбных погребениях, равно как и ямные предметы.[46] Керамика ямная, катакомбная и промежуточных типов залегает на поселениях в одном и том же слое, стратиграфически не разделенная.[47] Следовательно, здесь налицо механическое смешение элементов обеих культур.

Преобладание в числе таких памятников смешанного характера именно ямных погребений с катакомбными предметами говорит о том, что здесь еще существовала ямная культура в то самое время, когда по соседству, т. е. на Донце, уже появилась культура катакомбная — источник влияний на ямную. Наличие в подбойных погребениях того же

---

[45] С разрешения Б. А. Латынина ссылаюсь на его доклад о молоточковидных булавках, прочитанный на экспедиционном пленуме ИИМК в апреле 1958 г. в Москве.

[46] Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры..., стр. 16—19, 50—51, 53—57. Характерно, что исследователь, который в общем придерживается взглядов О. А. Кривковой-Граковой и Т. Б. Поповой на происхождение катакомбной культуры, — А. И. Тереножкин, — коль скоро дело доходит до конкретного анализа обширных раскопок на р. Молочной, прямо признает, что в этих материалах невозможно отыскать достаточно данных «о постепенном переходе от древнеямных погребальных сооружений к могилам катакомбного типа» (О. І. Тереножкін. Кургани в долині р. Молочної..., стр. 12—13).

[47] Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры..., стр. 57—66.

инвентаря, что и в катакомбах, привело С. С. Березанскую и О. Г. Шапошникову к весьма логичному заключению об одновременности этих погребений.[48] Следовательно, подбойные погребения суть не прототипы катакомб, а подражания им — показатель сильной степени влияния катакомбной культуры. Влияние это могло быть связано и с какой-то инфильтрацией катакомбных племен. Трудно сказать, остались ли немногочисленные катакомбные погребения с отдельными чертами ямной культуры от такой инфильтрации (т. е. оставлены ли они представителями катакомбной культуры, испытавшими некоторое воздействие местной среды) или они просто являются результатом далеко зашедшей культурной ассимиляции местного населения на этих территориях.

В-шестых, примечательно, что на территории донецкого варианта катакомбной культуры нет не только указанных погребений смешанного ямно-катакомбного характера, но и тех погребений в ямах с заплечиками (с уступами), которые представляют поздний этап развития ямной культуры и хорошо известны на смежных территориях.[49] Там они впущены в курганы, где основными погребениями являются древнеямные, и предшествуют сооружению в этих курганах впускных катакомб окраинных вариантов катакомбной культуры — нижнеднепровского, североприазовского, предкавказского, а быть может, и совпадают с ними по времени, по крайней мере частично. Очевидно, на Северском Донце ямная культура сменилась катакомбной, не успев достичь этого этапа. Это говорит о том, что существование донецкого варианта катакомбной культуры в окружении ямной культуры до появления окраинных вариантов катакомбной культуры могло быть весьма длительным.

Заключение о большей древности донецкого варианта по сравнению с окраинными вариантами подкрепляется и анализом связей с соседними культурами.

Только в памятниках донецкого варианта встречаются прямые аналогии вещам новосвободненской группы майкопской культуры (2100—1700 гг., по А. А. Иессену,[50] по новым данным — еще древнее)[51] — бронзовые проушные топоры, бронзовый кованый крюк, белые пастовые рубленые бусы.[52] Только на Донце в памятниках катакомбной культуры есть предметы, интерпретируемые как импорт из софиевской культуры (конец III тысячелетия, по В. Н. Даниленко и М. Л. Макаревич,[53] первая четверть II тысячелетия, по Ю. Н. Захаруку и Т. Б. Поповой),[54] — свернутые в трубочку медные пластинки, коричневатый

[48] С. С. Березанская, О. Г. Шапошникова. Рец. на кн. Т. Б. Поповой. СА, 1957, № 2, стр. 273.

[49] P. Rau. Neue Funde aus Hockergräbern..., стр. 45 и рис. 1 на стр. 43; М. И. Артамонов. Раскопки курганов в долине реки Маныча в 1935 г., СА, IV, 1937, стр. 114, рис. 35; М. И. Артамонов. Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г. СА, XI, 1949, стр. 307, рис. 2 и стр. 312, рис. 8; А. И. Тереножкин. Раскопки курганов в долине реки Молочной в 1952 г. КСИИМК, вып. 63, М., 1956, стр. 71 и др. Именно погребения этой группы послужили М. Гимбутене основой для выделения (не во всем правомерного) «культуры шалашных погребений» — см. M. Gimbutas. The prehistory of Eastern Europe, pt. I (Bulletin of the American School of prehistoric research, No. 20), Cambridge, Mass., 1956, стр. 71, 74—80.

[50] А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов». СА, XII, 1950, стр. 193.

[51] Р. М. Мунчаев. Научная сессия Дагестана. СА, 1959, № 4, стр. 336 (о новой датировке А. А. Иессена).

[52] Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры... стр. 99—101, 111.

[53] В. М. Даниленко та М. Л. Макаревич. Червонохутірський могильник мідного віку з трупоспаленням. Археологічні пам'ятки, т. VI. Київ, 1956, стр. 98.

[54] Ю. М. Захарук. Софіївський тілопальний могильник. Археологічні пам'ятки, т. IV. Київ, 1952, стр. 120; Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры..., стр. 128—129.

волынский кремень Гончаровского клада,[55] если, конечно, этот клад вообще относится к катакомбной культуре.[56]

Наоборот, комплексы, трактуемые как наиболее ранние в окраинных вариантах, нередко сопровождаются весьма поздними вещами. Так, например, на Нижнем Днепре известно погребение (№ 62 на Виноградном о-ве) в яме, с катакомбным сосудом и пронизями из птичьих костей, т. е. вполне укладывающееся в разряд «переходных памятников» Т. Б. Поповой, но в этом же погребении найдены бронзовые кольца срубного типа (круглые в сечении).[57] В Приазовье, у совхоза Аккермень, обнаружено катакомбное погребение (кург. 8, погр. 7), в котором вместе с костяными пронизями, украшенными винтовой нарезкой (один из элементов культуры «переходного этапа», по Т. Б. Поповой), оказался каменный сверленый топор со свисающим лезвием, имеющий почти точные аналогии в Бессарабском (Бородинском) кладе XIV в.[58] Т. Б. Попова считает это достаточным основанием для того, чтобы отодвинуть начальную дату бытования топоров этого типа к XVII в. до н. э.[59] Не вернее ли будет обратное заключение — приближение к XIV в. конечной даты существования костяного комплекса, в который, кстати, кроме костяных пронизей входят и молоточковидные булавки? Признаком древности катакомбных погребений в Северном Приазовье («переходный этап») считается также вытянутое положение покойников — традиция ямной культуры.[60] Однако в одном из таких погребений (Аккермень, кург. 14, погр. 4, ямное, катакомбного типа) найден сосуд срубной формы — остроребериый, хотя и с орнаментом катакомбного характера,[61] а в другом таком погребении (в Крыму) — бронзовый изогнутый нож, находящий аналогии в Трое середины II тысячелетия.[62]

Факты долгого сохранения традиций ямной культуры известны и в районах других периферийных вариантов. Так, например, в одном позднем полтавкинском погребении со срубом найден горшочек очень архаичного облика — почти яйцевидной формы, с елочным орнаментом.[63] В Заволжье в ямном погребении найден бронзовый листовидный нож катакомбного типа.[64]

О. А. Кривцова-Гракова отмечает, что катакомбы в полтавкинской культуре — неустойчивых форм, неклассических типов — суть явное подражание настоящим, как и в Нижнем Поднепровье.[65] Мысль о том, что полтавкинская культура уходит корнями в катакомбную культуру, в ее донецкий вариант, станет особенно убедительной, если подтвердится

---

[55] Т. Б. Попова, Племена катакомбной культуры ..., стр. 129—130.

[56] Ср. С. С. Березанская, О. Г. Шапошникова. Рец. на кн. Т. Б. Поповой. СА, 1957, № 2, стр. 275; С. Н. Одинцова. Клады кремневых изделий из с. Гончаровки. КСИА, вып. 6, 1956, стр. 45—46.

[57] Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры..., стр. 42—43.

[58] Ср.: А. И. Тереножкин. Археологические исследования в 1951 г. на территории строительства Молочанского водохранилища. КСИА, I. Киев, 1952, стр. 17. О. А. Кривцова-Гракова. Бессарабский клад. М., Изд. ГИМ, 1949, табл. X.

[59] Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры..., стр. 109—110.

[60] Там же, стр. 54—56.

[61] Там же, стр. 44.

[62] П. Н. Шульц. Исследования Неаполя Скифского (1945—1956 гг.). Сб. «История и археология древнего Крыма». Киев, 1957, стр. 67.

[63] P. Rau. Hockergräber der Wolgasteppe..., стр. 31—34, рис. 4, табл. III, 2; О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы..., стр. 15—16, 21—22.

[64] И. В. Синицын. Памятники родового общества степей Заволжья. Уч. зап. Саратовского гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского, т. LXVI, вып. исторический. Саратов, 1958, стр. 302—303.

[65] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы..., стр. 16—17.

предположение, что наибольшее сходство с катакомбными памятниками обнаруживают как раз наиболее ранние полтавкинские погребения.[66]

Такую же картину А. А. Иерусалимская вскрыла в степном Предкавказье. Так что, хотя предкавказский вариант также выдвигался в качестве более древнего, чем донецкий, здесь нет нужды подробно останавливаться на этом. А. А. Иерусалимская в своих работах детально рассмотрела этот вопрос и показала, что предкавказский вариант моложе донецкого и, по-видимому, обязан ему своим существованием. Правда, фактические доказательства этого положения у А. А. Иерусалимской не выделены, не сведены в систему и не предъявлены в опубликованных пока работах, но они все же имеются.[67]

Нет также необходимости детально рассматривать здесь в этом плане материалы среднеднепровского и среднедонского вариантов, так как поздний характер среднеднепровского варианта считается несомненным,[68] — наоборот, под сомнением находится его принадлежность к катакомбной культуре,[69] а среднедонской вариант обнаруживает слишком явную и значительную зависимость от срубной культуры (деревянная обшивка стенок катакомбы, опрокинутость катакомбных орнаментальных композиций на керамике и пр.).

Таким образом, в результате предложенного сопоставления именно донецкий вариант катакомбной культуры выступает как наиболее древний из ее вариантов, исходный для остальных.[70] Разумеется, при выяснении источников этих последних должны быть учтены и другие компоненты — ямная культура, северокавказская и пр., в том числе, возможно, также и непосредственно культуры дальних западных земель (для приазовского варианта).

---

[66] Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры..., стр. 132—134.

[67] А. А. Иерусалимская, ук. соч. и полный текст канд. дисс. (рукопись); см. также: Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Памятники эпохи бронзы в Дагестане (Курганная группа у станции Манас). СА, XXVI, 1956, стр. 167—203.

[68] Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры..., стр. 80—84.

[69] См. С. С. Березанская и О. Г. Шапошникова. (Рец. на кн. Т. Б. Поповой) СА, 1957, № 2, стр. 271—272.

[70] В пользу этого вывода говорят также материалы из раскопок в Северном Приазовье, свидетельствующие об эпизодическом проникновении носителей катакомбной культуры с Донца в среду ямного населения Приазовья задолго до окончательного исчезновения ямной культуры, т. е. о синхронности катакомбной культуры Донца с позднеямной культурой Приазовья — см. Л. С. Клейн. Новые данные о хронологических взаимоотношениях ямной и катакомбной культур. Вестник ЛГУ, 1960, № 20, серия истории, языка и литературы, вып. 4, стр. 144—148.

О СВЯЗЯХ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ ЛЕСОСТЕПНОЙ УКРАИНЫ С ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПОЙ В ЭПОХУ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

В. Д. Рыбалова

Обмен между населением западных областей правобережной лесостепной Украины и племенами Центральной Европы возникает еще в эпоху энеолита, когда одним из важных предметов обмена являлся высококачественный галицко-волынский кремень.

Благодаря своему богатству металлическим сырьем, в том числе таким редким и ценным, как олово, в эпоху средней и поздней бронзы Центральная Европа имела передовую металлургию и широкие экономические связи. В круг этих связей на востоке, по-видимому, входила вся Правобережная Украина, не имевшая собственной рудной базы. Особенно большое значение обмен с Центральной Европой имел для лесостепных районов Правобережной Украины, которые наиболее удалены от восточных источников металла и территориально граничат с Центральной Европой.

Настоящая работа представляет собой сводку известных нам металлических изделий центральноевропейских типов эпохи средней и поздней бронзы, происходящих с территории Правобережной лесостепной Украины. В эту сводку вошли не только те вещи, которые представляют собой центральноевропейский «импорт», но также и те, которые носят следы влияния центральноевропейской металлургии. В ней также будут упомянуты некоторые изделия западноевропейских типов, которые, всего вероятней, проникли на Украину через Центральную Европу.

Прежде всего необходимо сказать о том, какие основные культуры существовали на территории правобережной лесостепи в рассматриваемый период.

Наиболее ранней и широко распространенной является комаровская культура, время существования которой относится к среднему периоду и к началу позднего периода бронзы.

В некоторых районах Поднестровья комаровская культура, по-видимому, исчезает несколько раньше, чем в северных и восточных районах лесостепи, что связано с распространением здесь в конце II тысячелетия до н. э. фракийской культуры Ноа.

Однако на территории Южной Волыни и на Среднем Днепре, где развитие войцеховско-комаровской культуры не было нарушено никакими внешними факторами, последняя существует вплоть до начала I тысячелетия до н. э., становясь в этих районах основой для сложения белогрудовско-чернолесской культуры.[1]

---

[1] Пользуюсь случаем отметить, что я никогда не высказывала приписываемого мне А. И. Тереножкиным взгляда на Белогрудовку и Чернолесье как на два синхронных варианта лесостепной культуры. (А. И. Тереножкин. К вопросу об этнической принадлежности лесостепных племен Северного Причерноморья в скифское время. СА. т. XXIV, 1955, стр. 7).

Белогрудовско-чернолесская культура (IX—VII вв. до н. э.) граничила и сосуществовала на юго-западе лесостепи с заключительной фазой культуры Ноа, но главным образом с голиградской культурой, ведущей свое начало от Ноа. На юго-востоке ее граница достигала окраины степей, где она смыкалась с сабатиновской культурой Южного Буга, Днестра и Ингула,[2] а также с позднесрубной культурой Поднепровья.

Таким образом, говоря о населении правобережной украинской лесостепи в рассматриваемый период, мы будем иметь в виду племена войцеховско-комаровской и белогрудовско-чернолесской культур, а также чисто фракийское население Поднестровья с культурой типа Ноа — Голиграды. В настоящей работе мы рассматриваем преимущественно Волынь и Поднепровье, материалы которых более доступны для исследования.

Первая сводка металлических изделий лужицкого типа, происходящих с территории Украины, принадлежит Т. Сулимирскому.[3] В настоящее время эта сводка может быть несколько пополнена и уточнена. Материалы археологических исследований последних лет на Волыни, Подолии и в Поднепровье не подтвердили некоторых общих выводов и предположений Т. Сулимирского. По его мнению, распространение на Украине бронзовых изделий лужицких типов обусловлено массовой миграцией лужицкого населения с территории Польши на Волынь. Границу лужицкого расселения Т. Сулимирский доводит почти до Днепра.

Однако, как показывают материалы археологических исследований последних лет, в Западной Украине,[4] даже в ближайших к Побужью районах, местная культура предскифского и раннескифского времени не обнаруживает следов сильного лужицкого влияния. Кроме того, есть все основания полагать, что на Западном Буге, так же как на Средней Висле, лужицкая культура не была привнесена извне, а сложилась на местной тшинецкой основе, бок о бок с лесостепными культурами Украины. Одной из причин широкого распространения на Украине бронзовых изделий лужицких и других, центральноевропейских типов является расселение племен войцеховско-комаровской и раннебелогрудовской культур из западных областей лесостепи к верховьям Южного Буга и Среднему Днепру. Эта племенная группа имела налаженный обмен не только с Повисленьем, но также с некоторыми районами Северной Венгрии и Чехословакии.

Т. Сулимирский несколько тенденциозно и односторонне освещает вопрос о связях Украины с Центральной Европой. Он сводит все к лужицкой миграции на Волынь, недооценивая значение обмена.

---

[2] Сабатиновская группа памятников, по моему мнению, представляет собой не поздний вариант срубной культуры, хронологически следующей за белозерским (см. О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1959, стр. 161), а самостоятельную культуру, сложившуюся к началу I тысячелетия до н. э. на основе культуры многоваликовой керамики. Сабатиновская культура нашла свое полное и законченное развитие только на западной окраине Правобережной степной Украины, куда не проникало сильное влияние срубной культуры волго-донского типа.

[3] T. Sulimirski. Zagadnienie ekspansji kultury łużickiej na Ukraine. Wiadomosci archeologiczne, t. XIV. Warszawa, 1936, стр. 40 и сл.

[4] Материалы разведки Дубно-Кременецкой экспедиции 1948 г. и отряда В. И. Канивца на Горыни в 1948—1950 гг. (Институт археологии АН УССР); материалы раскопок М. А. Тихановой в Лепесовке в 1958—1959 гг.(нижний горизонт) и ее разведки на Горыни (ЛОИА АН СССР).

Проблема связей лесостепной Украины и Центральной Европы была затронута позже в работах А. И. Тереножкина.[5] Ограничиваясь весьма неполным беглым обзором некоторых групп вещей, происходящих со Среднего Днепра, этот автор приходит к выводу, что центральноевропейский металлический «импорт» на данной территории был крайне незначительным. По мнению А. И. Тереножкина, лужицкая культура не сыграла сколько-нибудь существенной роли в развитии лесостепных племен предскифского и скифского периодов, в формировании их металлической культуры.

В противовес польским исследователям Т. Сулимирскому и Т. Лер-Сплавинскому, допускавшим возможность распространения лужицкой этнической «экспансии» до Днепра, А. И. Тереножкин выдвигает свою гипотезу о «натиске» чернолесских племен с Днепра в районы верхнего течения Днестра. Эта гипотеза, на наш взгляд, также страдает тенденциозностью и противоречит известным археологическим фактам.

Так, мы не имеем никаких оснований связывать появление в Западной Украине и Польше кельтов с четырехугольными втулками, сходных с ними фасетированных кельтов, а также бронзовых изделий «понтийских», кавказских и сибирских типов, с расселением чернолесцев с Днепра на Запад. А. И. Тереножкин не доказывает ни принадлежности к чернолесскому времени большинства этих находок, ни самого факта расселения чернолесских племен Поднепровья до верховьев Днестра. В своих работах А. И. Тереножкин крайне растягивает хронологические рамки так называемых белогрудовского и чернолесского этапов и завышает их даты. Это позволяет ему искусственно связать с данной культурой все разновременные и разнокультурные случайные находки бронзовых изделий на территории Среднего Поднепровья, начиная с последних веков II тысячелетия до н. э. и вплоть до середины VII в. до н. э. Мы не можем согласиться с его утверждением, что тюльпановидная керамика с орнаментом в виде валиков и проколов по венчику сосудов появляется на Западном Буге и Сане в результате «натиска» чернолесцев на Верхний Днестр. Это утверждение противоречит тем взглядам на взаимоотношение культур Повисленья и Поднепровья, которые этот исследователь высказал в своей более ранней работе.[6]

Не имея в данный момент возможности всесторонне рассматривать проблему связей лесостепной Украины и Центральной Европы, мы ограничиваемся настоящей сводкой, которая в какой-то степени характеризует масштабы обмена с Центральной Европой и его значения для развития культур правобережной лесостепной Украины.

В эпоху средней бронзы, которая является временем широкого распространения войцеховско-комаровской культуры, наиболее обычную и широкую группу бронзовых изделий на территории Волыни и Киевщины составляют нагрудные украшения («фибулы») среднеевропейского типа.

«Фибулы»[7] состоят из двух спиралевидных щитков, соединенных вместе трубчатой спиралью (рис. 1, 2). Украшения этого типа на

---

[5] А. И. Тереножкин. Среднее Приднепровье в начале железного века. СА, 1957, № 2, стр. 47 и сл.; А. И. Тереножкин. Предскифский период в лесостепном Правобережье. Автореф. дисс. на соискание ученой степени доктора ист. наук. М., 1958.

[6] А. И. Тереножкин. К вопросу об этнической принадлежности лесостепных племен Северного Причерноморья в скифское время. СА, т. XXIV, 1955.

[7] Волынские украшения, за исключением одного экземпляра (Дитиничи), не имеют иглы на оборотной стороне.

Волыни известны в Кустовце,[8] Дитиничах,[9] Войцеховке.[10] Обломки подобных «фибул» найдены в кургане близ Теклина на Днепре, а также на некоторых дюнных поселениях в районе Житомира и Киева. Последние находки имеют сильно деградированную форму. На территории Центральной Европы украшения такого рода чаще всего встречаются в лужицких памятниках Чехии,[11] Моравии,[12] Силезии.[13] Известны они и на территории Словакии,[14] откуда, возможно, и проникли на Украину.

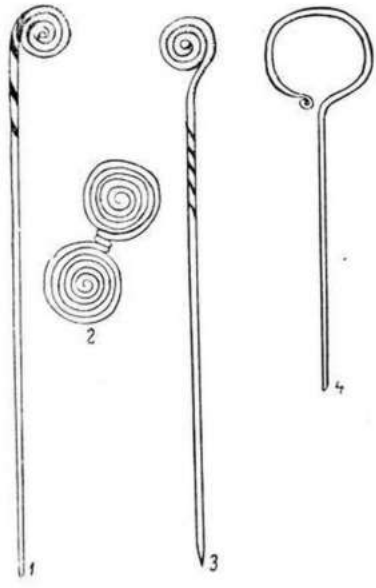


Рис. 1. Бронзовые украшения из южноволынских курганов эпохи бронзы.

1–2 — Войцеховка (современная Колосовка) Полонского района Каменец-Подольской области; *3* — Дитиничи Вербского района Ровенской области; *4* — Чаруков Сенкевичевского района Волынской области.

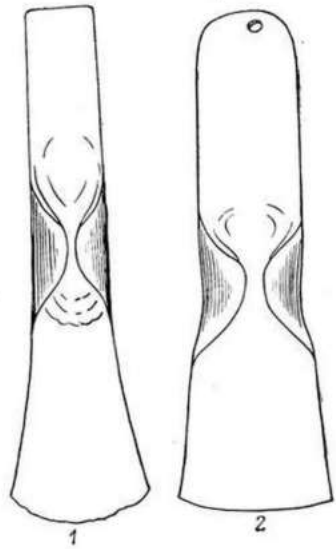


Рис. 2. Бронзовые топоры с Украины (случайные находки).

1 — Чернигов; *2* — Среднее Поднепровье (Черкасская область?).

Другой характерной формой являются булавки со спиралевидными головками (Войцеховка, Дитиничи). Булавка из Войцеховского могильника (рис. 1, *1*) более напоминает образцы курганной культуры,[15] чем лужицкие. Булавка из Дитиничей (рис. 1, *3*), подобно лужицким, имела слегка изогнутую шейку.

---

[8] J. Kostrzewski. Kurhan Szkieletowy z epoki bronsowej w Kustowcu w pow. Zwiagelskim (Wolyń) Przegląd archeologiczny, t. III, Poznań, 1925, стр. 113—115.

[9] О. Ф. Лагодовська. Войцехівський могильник бронзової доби на Волині. Археологія, т. II. Київ, 1948, стр. 76.

[10] Там же, стр. 65, рис. 2, *2*.

[11] J. Schránil. Die Vorgeschichte Böhmens und Mährens. Berlin — Leipzig, 1927—1928, табл. XXVIII, *23*.

[12] A. Gottwald. Sídliště a hroby s kulturou popelnikovych poli na Prostějovsku. Pravěk. L'Age Prehistorique. Olomouc, 1908, стр. 102.

[13] M. Ebert. Reallexikon der Vorgeschichte. Bd. XI. Berlin, 1927, рис. 85, *m*.

[14] J. Eisner. Slovensko v pravěku. Bratislava, 1933, табл. 7, *9*.

[15] J. Schránil, ук. со.ч, табл. XXV, 25; J. Pič. Čechy předhistoricke. Starožitnosti zeme Ceske, dil I, sv. 2. Praha, 1900, табл. VI, *1*.

Широкую группу находок составляют волынско-киевские браслеты с концами, закрученными в спиралевидные диски. Наиболее типологически близок к центральноевропейским образцам [16] браслет из Овруча,[17] имевший ленточный обруч, и диски, расположенные один над другим. Браслеты из Кустовца, Войцеховки,[18] Теклина [19] значительно отличаются от среднеевропейских. Все они изготовлены из круглого в сечении стержня.

В одном из поздних курганов Войцеховского могильника был найден обломок бляшки [20] кновицко-миловицкого типа.[21]

К числу центральноевропейских «импортных» изделий конца III — начала IV периодов бронзы относятся топоры с крылышками (рис. 2, *1*, *2*); один топор происходит из-под Чернигова,[22] другой — из Черкасской области (?).

В погребении у с. Чарукова Сенкевичевского района Волынской области вместе с керамикой комаровского типа (ваза с двумя ручками, тюльпановидный сосуд) обнаружена бронзовая булавка (рис. 1, *4*),[23] представляющая собой позднюю разновидность лужицких булавок типа «пастуший посох».

В урочище Песчаном близ м. Народичи Коростеньского района Житомирской области вместе с бронзовой булавкой того же типа найден обломок небольшого бронзового топора, а также обломки спиралевидных украшений.[24] Топорик из Народичей имеет углубленную середину и слегка приподнятые узкие края. Он относится к группе так называемых великопольских топоров, которые существовали на Сане до начала I тысячелетия до н. э.[25] Вместе с этими вещами в урочище Песчаном найдены обломки яйцевидных сосудов южно-полесского типа, носящих, однако, некоторые следы влияния комаровской культуры (рис. 3).

Таким образом, все известные нам комплексные находки бронзовых изделий центральноевропейского типа с территории Волыни и Среднего Поднепровья связываются с войцеховско-комаровской культурой или граничащей с ней культурой Полесья, развивающейся под ее непосредственным влиянием.

Большая часть волынско-приднепровских изделий этого времени отличается в деталях от центральноевропейских образцов. Так, например, фибулы имеют немного укороченные соединительные спирали, браслеты часто изготовляются из округлого стержня и т. д. Этот факт говорит о том, что значительная часть изделий является продукцией местного металлообрабатывающего центра, который, однако, использовал в качестве прототипов центральноевропейские привозные виды изделий, дошедшие до нас в очень небольшом количестве.

---

[16] J. Kostrzewski. Wielkopolska w pradziejach. Warszawa — Wrocław, 1955, рис. 186 и 234.

[17] T. Sulimirski. Zagadnienie ekspans ji kultury łużickiej na Ukraine, табл. XII, *3*.

[18] О. Лагодовська, ук. соч., рис. 3, *1*.

[19] А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, т. III, СПб., 1901, стр. 18.

[20] О. Ф. Лагодовська та Ю. Т. Захарук. Нові дослідження Войцехівського могильника. Археологічні пам'ятки УРСР, т. V. Київ, 1949, табл. VI, *1*, *2*.

[21] J. Píč. Čechy předhistoricke. Starožitnosti zeme Ceske, dil I, sv. 2. Praha, 1900, табл. XIII, *1*, *2*.

[22] T. Sulmirski. Zaganienie ekspansji kultury łużickiej na Ukraine, табл. XII, *2*. Находка хранится в Государственном историческом музее в г. Киеве.

[23] Вещи из Чарукова хранятся в Волынском областном историко-краеведческом музее.

[24] И. Ф. Левицький Стація в ур. Пищаному. Антропологія, вып. IV. Київ, 1948, стр. 230—232.

[25] T. Sulimirski. Brązu Małopolski środkowej. Lwów, 1929, стр. 23, табл. III, *1*.

Население Верхнего и Среднего Поднестровья, получавшее металл преимущественно из Семиградья, в конце II и начале I тысячелетия до н. э. имело также довольно регулярный обмен с ближайшими районами Центральной Европы.

Сводка изделий лужицкого типа, происходящих с Верхнего Днестра, дана в работе К. Журовского.[26] Так, в состав фракийского клада из с. Грушки Отинянского района Станиславской области входили: бронзовый лужицкий браслет с копытообразными концами, украшенный геометрическим узором сандомирско-лужицкого типа,[27] лужицкие браслеты, орнаментированные глубокими поперечными насечками,[28] обломки косожелобчатых браслетов,[29] булавки с утолщенной шейкой.[30]

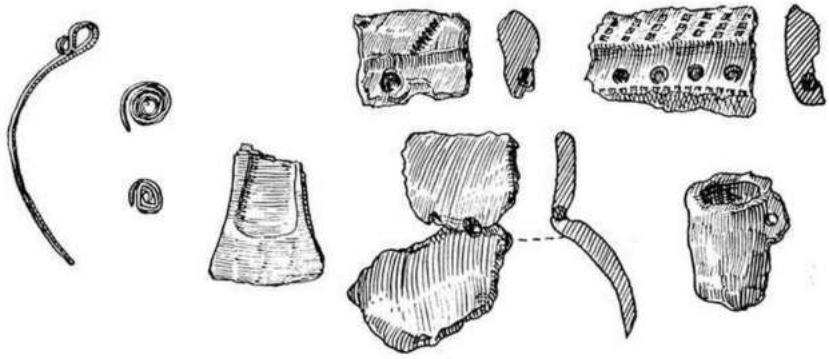


Рис. 3. Бронзовые изделия и керамика с поселения в урочище Песчаном близ м. Народичи Коростеньского района Житомирской области.

Лужицкий спиральный накосник, литые кольца, косожелобчатый браслет, полое ожерелье и другие изделия находились в составе неделисского клада.[31] Браслеты лужицких типов найдены также в Баличи, Подвысокой, Вицыне и других пунктах Поднестровья. Значительно шире распространены браслеты, фракийские по форме, но с сандомирско-лужицким узором, представляющие продукт местного ремесла (с. Поточизка и др.). На Верхнем Днестре известны также единичные находки кельтов собственно лужицкого типа,[32] а также большое количество кельтов и других изделий венгерских типов, которые, однако, столь широко распространены в лужицких областях, что трудно конкретно указать источник их происхождения. Таковы, например, кельты с рельефным узором в виде вписанных друг в друга треугольников с опущенными вниз вершинами.[33] С другой стороны, лужицкие формы, представленные в верхнеднестровских кладах, часто встречаются в Закарпатской Украине, Словакии и Северной Венгрии. Все это является отражением оживленного обмена, существовавшего между населением Повисленья, Поднестровья и Закарпатья в конце II — начале I тысячелетий до н. э.

Переходим к рассмотрению металлических изделий центрально-европейского происхождения и производных от них форм из белогрудов-

[26] K. Żurowski. Zabytki brązowe epoki brązu i wczesnego okresu żelaza z dorzecza górnego Dniestru. Przegląd archeologiczny, t. VIII, z. 2. Warszawa, 1949.
[27] Там же, табл. X, *1*, *6*.
[28] Там же, табл. XIVIII, *3*, *4*.
[29] Там же, табл. LII, *3*, *6*; XLV, *7*.
[30] Там же, табл. XLIX, *1*, *1a*.
[31] K. Żurowski. Zabytki brązowe epoki brązu..., стр. 194—195, 204.
[32] Там же, табл. XII, *6*.
[33] Там же, табл. XII, *1*, *7*, *8*.

ских и чернолесских комплексов, а также случайных находок с территории белогрудовско-чернолесской культуры и родственной ей культуры юго-западной Волыни, непосредственно граничащей с высоцкой.

К числу наиболее ранних комплексных находок относится бронзовая бляха из кургана № 2/7 близ с. Печёры Шпиковского района Винницкой области.[34] Вместе с бляхой при погребении был найден тюльпановидный сосуд предбелогрудовского типа. Печёрская бляха (рис. 4) имеет форму слегка выпуклого в центре круга (диаметр 6,5 см), украшенного по краю одним рядом выпуклых точек. Сходные бляхи известны на Западном Буге, Верхнем Днестре и Висле. Однако вполне тождественные

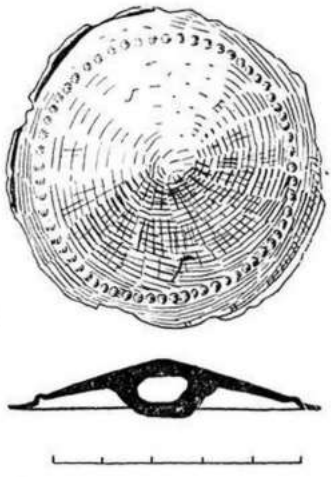


Рис. 4. Бронзовая бляха из могильника у с. Печёры Шпиковского района Винницкой области (курган № 2/7).

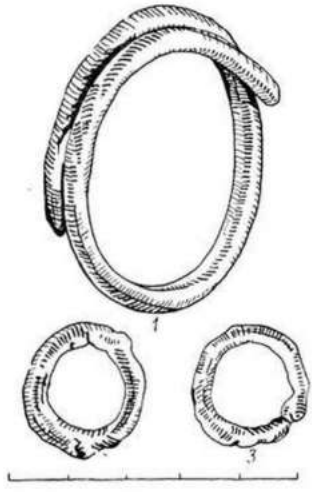


Рис. 5. Бронзовый браслет и кольца от конской упряжи из могильника у с. Печёры Шпиковского района Винницкой области (кург. № 5/8).

украшения имеются только в составе клада из Слупи Нешавского района (Великопольша).[35] Бляхи этого типа возникли под влиянием более ранних венгерских форм, но центр их производства, по-видимому, находился на территории Польши

Бронзовые литые кольца, аналогичные тем, которые были найдены в одном из курганов Печёрского могильника (рис. 5, *2*, *3*), а также в Бобрице, под Киевом,[36] в начале I тысячелетия до н. э. имели весьма широкое распространение как в лужицких, так и гальштаттских районах Средней Европы. На территории Западной Украины такие кольца имелись в Неделисском кладе.

Интересны бронзовые браслеты с заходящими друг за друга концами, изготовленные из округлого стержня, уплощенного с внутренней

---

[34] М. И. Артамонов. Археологические исследования в Южной Подолии в 1948 году. Вестник ЛГУ, 1948, № 11, стр. 171—181 (находки из Печёр хранятся в Гос. Эрмитаже).

[35] E. Sprockhoff. Das Lausitzer Tüllenbeil. Praehistorische Zeitschrift, XXXIV/V, 1950, стр. 99 и табл. 23; W. Szafrński. Skarby brązowe z epoki wspólnoty pierwotnej (IV i V okres epoki brązowej w Wielkopolske). Warszawa — Wrocław, 1955, табл. XXVI.

[36] В. Н. Даниленко. Дослідження пам'яток підгорського та бобрицького типів на Київщини. Археологічні пам'ятки УРСР, т. VI. Київ, 1956, табл. VIII, *5*, *6*, 7.

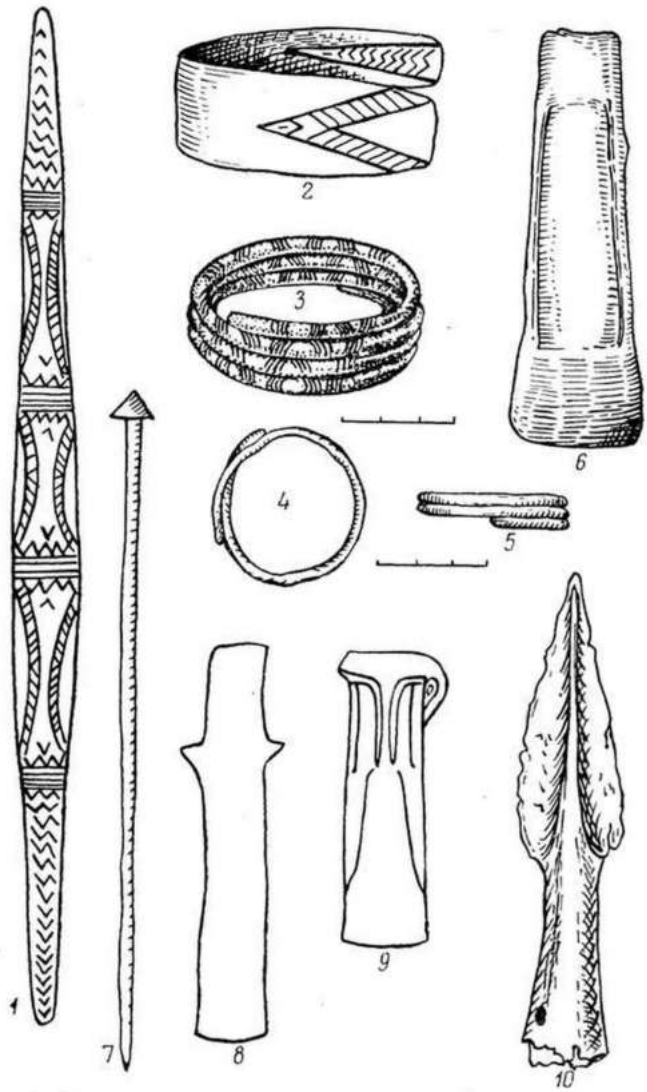


Рис. 6. Металлические изделия конца эпохи бронзы — начала железного века с территории правобережного Среднего Поднепровья, Южной Волыни и Подолии.

1 — Бабичи Каневского района Киевской области; *2* — Вита-Литовская Обуховского района Киевской области; *3* — Печёры Шпиковского района Винницкой области (кург. № 1/5); *4—5* — Белый Камень Чечельницкого района Винницкой области; *6* — Сандраки Хмельницкого района Винницкой области; *7* — Народичи Коростеньского района Житомирской области; *8* — Субботово Чигиринского района Киевской области; *9* — Подолия (точнее неизвестно); *10* — Мошаница Острожского района Ровенской области.

стороны. Украшения этого типа на Южном Буге найдены в Собковке,[37] Белом Камне [38] (рис. 6, *4*), Печёрах [39] (рис. 5, *1*) и Чеботырке (рис. 7, *2*).

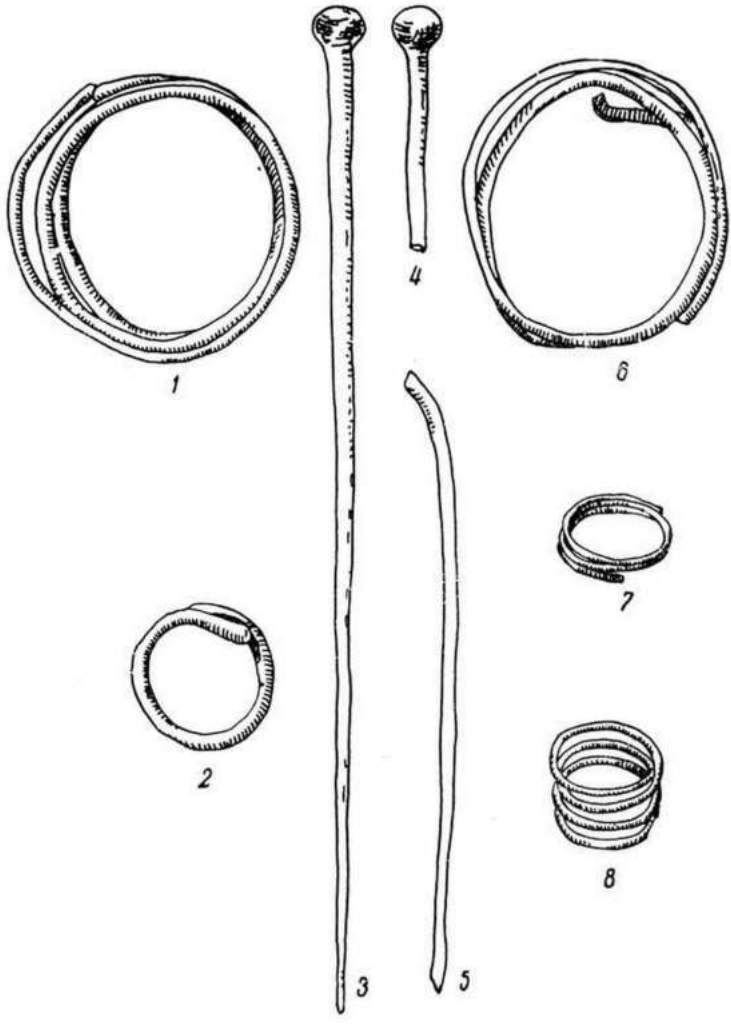


Рис. 7. Бронзовые украшения из погребения у с. Чеботырки Тульчинского района Винницкой области.

В Центральной Европе украшения этого типа характерны для позднекновицкой и миловицкой культур. Похожие браслеты известны также в лужицких могильниках Польши и Западного Буга. По своей

[37] А. И. Тереножкин. Среднее Поднепровье..., рис. 5, *2*.
[38] М. Л. Макаревич. Археологічні досліді в селі Білий Камень. Трипільська культура, т. I. Київ, 1940, рис. 24.
[39] В. Козловська. Бронзові прикраси с давнього пахування на терені заповедника имени акад. Заболотного. Хроника археологіі та мистецтва, II. Київ, 1940, рис. 24.

массивности и формовке стержня находка из Печёр очень близка к чешским образцам.[40]

В Чеботырке также были найдены две спиральные височные подвески (?) (рис. 7, *7, 8*), два спиральных браслета (рис. 7, *1, 6*) и две булавки с головками в виде сплюснутых шаров (рис. 7, *3, 4, 5*). Вещи таких же и сходных типов хорошо известны в Чехии и других районах Средней Европы.

В могильнике у Белого Камня, возле черепа одного из скелетов, обнаружены два спиральных кольца из узкой бронзовой ленты (рис. 6, *5*), представляющие собой, судя по рисунку, накосники высоцко-лужицкого типа.

В кургане № 1/5 Печёрского могильника найден спиральный узколенточный браслет с узором в виде нескольких групп косых линий (рис. 6, *3*), который находит себе самые близкие аналогии в инвентаре высоцких[41] и лужицких[42] памятников.

Очень характерен комплекс находок из села Гребени[43] Острожского района Ровенской области,[44] в котором вещи среднеевропейских и высоцких типов сочетались с североитальянскими. В состав этого комплекса входили косожелобчатый лужицкий браслет, два браслета, сходные с высоцкими, бляшка и гвоздевидная булавка гальштаттско-лужицких типов, итальянская ладьевидная фибула.

Из случайных находок этого периода необходимо отметить широколенточные браслеты,[45] известные до сих пор по находкам в Марьяновке Бердичевского района, Бабичах Черкасского района (рис. 6, *1*) и под Житомиром. К этой же группе нужно присоединить браслет из Витачева Обуховского района Киевской области (рис. 6, *2*).[46] Орнамент браслетов состоит из дуговидных или прямых расходящихся под углом косо заштрихованных лент в сочетании с елочным узором. Приднепровские браслеты несколько отличаются по форме и деталям орнамента от лужицких.[47] Елочный узор сближает их с местными изделиями высоцкой культуры и Чернолесья.

Большое сходство с центральноевропейскими имеют широко известные в лесостепной Украине длинные и массивные булавки с широкими, круглыми шляпками («гвоздевидные»), а также браслеты с незамкнутыми концами, украшенные по внешней стороне группами поперечных нарезок.

В кургане у с. Сеньковки Бориспольского района Киевской области оба вида украшений находились в составе одного комплекса.[48] Вещи из Сеньковки (рис. 8) более, чем другие украинские находки этого рода,

---

[40] J. Filip. Dějine počátky českeho ráje. Praha, 1947, табл. 27; 7; табл. 29, *17*; табл. 40, *6*; J. Pič. Čechy predhistoricke. Starožithosti zeme české, dil I, sv. 2. Praha, 1900, табл. XVI, *3*; табл. XII, *5*; A. Rybowa, V. Saldová. O pohřebnem ritu milavečske kultury v západnich Čechach. Památky archeologické, Ročník XLIX, Číslo 2. Praha, 1958, рис. 12, *4*.

[41] П. П. Ефименко и И. Г. Шовкопляс. Археологические открытия на Украине за последние годы. СА, XIX, 1954, рис. 10, 7.

[42] J. Schránil, ук. соч., табл. X, *1, 32*.

[43] J. Sulimirski. Zagadnienie ekspansji kultury łużjckiej..., табл. I, *2, 4*.

[44] Село Гребени находится не в Черниговской области, как полагал Т. Сулимирский, а в Ровенской (см. Wiadomości archeologiczne, t. XXI. Warszawa, 1955, стр. 45).

[45] Там же, табл. X, *1, 2, 4*.

[46] Браслет хранится в Киевском гос. историческом музее.

[47] W. Szafrański, ук. соч., рис. 194 и 194а.

[48] В. Козловская. Отчет о раскопках 1927 г. близ д. Сеньковки Бориспольского района. Рукописный архив Института археологии АН УССР (вещи хранятся в Киевском гос. историческом музее).

близки к закарпатским.[49] На территории Южной Чехии и Словакии украшения этого типа появляются уже в эпоху средней бронзы, в памятниках так называемой курганной культуры и бытуют здесь до эпохи развитого Гальштатта. На Днепр эти формы, по-видимому, впервые проникли через Прикарпатье и Верхний Днестр, где они известны в предскифское время.[50]

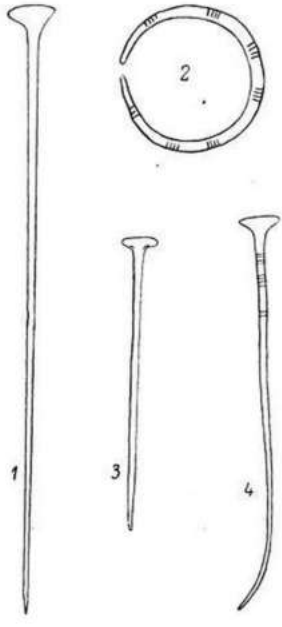


Рис. 8. Бронзовые булавки и браслеты из кургана у с. Сеньковки Борисполького района Киевской области.

Орнаментированная шишечками бляха, найденная на Субботовском городище,[51] так же как и широколенточный, украшенный выпуклыми кружками браслет из Залевок,[52] находят близкие аналогии в области гальштаттской культуры Чехии.[53] Трапецевидная подвеска из Залевок[54] также очень похожа на гальштаттские.

Орудия труда и оружие центральноевропейских типов дошли до нас в меньшем количестве, чем украшения. Это объясняется не только плохой изученностью поселений, но также и тем, что благодаря большой ценности металла эти изделия по мере изнашивания и поломки шли в переплавку. Кроме того, некоторые виды орудий и оружия население лесостепи и полесья предпочитало изготовлять из камня и кремня, имевшегося здесь в изобилии. Однако центральноевропейский «импорт» в начале I тысячелетия до н. э. безусловно не ограничивался одними предметами украшения.

К белогрудовскому времени относятся лужицкий втульчатый кельт из Подолии (рис. 6, *9*) и два кельта со Среднего Днепра.[55] В чернолесское время на Среднем Днепре появляются железные плоские тесловидные топорики[56] (рис. 6, *8*) восточно-альпийского типа, которые широко известны не только в гальштаттских,[57] но и в лужицких[58] районах.

Среднеднепровские бронзовые ножи с изогнутой спинкой[59] очень похожи на лужицкие,[60] что, по-видимому, не является случайностью.

---

[49] J. Schránil, ук. соч., табл. XXV, 17; J. Píč. Čechy předhistoricke. Starožitnosti zeme české, dil I, sv. 2, табл. I, *2*; табл. III, *7*; IV, *19*; VII, *2*; XIV, *5*; XV, *7*, *8*; XVI, *1*, *3*; XXI, *8*, *10*.

[50] K. Zurowski. Zabytki brązowe epoki brązu..., LVI, *8*, LX, *1a*.

[51] Б. Н. Граков, А. И. Тереножкин. Субботовское городище (раскопки 1955 г.). СА, 1958, № 2, стр. 171, рис. 7, 11.

[52] П. Третьяков. Звіт про археологічні дослідження 1946 р. в бассейні річок Росі і Тясмину. Археологічні пам'ятки УРСР, т. I. Київ, 1949, рис. 6.

[53] J. Píč. Čechy předhistoricke. Starožitnosti zeme české, dil I, sv. 2, табл. XX, *6* и рис. 13, *2*, *2a*.

[54] П. Третьяков, ук. соч., рис. 7, *3*, *4*, *5*.

[55] A. M. Tallgren. La Pontide preskythique aprés l'introduction des metaux. ESA, t. II. Helsinki, 1926, стр. 181, рис. 105, *2*, *7*, стр. 184, 185; T. Sulimirski. Zagadnienie ekspansji kultury łużickiej na Ukraine, табл. II, *2*.

[56] Б. Н. Граков, А. И. Тереножкин. Субботовское городище..., рис. 11, *3*.

[57] J. Filip. Popelniková pole a počatku železné doby v Čechách. Praha, 1936—1937, стр. 98 и рис. 76, *26*.

[58] J. Filip, ук. соч., рис. 51, *10*; J. Kostrzewski, Wielkopolska... рис. 362.

[59] А. И. Тереножкин, ук. соч., рис. 3, *12*.

[60] J. Filip, ук. соч., стр. 84 и рис. 42, *14*.

Приднепровские бронзовые поделки, имеющие форму изогнутых пластин с ребристым выступом вдоль одного края,[61] всего вероятней, являются подражанием среднеевропейским серпам. Подобные миниатюрные «серпы», возможно, имевшие ритуальное назначение, известны также в платеницко-лужицких могильниках и кладах Чехословакии.[62]

Близ с. Мошаницы Острожского района найдено бронзовое копье[63] (рис. 6, *10*) лужицкого типа. Топорики деградированного «великопольского» типа (рис. 6, *6*) иногда еще встречаются на поселениях белогрудовского времени на Южном Буге.[64]

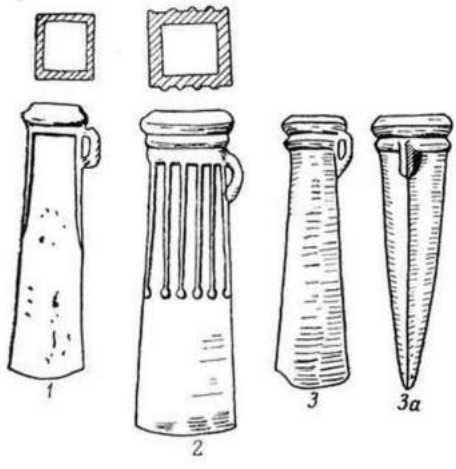


Рис. 9. Бронзовые кельты бретонского типа.
1—2 — Франция; *3* — Украина (Среднее Поднепровье).

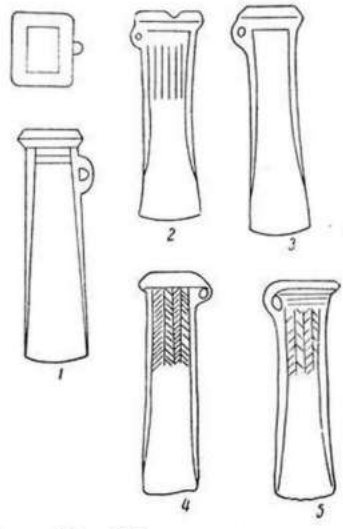


Рис. 10. Образцы бронзовых кельтов с территории Украины.
1 — Западная Украина (точнее неизвестно); *2* — Блудники Станиславского района; *3* — Селец Бельский Сокальского района Львовской области; *4, 5* — Среднее Поднепровье.

Некоторые разновидности кельтов с четырехугольными втулками, известные как на территории Украины (рис. 9, *3*, *3а* и 10, *1*), так и в Польше, настолько близки к бретонским (рис. 9, *1, 2*),[65] что могут рассматриваться как западный импорт. Находки этого рода на основании западноевропейских аналогий могут быть датированы не позже X—IX вв. до н. э., и поэтому их нужно отнести к добелогрудовскому или раннебелогрудовскому времени.

Типологически близкую, но несколько более позднюю группу представляют собой фасетированные кельты Западной Украины и Поднепровья. Кельты этого типа имеют втулку, приближающуюся в разрезе к овалу и почти утратившую острый излом в средней части; ушко у них расположено под втулкой или на самой втулке (рис. 10, *3*). Западно-

---

[61] А. И. Тереножкин. Среднее Поднепровье..., рис. 6, *10*, *12*.
[62] J. Filip, ук. соч., стр. 85—86 и рис. 42, *1*, *3*, *6*.
[63] Копье хранится в Кременецком краеведческом музее.
[64] О. Ф. Лагодовська. Поселення часу пізньої бронзи в с. Сандраки. Археологія, т. IX, Київ, 1954, стр. 133 и сл., табл. III, *5*.
[65] J. Dechelette. Manuel d'archéologie préhistorique celtique et gallo-romaine. II. Paris, 1924, стр. 253, рис. 88, *4*, *5*, *7*; A. Szlankówna. Kilka importów staroitalskich i zahodnio-europejskich Światowit, t. XVIII. Warszawa, 1938, стр. 302—303.

украинские кельты этой группы (рис. 10, *2, 3*) типологически стоят несколько ближе к бретонским, чем приднепровские («чернолесские») кельты с елочным узором[66] (рис. 10, *4, 5*). Втулки западноукраинских кельтов имеют более заостренный профиль, а ушко в большинстве случаев расположено ниже, чем у днепровских, орнамент в виде нескольких вертикальных линий (рис. *10, 2*) повторяет орнамент бретонских кельтов (рис. 9,.*2*). Елочный узор приднепровских кельтов, по-видимому, возникает в результате усложнения и развития этого простого линейного орнамента.

Западноукраинские и приднепровские фасетированные кельты являются двумя более или менее одновременными группами местных кельтов эпохи раннего железа, возникшими на основе одних и тех же западных форм, проникших на Украину через посредничество лужицкого населения Вислы и Западного Буга. Поэтому условное название «лужицко-украинских», данное им Т. Сулимирским, вполне применимо и отнюдь не отрицает их местного производства.

Треугольный бронзовый кинжал со слабо выраженным центральным ребром и длинным плоским черенком, происходящий со Среднего Днепра (?),[67] аналогичен кинжалам северо-западного типа, широко распространенным на территории Великопольши в V периоде бронзы.[68] На территорию Украины подобные кинжалы, всего вероятней, проникали через Вислу, так как ни в Закарпатье, ни в Восточной Прибалтике эта форма неизвестна.

Комплекс металлических изделий лесостепных племен Поднепровья белогрудовского и чернолесского периодов сложен по своему составу. Наряду со степными, семиградскими и кавказскими влияниями здесь отразились многовековые традиционные связи лесостепной Правобережной Украины с Центральной Европой, а через нее — с Западом Европы. Эти связи, по-видимому, в какой-то степени ускорили переход населения правобережной лесостепи и Полесья Украины к железному веку. Этот переход осуществляется примерно в тех же хронологических рамках, что и в лужицких областях Европы (IX—VII вв. до н. э.), и немного позже, чем на территории Гальштатта и в юго-восточных районах Европейской части СССР.

Наличие железных изделий в составе смешанного фракийско-лужицкого клада из Недилиски (район Перемышля), а также находка гальштаттского железного топорика в культурном слое Субботовского городища на Среднем Днепре являются яркими свидетельствами того, что население Правобережной лесостепной Украины в начале I тысячелетия до н. э. получало из Центральной Европы не только бронзу, но и железо, по-видимому, имевшее восточно-альпийское происхождение. Возможно, этот источник железа не был единственным.

В VII—V вв. до н. э., когда на Среднем Днепре и Подолии находят широкое распространение бронзовые и железные изделия степных, кавказских и других типов, здесь еще продолжают бытовать и развиваться многие виды металлических изделий, имеющих центральноевропейские истоки. Так, например, в кургане № 395 близ д. Ковали Каневского

---

[66] Кельты с елочным узором, опубликованные Т. Сулимирским, происходят с Днепра, Южного Буга (Умань) и неизвестных мест Украины, но не с Верхнего Днестра, как утверждает А. И. Тереножкин (см. А. И. Тереножкин. Предскифский период..., стр. 26). Известные в настоящее время кельты с Днестра и Западного Буга не имеют орнамента или украшены вертикальными линиями.

[67] А. И. Тереножкин, Среднее Поднепровье..., рис. 2, 14.

[68] J. Kostrzewski, ук. соч., рис. 318. W. Szafrański, ук. соч., табл. XLVI, 536; табл. XXX, *446*, табл. L, *592*.

района [69] вместе со «скифским» сосудом (рис. 11, *2*) была найдена бронзовая булавка в виде пастушьего посоха (рис. 11, *1*) и оригинальная булавка с плоской молоточковидной головкой (рис. 11, *3*), похожая на платеницко-лужицкие.[70]

В VI—V вв. до н. э. на Днепре известны гвоздевидные булавки, уже довольно сильно уклонившиеся от западных прототипов, булавки со спиралевидными головками,[71] железные топорики гальштаттского типа,[72] а также некоторые другие формы, впервые появившиеся на территории Правобережной Украины в период бронзы и в начале эпохи железа.

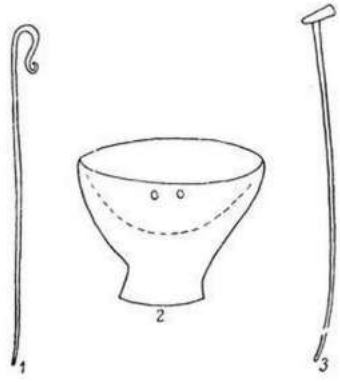


Рис. 11. Бронзовые булавки и сосуд из кургана № 395 у с. Ковали (урочище Могилки) Каневского района Киевской области.

Однако надо полагать, что с VII в. до н. э. «импорт» металла из Центральной Европы теряет свое значение, особенно для юго-восточных районов правобережной лесостепи.

Для северных районов Среднего Поднепровья и Восточной Волыни, где в VII—V вв. до н. э. существует культура гремяченско-подгорского типа, по-видимому, еще сохраняет большое значение высоцкий центр металлообработки. Так, в кургане № 4А близ Народичи найдены две лужицко-высоцкие бронзовые булавки с конусовидными шляпками (см. рис. 6, *7*).[73] Интересно и то, что железные ножи подгорской культуры напоминают по форме высоцкие [74] и гальштаттские.[75]

Вместе с колокольчиком подгорского типа в Остерском районе был найден косожелобчатый бронзовый браслет [76] высоцко-лужицкого типа. Вплоть до IV—III вв. до н. э. на территории гремяченско-подгорской культуры широко бытуют железные булавки,[77] являющиеся грубым подражанием бронзовым булавкам типа «пастуший посох».

Бронзовые изделия высоцко-лужицких типов в послечернолесское время находят также широкое распространение в юго-западной Подолии,[78] которая граничила с областью высоцкой культуры. Высоцко-лужицкие типы бронзовых изделий представлены здесь булавками со спиралевидными и конусовидными головками, а также косожелобчатыми браслетами.

Рассмотрение некоторых групп металлических изделий и единичных находок центральноевропейского типа, происходящих с территории правобережной лесостепи и южного полесья Украины, показывает, что

---

[69] Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга. СПб., 1908, стр. 108. (Вещи из Ковалей хранятся в Гос. Эрмитаже.)

[70] J. Filip, ук. соч., рис. 18, *5*.

[71] А. Бобринский, ук. соч., т. II. СПб., 1894, стр. 96 и табл. III, *8*.

[72] Там же, стр. 168 и табл. XXV, *8*. Б. и В. Ханенко. Древности Приднепровья, т. II. Киев, 1899, стр. 18 и табл. V, *135*.

[73] Булавки хранятся в Житомирском областном краеведческом музее.

[74] В. Н. Даниленко. Памятники ранней поры железного века в южной части Полесья УССР. Доклады VI научной конференции Института археологии. Киев, 1953, рис. 18а на стр. 201 и стр. 202.

[75] J. Filip, ук. соч., рис. 76, *29*.

[76] Находки В. В. Хвойки. ЛОИА, рукописный архив А. А. Спицына. 5—322—309.

[77] В. Н. Даниленко, ук. соч., рис. 11, на стр. 201.

[78] T. Sulimirski. Skytowie na Zachodniem Podolu. Lwów, 1936, рис. 18 на стр. 179; табл. VIII, *3d*; табл. X, *13a*, *20*; табл. XI, *2*, *3*.

в периоды средней и поздней бронзы и в самом начале железного века Центральная Европа являлась важным источником снабжения этих областей металлом. Кроме готовых изделий, сюда, по-видимому, ввозилось также сырье, что позволило местным племенам Волыни уже во II—III периодах бронзы создать свой центр металлообработки. То обстоятельство, что большинство дошедших до нас находок несколько отличается в деталях формы и орнамента от центральноевропейских, отнюдь не говорит о том, что ввоз металла из Центральной Европы был случайным явлением, а также о том, что эти формы возникли вполне самостоятельно.

Влияние Центральной Европы, и в частности лужицкой культуры на правобережную лесостепную культуру, на наш взгляд, было значительно более глубоким, чем это представляется А. И. Тереножкину. При иных условиях центральноевропейские образцы не могли бы вызвать тех многочисленных подражаний и местных вариаций, часть которых бытует здесь до середины I тысячелетия до н. э. и позже. В период, когда расселявшиеся на юго-восток племена комаровской и раннебелогрудовской культур еще не имели прочных связей с Причерноморьем и Кавказом, их традиционные связи с Центральной Европой, если они даже и не были очень регулярными и интенсивными, должны были играть большую роль в снабжении этих племен металлом.

Не имея возможности входить в рассмотрение бронзовых изделий восточноевропейских типов, известных в настоящее время на территории Центральной Европы, считаю, однако, необходимым отметить, что общее количество таковых сравнительно невелико. Район их распространения ограничивается преимущественно юго-восточной Польшей, Силезией, Словакией. Из числа находок, приводимых А. И. Тереножкиным,[79] необходимо исключить польские кельты с четырехугольными втулками. Последние или представляют собой западный «импорт» или возникли под непосредственным влиянием Запада.

В настоящее время мы не видим оснований утверждать, как это делает А. И. Тереножкин, что белогрудовско-чернолесские племена сыграли большую роль в распространении в Центральной Европе бронзовых изделий причерноморских и других восточноевропейских и сибирских типов.

Как известно, не только белогрудовские, но и чернолесские комплексы на Днепре сами крайне бедны изделиями степных типов. Остатки литейных мастерских и случайные находки бронзовых изделий степных типов, известные на Среднем Днепре, по всей видимости, относятся преимущественно к поздне-срубной культуре, проникавшей сюда из степей (погребения в насыпи и на горизонте). Необходимо также учесть тот факт, что в западных районах лесостепи, в частности на Днестре, находки степных («понтийских») и «фрако-киммерийских» бронзовых изделий[80] сосредоточены в районах, занятых культурой «фракийского Гальштатта», но вовсе не там, где известны памятники белогрудовского, чернолесского или близких к ним типов. С другой стороны, изделия не только фракийских, но также лужицких и других центральноевропейских типов распространены на территории сабатиновской культуры.[81]

Все это позволяет думать, что население степных районов Южного

[79] А. И. Тереножкин. Среднее Поднепровье..., стр. 60; А. И. Тереножкин. Предскифский период..., стр. 26.

[80] K. Żurowski. Zabytki brązowe epoki brązu..., табл. XIII, *1*, *8*; табл. XXV, *6* и др.

[81] О. А. Кривцова-Гракова, ук. соч., стр. 149—150; рис. 32, *23*; И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев, 1951, табл. XIX, *4*, *8*.

Буга и Днестра имело непосредственные культурные связи с племенами Среднего и Верхнего Поднестровья, а через них — с областями, лежащими по Сану и Висле,[82] а также со Словакией и Северной Венгрией.

Только этим путем население северо-западного Причерноморья могло в изобилии получать металл, так как Кавказ и примыкающие к нему области Европы сами испытывали нужду в олове.

Обмен с Прикарпатьем, по-видимому, способствовал высокому расцвету степного западнопричерноморского бронзолитейного центра, имевшему место в конце II — начале I тысячелетий до н. э.

В заключение следует отметить, что в настоящее время отсутствуют археологические свидетельства этнической экспансии «чернолесцев» со Среднего Днепра на Верхний Днестр и Сан. Причины некоторого сходства тюльпановидной керамики белогрудовско-чернолесской, высоцкой и тарнобжегской культур необходимо искать в родстве тшинецкой и комаровской культур эпохи бронзы, на основе которых возникли вышеназванные культуры начала железного века. Необходимо учитывать и то обстоятельство, что на территории юго-западной Волыни, по течению рек Горыни, Вилии и Иквы, существует группа памятников предскифского и скифского времени, которая по характеру керамики, особенно керамики валиковой, а также каменных орудий близка к Белогрудовке и отчасти Чернолесью и является в некотором смысле их северо-западным продолжением. Однако надо полагать, что эта культура, границы которой на западе смыкаются с высоцкой, имеет здесь не менее, а может быть даже более глубокие комаровские корни, чем Белогрудовка и Чернолесье на Среднем Днепре.

Существование этой промежуточной локальной культурной группы объясняет широкую распространенность лужицких и высоцко-лужицких металлических изделий на территории белогрудовско-чернолесской и соседних с ней культур и некоторое сходство чернолесской, высоцкой и тарнобжегской керамики.

Однако связи Правобережной лесостепной Украины с Центральной Европой осуществлялись не только через Повисленье и Волынь, как полагал Т. Сулимирский, но также через Поднестровье, украинское Закарпатье, Словакию и Северную Венгрию.

При этом необходимо учитывать, что в последние века II тысячелетия до н. э. на территорию Северной Венгрии проникают племена курганной и лужицкой культур, которых привлекали сюда меднорудные залежи. Эти племена укрепили связи Венгрии и Словакии с приальпийскими районами Средней Европы, богатыми оловом. Они, по-видимому, принесли сюда с собой многие среднеевропейские типы бронзовых изделий. Северная Венгрия и Словакия, расположенные на стыке Центральной и Юго-Восточной Европы, несомненно играли большую роль в связях всей Правобережной Украины с Центральной Европой и в ее снабжении металлом.

[82] По мнению Т. Сулимирского, лужицкие бронзовые изделия проникали на юг Украины с севера (из районов Житомира — Чернигова — Киева) вниз по Днепру.

ТУРБИНСКИЙ МОГИЛЬНИК НА Р. КАМЕ

(по материалам раскопок 1934—1935 гг.)

Л. Я. Крижевская и Н. А. Прокошев

Вопрос о принадлежности Турбинского могильника к той или иной культуре остается до сих пор спорным. Так, О. Н. Бадер считает, что могильник вместе с одновременными ему поселениями составляет в Пермском Прикамье единую (турбинскую) культуру, относящуюся к 3-й четверти II тысячелетия до н. э.;[1] В. П. Шилов рассматривает могильник как принадлежащий пришельцам с Востока, принесшим с собой изделия из металла и нефрита, и в силу этого представляющий собой памятник иной культуры, чем поселения.[2]

Совершенно очевидно, что отсутствие публикации материалов могильника затрудняет обоснование той или иной точки зрения. К сожалению, Н. А. Прокошев не успел обработать и опубликовать накопленные им материалы. Однако его дневники и коллекции вещей, хранящиеся в Государственном Эрмитаже, делают возможным издание этого яркого памятника, весьма важного для понимания исторического процесса, происходившего в Прикамье в середине II тысячелетия до н. э.

История изучения Турбинского местонахождения до 1924 г. изложена А. В. Шмидтом в его отдельной статье.[3] Здесь же следует лишь указать, что в результате исследований, начатых еще в 1891 г. С. И. Сергеевым и продолженных в 1924 г. А. В. Шмидтом, выяснилось существование двух местонахождений древних предметов. В одном из них, которое находится на Шустовой горе (рис. 1), к югу от д. Турбино, были найдены бронзовый кельт и обоюдоострый кинжал, орудия из камня, золоченая стеклянная бусина и несколько черепков. Из второго — на Турбиной горе (на месте самой деревни Турбино) — происходит еще один кельт и известный в археологической литературе кинжал со скульптурным изображением баранов на рукоятке. Невыясненным осталось место находки бронзового наконечника копья и бронзового вислообушного топора.

Во время раскопок, произведенных Уральской археологической экспедицией АН СССР под руководством А. В. Шмидта с 1924 по 1927 г., было установлено, что пунктом наиболее обильных находок является центральная часть Шустовой горы, а также выяснено, что в этом пункте несомненно имеется памятник эпохи бронзы.

Раскопки не подтвердили предположения о существовании на Шустовой горе жертвенного места. После разведочных работ (1924 г.)

---

[1] О. Н. Бадер. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции. Уч. зап. гос. ун-та (Пермь), т. IX, вып. 3, Харьков, 1953, стр. 44—53.

[2] В. П. Шилов. К вопросу о происхождении ананьинской культуры. См. статью в настоящем сборнике.

[3] A. Schmidt. Die Ausgrabungen bei dem Dorf Turbina an der Kama, Anzeiger der finnisch-ugrischen Forschungen. Bd. XVIII, Hft 1—3, стр. 1—18.

в 1925—1927 гг. исследования велись преимущественно в центре горы, на полянке. Была вскрыта площадь в 417 *м*². В итоге четырехлетних работ выяснилось, что, во-первых, на Шустовой горе находятся памятники двух эпох — эпохи бронзы и гляденовского времени, причем их культурные слои находятся в перемешанном состоянии. Во-вторых, впер-

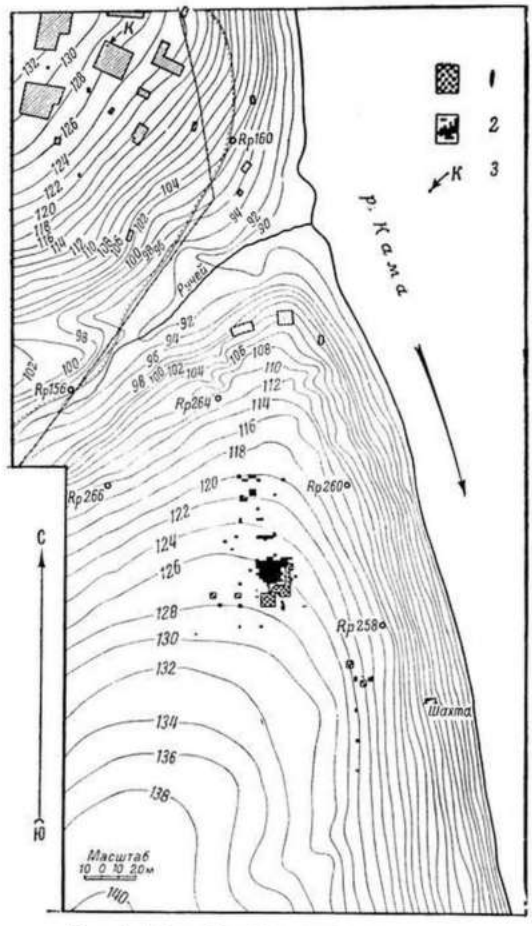


Рис. 1. План Турбинского могильника.

1 — раскоп 1934 г.; *2* — старые раскопы А. В. Шмидта; *3* — находка кинжала в 1890 г.

вые было высказано предположение о наличии здесь в эпоху бронзы могильника. В пользу этого предположения говорило значительное количество (полтора десятка) прекрасно изготовленных металлических изделий — кинжалов, ножей, кельтов — и групповое залегание этих предметов. Например, один кельт, два кинжала, кремневый нож и два каменных кольца составляли одну группу находок. В целом ряде мест кольца и кельты также залегали группами.

А. В. Шмидт указывал также на полную аналогию турбинского инвентаря инвентарю Сейминского могильника, наличие которого подтверждено находками человеческих черепов. Гипотеза о могильнике, однако, оставалась недоказанной до раскопок, произведенных Н. А. Про-

кошевым в 1934 г., во время которых были обнаружены несомненные погребения.

Местоположение могильника

Камская археологическая экспедиция исследовала Турбинское местонахождение в течение 1934 и 1935 гг. Раскопки велись на Шустовой горе (рис. 2).

Правый берег Камы от устья р. Гайвы до д. Междуречки — крутой и обрывистый. К северу от деревни Турбино Кама не образует ни пойменной, ни надпойменной террасы. Коренной берег в районе д. Турбино распадается на несколько возвышенностей, отделенных друг от друга оврагами, по дну которых протекают речки и ручейки. Такими возвышенностями и являются Шустова гора и Турбина гора, разделенные нешироким оврагом, по которому течет ручей Шустовка шириной около 1 м. Так называемые «горы» представляют собой курганообразные возвышенности, достигающие высоты 50 м. Возвышенности являются частями плато, в котором Кама некогда прорезала свое русло. Постепенно понижаясь, они незаметно переходят в плато к западу от Камы; сложены они известняковыми породами. Район д. Турбино мало удобен для земледелия, глинистая почва полей неплодородна и, следовательно, непригодна также и для скотоводства.

Как уже указывалось, в 1934 и 1935 гг. раскоп на Шустовой горе располагался вокруг площади, исследованной ранее. Культурные остатки эпохи бронзы были обнаружены в юго-восточной стороне раскопа на участках 3—4 и 7—8, на глубине 0,6 м. Здесь находилось темное пятно, вытянутое с северо-востока на юго-запад, имевшее в длину 2,05 м и в ширину 0,9 м. При зачистке пятна на глубине 0,7 м найдены: в центре пятна — бронзовый нож, в южном углу — медный вислообушный топор рядом с медным плоским теслом. У северо-восточного конца пятна находились два кремневых наконечника стрел.[4] Подобные же наконечники были обнаружены здесь ранее в слое селища.

Недалеко от местонахождения вислообушного топора и тесла, к юго-западной стороне пятна, были найдены осколки эмали от коронок человеческих зубов. По определению Г. И. Петрова, остатки зубов принадлежат молодому человеку.

Слева, по-видимому ближе к колену костяка, лежали кремневые наконечники дротика и наконечник стрелы. Тут же найдено несколько кремневых осколков и обломки какого-то бронзового предмета, может быть остатки пуговицы или медной бляшки. Справа, очевидно недалеко от правого колена, находилось бронзовое небольшое тесло или стамесочка, сохранившая на одном конце следы деревянной рукоятки. Все вещи найдены на одной и той же глубине — 0,65—0,75 м (рис. 4).

Второе темное пятно неопределенной формы и размеров вскрыто на участке 19. Более четко прослеживалась южная граница пятна, проходящая на расстоянии 0,6 м к северу от южной границы участка. Северная граница пятна не могла быть определена, поскольку часть пятна уничтожена старыми раскопами. В границах пятна на глубине 0,4 м было найдено бронзовое шило. Почти в центре пятна на глубине

[4] В настоящей статье имеется ряд расхождений текста с полевыми чертежами. Исправить это не представляется возможным, так как чертежи и поясняющая их часть текста принадлежат ныне покойному Н. А. Прокошеву.

Оставляя текст и чертежи без изменения, мы отмечаем следующее: 1) Данные о глубине залегания четырех предметов имеют расхождение в пределах 5—10 см. 2) Указанные в тексте 2 предмета из первой могилы на чертеже отсутствуют. 3) На двух публикующихся планах могильника есть некоторые несоответствия в очертаниях раскопов А. В. Шмидта.

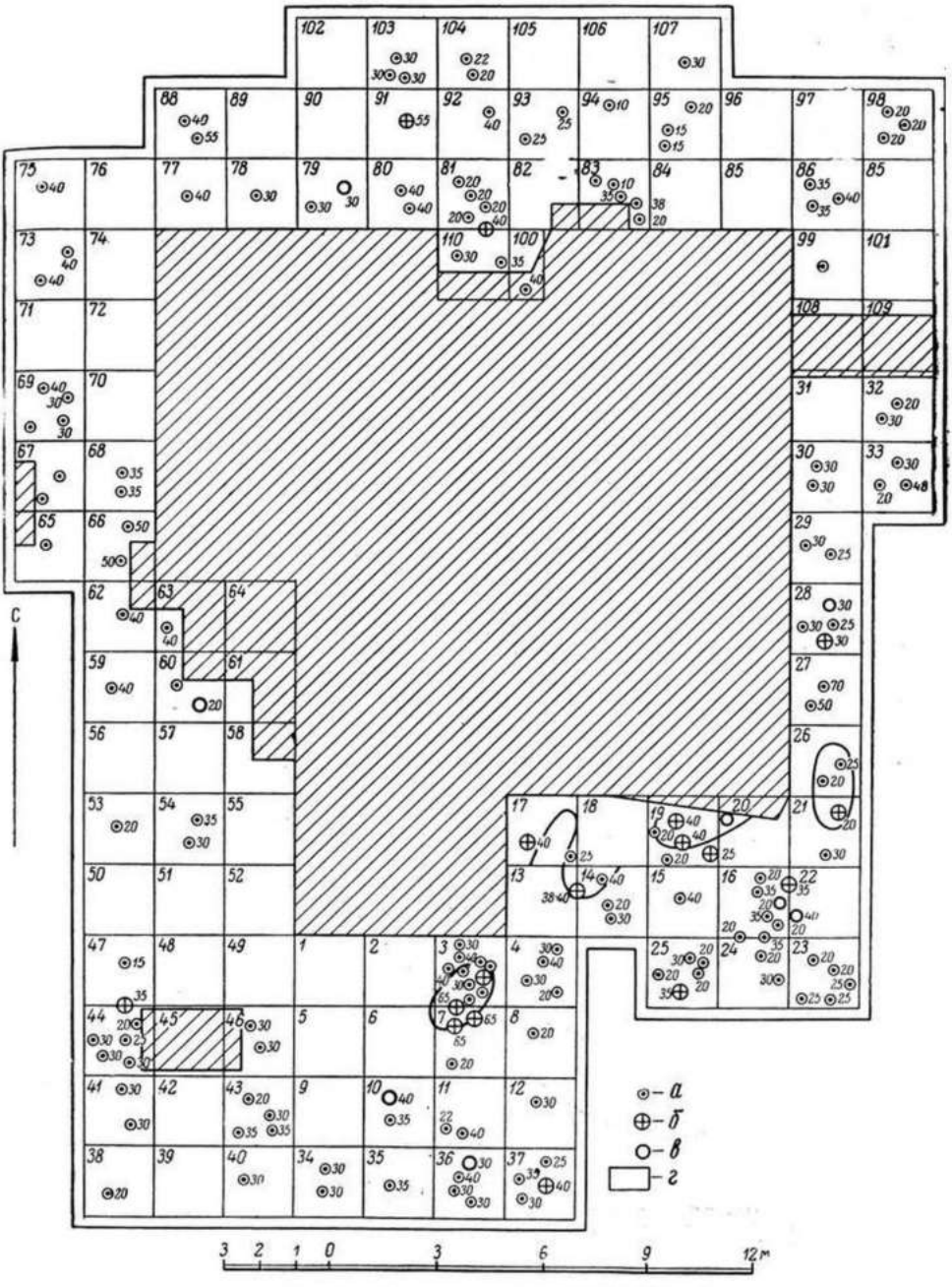


Рис. 2. Сводный план раскопок 1934—1935 гг.

а — каменное орудие; *б* — нефритовое кольцо; *в* — бронзовый или медный предмет; *г* — раскопы А. В. Шмидта.

0,5 м лежали 6 серебряных браслетов, из которых 5 располагались стопочкой один на другом и шестой несколько глубже под ними (рис. 5). На той же глубине на границе участков 19 и 20 было найдено каменное кольцо.

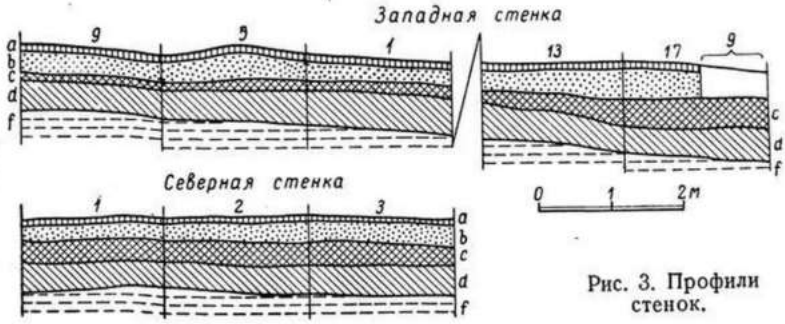


Рис. 3. Профили стенок.

a — дери; *b* — темно-серый песок; *c* — культурный слой; *d* — светло-серый песок; *f* — суглинок.

Учитывая комплекс находок и расположение их в пятне, уходящем на глубину 0,6 м, можно считать, что здесь обнаружено второе погребение, но сильно потревоженное.

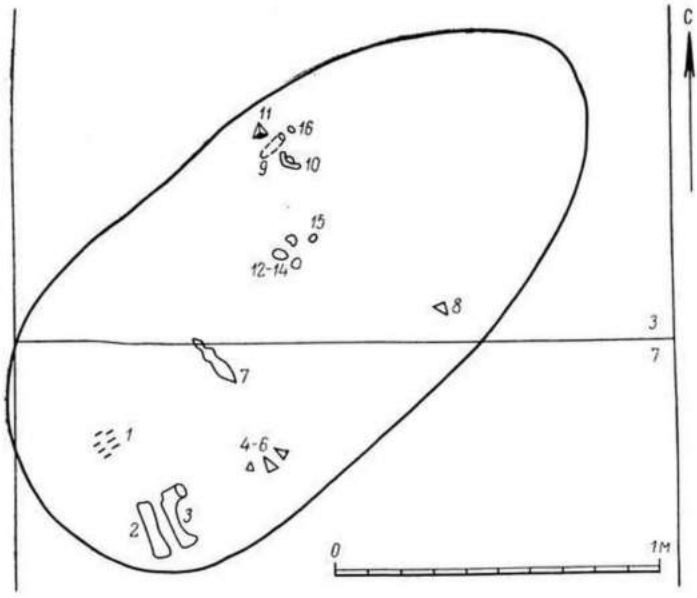


Рис. 4. Чертеж 1-го погребения.

1 — кусочки зубной эмали; *2* — бронзовое тесло; *3* — бронзовый вислообушный топор; *4 — 6* — кремневые наконечники стрел; *7* — бронзовый ногес; *8* — бронзовая стамесочка; *9* — кремневый наконечник дротика; *10 — 14* — кремневые осколки; *15 — 16* — обломки бронзовых предметов.

Кроме этих двух погребений, в ряде квадратов на площади в 148 м² в слое гляденовского селища, на глубине 0,25—0,4 *м* были найдены отдельные предметы, относящиеся к эпохе могильника. Среди них следует отметить: 1) бронзовый кельт (участок 13, глуб. 0,4 м); 2) бронзо-

вый кельт меньших размеров (участок 21, глуб. 0,25 м); 3) обломок бронзового ножа или кинжала (участок 16, глуб. 0,25 м); он найден в северо-восточной части участка в вертикальном положении; 4) бронзовый браслет (участок 28, глуб. 0,3 м); 5) кремневые наконечники дротика и стрелы (участки 16, 17, глуб. 0,35 м); 6) кремневое тесло или стамеска (участок 14, глуб. 0,4 м); 7) каменные кольца (участок 16, глуб. 0,65 м, участок 28, 36, глуб. 0,3 м).

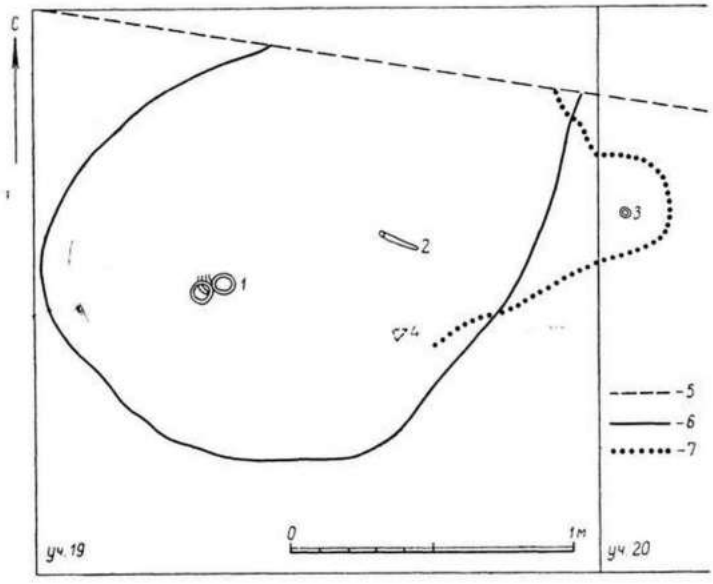


Рис. 5. Чертеж 2-го погребения

1 — 6 серебряных браслетов; *2* — медное шило; *3* — нефритовое или серпентиновое колечко; *4* — кремневое орудие; *5* — граница старого раскопа А. В. Шмидта; *6* — граница пятна на глубине 0,4 м; *7* — пятно на глубине 0,65 м.

Предметы, найденные в определенном скоплении на участках 16—22, могли бы рассматриваться как комплекс погребения, однако самого погребения проследить не удалось; отсутствовало могильное пятно, а также какие-либо следы костей человека. На участках 13, 14 на глубине 0,4 м обнаружено темное пятно небольших размеров, уходящее в стену участков 17, 18. Однако при вскрытии последних продолжения пятна не выявлено, поэтому рассматривать его как остаток погребения невозможно. Обнаруженное на участках 21 и 26 пятно имело неясные очертания и на глубине 0,4 м исчезло.

Стратиграфия памятника в целом несложна и довольно однородна (рис. 3). Непосредственно под тонким дерновым слоем в прослойках темно-серого и светло-серого песка находился культурный слой глубиной до полуметра, содержащий остатки эпохи бронзы и гляденовского времени. Культурный слой лежал на стерильном светлом песке, который в свою очередь подстилал красноватый суглинок.

Могильное пятно первого погребения прослеживалось на глубину 0,6 м до слоя красноватого суглинка. Глубина могильных ям, таким образом, была незначительна и не превышала 0,3—0,35 м. Ямы выкапывались только в слое песка, пределом их углубления являлся подстилаю-

щий суглинок,[5] но все же захоронения производились в специально вырытых могильных ямах.

Таким образом, раскопки 1934—1935 гг. показали, что предположения А. В. Шмидта о плохой сохранности могильника вследствие захоронения на уровне древней дневной поверхности оказались ошибочными.

Инвентарь могильника

Инвентарь Турбинского могильника состоит из металлических и каменных предметов. Их всего (из раскопок Н. А. Прокошева) 79. Они

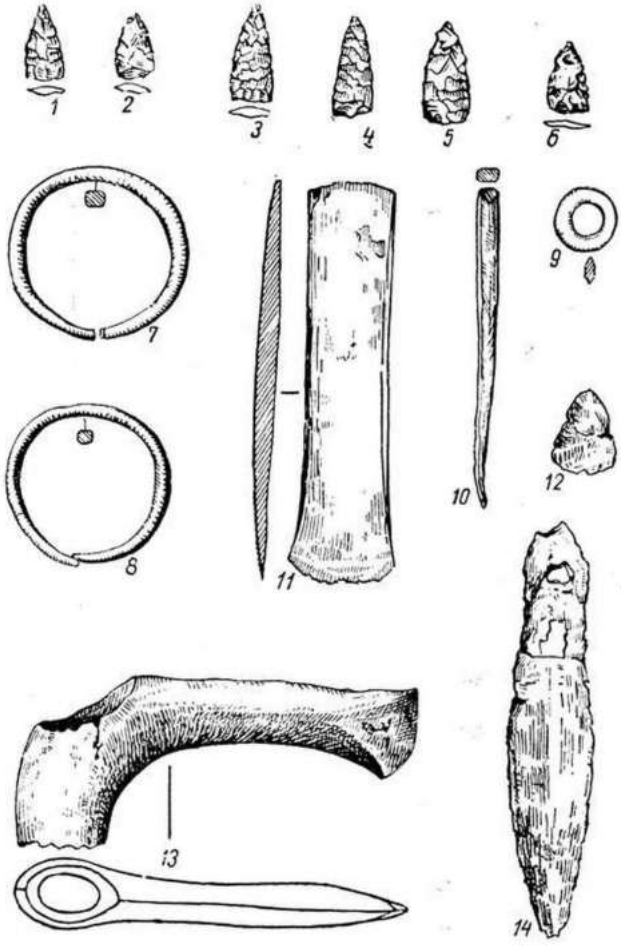


Рис. 6. Вещи из погребений.

1—6, 11—14 — вещи из первого погребения; *7—10* — вещи из второго погребения ($^1/_2$ н. в.).

разделяются по характеру залегания на комплексные, т. е. найденные в погребениях, и отдельные находки в перемешанном слое.

[5] Разрезы могильных пятен отсутствуют, поэтому точная глубина могильной ямы неизвестна и форма ее не может быть воспроизведена.

В комплексе первого погребения найдены бронзовый нож, медное тесло и медный вислообушный топор, а также кремневые наконечники стрел и дротиков обычного для Турбина типа; в комплексе второго — четырехгранное медное шило, 6 серебряных браслетов и каменное колечко (рис. 6, *1—14*).

В слое селища найдены те же предметы, что и в комплексе погребений: например, бронзовый нож, кремневые наконечники стрел и каменные кольца. В погребениях полностью отсутствует керамика. Вся обнаруженная керамика относится к гляденовскому времени.[6]

По своему назначению весь инвентарь (включая и отдельные находки из слоя селища) можно разделить на орудия, оружие и предметы украшения.

В группу орудий входят: бронзовые и медные топоры-кельты, тесла, ножи, шило и рыболовный крючок, кремневые наконечники стрел, долота, ножи, скребки.

Оружие представлено бронзовыми и кремневыми наконечниками копий или дротиков, кинжалами, вислообушными топорами.

Среди украшений имеются: серебряные браслеты, бронзовые кольца и браслет, бронзовые подвески и бляшки, каменные кольца.[7]

Орудия

1. Топоры-кельты (3 экз.) являются характерными кельтами сейминско-турбинского типа и входят, по классификации М. П. Грязнова, в группу поясковых, без ушек. Все три кельта — литые. Форма, в которой они отливались, была составная, о чем свидетельствует заметная асимметрия двух половинок на всех трех кельтах. Длина одного кельта равна 12 см при ширине лезвия 7 см. Два других имеют 10 см длины при ширине лезвия 6 и 4,8 см. Грани кельтов слегка расширяются к основанию и в двух случаях из трех образуют значительные выступы. У всех трех кельтов резко асимметричный профиль, что заставляет отнести эти орудия к категории тесел, ибо, как это отмечал М. П. Грязнов в связи с изучением кельтов минусинских степей,[8] в симметричности или асимметричности профиля лежит основное отличие топоров и тесел. Обушная часть двух кельтов имеет в сечении форму шестигранника, приближающегося к овалу, обушная часть третьего — форму овала. Два кельта (рис. 7, *5—6*) имеют сбоку на стыке двух граней небольшое продолговатое отверстие, расположенное в 2—3 см от обушного края. Лезвие кельта, изображенного на рис. 7, *5*, выпуклое, имеет зазубрины и шероховатости, свидетельствующие о сработанности орудия. В полой части его сохранился обломок деревянной рукоятки, тонко и тщательно оструганной по форме отверстия.

Орнамент в виде трех рельефных параллельных линий проходит по всем шести граням. Орнамент кельта, изображенного на рис. 7, *4*,

---

[6] Н. А. Прокошев. Селище у деревни Турбино. МИА. № 1, М.—Л., 1940, стр. 114—117.

[7] Почти все типы найденного в могильнике инвентаря были известны в Турбино как из случайных находок (кельты, наконечник копья, вислообушный топор), так, главным образом, из раскопок А. В. Шмидта. Во время последних в культурном слое были найдены: 1 кельт, 4 бронзовых кинжала, 1 бронзовый наконечник копья, 2 бронзовых браслета и одно кольцо, кремневые наконечники копий и стрел в большом количестве, ножи и скребки, а также 7 каменных колец. (См. А. В. Шмидт. Отчет о работах у д. Турбино. Архив ИА, Ф-43, № 67).

Типы орудий, найденные в раскопках 1934—1935 гг. впервые, будут специально отмечены.

[8] М. П. Грязнов. Бронза минусинских степей. Сборник ОИПК, Гос. Эрмитаж, I. Л., 1941, стр. 260.

состоит из треугольников, обрамленных двойной рельефной линией. Орнамент третьего кельта (рис. 7, *6*), представляющий собой поясок из трех рельефных полос, проходит только по двум боковым граням. Анализ состава металла этого орудия, произведенный в 1940 г. А. А. Лаптевым, показал, что металл содержит 98,75% меди и более 1% распределяется между железом, никелем и серой.

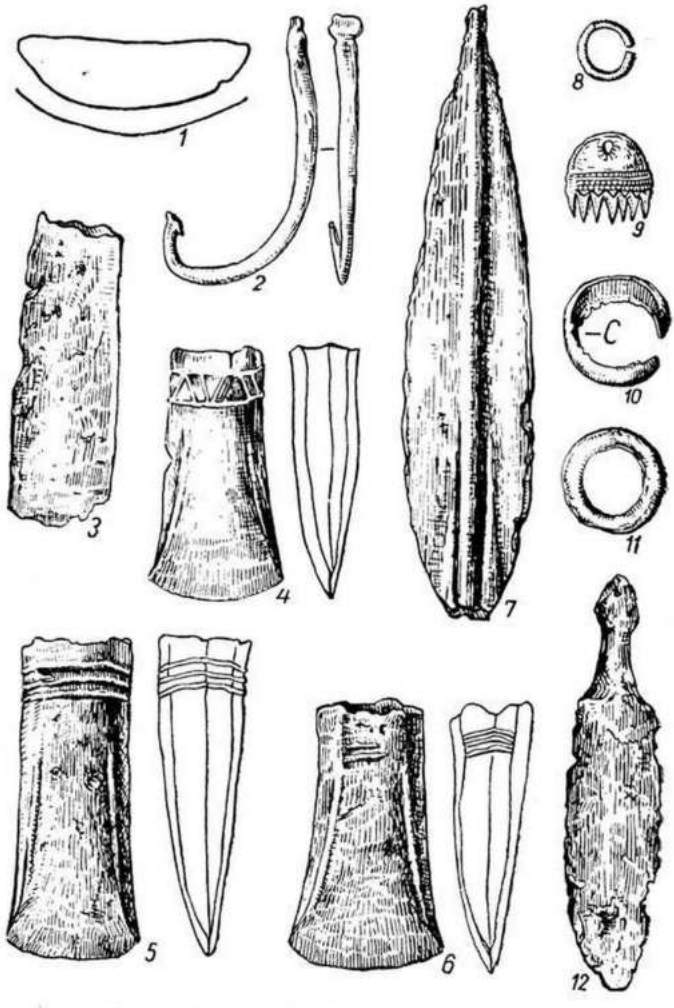


Рис. 7. Вещи из Турбинского могильника.

1—7, 12 — орудия и оружие; *8—11* — предметы украшения (1/3 н. в.).

2. Медное плоское тесло встречено в Турбино впервые. Длина его — 15,3 см, грани слегка расширяются к лезвию (рис. 6, *11*).

3. Бронзовые двулезвийные ножи (2 экз.) также встречены в Турбино впервые. Один из ножей найден в погребении № 1, другой — в слое селища. Оба длиной 15,8 см, наибольшая ширина одного — 3 см, другого — 3,5 см. Оба имеют одинаковую форму лезвия и рукояти и по форме приближаются к ножам срубного типа. У ножа, найденного

в погребении, прослеживается сильная изношенность обоих лезвий (рис. 6, *14*; 7, *12*; 9, *8—9*).

4. Бронзовое кованое четырехугольное шило, длина — 10,8 *см*. Конец шила, противоположный острию, представляет собой в сечении квадрат площадью 4 мм (рис. 6, *10*).

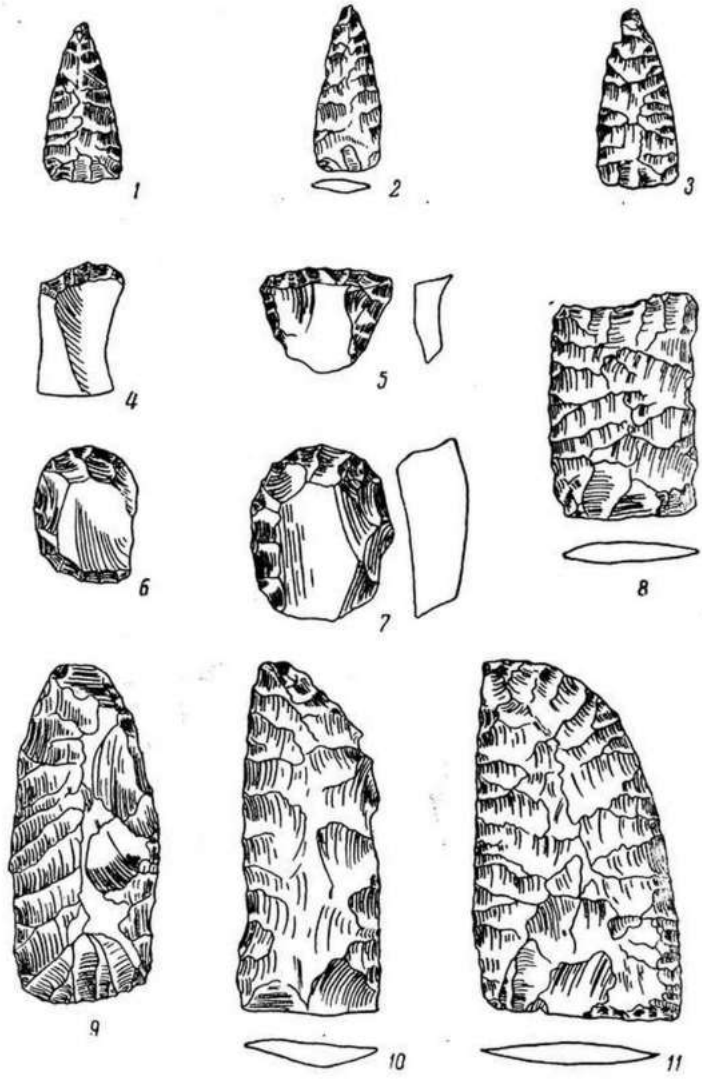


Рис. 8. Турбинский могильник. Орудия из камня (н. в.).

5. Бронзовый скобель представляет собой тонкую пластинку с острым рабочим краем, имеющим форму козырька фуражки (рис. 7, *1*).

6. Медный рыболовный крючок с хорошо выраженной «бородкой» у острия (рис. 7, *2*). Стальные крючки аналогичной формы употребляются современным населением Урала и Приуралья для ловли крупной рыбы: щук, осетров и др.

7. Маленькая стамесочка, или теслице, находилась в погребении № 1. Она сохранила на одном конце остатки деревянной рукояти (рис. 6, *12*).[9]

8. Кремневые наконечники стрел (15 экз.) занимают центральное место в каменном инвентаре Турбинского могильника. Все они имеют однотипную форму полуовала или треугольника, основанием которого является прямой уплощенный черешок. Размеры их колеблются в пределах 3—6 см. Наконечники стрел изготовлены из тонких пластинок высококачественного кремня чрезвычайно тщательной мелкой двусторонней ретушью. Это — единственный тип наконечника, встреченный в могильнике. Он является самым характерным и для усть-чусовских поселений эпохи бронзы. В литературе они известны как наконечники турбинского типа или наконечники с усеченным основанием[10] (рис. 8, *1—3*).

9. Долота (3 экз.) изготовлены из небольших кремневых желваков длиной 5—7 см и шириной по лезвию 2,5—3 см. Тыльная часть слегка суживается к концу. Долота треугольны в поперечном и асимметричны в продольном сечениях (рис. 8, *9*).

10. Стамески (2 экз.) представляют собой тонкую небольшую (длина 5 и 6 см) прямоугольную пластинку с очень тонким, тщательно отретушированным лезвием (рис. 8, *8*).

11. Ножи (4 экз.) изготовлены из крупных, широких, но тонких пластин, с прямым и выпуклым лезвием. Длина ножей — 8 и 9 см (рис. 8, *10—11*). Более 10 ножей изготовлены из узких, тонких, ножевидных пластинок, на многих видны следы сработанности в виде выщербин по лезвию.

12. Скребки (30 экз.) весьма разнообразны по форме. Имеются концевые скребки с округлым и прямым лезвием из пластин и отщепов, квадратные и полулунные скребки. Преобладают скребки небольших размеров (рис. 8, *4—7*).

Для всего каменного инвентаря могильника характерна тщательная его обработка тонкой отжимной ретушью, придающей орудиям облик вполне законченных и совершенных. Исключение составляет небольшая группа скребков, изготовленная из бесформенных отщепов весьма небрежной ретушью.

К числу орудий следует отнести некрупные окатанные гальки округло-продолговатой формы с просверленным отверстием. Они, очевидно, служили в качестве небольших грузиков, необходимых при добыче рыбы с помощью удилища.

Кроме орудий, в каменном инвентаре имеется большое количество ножевидных пластин, несколько небольших конических нуклеусов, а также отщепы и всевозможные отбросы.

Оружие

1. Наконечник копья имеет широкое острое перо и конусообразный вильчатый стержень, конец которого обломан. Длина наконечника — 24 см (рис. 7, *7*). Стержень в разрезе имеет овальную форму, ширина его в месте излома — 1,5 см. Наконечник чрезвычайно сходен с сейминским.

2. Вислообушный топор с широким обухом. Рабочая часть топора имеет слабо выраженное ребро, исчезающее у лезвия. Длина топора — 15,5 см, ширина лезвия — 3,5 см. Так же как наконечник копья, топор

[9] В настоящее время остатки дерева на орудии отсутствуют.
[10] О. Н. Бадер. Очерк шестилетних работ..., стр. 49.

чрезвычайно близко напоминает сейминский (рис. 6, *13* и 9, *5*).[11] Согласно исследованию, произведенному А. А. Лаптевым, топор этот медный (содержит 92,24% меди).

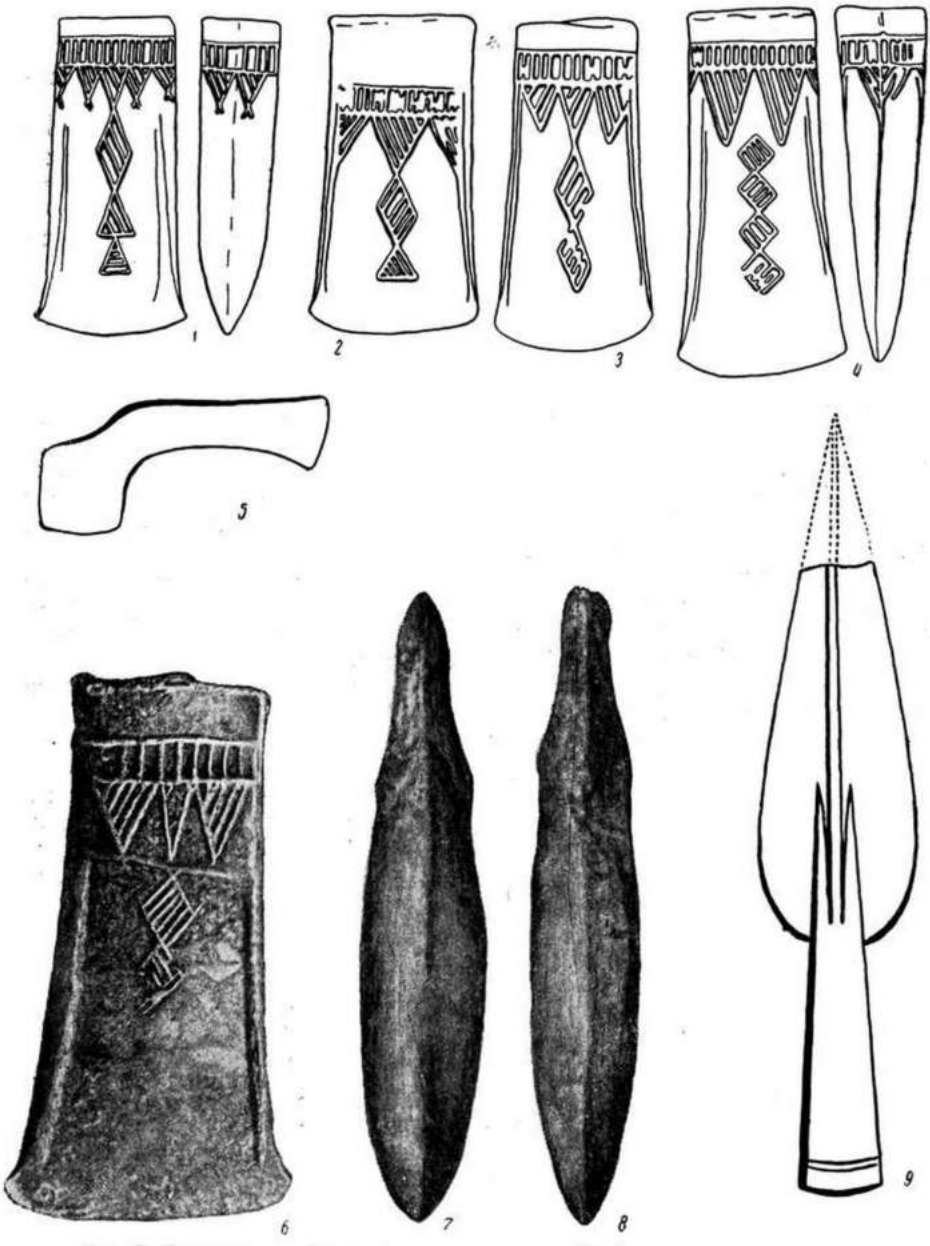


Рис. 9. Сравнительный материал к инвентарю Турбинского могильника.

1—4 — кельты Минусинских степей (по М. П. Грязнову); *5, 6, 9* — инвентарь Сейминского могильника (по В. А. Городцову, без масштаба); *7—8* — ножи срубного типа (по Тальгрену, $^2/_3$ н. в.).

[11] В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. Приложение к отчету Импер. Российского музея за 1914 г. М., 1915, стр. 199, рис. 46; стр. 197, табл. VIII, *18*.

Топор был найден обернутым в белую ткань. Являлась ли эта ткань остатком одежды погребенного или это остаток обертки топора — установить не удалось.

По определению В. Н. Кононова, эта ткань сделана из белой шерсти, скорее всего домашней овцы. Два небольших кусочка изготовлены различно: на одном можно проследить тканье, на другом — плетенье. Один кусок ткани окрашен. Высокое качество ткани свидетельствует об умении разводить тонкорунных овец.

3. Обломок неопределенного орудия представляет собой широкую и тонкую металлическую пластину (длина — 11,8 см, ширина — 4 см), имеющую параллельные грани, причем одна из них чуть-чуть расплющена и затуплена, противоположная же — остра и имеет следы сработанности в виде многочисленных выщербин и зазубрин. Возможно, что это — обломок кинжала с односторонним лезвием, подобного кинжалам, ранее обнаруженным в Турбине (рис. 7, *3*).

Украшения

1. Серебряные браслеты (6 экз.). Найдены в погребении № 2. Они являются единственными серебряными предметами в Турбинском могильнике.[12] Все 6 браслетов одного типа — литые, без орнамента. Внешний диаметр — от 6,5 до 8 см, толщина — 0,4 см. У двух браслетов концы несколько заходят один на другой. У трех браслетов концы острые, у трех — тупые (рис. 6, *7—8*).

2. Бронзовая подвеска. Она представляет собой тонкую полукруглую пластинку с отверстием для прикрепления. Заканчивается уголками и имеет прочерченный орнамент из параллельных продольных и поперечных линий. Ее размеры — 3 × 3,5 см (рис. 7, *9*).

3. Литое бронзовое колечко с обломанным концом, диаметр колечка 1,5 мм (рис. 7, *8*).

4. Полый бронзовый браслет с обломанным концом; диаметр браслета 4 см (рис. 7, *10*).

5. Каменные кольца (8 экз.). Одно из них найдено в комплексе погребения, остальные — в слое селища. Все кольца изготовлены из беловато-прозрачного камня, возможно нефрита. Внешний диаметр наибольшего кольца — 3,8 см, внутренний диаметр — 2,5 см; наименьшее кольцо имеет диаметр 3 см. (рис. 7, *11*).

Датировка могильника и его место среди других памятников эпохи бронзы в Пермском Прикамье

Датировка могильника XV—XIII вв. до н. э., предложенная Тальгреном, а за ним. А. В. Шмидтом,[13] никем не оспаривались, а материалами раскопок 1934—1935 гг. она подтверждена. Так, турбинские кельты относятся к раннеандроновскому времени. Об одновременности с андроновским этапом говорит и находка шерстяной ткани, идентичная той, которая найдена в андроновском погребении. Дату могильника определяет также наличие в его инвентаре ножей срубного типа и колец,

---

[12] При раскопках Турбинского могильника в 1958—1959 гг. были обнаружены височные серебряные кольца. См. О. Н. Бадер. Новые раскопки Турбинского I могильника. Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции, вып. 1. [М.], 1959, стр. 63—86.

[13] А. В. Шмидт. Стоянка у станции Левшино. СА, V, 1940, стр. 24.

по-видимому нефритовых, позволяющих датировать могильник по аналогии их с китайскими и прибайкальскими.[14]

К третьей четверти II тысячелетия до н. э. относятся в Прикамье и многочисленные поселения раннего (гаринского) этапа эпохи бронзы. Уже исследования первых поселений этого времени — Астраханцевского и Северного — привели Н. А. Прокошева к мысли о синхронности их с Турбинским могильником.[15] Независимо от Н. А. Прокошева, О. Н. Бадер также ставил вопрос об одновременности аналогичных поселений (Бор II и др.) с Турбинским могильником. Открытие Усть-Гайвинского могильника и Подгремячинского местонахождения, а также дальнейшее изучение поселений позволили ему не только синхронизировать могильники с поселениями, но и рассматривать их как единую (турбинскую) культуру в Прикамье, сохранившую остатки поселений и родовых могильников одного племени.[16]

К сожалению, как в Турбинском, так и в Усть-Гайвинском могильниках полностью разрушились скелеты, в силу чего остается неизвестным антропологический тип захороненных. Однако состав инвентаря позволяет сделать некоторые выводы относительно места могильника среди памятников Пермского Прикамья. Они сводятся к следующему:

1. Каменный инвентарь могильника очень богат и разнообразен. В общем составе инвентаря он занимает большое место. Его основные типы (наконечники стрел, долота, ножи) являются ведущими и в поселениях того же времени.

2. Изделия из металла, найденные в могильнике, можно разделить по принципу их происхождения на три группы. Первая, куда входит наибольшее количество вещей: мелкие стамесочки, скобели, ножи, шило, рыболовный крючок, небольшие подвески, пластинки, бляшки, колечки, — не вызывает сомнений в своем местном происхождении, тем более, что на поселениях этого времени имеются явные следы металлургического производства в виде льячков и бронзовых шлаков.

Вторая группа содержит кельты, наконечники копий, кинжалы, вислообушные топоры, т. е. те изделия, ареал распространения которых чрезвычайно широк и простирается от Волго-Камья (Сейма и Турбино) до Восточной Сибири[17] (рис. 9, *1—4*, *6*). В силу этого вопрос об их происхождении и области распространения может быть в какой-то степени дискуссионным. Однако учитывая высокое развитие металлургии в Прикамье в середине II тысячелетия до н. э.,[18] большое количество находок подобных орудий,[19] залегание их в культурном слое,[20] можно предполагать скорее их местное происхождение.

Третья группа включает изделия, скорее всего привезенные с Вос-

---

[14] M. Gimbutas. The prehistory of Eastern Europe, pt. I. Cambridge, 1956, стр. 205; А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. III, гл. IV, § 2. МИА, № 43, 1955, стр. 174—189.

[15] Н. А. Прокошев. К синхронизации усть-чусовского энеолита и Турбинского могильника. Архив ЛОИА, ф. 43, д. 1.

[16] О. Н. Бадер. Очерк шестилетних работ..., стр. 46—47.

[17] С. В. Киселев. Древняя история южной Сибири. МИА, 1949, № 9, стр. 85—86; В. А. Городцов, ук. соч., стр. 186—196.

[18] А. А. Иессен. Уральский очаг древней металлургии. Первое уральское археологическое совещание. [Пермь], 1948, стр. 62—64.

[19] А. В. Збруева. Культуры поздней бронзы в Прикамье в связи с вопросом о сложении ананьинской культуры. СА, 1957, № 2, стр. 37—46; А. А. Штукенберг. Материалы для изучения медного (бронз.) века восточной полосы Европейской России. ИОАИЭ, т. 17, вып. 4. Казань, 1901, стр. 165—213; A. M. Tallgren. Collection Zaoussailov, т. I. Helsinki, 1916.

[20] В минусинских степях, где эти орудия найдены в очень большом количестве, они все происходят из случайных находок. (См. М. П. Грязнов. Бронза минусинских степей, стр. 239).

тока. Сюда относятся из металлических вещей: известный кинжал с баранами на рукоятке, изображение которых заставляет считать его, по-видимому, принадлежащим скотоводческим племенам, серебряные браслеты, шерстяная ткань, идентичная ткани шерстяной шапочки из андроновского могильника у улуса Орак.[21] К привозным изделиям, возможно, следует отнести каменные кольца.[22] Эти вещи, часть которых, как, например, кинжал, неоднократно издавалась, лучше всего известны. Они давали некоторое основание считать могильник принадлежащим скотоводческим племенам Западной Сибири. В самом деле, такие явления, как изготовление тонкой шерсти не одним, а различными способами, умение разводить высококачественные породы скота, свидетельствуют не о зарождении скотоводства, а об его развитом этапе, никак не соответствующем тем зачаточным формам скотоводства, какие существовали в Прикамье в середине II тысячелетия до н. э.

Однако эти вещи являются единичными и составляют ничтожный процент общего количества инвентаря, какой обычно и составляют привозные вещи. Связи Западного Урала с Востоком, выражающиеся в появлении на западном склоне Урала и в Предуралье вещей явно восточного происхождения, отчетливо прослеживаются уже в неолитическую эпоху, и в середине II тысячелетия до н. э. они безусловно существовали.

3. Попали ли сюда вещи в эпоху существования Турбинского могильника путем обменных связей или были занесены самими пришельцами из Западной Сибири, не может быть с достоверностью установлено, пока не найдены антропологические остатки. Для характеристики могильника, однако, не этот вопрос является решающим.

За то, что здесь захоронено местное население, говорит ряд обстоятельств: во-первых, такой обряд погребения, при котором в могилу с погребенным клали наиболее ценные вещи из металла, камня и шерсти. Этот обряд отличается от обряда андроновских племен, которые, как правило, не клали в могилу орудий и оружия из металла. Сопровождающий покойного инвентарь был у них крайне беден и ограничен. Если бы погребенные принадлежали андроновским племенам, они были бы похоронены по их традиционному обряду. Во-вторых, весь «набор» орудий свидетельствует о принадлежности погребенных к охотничьему населению, обитавшему в лесах. Основу инвентаря могильника составляют каменные и металлические орудия охоты и орудия для обработки дерева. О принадлежности населения к «лесным» племенам говорит и высокое качество обработки дерева, прекрасно оструганные рукоятки, частично сохранившиеся у нескольких орудий. Наконец, само местоположение могильника в зоне густых лесов, наиболее благоприятных для занятий охотой, еще раз подтверждает изложенную точку зрения.

Турбинский могильник, таким образом, следует рассматривать как памятник, дающий вместе с поселениями яркую характеристику культуры Прикамья эпохи бронзы как культуры охотничье-рыболовческих племен, знавших искусство изготовления металлических орудий и имевших широкие связи со скотоводческими племенами Сибири.

---

[21] Г. П. Сосновский. Древнейшие шерстяные ткани Сибири. ПИДО, № 2, 1934, стр. 92—95.

[22] Вопрос о происхождении последних нельзя, однако, считать окончательно решенным. Каменные кольца по аналогии с сейминскими (См. В. А. Городцов, ук. соч., стр. 217) считаются нефритовыми. Однако никаких доказательств, что камень действительно является нефритом, а не похожим на него уральским серпентином, кроме некоторого внешнего сходства, не имеется.

ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ КУЛЬТУР ДРЕВНЕЙ ФЕРГАНЫ

Б. А. Латынин

Изучение истории Средней Азии долгое время сосредоточивалось главным образом на материалах письменных арабо- и ираноязычных источников и отчасти еще на замечательных памятниках архитектуры, искусства и городского ремесла феодального периода. В этой области сделано очень много, и классические труды наших востоковедов-историков пользуются широкой и заслуженной известностью. Памятники материальной культуры более ранних периодов оставались вне пределов основных интересов исследователей и почти не изучались.

С тем большими трудностями пришлось встретиться, когда в Средней Азии стали широко и систематически развертываться археологические работы. В каком бы из районов Средней Азии они ни проводились, было необходимо начинать их с работ разведочного характера, с выявления и обследования археологических памятников, со сбора и накопления источников для их первичной систематизации и периодизации. По самой специфике таких исследований особое значение в этом имели обработка и изучение керамики.

Перед Ферганской экспедицией, организованной в 1930 г. САМИИР и ГАИМК и продолженной в 1933 и 1934 гг. при содействии научных организаций Узбекистана и с дополнительными заданиями Сазгипровода по истории ирригации, эти вопросы встали как первоочередные уже в самом начале ее работ.

На основе проведенных Ферганской экспедицией обследований древних поселений, преимущественно в южной и восточной частях Ферганской долины, и разведочных раскопок на некоторых из них наметилась возможность выделить керамические комплексы, характерные для памятников, относящихся к трем последовательно сменившимся периодам (или археологическим культурам) истории развития древней земледельческой Ферганы.

В предварительном порядке рабочая схема археологической периодизации с делением на такие периоды, для обозначения которых предлагались условные названия Фергана I, II и III и шифры ФI, ФII, ФIII, была дана в отчете экспедиции за 1933 г.[1]

Там же было приведено и описание керамики, характеризующей памятники того или иного периода:

— лепной, весьма архаического облика крашеной и расписной керамики периода ФI;

---

[1] Б. А. Латынин. Работы в районе проектируемой электростанции на р. Нарыне (Фергана). В сб. «Археологические работы на новостройках», т. II. ИГАИМК, вып. 110. Л., 1935, стр. 120—157.

— красно- реже черноангобированной со своеобразным прочерченным по ангобу орнаментом, изготовленной на ручном гончарном круге, периода ФII;

— также ангобированной, но с более тусклым сургучно-красным и менее стойким ангобом керамики периода ФIII, изготовленной на ножном круге, с ее типичным мелким рифлением и волнообразной орнаментальной полосой у основания горла сосудов.

Намеченная в таких контурах схема археологической периодизации древней Ферганы оказалась, видимо, довольно правильной. Она удерживается, в основном, до настоящего времени, хотя для обозначения трех выделенных в ней периодов предлагались в последующие годы и иные названия. Так, А. Н. Бернштам называл, тоже весьма условно, памятники раннего периода «даваньскими», а среднего — «кушанскими». Ю. А. Заднепровский предлагал для них термины «эйлатанский», «мархаматский» и «касанский».[2]

Что же касается конкретного археологического содержания, которое могло быть тогда вложено в эту схему периодизации, и его понимания, то работы Ферганской экспедиции 1934 г., и в особенности широко развернувшиеся работы последующего времени позволили значительно их дополнить и расширить. Наиболее важное значение имели археологические исследования на строительстве Большого, Южного и Северного Ферганских каналов и Фархадстрое, работы Памиро-Ферганской экспедиции, раскопки в Чусте, Дальверзине, Ак-Таме и некоторые другие, а также археологические исследования в смежных областях Средней Азии.

Возвращаясь в связи с темой истории ирригации к вопросам археологической периодизации древней Ферганы, оказалось возможным не только уточнить на основе этих новых материалов и ряда вышедших за это время работ характеристику керамических комплексов, но, в частности, наметить и подразделение двух первых периодов (ФI и ФII) схемы на хронологические этапы.[3]

К раннему этапу ФI/1 были отнесены памятники, определяемые архаической расписной керамикой чустско-дальверзинских типов, к среднему этапу ФI/2 — памятники, определяемые эйлатано-ак-тамским комплексом, и к позднему этапу ФI/3 — памятники, дающие смешанные комплексы поздней лепной крашеной и ранней красноангобированной керамики.

Как синхронный, но своеобразный локальный («узгенский») вариант ФI/3 можно, вероятно, рассматривать и выявленный раскопками Ю. А. Заднепровского новый замечательный комплекс поздней расписной керамики Шурабашата. В нижних горизонтах исследованных им городищ в районе Узгена эта керамика также сочетается, по наблюдениям Ю. А. Заднепровского, с ранним типом керамики ФII с оранжево-красным ангобом.[4]

---

[2] Ю. А. Заднепровский. Древняя Фергана. Автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. ист. наук. Л., 1954, стр. 18; там же, на стр. 7 было предложено подразделение керамики раннего периода на 2 группы: «чустскую» и «эйлатанскую».

[3] Б. А. Латынин. Вопросы истории ирригации древней Ферганы. КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 17 — схема археологической периодизации; то же в стенограмме доклада на Первом совещании археологов и этнографов Средней Азии. КСИЭ, вып. XXVI. М., 1957, стр. 12—15 и таблица.

[4] Ю. А. Заднепровский. Городище Шурабашат. КСИИМК, вып. 71. М., 1958, стр. 101, 103, 107; Ю. А. Заднепровский. Археологические работы в Южной Киргизии в 1956 г. КСИИМК, вып. 76. М., 1959, стр. 71 и рис. 29, 30. В этой статье, кроме подтверждения совместного нахождения в нижних слоях Шурабашата расписной и красноангобированной керамики, отмечены также новые находки

Аналогичное трехступенное подразделение наметилось и для периода ФII, в котором выделены этапы ФII/1, ФII/2 и ФII/3. Для памятников периода ФIII такое подразделение на этапы по имеющимся материалам пока установить не удается.

Статиграфические наблюдения над залеганием слоев, характеризуемых керамикой этих комплексов, сделанные как при обследованиях и раскопках ферганской экспедиции 1930, 1933 и 1934 гг., так и в работах последующего времени, позволили проследить относительное хронологическое соотношение выделяемых периодов.[5]

Значительно труднее было установить их абсолютную датировку. Попытка определить ее хотя бы только предварительно и приближенно, сделанная на уровне имевшихся тогда материалов, в отчете экспедиции за 1933 г. для двух первых периодов оказалась неудачной.

Для последнего из выделяемых периодов схемы — периода ФIII, как непосредственно предшествующего времени арабского завоевания, верхняя (конечная) дата — VIII в. н. э. могла быть установлена достаточно уверенно. Сложнее было определить нижнюю (начальную) его дату, в связи с чем стоял вопрос и о датировке предыдущего периода ФII.

Отнесение памятников этого периода, характеризуемых красноангобированной керамикой с прочерченным орнаментом, к середине или первой половине I тысячелетия до н. э. (т. е. к скифскому времени) оказалось ошибочным. Неверным было и отнесение памятников периода ФI на основании типологической аналогии архаической крашеной керамики Эйлатана и Кугая с керамикой раннего Анау ко II, возможно, к концу III тысячелетия.[6]

Исправить ошибку в датировке периода ФII, а с этим уточнить начальную дату и для периода ФIII позволили работы Ферганской экспедиции 1934 г.

В конце 20-х годов по левому берегу верхнего течения р. Нарына по Ферганской долине на основе современной техники был выведен новый магистральный канал. На орошенных им землях обширной Уч-Курганской степи, занимавшей северо-восточную и восточную части междуречья Нарына и впадающей в него Кара-Дарьи, были организованы хлопководческие совхозы. До этого времени небольшие ирригационные каналы, выведенные когда-то из Нарына ниже Уч-Кургана, могли по условиям рельефа местности давать воду только западной части степи, а некоторые незначительные юго-восточные ее участки (у Лугумбека) орошались из маловодного Майли-сая. Большая часть восточной пологой к юго-западу предгорной степи оставалась, таким образом, вне пределов старых ирригационных систем и использовалась как сезонное пастбище и место зимовок скота. Только на ее окраине, у самых предгорий, отдельные участки занимали иногда под богарные посевы.

Археологические исследования, проведенные здесь Ферганской экспедицией в 1930 и 1933 гг., обнаружили огромное количество памят-

---

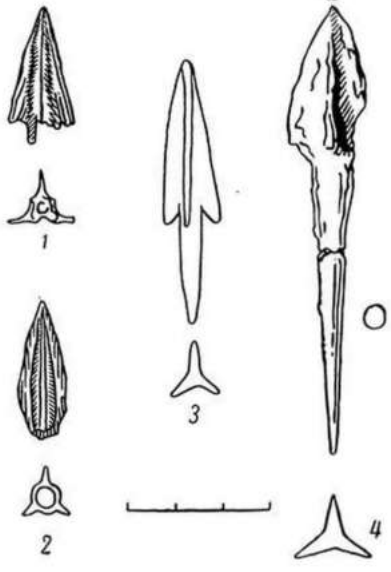
из самого нижнего слоя раскопа IV на III (восточном) городище. Здесь вместе с расписной «шурабашатской» керамикой обнаружены обломки сосудов двух типов (лепных с росписью и архаических станковых), характерных для комплексов керамики Эйлатана и Ак-Тама. Это говорит о возможности отнести самый нижний слой Шурабашата и к еще более ранней дате — к этапу ФI/2.

[5] Б. А. Латынин. Работы в районе проектируемой электростанции, . . ., стр. 134, 141, 142; Б. А. Латынин. Работы Ферганской экспедиции 1934 г. Археологический сборник № 3 (изд. Гос. Эрмитажа, печатается). См. также отчеты Т. Г. Оболдуевой, В. Д. Жукова, Я. Г. Гулямова о работах на строительстве Большого Ферганского канала. Труды Ин-та истории и археологии АН УзССР, т. IV. Ташкент, 1951.

[6] Б. А. Латынин. Работы в районе проектируемой электростанции. . ., стр. 157.

ников и притом почти исключительно раннего, домусульманского времени. Уч-Курганская степь тогда представляла собой типичный район загадочных в своем запустении «земель древнего орошения» — едва ли не один из самых больших и лучше всего сохранившихся в Фергане.

Особенно большое скопление древних памятников было отмечено в центральной части степи, на полях Нарынского совхоза, у станции Кугай. Появившиеся в связи с проведением здесь распределительной ирригационной сети, с начавшейся распашкой и различными хозяйственными работами свежие обрезы на склонах многочисленных обреченных на неизбежное уничтожение тепе и городищ позволяли наблюдать обнажения культурных наслоений, даже иногда не прибегая к их зачистке.



Наконечники стрел.

1, 2 — бронзовые, втульчатые из Ак-Тамского могильника (по Н. Г. Горбуновой и Б. З. Гамбург); *3* — железный, черешковый из нижнего горизонта Афрасиаба (по А. И. Тереножкину); *4* — железный, черешковый, более позднего типа из комплекса этапа ФII/3 в тепе у Кургая.

В верхнем горизонте одного из затронутых этими работами небольшого тепе обширного селища с отдельными сельскими дворами-усадьбами, сосредоточенными близ городища с огромным холмом цитадели (Ак-тепа), в 1933 г. раскопками были вскрыты развалины древнего жилого строения.

Стены невысоких помещений нижнего этажа были сложены из сырца и, видимо, имели сводчатые перекрытия. Дом погиб внезапно, при пожаре. Обгоревшие балки потолка и сырцовый настил плоской крыши легкой верхней надстройки, вероятно, аналогичной «балахане» современных сельских домов Ферганы, рухнули, завалив ее глинобитный пол со всем, что в тот момент там находилось. Дом восстановлен не был, его развалины остались нетронутыми, и жизнь на этом месте больше не возобновлялась.

Все эти обстоятельства дали возможность, тщательно расчистив глинобитный пол «балаханы», впервые получить хорошо сохранившийся бытовой комплекс периода ФII. После снятия 70 см толщи оплывшего завала из слегка обожженных комьев глины и остатков обуглившихся балок настила крыши на вскрытом участке пола были обнаружены in situ около 40 почти целых или раздавленных глиняных сосудов. Здесь же лежали 2 каменные зернотерки, несколько глиняных красноангобированных пряслиц и служивших для каких-то хозяйственных целей речных галек.[7]

Принадлежность этого комплекса к периоду ФII являлась несомненной, однако возможность более точной его датировки была получена лишь при продолженных в 1934 г. раскопках смежных участков пола «балаханы».

---

[7] Б. А. Латынин. Работы в районе проектируемой электростанции..., стр. 132—134 и рис. 100, 103—110, 113—116.

При их расчистке среди обнаруженных здесь дополнительно сосудов периода ФII, которые относились к тому же бытовому комплексу из сгоревшего дома, сотрудницей Ферганской экспедиции А. П. Манцевич был найден железный черешковый наконечник трехлопастной стрелы так называемого сарматского типа (рисунок, *4*).

Этот тип черешковых трехперых железных стрел хорошо известен по сарматским курганным погребениям. В зависимости от размеров и особенностей формы их разновидности датируются от II в. до н. э. по III—IV вв. н. э. Стрела, обнаруженная в тепе у Кугая при раскопках сгоревшего дома, характеризуемого красноангобированной с прочерченным орнаментом керамикой периода ФII, по этим типологическим признакам относится к типу крупных «сарматских» стрел III—IV вв. н. э.[8]

Дальнейшее накопление материалов и изучение памятников периода ФII позволило установить, что кугайский комплекс принадлежит к сравнительно позднему этапу этого периода (ФII/3). Следовательно, дата III—IV вв. н. э. определяет, видимо, последнее (заключительное) время существования его памятников, что дает возможность наметить нижнюю (начальную) дату и непосредственно следующего за ним периода ФIII как IV—V вв. н. э.

Основание для абсолютной датировки более ранних, начальных этапов периодов ФII дала медная греко-бактрийская монета II в. до н. э. так называемого варварского чекана Гелиокла. Она была найдена в 1939 г. при строительстве Большого Ферганского канала на городище Кайноват, в северной части «земель древнего орошения» Уч-Курганской степи. Т. Г. Оболдуева, проводившая археологические работы на этих участках строительства, выяснила, что городище с полной несомненностью относится к числу памятников периода ФII и правильно оценила датирующее значение монеты Гелиокла.[9]

Селище и могильники, примыкающие к Кайнovату, дали смешанные комплексы красноангобированной (но несколько отличающейся по своим типологическим особенностям) керамики ФII и лепной керамики, видимо, наиболее позднего этапа периода ФI. Это позволяет выделить такие комплексы, как относящиеся к тому раннему этапу ФII/1, который и датируется монетой Гелиокла II—I вв. до н. э.

Таким образом, период ФII в целом следует отнести не к «скифскому», а к «сарматскому» времени.[10] Фергану именно этого периода

---

[8] Вопросы классификации и датировки таких наконечников стрел разобраны для Средней Азии в работе С. С. Сорокина «О датировке и толковании Кенкольского могильника» (КСИИМК, вып. 64, М., 1956, стр. 10, 11 и рис. 2), где стрелы 5-го и 6-го типов наиболее соответствуют стреле, найденной в тепе у Кугая. См. также аналогичные стрелы: А. М. Мандельштам. Могильник Арук-Тау в Бишкентской долине (Южный Таджикистан). КСИИМК, вып. 76, 1959, стр. 77 и рис. 33. Датировка могильника временем, близким к началу н. э., предложенная автором на основании типа найденной керамики, по крайней мере для железных «позднесарматских» черешковых стрел представляется мне слишком ранней.

[9] Т. Г. Оболдуева. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина. Труды Ин-та истории и археологии АН УзССР, т. IV, Ташкент, 1951, стр. 17, 39; В. М. Массон. Древнебактрийские монеты, чеканенные по типу тетрадрахм Гелиокла. Эпиграфика Востока, вып. II, 1956, стр. 63—75.

[10] Это находит подтверждение в датировке, устанавливаемой В. Ф. Гайдукевичем для нижнего слоя Мунчак-тепе и более ранних из погребений Ширинсайского могильника, близость которых к ферганским памятникам рубежа н. э. он и отмечает. Китайская монета, найденная при работах на Фархадстрое, принадлежит к типу монет, бытовавших очень долгое время и, к сожалению, не может явиться достаточно твердым основанием для абсолютной датировки. См. В. Ф. Гайдукевич. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг. КСИИМК, вып. XIV, 1947, стр. 92—109; В. Ф. Гайдукевич. Могильник близ Ширин-сая в Узбекистане. СА, т. XVI, 1952, стр. 331—359.

развития ее древней земледельческой культуры (ФII) и описывал Джань-Кянь как страну Да-Вань, куда он попал около 125 г. до н. э. на пути из Ханьского Китая к Большим Юэджи.

Отчет о работах Ферганской экспедиции 1934 г., в котором описывалась находка «сарматского» типа стрелы в тепе у Кугая и предлагалась на этой основе новая, исправленная датировка памятников периода ФII, не был, к сожалению, опубликован своевременно. Вероятно, в значительной мере поэтому ту же ошибку со слишком ранней датировкой «ахеменидским» временем культуры Каунчи и нижних слоев Тали-Барзу, во многом аналогичных и, очевидно, синхронных периоду ФII Ферганы, сделал затем и Г. В. Григорьев.

Находки трехперых черешковых наконечников железных стрел «сарматского» типа (рисунок, *3*) в слое II Каунчи и в слое IV Афрасиаба,[11] соответствующем нижнему слою Тали-Барзу, дали основания А. И. Тереножкину внести в эту датировку необходимые поправки,[12] а находка такой же стрелы в тепе у Кугая позволила установить конечную дату периода ФII в Фергане. Начальную дату этого периода наметила находка монеты «варварского чекана» Гелиокла.

Поскольку этап ФII/1 был представлен на селищах у Кайновата, Лугумбека и участков 8—9 БФК[13] смешанными комплексами, в которые входила как ранняя красноангобированная керамика ФII/1, так и поздняя лепная, этим уже намечалась вероятность датировки и предшествовавшего ему этапа ФI/3. Основания для его выделения по особенностям лепной керамики, типологически несомненно связанной с эйлатанской, но, видимо, несколько более поздней, дает и ряд других находок. Так, В. Д. Жуков обнаружил подобную же керамику на нескольких участках БФК и ЮФК, а Т. Г. Оболдуева — на участках 7—10 и 21 БФК и у с. Касканьяр, на строительстве СФК.[14]

Наибольшее же значение для выделения памятников этапа ФI/3 имели работы А. И. Тереножкина на древнем поселении у оврага Бургулюк, которое было обнаружено при проведении Большого Ташкентского канала. Раскопки этого поселения дали позднюю лепную керамику того же типа, что и указанные находки в Фергане. Как установил А. И. Тереножкин, керамика бургулюкского комплекса (Бургулюк II) определяла и самый нижний слой, вскрытый Г. В. Григорьевым на Каунчи-Тепе, непосредственно подстилая слой культуры Каунчи, близкий и синхронный раннему этапу периода ФII в Фергане.

Сопоставления бургулюкской керамики, которую А. И. Тереножкин отнес к IV—III вв. до н. э., с так называемой усуньской керамикой из

---

[11] А. И. Тереножкин. Археологическая разведка на городище Афрасиаб в 1945 г. КСИИМК, вып. XVII, 1947, стр. 117, 119 и рис. 50.

[12] А. И. Тереножкин. Рецензия на работу Г. В. Григорьева «Каунчи-тепа». Изв. УзФАН, т. 8, 1940, стр. 84—87; А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, вып. XXXIII. 1950, стр. 158; С. П. Толстов. К вопросу о датировке культуры Каунчи. ВДИ, 1946, № 1, стр. 173—177.

[13] Большой, Южный и Северный ирригационные каналы, на строительстве которых Институтом истории, археологии и этнографии Узбекистанского филиала Академии наук СССР в 1939—1940 гг. были организованы археологические работы, в дальнейшем сокращенно именуются БФК, ЮФК и СФК.

[14] В. Д. Жуков. Отчет о работах второго отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина. Тр. Ин-та истории и археологии АН УзССР, т. IV, 1952, стр. 46—48 и табл. II, стр. 64—65, 77; Т. Г. Оболдуева. Отчет о работе первого отряда..., там же, стр. 23, 24, 35, 46; Т. Г. Оболдуева. Археологические наблюдения на Северном Ферганском канале. Изв. УзФАН, 1940, № 10, стр. 30.

курганов Семиречья [15] основаны на неправильной, полагаю, оценке значения внешнего сходства полусферических чаш. Она зависит не от культурно-исторической близости этих двух областей, а от аналогичных приемов лепки сосудов на матерчатом «шаблоне», широко распространенной, в частности, и в комплексе керамики всех этапов периода ФІ в Фергане, т. е. за тысячу лет до того, как в Семиречье появились племена кочевников усуней.

Более веские основания для абсолютной датировки периода ФІ дали, однако, только археологические работы, проводившиеся в Фергане в последующие годы.

В 1948 г. А. Н. Бернштам в одном из курганных погребений в урочище Шарт на Алае обнаружил лепную чашу с монохромной росписью, чрезвычайно близкую по своему типу к архаической расписной керамике периода ФІ, известной тогда лишь по материалам нижнего слоя Эйлатанского городища и тепе у Кугая. Он отнес это погребение предположительно к VI—V вв. до н. э.[16] Такую датировку подтвердила находка аналогичной расписной чаши «эйлатанского» типа еще и в другом погребении, которое А. Н. Бернштам раскопал в том же урочище (Шарт II) в 1952 г. Время второго шартского погребения с «эйлатанской» расписной керамикой определялось бронзовыми стрелами «скифского» типа VI—V вв. до н. э.[17] Дальнейшее подтверждение датировки этапа ФІ/2 концом первой половины I тысячелетия до н. э. дал Ак-Тамский могильник близ г. Ферганы.

Раскопки могильника, начатые Н. Г. Горбуновой и Б. З. Гамбургом в 1954—1955 гг., вскрыли погребения под невысокими округлыми или, чаще, длинными, вытянутыми галечными насыпями. Погребения сопровождались большим количеством сосудов, которые оказались почти идентичными двум типологическим группам керамики, представленным в комплексах нижнего слоя Эйлатана, а также на селище и в одном из погребений у Дараут-Кургана на Алае. Это — или керамика лепная с коричневато-черной (красноватой) росписью, или нерасписная, с более плотной массой, изготовленная на ручном (видимо, очень примитивном) круге-подставке.[18]

Особенно схожи с актамскими лепные чаши с росписью из погребений в алайском урочище Шарт. Близость этих могильников сказалась и в устройстве на стенке могильной ямы погребения Шарт 1 такой же небольшой ступеньки (полочки), на которую, как и в Ак-Таме, ставились сосуды.[19]

Среди остального инвентаря Ак-Тамского могильника с его железными браслетами, булавками и маленькими однолезвийными ножами, резною костью, пастовыми и сердоликовыми бусами и пр., дающими в целом комплекс очень ранней поры железа, имеются бронзовые трехгранные (трехлопастные) втульчатые стрелы «скифского» типа [20] (рисунок, *1, 2*).

---

[15] А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. Изв. УзФАН, 1940, № 9; А. И. Тереножкин. Согд и Чач, стр. 153, 155 и таблица периодизации, разд. XVI.

[16] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 198—200 и рис. 81—83.

[17] Материалы из этого погребения поступили в Ошский музей и остались неизданными. См. Ю. А. Заднепровский. Древняя Фергана..., стр. 8.

[18] Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова. Ак-Тамский могильник. КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 84 и сл. и рис. 30, 31.

[19] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 200 и рис. 81—83.

[20] Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова. АК-Тамский могильник. КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 86 и рис. 29, *9—10*.

Их ближайшими аналогиями в Средней Азии являются бронзовые стрелы из Кюзерли-гыр в Хорезме, а также стрелы из некоторых курганов под Оренбургом, датируемые VI—IV вв. до н. э.[21] Такая дата, но возможно, и несколько более ранняя — VI—V вв. до н. э., представляется наиболее вероятной для Ак-Тамского могильника.

В этих пределах (для Эйлатана вероятнее VII—VI вв. до н. э.) и устанавливается приближенная датировка среднего этапа периода ФІ (ФІ/2). Его заключительный этап — ФІ/3 может быть тогда отнесен к IV—III вв. до н. э.

Работы в Чусте, начатые в 1950 г. М. Э. Воронцом и продолжаемые В. И. Спришевским, раскопки Ю. А. Заднепровского у Дальверзина и ряд отдельных находок[22] выявили в Фергане памятники, характеризуемые особым керамическим комплексом, схожим с «эйлатанской» лепной керамикой, но типологически более ранним. Такое соотношение совершенно очевидно при сопоставлении расписной керамики Эйлатана и Ак-Тама с весьма архаическими лепными глубокими чашами и другими сосудами из Чуста и Дальверзина с их темно-красной лощеной облицовкой и своеобразной черной росписью. Это дало основание отнести Чустское селище и аналогичные ему памятники к наиболее раннему из известных этапов периода ФІ — к этапу ФІ/1. Типологическая близость чустского керамического комплекса, в особенности входящей в него «кухонной» посуды, с соответствующим типом посуды в Эйлатане, вылепленной на матерчатом «шаблоне» и с примесью к глине известковых частиц, делает, вместе с тем, вероятной непосредственную хронологическую связь памятников этапов ФІ/2 и ФІ/1.[23] Стратиграфического подтверждения такого их соотношения, однако, до сих пор нет, как нет для этапа ФІ/1 твердых оснований и для его абсолютной хронологической датировки.

По соотношению с датой, устанавливаемой для этапа ФІ/2, и по типам «бронзовых» (медных) орудий, найденных на Чустском селище, имеющим некоторые аналогии в бронзах андроновского, карасукского и тагарского времени, Чустское и Дальверзинское селища (ФІ/1) относят к началу I — к концу II тысячелетий до н. э.

Мощность культурных напластований селищ у Чуста и Дальверзина и обнаруженные там, по-видимому оборонительные стены, стоящие на культурных слоях того же характера, что и слои ФІ/1, залегающие выше, позволяют предположить возможность стратиграфического подразделения этих наслоений на более ранние и более поздние фазы этапа ФІ/1. Со временем будут, несомненно, получены и достаточные основания для более уверенной абсолютной его датировки.

Резюмировать изложенное по вопросу установления некоторых хронологических дат для земледельческих культур древней Ферганы эпохи бронзы и раннего железа можно следующей таблицей.[24]

---

[21] С. П. Толстов. Городища с жилыми стенами. КСИИМК, вып. XVII, 1947, стр. 3 и рис. 1. B. N. Grakow. Deux tombeax skithiques aux environ de la ville d'Orenbourg. ESA, t. IV, 1929, стр. 176 и рис. 4, 7.

[22] Первая из них была сделана еще в 1939 г. Т. Г. Оболдуевой на 13-м участке БФК. См. Т. Г. Оболдуева. Археологические наблюдения..., стр. 32 и сл. и таблица XI.

[23] Это нашло подтверждение и в обнаруженной в Кунгайском могильнике керамике как бы переходного от Чуста к Ак-Таму типа. См. Н. Г. Горбунова. К вопросу о расписной керамике Ферганы. Сообщения Государственного Эрмитажа, № 21, Л., 1960.

[24] Графы левой части таблицы повторяют схему археологической периодизации, приведенную в моей работе «Вопросы истории ирригации древней Ферганы». КСИИМК, вып. 64, 1956.

Хронологическая таблица

Общественный строй	Периоды (археологические культуры)	Подразделение на этапы	Шифровые обозначения	Даты абсолютной хронологии: верхняя — нижняя	Основания датировки
Ранний феодализм	Фергана III	На основании археологических материалов пока не устанавливается	ФIII	VIII—V вв. н. э.	Время арабского завоевания Ферганы и дата предшествующего этапа ФII/3
		Поздний	ФII/3	IV—II вв. н. э.	„Сарматского" типа железные стрелы
Патриархально-рабовладельческий	Фергана II	Средний	ФII/2	I в. н. э. — I в. до н. э.	Соотношение с памятниками последующего этапа ФII/3 и датой предшествующего этапа ФII/1
		Ранний	ФII/1	II—III вв. до н. э.	Монета „варварского чекана" Гелиокла
		Поздний („бургулюкский")	ФI/3	III—IV вв. до н. э.	Смешанные комплексы ранней красноангобированной (ФII) и поздней расписной (ФI) керамики на БФК и нижних слоях Шурабашата. Стратиграфия Каунчи-тепе
Первобытнообщинный	Фергана I	Средний („эйлатано-актамский")	ФI/2	IV—VII вв. до н. э.	„Скифского" типа бронзовые стрелы в урочище Шарт II и Ак-Таме
		Ранний („чустско-дальверзинский")	ФI/1	VIII в. до н. э.— вторая половина II тысячилетия до н. э. (эпоха бронзы)	Соотношение с памятниками последующего этапа ФI/2 и его датировка; аналогии с поздней бронзой Казахстана

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ АНАНЬИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В. П. Шилов

Вопрос о сложении ананьинской культуры относится к числу наиболее сложных и спорных вопросов древней истории Приуралья. В настоящее время выявились в основном две точки зрения: «автохтонная» (А. М. Тальгрен, А. В. Збруева, А. П. Смирнов, О. Н. Бадер, В. К. Сальников) и «миграционная» (П. П. Ефименко).

А. М. Тальгрен, не приводя аргументации, утверждал, что ананьинская культура сложилась на базе местных культур эпохи бронзы.[1] А. В. Збруева, основываясь на материалах Ананьинской и Луговской стоянок и Миклашевского могильника, а также на сходстве отдельных бронзовых кельтов и копий с соответствующими орудиями сейминской культуры, считает, что ананьинская культура сложилась из двух компонентов: степного — срубного и лесного — сейсминского.[2] А. П. Смирнов полагает, что ананьинская культура явилась продолжением культуры приволжских стоянок, луговской и среднекамской культур; в то же время одним из слагающих ее компонентов был сибирский при наличии влияний на нее абашевской, сейминской срубно-хвалынской и позднескифских культур. По О. Н. Бадеру, ананьинская культура — продолжение среднекамской культуры борского этапа. В. К. Сальников связывает ананьинскую культуру с абашевской.

П. П. Ефименко считает, что основным источником сложения ананьинской культуры является культура лесных племен, занесенная в Прикамье в результате переселения, которое шло с востока на запад и началось в VIII—VII вв. до н. э.

Не останавливаясь подробно на всех этих точках зрения, следует обратиться непосредственно к материалам, проливающим свет на происхождение ананьинской культуры, и попытаться выделить основные компоненты этой культуры.

Для решения этого вопроса очень важное значение имеют данные антропологии. Изучение черепов, происходящих из ананьинских могильников, произведенное Т. А. Трофимовой и Г. Ф. Дебецом, показало, что в антропологическом типе населения Прикамья этого времени выявляются два компонента: 1) монголоидный, характеризующийся «покатым лбом, сильно выраженными надбровными дугами, резко уплощенным и широким лицом с очень слабо выступающим носом, при относительно небольшой высоте лица».[3] Этот антропологи-

---

[1] A. M. Tallgren. L'epóque dite Ananino dans la Russie Oriental. Helsinki, 1959.

[2] А. В. Збруева. Происхождение ананьинской культуры. КСИИМК, IX, 1941, стр. 37 сл.; А. В. Збруева. К вопросу о происхождении ананьинской культуры. Антропологический журнал, 1936, № 4, стр. 421 и сл.

[3] Т. Н. Трофимова. Антропологический тип населения ананьинской культуры в Приуралье. КСИИМК, вып. IX, 1941, стр. 44.

ческий тип Т. Н. Трофимова сближает с бурятским,[4] а Г. Ф. Дебец — с протоазиатским или палеоарктическим; [5] 2) европеоидный антропологический тип, характеризующийся долихокранными черепами и выступающим носом. Г. Ф. Дебец полагал, что он близок тому антропологическому типу, который преобладает в погребениях древнеямной и срубно-хвалынской культур в Нижнем Поволжье. [6] В результате скрещивания двух основных антропологических типов образовались известные здесь смешанные расовые типы. [7]

Как отмечает Г. Ф. Дебец, в эпоху, предшествующую началу нашей эры, в степной полосе Сибири, от Урала до Минусинской котловины, преобладали потомки протоевропеоидного типа, связанные с «кроманьонской расой в широком смысле этого слова».

В Прибайкалье в это же время преобладал монголоидный антропологический тип, распространившийся по лесной полосе на запад вплоть до Прибалтики, где он начал скрещиваться еще в эпоху неолита с европеоидным типом, заселявшим лесную полосу Восточной Европы с юга. [8] Наиболее ранним свидетельством процесса скрещивания монголоидов и европеоидов в Воточной Европе являются материалы Оленеостровского могильника, в котором были выявлены Е. В. Жировым смешанные расовые типы. [9]

К сожалению, до настоящего времени в Прикамье имеется крайне недостаточное количество палеоантропологических находок, предшествующих ананьинской культуре. Однако уже сейчас на основании имеющихся материалов мы можем утверждать, что на территории Прикамья монголоиды появляются в конце II тысячелетия до н. э., о чем свидетельствуют черепа, найденные на Луговском поселении.

Население Прикамья в предананьинскую эпоху являлось смешанным: в нем был представлен местный европеоидный тип и пришлый монголоидный. [10] Появление в этот период в Прикамье монголоидного населения свидетельствует о миграции племен с востока.

Скрещивание проявляется и в формах материальной культуры. Материальная культура потомков местной неолитической культуры ко времени прихода сюда монголоидов представлена стоянками типа Астраханцевской и Северной на озере Грязном, Гремячинской, Верхней Курьи и Верхних Гарей, относящимися ко II тысячелетию до н. э.[11]

Эта культура и ее позднейшие дериваты были совершенно справедливо разделены О. Н. Бадером на два этапа: 1) гаринский этап, синхронный времени появления Турбинского могильника; 2) борский, относящийся к концу II и началу I тысячелетия до н. э.[12]

Для гаринского этапа характерны слегка углубленные в землю небольшие деревянные срубные дома размерами 4 × 5 м, чаще 5 × 7—8 м с двускатной крышей, опиравшейся на столбы, стоящие двумя параллельными рядами. Между столбами находились обычно

---

[4] Там же, стр. 43—44.
[5] А. В. Збруева. К вопросу о происхождении ананьинской культуры, стр. 425.
[6] Там же.
[7] Т. Н. Трофимова. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. Труды Ин-та этнографии, новая серия, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 134 и сл.
[8] Г. Ф. Дебец. Проблема заселения Северо-Западной Сибири по данным палеоантропологии. КСИИМК, вып. IX, 1941, стр. 17.
[9] Там же, стр. 17.
[10] Г. Ф. Дебец. Палеоантропологические материалы из погребений срубной культуры Среднего Заволжья. МИА, № 42, М., 1954, стр. 493.
[11] О. Н. Бадер. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции. Уч. зап. Гос. ун-та (Пермь), т. IX, вып. 3. Харьков, 1953, стр. 44 и сл.
[12] Там же, стр. 44.

один-два очага. Жилища соединялись друг с другом углубленными в землю коридорами.[13]

Керамика этого времени по-прежнему сохраняет неолитический облик; это — круглодонные и остродонные сосуды, украшенные сверху донизу остроугольным зигзагом, выполненным мелкозубчатой гребенкой.[14]

Как убедительно показали О. Н. Бадер и З. П. Соколова, керамика гаринского этапа появляется в результате развития местных форм керамики энеолитических чусовских поселений типа Левшино. Посуда из Левшина в свою очередь обнаруживает родство с архаичной керамикой более ранних неолитических стоянок типа Боровое озеро I.[15] Каменный инвентарь также имеет сходство с кремневыми орудиями предшествующего этапа, но наряду с этим появляются и новые формы — кремневые наконечники стрел с прямым основанием и кремневые ножи с черенком, заканчивающимся «пуговкой», большие молоты с перехватом посередине, глиняные скульптурные изображения животных и др. Вместе с тем появляется впервые засвидетельствованная в Прикамье местная металлообработка и, очевидно, выплавка меди. М. П. Грязновым и А. А. Иессеном на стоянке Бор I был обнаружен в 1942 г. глиняный тигель для плавки меди.[16]

Материальная культура следующего этапа — борского (конец II — начало I тысячелетия до н. э.) в основном является прямым развитием форм предшествующего этапа. Как отмечает О. Н. Бадер, поздние памятники гаринского этапа трудно отличить от борских.[17] Особенно наглядно это прослеживается на керамике. В борский период сохраняются конусовидные формы сосудов, которые бытуют в керамике гаринского этапа. Однако характерными для борского периода являются сосуды полуяйцевидные.[18] Появляются также сходные с ананьинскими котлообразные сосуды;[19] на основании этого О. Н. Бадер высказывает гипотезу о генетической связи борской и ананьинской культур.

Изменения намечаются и в орнаментации сосудов. Как указывает О. Н. Бадер, на борском этапе все более редким становится зональный гребенчатый орнамент и неправильно ямочный орнамент. Исчезает остроугольный зигзаг, характерный для гаринского этапа, и начинают спорадически появляться на котлообразных сосудах[20] стилизованные фигуры животных, флажковый и шнуровой орнамент.

В этот период несколько деградирует техника обработки кремня. Господствующим типом кремневых наконечников стрел становится миндалевидный[21] при полном исчезновении наконечников стрел с прямым основанием гаринского типа.

---

[13] Там же, стр. 45.

[14] О. Н. Бадер и З. П. Соколова. Новые стоянки Чусовского Прикамья. Уч. зап. Гос. ун-та (Пермь), т. IX, вып. 3. Харьков, стр. 123, рис. 16, *3—4*.

[15] Там же, стр. 122 и сл.

[16] А. А. Иессен. Чусовская экспедиция 1942 г. Сообщения Эрмитажа, вып. V. Л., 1942, стр. 40.

[17] О. Н. Бадер. Очерк шестилетних работ..., стр. 45.

[18] О. Н. Бадер и З. П. Соколова. Новые стоянки Чусовского Прикамья, стр. 123, рис. 16, *5, 8*.

[19] Там же, стр. 123, рис. 16, *6*.

[20] О. Н. Бадер. Очерк шестилетних работ..., стр. 146; см. также О. Н. Бадер и З. П. Соколова. Новые стоянки..., стр. 123, рис. 16, *5, 6, 8*.

[21] О. Н. Бадер. Стоянка Бор II и прединьинское время в Прикамье. СА, XX, 1954, стр. 196, рис. 1—2.

Видоизменяется и форма жилищ. Вместо небольших жилищ, соединенных коридорами, появляются длинные узкие жилища размерами 18×4 м (Бор III), 36×6 м (Боровое озеро VI).[22]

Ведущим хозяйственным укладом стоянок гаринского и борского этапов, как отмечает и сам О. Н. Бадер, являются охота и рыболовство. Таким образом, на этих этапах продолжают господствовать прежние неолитические формы хозяйства.

Мы не имеем данных о широком развитии скотоводства в Чусовском Прикамье в предананьинское время. Наоборот, на стоянке Бор II, относящейся, по мнению О. Н. Бадера, к концу II — началу I тысячелетия до н. э., т. е. непосредственно предшествующей ранним ананьинским городищам, не обнаружено никаких следов скотоводства.[23] А оно, как известно, являлось одним из ведущих укладов хозяйства ананьинских племен.

Если допустить правильность гипотезы О. Н. Бадера, согласно которой ананьинцы (с их ведущей формой хозяйства — скотоводством) являются древними потомками чусовских неолитических племен — охотников и рыболовов, становится невозможным объяснить внезапную трансформацию неолитического уклада хозяйства, складывавшегося в Прикамье в течение столетий. Также вызывает сомнение и утверждение О. Н. Бадера и П. П. Ефименко, что прототипы ананьинской керамики со шнуровым орнаментом и рядом вдавленных ямок по краю сосуда «ведут нас на север в круг неолитических стоянок Беломорского побережья и Северного края вообще».[24] Памятники далекого севера, где обнаружена эта керамика (Красная гора, Кубенино II), согласно последней датировке М. Е. Фосс (III этап Беломорской культуры: III этап Каргопольской культуры) являются синхронными собственно ананьинским памятникам.[25] Помимо этого на стоянке Красная гора был найден типично ананьинский кельт.[26]

Таким образом, котловидная керамика со шнуровым орнаментом, происходящая из позднебеломорских и позднекаргопольских памятников, является не прототипом ведущих форм ананьинской керамики, а бесспорным доказательством связей собственно ананьинских племен с поздними потомками неолитических племен севера, что справедливо отметила М. Е. Фосс.[27]

Следовательно, племена, живущие в Чусовском Прикамье в борский период, не могли быть предками ананьинских племен, поскольку уклад их охотничье-рыболовческого хозяйства резко отличался от ананьинского.

Иная картина представляется нам при изучении могильников Турбинского типа. На территории Прикамья они известны пока в сравнительно небольшом количестве. Это прежде всего I и II Турбинские могильники,[28] несколько более поздний Усть-Гайвинский могильник и так называемое Подгремячинское местонахождение.[29]

---

[22] О. Н. Бадер. Очерк шестилетних работ..., стр. 46.

[23] О. Н. Бадер. Стоянка Бор II..., стр. 10.

[24] П. П. Ефименко. К вопросу об истоках культуры поздней бронзы на территории Волго-Камы. Археология, вып. II. Київ, 1948, стр. 39.

[25] М. Е. Фосс. Древнейшая история севера Европейской части СССР. МИА, № 29, 1952, стр. 131 и сл., 89 и сл., стр. 118, рис. 68.

[26] Там же, стр. 131.

[27] Там же.

[28] О. Н. Бадер. Очерк шестилетних работ ..., стр. 47.

[29] О. Н. Бадер. Усть-Гайвинский могильник и Подгремячинское местонахождение. Уч. зап. Гос. ун-та (Пермь), т. IX. вып. 3. Харьков, 1953, стр. 135 и сл.

Прямой аналогией этим памятникам является Сейминский могильник, обнаруженный в 1912 г. на песчаной дюне р. Оки близ станции Сейма Горьковской области. Бронзовые вещи из этого могильника близки по формам бронзовым вещам Турбинского могильника, что уже неоднократно отмечалось. Поскольку в междуречье Оки и Волги отсутствуют месторождения меди, металлические предметы, найденные в Сейме, не могут быть местного происхождения. Вопрос о том, где производились эти предметы, требует специального исследования и не может быть рассмотрен в настоящей работе. Можно лишь отметить, что сейминские и турбинские металлические изделия по своей форме и составу очень напоминают изделия металлургических центров Зауралья и Западной Сибири,[30] где, судя по раскопкам В. И. Матющенко, складывается в эпоху бронзы крупный очаг металлообработки, в частности налаживается массовое производство кельтов сейминского типа.

Детали погребального обряда Турбинского могильника — положение погребенных в неглубоких ямах ногами к реке — схожи с обрядом захоронения в ананьинском могильнике.[31] Сходство имеет и погребальный инвентарь. А. В. Збруева доказала генетическую связь ананьинских металлических изделий с сейминскими.[32] Кельт без орнамента, а также копье из Усть-Гайвинского могильника, как отметил О. Н. Бадер, близки ананьинским.[33]

Наряду с этим в Прикамье встречены абашевские металлические изделия, а кремневый материал повторяет кремневые орудия гаринского этапа.

Таким образом, турбинские памятники — очень сложное явление, возникшее в результате скрещивания трех элементов: сибирского, абашевского и местного неолитического. Это своеобразие Турбинского и других подобных могильников отличает их от памятников гаринского типа, в которых имеется лишь один компонент — местный неолитический.

Судя по материалам Турбинского и Сейсминского могильников, погребенные занимались при жизни скотоводством и охотой. Об этом свидетельствуют остатки шерстяной ткани в Турбинском могильнике.[34] Многочисленные находки специфических для этих памятников металлических изделий — кельтов, наконечников копий, ножей, топоров, бронзового сосуда свидетельствуют о развитой металлообработке и, по-видимому, даже о металлургии. Об охотничьем промысле говорят находки бронзового оружия, а также бронзовые и кремневые наконечники стрел с прямым основанием.

В свете приведенных данных турбинские племена выступают как скотоводы и охотники, хорошо знакомые с металлообработкой. Уклад этих племен резко отличается от уклада местных племен охотников и рыболовов, материальная культура которых была охарактеризована выше на основании материалов гаринских и борских стоянок. Если при дальнейших исследованиях подтвердится монголоидность или смешанность антропологического типа населения, оставившего сейминские и турбинские памятники, этот факт будет иметь очень важное значение для выяснения процесса смешения пришлого монголоидного и мест-

[30] О. Н. Бадер. Отчет работ Камской археологической экспедиции в 1953 и 1954 годах. Уч. зап. Гос. ун-та (Пермь), т. XI, вып. 3. Харьков, 1956, стр. 32.
[31] О. Н. Бадер. Очерк шестилетних работ..., стр. 46—47.
[32] А. В. Збруева. Происхождение ананьинской культуры, стр. 37 и сл.
[33] О. Н. Бадер. Усть-Гайвинский могильник... стр. 138.
[34] Ср.: О. Н. Бадер. Очерк шестилетних работ..., стр. 48.

ного европеоидного населения Прикамья. Следует отметить, что этот процесс мы можем проследить на памятниках более поздних, конца II — начала I тысячелетия до н. э., типа Луговского поселения, поселения на Ананьинской дюне и на стоянке Курман-Тау в Башкирии.

Влияние материальной культуры потомков неолитических племен проявляется здесь, во-первых, в конструктивных особенностях жилищ. Так, на Луговской стоянке А. В. Збруева обнаружила полуподземные жилища гаринского типа, соединенные между собой углубленными коридорами.[35] Во-вторых, это сказывается в появлении на керамике луговского типа орнамента в виде флажков, выполненных чеканом, и углубленных зональных вдавлений. Такая орнаментация, как показал П. П. Ефименко,[36] характерна для керамики лесных неолитических племен. Однако основные типы керамики, происходящие из поселений луговской культуры, резко отличаются по форме от полуяйцевидных керамических сосудов гаринско-борского типа.

Для керамики луговской культуры, как отмечает А. В. Збруева, характерны плоскодонные и круглодонные сосуды, иногда с валикообразным утолщением вокруг горла, т. е. воротничком. Орнамент сосудов чрезвычайно своеобразен. Он располагается, как правило, в верхней части сосуда и состоит из ямок, врезанных по сырой глине линий, отпечатков зубчатого штампа, изредка — шнура. Преобладающий узор — елочки и зигзаги, зональные однородные вдавления, сетка из пересекающихся полос, прямые и косые лесенки, заштрихованные и незаштрихованные треугольники и ромбы, иногда окаймленные круговым рядом вдавлений. Как отмечает А. В. Збруева, некоторые виды узоров напоминают андроновские и срубные; таковы заштрихованные и незаштрихованные ромбы, углы и треугольники, елочки и зигзаги. Чисто местные черты луговской керамики — это сочетание выпуклых валиков на шейке сосудов с горизонтальным рядом или группами круглых ямок под шейкой, а также сочетание резных полос, образующих углы, с меньшими ямками, расположенными внутри углов и по сторонам полос; таковы, наконец, шнуровые узоры. Особенно важно то, что ананьинские котлообразные сосуды с воротничком, украшенные веревочным орнаментом, возникают в луговской культуре.

Попытка О. Н. Бадера видеть прототипы этой посуды в керамике борского этапа вызывает сомнение, поскольку на поселениях борского типа не встречаются керамические сосуды с воротничками, украшенные шнуровым орнаментом и рядом ямок по краю. По-видимому, круглодонная керамика со шнуровым орнаментом, известная на поселениях Бор II, является результатом влияний соседней луговской культуры.

Хозяйственный облик луговских поселений резко отличен от борских. Огромное количество костей домашних животных, обнаруженное на Луговском и других поселениях, свидетельствует о том, что основным занятием жителей являлось скотоводство. Здесь обнаружены кости лошади, коровы, овцы и свиньи. Находки бронзовых серпов на ананьинской дюне свидетельствуют, что жители этого поселения занимались земледелием. Не последнее место занимала и охота. Находки бронзовых орудий труда, по-видимому, свидетельствуют о наличии металлообработки. Таким образом, хозяйственный уклад луговских племен сближается, с одной стороны, с укладом турбинских, а с другой — с укладом ананьинских племен. Яркой иллюстрацией процесса скрещивания

[35] А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952, стр. 191.

[36] П. П. Ефименко. К вопросу об истоках культуры поздней бронзы, стр. 39 и сл.

европеоидных и монголоидных элементов являются 19 черепов, происходящие из 1-й землянки Луговского поселения. Как выяснилось при их изучении Т. А. Трофимовой, одни черепа принадлежат к монголоидному, другие — к европеидному, а третьи — к смешанному типу.

Таким образом, есть основания предполагать, что основное ядро ананьинских племен сложилось в результате скрещивания потомков местных европеоидных неолитических племен с пришлым монголоидным населением. В связи с этим обращают на себя особое внимание отмеченное В. Н. Чернецовым сходство, а подчас и тождество керамики Луговского поселения с посудой из Сузгуна II,[37] выявленная В. Н. Чернецовым и В. И. Мошинской, близость Зеленовской и Усть-Полуйской культур,[38] а также сходные черты обряда захоронения в Прикамье и в Сибири в ананьинское время. Поскольку объяснение всех указанных явлений одними лишь межплеменными связями представляется недостаточным, можно поставить вопрос о проникновении в Прикамье каких-то этнических групп из Западной Сибири.

---

[37] В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья, МИА, № 35, 1953, стр. 50.

[38] Там же, стр. 68 и сл. См. также: В. И. Мошинская. Керамика Усть-Полуя. МИА, № 35, 1953, стр. 118.

МИРМЕКИЙ В СВЕТЕ СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 1956—1958 гг.

В. Ф. Гайдукевич, К. Михаловский

В течение трех полевых сезонов 1956—1958 гг. советско-польская археологическая экспедиция провела раскопки Мирмекия, развалины которого находятся на северном берегу Керченской бухты, в 4 км от г. Керчи. Эти раскопки явились прямым продолжением исследований, производившихся в Мирмекии на протяжении 1934—1938 и 1946—1950 гг. Боспорской экспедицией ИИМК.[1]

Возобновляя археологические работы в Мирмекии, советско-польская экспедиция[2] учитывала в перспективе возможность полного раскрытия этого города путем планомерных раскопок, которые могли бы быть осуществлены объединенными силами в сравнительно короткие сроки. Решение такой задачи, несомненно, явилось бы существенным вкладом в изучение античного Боспора. В 1934 г., когда раскопки Мирмекия начинались, никаких наружных признаков, определяющих границы древнего города, уже не существовало.[3] Несомненно, что с юга его ограничивало море. Западная граница также подсказывается топографическими данными. В древности Мирмекий своей западной стороной примыкал к небольшой бухте, превратившейся ныне в болотистую низменность, которая четко отделяется от территории, занимаемой городищем. Сложнее обстояло дело с северной и восточной границами города. Их можно было установить только путем раскопок.

В 1937—1938 гг. удалось на одном из раскопов (участок Б) открыть часть северной оборонительной стены и развалины одной башни. Изучение этой стены показало, что на рубеже V и IV вв. или в начале IV в. до н. э. Мирмекий был охвачен по своей внешней границе каменными оборонительными стенами (шириной 2,40 м) с боевыми башнями.[4] Хотя протяженность раскопанной в 1937—1938 гг. оборонительной стены составляла лишь 42 м, все же этого было достаточно, чтобы вопрос

[1] Отчеты об этих исследованиях опубликованы: МИА, № 4, 1941, стр. 11—148; № 25, 1952, стр. 135—220; № 85, 1958, стр. 185—218.

[2] Экспедиция была организована Эрмитажем и Национальным музеем в Варшаве совместно с Институтом истории материальной культуры АН СССР и Ленинградским университетом. Работами экспедиции руководили авторы настоящей статьи. В экспедиции принимала участие большая группа студентов Ленинградского университета.

[3] Границы города отчетливо прослеживались в начале XIX в. (см. схематические глазомерные планы городища Мирмекия, выполненные около 1820 г. Бларамбергом и Дюбрюксом и перепечатанные нами в МИА, № 4, 1941, стр. 98 и сл.). Однако довольно скоро следы границ города (в виде валообразных возвышений, образовавшихся на месте разрушенных оборонительных стен) исчезли. Главной причиной этого были обширные строительные работы, проводившиеся на городище в начале 30-х годов XIX в., когда значительную часть его территории занял морской карантин. От этих карантинных построек городище было освобождено в 1927 г.

[4] МИА № 25, 1952, стр. 138 и сл.

о северной границе города считать в основном выясненным. Оставалось найти восточную границу. С этой целью советско-польская экспедиция в 1957—1958 гг. предприняла раскопки в восточной части городища. Здесь был заложен раскоп — участок М. За два полевых сезона площадь его достигла 885 м². Раскопки увенчались открытием интересного комплекса построек, а вместе с тем и оборонительной стены, ограждавшей город. Тем самым «габариты» Мирмекия вполне определились. Если раскопанные отрезки оборонительных стен (северной и восточной) мы совместим с линией границ Мирмекия, показанной на схематическом плане городища, снятом в 1820 г. Дюбрюксом, то можно уже довольно точно очертить всю площадь, которую занимал город.

Рис. 1. Восточная оборонительная стена на участке М.
А — стена III в. до н. э.; *Б* — стена IV в. до н. э.

Раскопанная на протяжении 42,5 м восточная оборонительная стена, тянущаяся с севера на юг (рис. 1),[5] оказалась гораздо более мощной (ее ширина 3,80 м), чем северная стена, часть которой раскрыта в 1937—1938 гг.

Возник вопрос: чем объяснить столь разительное несоответствие? Но как только раскопки на участке М были углублены ниже основания стены, причина этого несоответствия сразу же выяснилась. Оказалось, что на линии восточной границы города имеются остатки двух оборонительных стен, принадлежащих разному времени. Одна из них (*А*), сохранившаяся лучше (в высоту до 1,82 м), относится к III в. до н. э. Возведена она на месте разобранной более древней стены (*Б*), построенной в начале IV в. до н. э. Остатки последней (наибольшая высота 1 м) частично перекрыты стеной III в. и лишь немного выступают из-под нее (с западной стороны), а отчасти сохранились во всю ширину и тянутся рядом со стеной III в. ниже ее основания. Принадлежавшая более ранней стене башня, от которой уцелели нижние ряды кладки, в значительной своей части перекрыты оборонительной стеной III в.

[5] В своей открытой части стена образует небольшой изгиб; отсюда в сторону моря она идет почти точно на юг, в северном же направлении уходит с довольно значительным отклонением к востоку.

Ранняя стена, обнаруженная на участке М, совершенно такая же (ее ширина 2,40 м), как и северная оборонительная стена того же времени, раскопанная на участке Б. Стало очевидным, что примерно в середине III в. до н. э. оборонительные стены Мирмекия подверглись капитальному переустройству. Восточную линию стен перестроили тогда самым основательным образом. Старая стена (IV в.) была ликвидирована и заменена новой, более мощной. Правда, еще не совсем ясно, коснулись ли работы по переделке городских стен только отдельных участков оборонительного обвода или они проводились на всем протяжении стен, опоясывающих город. Скорее можно предполагать последнее. В этой связи представляется теперь крайне желательным возобновить раскопки северной стены. Учитывая результаты исследований на участке М, необходимо было бы выяснить, нет ли и в северной части города остатков стены III в., проходившей, возможно, несколько севернее первоначальной оборонительной стены, часть который, как уже отмечалось выше, открыта в 1937—1938 гг.

Развалины оборонительных стен двух периодов, выявленные на участке М, не оставляют никаких сомнений в том, что перестройка стен в III в. отнюдь не преследовала сколько-нибудь существенного расширения городской территории. Стена III в. прошла по линии, почти совпадающей с прежней стеной, возведенной еще на рубеже V и IV вв.

Обновление оборонительных стен Мирмекия в III в. до н. э., несомненно, имело своей главной целью повысить защитные возможности города. Это делалось с учетом усовершенствования военной техники, требовавшего увеличения мощи фортификационных сооружений. Вместе с тем заслуживает внимания то обстоятельство, что именно в III в. в Мирмекии была осуществлена столь серьезная реконструкция оборонительных стен города. Целый ряд данных свидетельствует о широко проводившихся в то время аналогичных работах и в других городах Боспора. Новые оборонительные стены были возведены в Тиритаке,[6] в Порфмии.[7] Все это заставляет считать, что большое внимание, уделявшееся боспорским правительством в III в. укреплению своих городов, было вызвано прежде всего возросшей военной опасностью. Одним из немаловажных факторов, обострявших обстановку в III в., была резкая активизация в причерноморских степях сарматских племен, давление которых в западном направлении заставляло кочевые племена скифов значительными массами отходить из Приднепровья на территорию Крыма. В тот же период, по-видимому, стал сказываться и нажим сарматов на Прикубанье. Разумеется, Боспор не мог не считаться с тем, что происходило в окружавших его степных районах Причерноморья. Развертывавшиеся события создавали необходимость принять соответствующие меры по улучшению обороны наиболее важных городов Боспора. Одним из таких городов, как это теперь выяснилось, был Мирмекий.

Рядом с оборонительной стеной на участке М раскопаны различные городские сооружения. Застройка данной территории началась уже в V в. до н. э. Самый ранний керамический материал, обнаруженный в нижнем слое, относится к первым десятилетиям V в. до н. э.

Вдоль восточной оборонительной стены III в. проходила вымощенная битой керамикой улица шириной 4—4,50 м. По улице проложен построенный из каменных плит водосточный канал (его длина — 19 м),

[6] МИА, № 85, 1958, стр. 157, 183.

[7] Как показали раскопки, произведенные в 1953 г., это маленькое поселение (буквально «городишко») было в III в. до н. э. охвачено поясом солидных оборонительных стен.

по которому сточные воды выводились за пределы города. Канал южным своим концом соединен с одним из дворов, а северным — со специальным люком, устроенным под оборонительной стеной. Улица многократно ремонтировалась посредством покрытия ее новыми слоями черепков и щебня. В результате к концу II в. до н. э. уровень улицы повысился на 1 м, и она уже тогда состояла из пяти слоев черепяных вымосток, сделанных из битой керамики. При раскопках в этих вымостках обнаружено довольно много амфорных ручек с клеймами. Неоднократно на вымостках оказывались монеты, потерянные когда-то рассеянными прохожими.

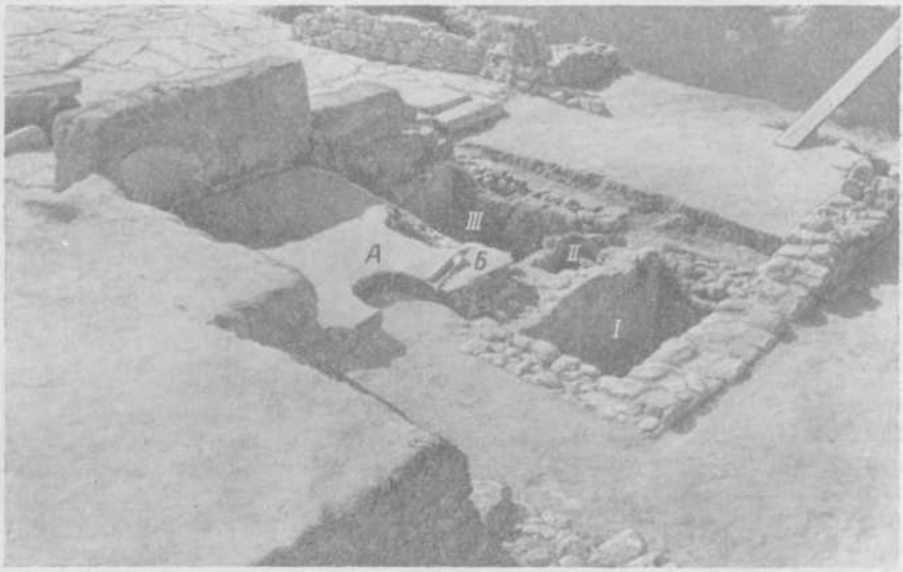


Рис. 2. Винодельня М6 III—II вв. до н. э.
А, Б — давильные площадки; *I, II, III* — цистерны.

С западной стороны к улице примыкали дома, относящиеся к эллинистическому времени (III—II вв. до н. э.). Под ними в более глубоких культурных напластованиях имеются остатки построек, принадлежащих к V—IV вв. Наиболее ясно раскрывается картина квартала, существовавшего в эллинистический период. Среди уже открытых здесь развалин зданий особо выделяется обширная постройка, состоящая из хорошо вымощенного плитами двора (5,20 × 9,50 м) и примыкающего к нему с севера помещения (5,20 × 7,50—9 м), оборудованного для производства виноградного вина (рис. 2). Это одна из многочисленных мирмекийских виноделен (М6).[8] Сооружена она еще в III в., а позднее, во II в., подвергнута переделке. Как обычно, главное место внутри винодельни занимают оцементированные давильные площадки для выжимания виноградного сока. К ним примыкают три оштукатуренные цементом цистерны, куда с площадок стекало сусло. Одна цистерна — большая (1,23 × 2,67 м, глубина 1,20 м, емкость около 2830 л), две

[8] О боспорских винодельнях см. В. Ф. Гайдукевич. Виноделие на Боспоре, МИА, № 85, 1958, стр. 352—457. Все винодельни, открытые на территории Боспора до 1958 г. и подвергнутые рассмотрению в названной работе, снабжены условными обозначениями — шифрами; мирмекийские винодельни имеют буквенный шифр М и соответствующий порядковый номер. О винодельне М6 см. В. Ф. Гайдукевич, там же. стр. 452 и сл.

другие — меньших размеров (0,62 × 1,23 м и 1,23 × 1,59 м, глубина каждой около 1,40 м, емкость около 1000 л). Винодельня довольно сильно пострадала, особенно давильные площадки, и вследствие этого невозможно полностью восстановить ее устройство. В частности, неизвестно, был ли в ней пресс.

На расстоянии 19 м к югу от описанной винодельни обнаружены следы другой винодельни, очень сильно разрушенной. Уцелел лишь небольшой фрагмент давильной площадки.

Основание площадки состоит из поставленных на ребро обломков боспорских кровельных черепиц, в том числе клейменых (клейма: ΠΑΝΤΙ,[9]) ΙΣΥΛ).[10] Во всех других известных в настоящее время боспорских винодельнях (их раскопано уже около тридцати) основание давильных площадок обычно сделано из бутового камня или гальки.

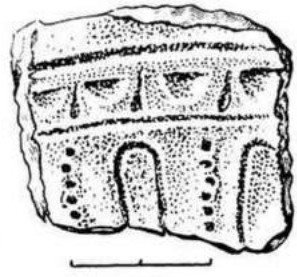


Рис. 3. Обломок глиняной матрицы для изготовления „мегарской" чаши.

В северном секторе участка М раскопана часть большого жилого дома, полное раскрытие которого состоится в дальнейшем. Наблюдения, сделанные в процессе раскопок, приводят к выводу, что восточный район города, где в III—II вв. до н. э. шла нормальная жизнь, на рубеже II и I вв. или в первые десятилетия I в. до н. э. пришел в упадок. Некоторые постройки (например, винодельня М6) были в то время разрушены и уже больше не восстанавливались.

Строительные остатки первых веков нашей эры, выявленные раскопками, фрагментарны, и пока еще трудно сказать, каков был облик восточной части Мирмекия в римский период.

Из многочисленных вещевых находок, которые обнаружены в культурных напластованиях на участке М, отметим лишь обломок глиняной формы (матрицы) для изготовления «мегарских» чаш (рис. 3). Это уже вторая находка такого рода в Мирмекии.[11] Очевидно, в городе были гончарные мастерские, в эллинистический период (точнее — во II в. до н. э.) они выпускали даже «мегарские» чаши. Упомянем также маленький «клад», состоящий из 12 синопских медных монет первых десятилетий I в. н. э.,[12] — еще одно свидетельство оживленных экономических связей Боспора с южным Причерноморьем, получивших в римское время, как известно, первенствующее значение.

Основные работы, имеющие своей целью планомерное раскрытие центральной части Мирмекия, велись экспедицией в 1956—1958 гг. на участке И, где к началу совместных советско-польских исследований была уже раскопана (в 1938 и 1946—1950 гг.)[13] площадь в 475 м². Теперь территория древнего города, раскрытая на этом участке, составляет 2250 м² (рис. 4). При этом надо иметь в виду, что здесь мы имеем дело с многослойными культурными напластованиями, глубина которых достигает 5,40 м. В них находятся (на разных уровнях) строитель-

[9] О клеймах ΠΑΝΤΙ (ΚΑΠΑΙΤΩΝ) см. В. Ф. Гайдукевич. Новые эпиграфические данные о боспорских черепичных эргастериях. СА, XXVIII, 1958, стр. 130 и сл.

[10] Ср. ИГАИМК, вып. 104, 1935, стр. 307, № 51.

[11] Обломок другой глиняной формы (матрицы), предназначенной для производства «мегарских» чаш, был найден в 1949 г. См. МИА, № 85, 1958, стр. 209, рис. 66.

[12] Монеты определила Л. Н. Белова.

[13] Отчет об этих раскопках опубликован в МИА, № 85, 1958, стр. 185 и сл.

ные остатки, принадлежащие различным периодам жизни города, начиная с VI в. до н. э. и вплоть до III в. н. э. Нижний ярус культурных отложений заключает в себе развалины построек конца VI и V вв. до н. э. Отсюда следует, что данная территория была освоена жителями Мирмекия в период последних десятилетий VI в. Это подтверждает и керамический материал (рис. 5). В различных местах участка И выявлены стены нескольких домов конца VI и V вв. до н. э. Обилие в раннем слое аттической керамики, особенно чернолаковой, отражает широкий размах торговых связей Боспора с Афинами уже в V в. Скупо

Рис. 4. Остатки домов эллинистического и римского времени на участке И.

представлены на участке И остатки построек IV — начала III вв. до н. э. Объясняется это тем, что около середины III в. в Мирмекии была произведена радикальная перестройка городских кварталов. Сооружения предшествующего периода были снесены, а соответствующие им культурные отложения в большей своей части удалены при нивелировке территории под новую застройку.

Остатки зданий, построенных в III в. до н. э. и просуществовавших (подвергаясь перестройкам) до митридатовского времени, отличаются на участке И, как правило, неплохой сохранностью. Для культурных напластований эллинистического времени характерно обилие разнообразного вещевого материала (керамика, монеты, терракоты и т. д.). Строительные остатки и соответствующий им вещевой материал ясно показывают, что для Мирмекия это была пора расцвета. С III в. город стал крупным производителем вина. Успешно развивались, несомненно, и другие промыслы (например, рыбный), а также ремесла. Примечательна многочисленность найденных при раскопках монет,[14] причем преобладают монеты эллинистического периода. Используя выгодное соседство с Пантикапеем, население Мирмекия вело оживленную торговлю производившимися в городе изделиями и продуктами. Это обеспечивало достаточно высокий уровень жизни горожан, основная масса которых

[14] Так, в течение одного лишь сезона раскопок (в 1958 г.) было найдено 422 монеты.

состояла, как можно думать, из ремесленников, виноделов, рыбаков, торговцев.

О городском благоустройстве в эллинистический период говорят находки глиняных водопроводных труб. Очевидно, в городе был водопровод. Потребность в воде удовлетворялась также колодцами.

Тип жилого дома рисуется в следующем виде: непременным элементом дома является мощеный дворик, вокруг которого располагались жилые и хозяйственные помещения. От разрушенных кровель домов сохранилась масса разбитых черепиц. Отчасти это привозные синопские черепицы, но преобладают боспорские, нередко клейменые. Иногда встречаются ранее не известные или редкие клейма (рис. 6).

Рис. 5. Аттический чернофигурный лекиф конца VI в. до н. э.

В одном из домов, двор которого занимает площадь 5,90 × 7,70 м (рис. 7), обнаружена (в 1957 г.) винодельня (М5), сооруженная около середины III в. до н. э. (рис. 8).[15] Она состоит из давильной площадки (1,40—1,77 × 2,95 м), служившей для выжимания сока, и цистерны (1,15 × 1,54 м, глубина — 1,47 м) емкостью около 1800 л. Прекрасно сохранился каменный слив, по которому сок с площадки направлялся в цистерну. Площадка и

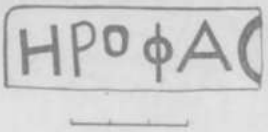


Рис. 6. Клеймо на черепице.

цистерна покрыты белым «цементом» — строительным раствором без примеси цемянки. Пресса в этой винодельне нет. Перед нами образец винодельной давильни простейшего типа, применявшегося на Боспоре в III в. до н. э.[16]

Гораздо сложнее и технически совершеннее устройство другой, очень большой винодельни (М4), раскопанной в восточной части участка И в 1957—1958 гг. Она относится ко II—I вв. до н. э. В этой винодельне имеются две цистерны, три давильные площадки, из них одна (средняя) предназначена для пресса — сохранился in situ круглый тарапан. Все рабочие части давильни, соприкасавшиеся с виноградным

[15] МИА, № 85, 1958, стр. 451.

[16] Оригинальной особенностью винодельни М5 является наличие стены, которая отделяет давильную площадку от расположенной к востоку от нее цистерны; интересно также отметить уцелевшие сверху по краям цистерны углубления, свидетельствующие, что цистерна закрывалась деревянной крышкой.

соком, покрыты розовым цементом, т. е. раствором, содержащим толченую керамику — цемянку.[17]

Рис. 7. Двор дома эллинистического времени.

Обилие больших виноделен, представляющих собой монументальные сооружения, является яркой особенностью Мирмекия, начиная с III в. до н. э.

Рис. 8. Винодельня М5 III в. до н. э.

А — давильная площадка; *I* — цистерна.

Наблюдения, проводившиеся в процессе раскопок, привели к заключению, что около середины I в. до н. э. центральная часть города

[17] Подробное описание и исследование винодельни дано в книге: K. Michalowski. Mirmeki, I. Warszawa, 1958, стр. 48—64; см. также МИА, № 85, 1958, стр. 453 и сл.

пришла в состояние упадка, что, очевидно, было вызвано общим тяжелым кризисом, который переживал город. Заброшенные и сильно разрушенные постройки, вернее их развалины, были на рубеже нашей эры засыпаны, в результате чего уровень дневной поверхности городской территории значительно повысился. На этом уровне стали возникать новые сооружения, остатки которых отражают жизнь Мирмекия в I—III вв. н. э. По-видимому, тогда уже не было такой сплошной регулярной застройки, как в эллинистическое время. Довольно значительная площадь городища, раскрытая на участке И, оказалась без строительных остатков первых веков н. э. Лишь в западной и южной части участка в 1957—1958 гг. стали выявляться значительные сооружения римского времени.

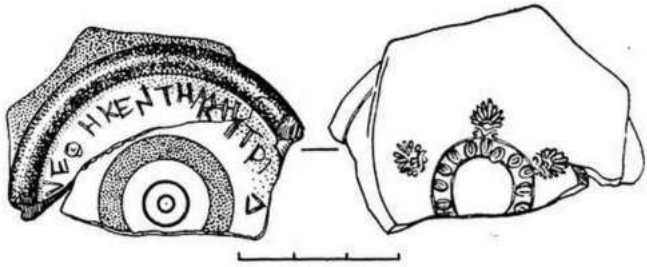


Рис. 9. Обломок чернолаковой чаши конца V в. до н. э. с граффити.

Полностью раскопанный (в 1958 г.) дом II—III вв. н. э. показывает, что тип жилого дома продолжал в общем сохранять те же принципы устройства, какие были приняты и в эллинистическую эпоху. Дальнейшее расширение площади раскопок позволит отчетливее выяснить, как выглядела центральная часть города в период I—III вв. н. э.

Добытый раскопками 1956—1958 гг. археологический материал, происходящий с двух исследуемых участков городища, весьма обилен и содержателен. Имеется серия редких находок, например, отдельные терракоты, художественные изделия из кости, образцы расписной и рельефной (эллинистической) керамики. Керамические клейма на ручках и горлах амфор, найденные в очень большом количестве, заметно расширяют сведения о внешних торговых связях Боспора, дополняют новыми данными уже известные собрания клейм различных центров. Самыми многочисленными являются клейма Синопы, на втором месте стоит Родос, далее следуют Гераклея, Книд, Кос, Фасос, Херсонес.[18]

Особенно интересную группу находок составляют терракоты.[19] Большая часть их происходит из эллинистических культурных напластований. Они разнообразны по своим сюжетам и характеру исполнения, среди них есть образцы очень тонкой художественной работы. Значительная часть терракот является продукцией боспорских коропластов.

Как известно, терракоты — ценный и многосторонний исторический источник, освещающий различные стороны античной культуры. Найденные в Мирмекии терракоты позволяют, в частности, определить, какие культы пользовались у жителей города особенным почитанием. На одном

[18] Керамические клейма, найденные на польском участке раскопок в 1956 г., опубликовала А. Садурская (см. K. Michalowski, ук. соч., стр. 101 и сл.).

[19] Некоторые терракоты из раскопок 1956 г. см. K. Michalowski, ук. соч., стр. 85 и сл.

из фрагментов чернолакового сосуда, относящегося к концу V в. до н. э.,[20] имеется граффити — посвящение Кибеле: [ἀ]νέθηκεν τῇ Μητρί(θεῶν или Φρυγίαι) δ(ῶρον) «посвятил Матери (богов или Фригийской) дар» (рис. 9). Нацарапанные ниже буквы (КІ), возможно, представляют

Рис. 10. Терракотовая фигура Кибелы III—II вв. до н. э.

собою начало имени лица, посвятившего свой дар богине. Из надписи следует, что уже в V в. до н. э. в Мирмекии был известен культ богини плодородия Кибелы Фригийской, «матери богов».[21] Очевидно, в даль-

[20] Найден на участке М.

[21] До сих пор наиболее ранними памятниками, свидетельствующими о существовании культа Кибелы на Боспоре, были пантикапейские посвятительные надписи времени Перисада II, т. е. первой половины III в. (IPE, 16 и 17).

нейшем он пользовался здесь достаточно большой популярностью. Это подтверждает находка превосходной эллинистической терракотовой фигуры Кибелы высотой 46 см (рис. 10). Увенчанная башенной короной, богиня сидит на троне; ноги богини покоятся на лежащем у подножия трона льве.

Рис. 11. Маска силена II в. до н. э.

Для Мирмекия как города прежде всего виноде́льческого весьма показательно, что его обитатели оказывали большое внимание Дионису. Среди найденных в Мирмекии терракот имеется достаточно многочисленная серия изображений самого Диониса, а также представителей его «окружения» — силенов (рис. 11), сатиров. Одним из интересных образцов этой группы терракот является большая маска Диониса-Винограда (Διόνυσος Βότρυς) II в. до н. э. (рис. 12).[22] Волосы, борода, усы Диониса представлены в виде гроздьев винограда, а корону на его голове образуют виноградные листья.

Маски такого рода получили распространение на Боспоре, возможно, под влиянием крупного южнопонтийского центра Амиса, с которым Боспор был связан торговыми взаимоотношениями. В мастерских амисских коропластов в эллинистическое время создавались очень оригинальные высокохудожественные декоративные маски Диониса, в том

[22] Найденная в Мирмекии, маска фрагментирована, некоторые ее части утрачены. Эти утраченные части на рисунке дополнены на основании двух аналогичных (сделанных в той же форме!) масок, хранящихся в Эрмитаже, куда они поступили еще в прошлом столетии в результате покупок. Одна куплена у одесского антиквара, другая значится как происходящая из Эльтегена. Глина мирмекийской маски — красная, у эрмитажных масок она серая, что является результатом различных условий обжига.

числе Диониса-Винограда,[23] которые и могли быть использованы коропластами Боспора в качестве образцов.

Как уже отмечалось, эллинистический период в истории Мирмекия несомненно был временем его наибольшего расцвета. После тяжелого кризиса, начавшегося в конце II в. и достигшего кульминационной точки в середине I в. до н. э., Мирмекий вскоре снова ожил. Но в первые века нашей эры город, очевидно, уже не имел того значения, какое было ему присуще в более раннее время, особенно в эллинистическую эпоху.

Рис. 12. Маска Диониса-Винограда II в. до н. э.

В нашем беглом обзоре мы смогли лишь в самых общих чертах показать результаты советско-польских раскопок в Мирмекии. Несомненно, они значительно продвинули вперед изучение этого города. Удалось получить много свежего материала, освещающего различные стороны экономической жизни и культуры Боспора. Планомерное продолжение археологических исследований в Мирмекии безусловно даст возможность узнать еще немало нового о многовековой истории этого очень интересного боспорского города.

[23] A. Laumonier. Les figurines de terre cuite. Exploration erchéologique de Delos, т. XXIII. Paris, 1956, стр. 124, № 315.

ТАК НАЗЫВАЕМЫЕ ОСЕЛКИ СКИФО-САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ

М. П. Грязнов

Одна из первых задач археолога при изучении любой вещи — установление ее функции. Часто решение этого вопроса встречает большие трудности. Лишь путем тщательного анализа, тонких наблюдений и долгих исканий удается установить истинное назначение той или иной древней вещи. Некоторые вещи, известные в археологии уже десятки лет, до сих пор остаются «предметами неизвестного назначения».

В ряде случаев вопрос этот решается легко и просто. Собственно, и решать его не надо. Назначение вещи иной раз бывает ясно каждому исследователю, и мы даже не знаем, кто первый его определил. Однако даже тогда, когда, казалось бы, нет надобности доказывать правильность определения назначения вещи, не мешает поставить вопрос, правильно ли такое определение и как это доказать.

К числу древних вещей, функция которых определена первыми же исследователями без каких-либо специальных изысканий, относятся каменные оселки — точильные бруски скифо-сарматского времени. Оселки известны в большом количестве как из погребений, так и из числа случайных находок. Их назначение настолько очевидно, что до сих пор не вызывало сомнения.

Оселки обычно небольших размеров, всегда с отверстием на конце как бы для подвешивания к поясу; их действительно носили на поясе, так как в могилах оселки обычно находят у скелета в области живота.[1] Если же в кургане оселки оказывались не при скелете, то они лежали вместе с положенными в могилу поясами (Кульобский и Чертомлыкский курганы). В Сибири такие же оселки в том же самом положении были обнаружены мною в трех погребениях большереченской культуры на Верхней Оби; в одном случае оселок лежал рядом с бронзовым ножом, с которым когда-то, очевидно, висел рядом на поясе.[2]

Однако факт ношения оселка на поясе по соседству с ножом, акинаком, секирой и горитом еще не является доказательством того, что оселок действительно употреблялся для заточки металлических орудий. Лучшим доказательством действительного использования предмета служат следы его изношенности. С этой точки зрения и рассмотрим наши оселки.

Наиболее многочисленная серия оселков происходит из степей Минусинской котловины. Все это случайные находки, в погребениях они неизвестны. Среди них есть много старых, изношенных, бывших

---

[1] Например, в Карагодеуашхе (МАР, 13, 1894, стр. 10), Талаевском кургане (ОАК, 1891, стр. 78) и мн. др.

[2] М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. МИА, 48, 1956, стр. 58, 62 и 66; табл. XVII, *34;* XXI, *21.*

длительное время в употреблении экземпляров. От долгого ношения на поясе на оселках протерлись и заполировались дорожки и желобки около отверстия, в месте наибольшего трения краев отверстия о ремешок или шнурок, на котором оселки подвешивались к поясу.

Протершаяся и заполировавшаяся дорожка чаще всего опоясывает верхний край отверстия (если представить себе оселок подвешенным за это отверстие) и направляется, делаясь менее и менее заметной, вверх по линии продольной оси оселка, по обеим сторонам отверстия (рис. 1, *1*). Наиболее сильно стертыми участками этой дорожки являются края отверстия. Очевидно, что такие следы стертости могли образоваться на оселке лишь при подвешивании его на пояс широкой петлей из ремешка или шнура (рис. 3, *1, 2*).

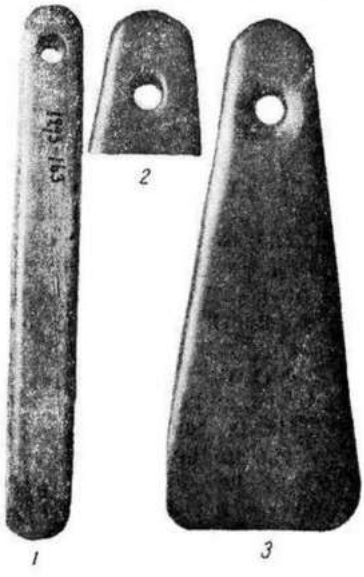


Рис. 1. Следы изношенности на „оселках".

Рис. 2. Следы изношенности на „оселках".

На одном оселке протертая дорожка также опоясывает верхний край отверстия, но направляется не по оси оселка, а с отклонением от нее под небольшим углом в противоположные стороны на передней и задней поверхности оселка. Такой характер изношенности мог получиться лишь при подвешивании оселка на ремешке, оба конца которого укреплены на поясе в некотором расстоянии друг от друга. Это второй способ подвешивания оселка.

Третьему способу подвешивания соответствуют следы изношенности совсем иного характера. На некоторых оселках ремешок протер дорожку только на одной стороне (рис. 1, *2*). Дорожка направлена, как и в первом случае, от верхнего края отверстия оселка наверх, вдоль его оси. Наиболее стертым участком ее является также край отверстия. На противоположной стороне оселка дорожки нет, но края отверстия сильно стерты, особенно в нижней половине. Отверстие находится как бы на дне плоской воронки с пологими, сливающимися с наружной поверхностью оселка краями, но не в центре ее, а ближе к верхнему краю (рис. 1, *3*). Форма воронки и наличие на ее поверхности мелких, концентрически расположенных бороздок указывает, что она образовалась в результате трения при круговом движении какого-то тела, ось

вращения которого располагалась несколько ниже центра отверстия. Следы изношенности такого типа можно объяснить лишь тем, что оселок висел на ремешке, конец которого был завязан узелком, как это показано на рис. 3, *3*, *4*. На изображенном здесь оселке, кроме рассмотренных глубоких следов изношенности, свидетельствующих о длительном использовании предмета, сохранились предшествующие им следы подобного же характера, но менее глубокие и частично ими уничтоженные. Они находятся на противоположных по отношению к первым сторонах. Отсюда можно заключить, что сначала узелок ремешка находился на одной стороне отверстия, а затем оселок был перевернут, и узелок более длительное время (в пять или десять раз большее) стал тереть другую сторону оселка.

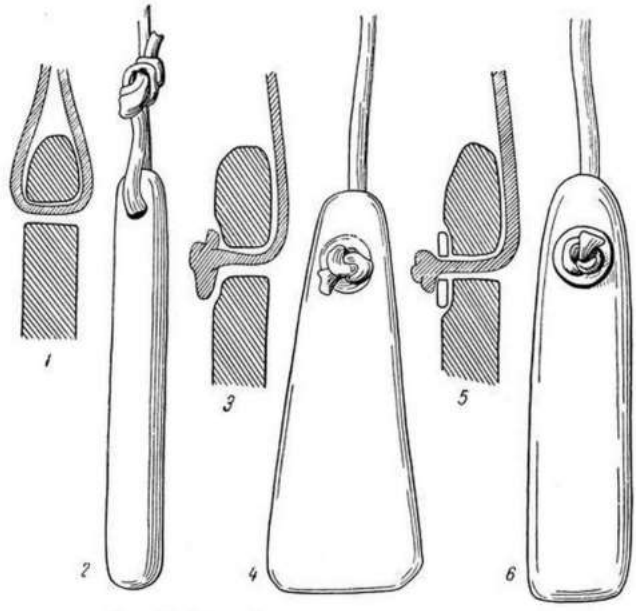


Рис. 3. Способы подвешивания „оселков".

Как уже отмечено, на поверхности воронки, образовавшейся при втором положении оселка, имеется серия концентрически расположенных бороздок, хорошо видимых невооруженным глазом. Бороздки занимают ограниченный участок нижней части воронки длиной около четверти круга и шириной около 3 мм, точно совпадая с находящимся здесь углубленным желобком. По-видимому, в узелок случайно попало какое-то твердое тело, которое при качательном движении оселка пробороздило этот желобок. Можно из этого заключить, что вращательное движение оселка происходило преимущественно в пределах четверти круга.

Последний, четвертый тип изношенности оселка сходен с предыдущим. На одной стороне оселка также протерта дорожка, идущая от отверстия вверх (рис. 2, *1*), а на другой — широкое углубление вокруг отверстия (рис. 2, *2*). Это углубление имеет не воронкообразную, а чашевидную форму, широкое плоское дно и довольно крутые края, геометрически правильные очертания и множество концентрически расположенных по всей поверхности бороздок. Такое углубление могло образоваться только в результате вращения твердого тела цилиндриче-

ской формы (какого-то плоского кружка) вокруг отверстия. Края отверстия на этой стороне оселка имеют острое режущее ребро. Очевидно, оселок удерживался на ремешке круглой шайбой, которая в свою очередь закреплялась завязанным на конце ремешка узелком (рис. 3, *5*, *6*).[3] С одной стороны оселка, представленного на нашем рисунке, примерно посредине имеется еще серия концентрических штрихов, более глубоких у края. Это — следы трения и ударов оселка о какой-то другой твердый предмет. Судя по расположению и кривизне штрихов, этот предмет висел рядом с оселком, в 2—3 см от него, на высоте около 3—4 см над его верхним краем, или, что вероятнее, он был прикреплен к одежде владельца оселка, а оселок висел слева на поясе, на ремешке длиною около 8—10 см.

Возьмем пряжки наших собственных поясов, рассмотрим степень их изношенности и вспомним, сколько лет они нам служат. Нужны десятки лет для того, чтобы на пряжках в месте соприкосновения с ремнем протерлись такие же, как на данных оселках, глубокие желобки. Но ведь пряжки сделаны из металла — материала более мягкого, чем камень. Нет сомнения, что минусинские оселки с глубокими следами от ремешка (глубина следа 1—2 мм) висели на поясе многие десятки лет, передавались из поколения в поколение.

Это все, что можно сказать об изношенности оселков. А где же следы их сработанности? Где следы, оставшиеся от заточки стрел, копий, ножей и кинжалов? Поверхность граней гладка, ровно заполирована, нигде не сточена, даже у тех оселков, которые десятки лет носили на поясе. Мягкий кожаный ремешок или шерстяной шнурок протер на камне глубокие выемки, а твердые металлические орудия, которые должны были сточить его за это время, не оставили на нем ни малейшего следа. Совершенно очевидно, что перед нами не оселки, мусаты или точилки, как их принято называть, а предметы, не предназначавшиеся для какой-либо работы.[4]

Вероятнее всего, это — предметы культово-магического назначения или амулеты. Так мы и будем их рассматривать. Конкретный смысл, назначение этих каменных амулетов установить сейчас не представляется возможным. Носили их, как уже указано, на поясе, который у многих народов, в том числе и у скифов, занимал видное место в культово-магических представлениях. Представители скифской и сарматской племенной знати заключали свой каменный амулет в золотую, художественно оформленную оправу (Чертомлык, Куль-оба, Карагодеуашх, Талаевский курган, Зубов хутор, Ахтанизовка) [5] так же, как

---

[3] См. следы изношенности подобного же характера на оселках в коллекции И. А. Лопатина (В. В. Радлов. Сибирские древности. МАР, 15, 1894, табл. XII, рис. 8 и 10).

[4] В собраниях Эрмитажа есть подобный предмет из шиферного сланца с несомненными следами недолговременного употребления его в качестве точильного бруска. Но предмет куплен на Кубани, и следы сточенности на нем могли быть оставлены его находчиком. Другой подобный предмет из песчаника, найденный С. А. Мазараки в кургане № 505 близ с. Броварки на р. Псел, сильно сточен в средней части, но не при употреблении его в качестве оселка. Сточенность явилась результатом сильного трения в направлении вокруг оси, отчего первоначально прямоугольный в сечении оселок сделался овальным посредине. В погребениях в районе Верхней Оби найдены два оселка, имеющие ясные следы употребления их в качестве точильного бруска. Оба они сделаны из песчаника. По-видимому, в тех случаях, когда предмет, висевший на поясе, был сделан из абразивного материала (песчаника), владелец пользовался им иногда как точилом, хотя предназначался он совсем для другой цели.

[5] См. ДГС, вып. II, 1863, табл. XXXVII, 1; E. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, рис. 145, 2; МАР, 13, 1894, табл. VII, 7; ОАК, 1891, рис. 57; ИАК, вып. 1, 1901, рис. 31 на стр. 103; ОАК, 1900, рис. 209.

они это делали и с другими амулетами (ср. клыки хищников в Семибратных и Прохоровских курганах, раковину и ахеменидскую печать в Прохоровских курганах и др.).[6]

Некоторые из каменных амулетов по форме похожи на точильные бруски, но у скифов большая часть их имеет сигаровидную форму, неудобную для использования предмета в качестве оселка,[7] а у минусинских племен многие амулеты имеют тоже необычную форму, неудобную для точильных брусков. Это — треугольные плоские подвески,[8] широкие прямоугольные пластины с закругленными ребрами[9] и др. Материалом для амулетов служили по преимуществу красивые цветные породы камня — пестрые кристаллические или слоистые с полосатым и волнистым рисунком; не песчаники, которые скорее всего могут быть использованы в качестве абразива для точила, а различные тонкозернистые, аморфные или кристаллические породы — яшма, змеевик, порфир, глинистые сланцы, кварцит, агат (?) и др.

Можно отметить разное отношение у разных племен к каменным амулетам на поясе. Так, на Енисее, у племен минусинской курганной культуры амулет, вероятно, передавался по наследству из поколения в поколение. Найденные в данной местности амулеты почти всегда имеют четко выраженные и часто очень глубокие следы изношенности. Ни один из них не найден в могиле, хотя погребения этого времени исследованы в большом количестве. У скифских и сарматских племен, у ранних кочевников Алтая, а также у их оседлых соседей на Верхней Оби каменный амулет служил, по-видимому, только одному определенному лицу и следовал за ним в могилу. Вот почему амулеты этих племен только в редких случаях имеют явные следы изношенности, а глубоких следов на них не наблюдалось. Почти все они найдены в погребениях.

В заключение следует вспомнить о находке каменного амулета в Чертомлыкском кургане. Здесь в особой нише площадью около 1,5 м^2 были обнаружены остатки нескольких поясов (в том числе два или три чешуйчатых, с медными и железными пластинками),[10] несколько ножей, 5 акинаков, горит, наконечники стрел, ножны акинака и несколько десятков золотых, серебряных, бронзовых и костяных позолоченных бляшек, пронизок и других частей скорее всего от поясных наборов.[11] Здесь же найдены каменный сигаровидной формы амулет в золотой оправе и золотая оправа от другого амулета.

Таким образом, к составу помещенных в эту нишу вещей относятся только пояса и предметы, носимые на поясе. Можно ли рассматривать эти вещи как положенный в могилу вождя запас нескольких имевшихся у него поясов с соответствующим комплексом оружия и даже с амулетами? Мог ли вождь иметь в своих сундуках или сумах запасные пояса с амулетами и оружием на каждом из них? Быть может, правильнее предполагать, что сложенные в нише Чертомлыкского кургана поясные комплекты принадлежали в свое время не погребенному в могилу вождю,

---

[6] И. Толстой, Н. Кондаков. Русские древности, вып. 2, 1889, рис. 105; М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области. МАР, 37, 1918, табл. VI, *1, 7, 10*.

[7] Например, амулеты из Чертомлыка, Куль-обы, Талаевского кургана, Зубова хутора и др.

[8] См. наш рис. 1, *3*; A. M. Tallgren. Collection Tovostine... Gelsingfors, 1917, табл. I, II; G. Gjessing. Minusinkiske oldfunn. Arbok 1938—1940. Oslo, 1941, рис. 53.

[9] См., например, В. В. Радлов. Сибирские древности, табл. XXII, 7; A. M. Tallgren, ук. соч., табл. I, *15*.

[10] А. П. Манцевич. О скифских поясах. СА, VII, 1941, стр. 23.

[11] ДГС, II, 1872, стр. 112—114.

а нескольким другим лицам, что они составляют не «гардероб» вождя, а либо собрание его военных трофеев, либо, что, может быть, вероятнее, символическое захоронение соумирающих вместе с вождем подвластных ему военных предводителей?

Вспомним, какое место в культе скифов занимал пояс, вспомним, как в Харочоевском могильнике на Северном Кавказе вместо жены в могилу умершего мужчины клали ее косу с бронзовыми подвесками,[12] а в Монголии в могилах гуннских шаньюев хоронили десятки кос в шелковых футлярах.[13] Вспомним также, что верховые кони в Пазырыкских курганах на Алтае были дарами умершему от подвластных ему представителей общественной власти, так же, по-видимому, как и кони в богатых могилах скифских вождей.[14] Наличие каменного амулета в складе поясных комплектов Чертомлыкского кургана заставляет более внимательно отнестись к вопросу о происхождении вещей, погребенных в богатых скифских курганах.

Мы всегда должны иметь в виду, что не каждая положенная в могилу вещь была личной собственностью умершего. Участие в похоронах скифского царя всех подвластных ему народов, как сообщает об этом Геродот, выражалось, надо думать, не только в том, что все они присутствовали при похоронах и все вместе трудились над огромным погребальным сооружением.[15] Несомненно, здесь имели место и различные формы их материального участия в богатом и обильном снаряжении покойника. Со временем мы, вероятно, сумеем определить еще некоторые категории вещей, принесенных на могилу вождя представителями подвластных ему общественных подразделений. Это в свою очередь позволит дополнить новыми штрихами картину социальной жизни древних скифов.

---

[12] А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ в I—II тысячелетии до н. э. КСИИМК, вып. XIII, 1946, стр. 131.

[13] С. А. Теплоухов. Раскопки кургана в горах Ноин-Ула. Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии. Л., 1925, стр. 20; C. Trever. Excavation in Northern Mongolia (1924—1925). Л., 1932, стр. 11, 50.

[14] М. П. Грязнов. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950, стр. 69—71.

[15] Геродот. История, IV, 71.

БРОНЗОВЫЕ КОТЛЫ В СОБРАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

(Котел из кургана Солоха)

А. П. Манцевич

При раскопках Н. И. Веселовским кургана Солоха (близ села Знаменка б. Мелитопольского уезда, Таврич. губ.) в 1912 г. в центральной могиле кургана, состоявшей из двух помещений, в юго-западном углу

Рис. 1—3. Котел из центрального погребения кургана Солоха.

южной камеры-кладовой стоял «большой медный котел на ножке».[1] Вместе со всем комплексом находок из этого кургана он поступил в Государственный Эрмитаж[2] (рис. 1—3).

[1] ОАК, 1912, стр. 44, рис. 60. (Вид на месте находки).
[2] Инв. Гос. Эрмитажа Дн 1912 1/57.

Котел имеет овальную форму, отлит из бронзы, отдельно отлита и затем приклепана к котлу высокая коническая ножка. Утолщенный край снабжен шестью вертикальными ручками: на каждой из них по три бугорка. Тулово котла украшает рельефный орнамент в виде зигзагов, обрамленных внизу шнуровым орнаментом; на середине ножки — рельефный поясок, по ее краю — шнуровой орнамент (рис. 2).

Котел слегка сдавлен с боков; по борту он имеет несколько вертикальных трещин; обломана бóльшая часть ножки. Техника литья грубая, вследствие чего поверхность, особенно внешняя, очень неровная и стенки сосуда имеют пористую структуру.[3] Котел центрального погре-

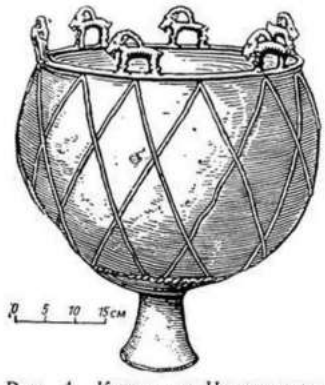


Рис. 4. Котел из Чертомлыкского кургана.

Рис. 5. Котел из Келермесского кургана.

бения кургана Солоха представляет собой обычный тип котлов, характерных для богатых погребений скифского периода. Однако особенность этого котла состоит в том, что он подвергся в древности значительной реставрации: на две вертикальные трещины котла наложены скрепы, причем одна трещина сшита двумя скрепами снаружи и одной внутри, другая — одной скрепой снаружи и одной внутри (рис. 1 и 3). Несколько необычно у описываемого котла число вертикальных ручек. Такое количество ручек известно только у бóльшего по размерам котла Чертомлыкского кургана,[4] у которого они оформлены в виде стилизованных фигур козлов (рис. 4).

Бронзовые котлы в курганах скифской эпохи встречаются преимущественно на территории от Кубани до Днепра. Единичные находки котлов в Придунайских районах определяются как восточный «импорт». В качестве примера можно привести единственный в Подолии котел из Иване Пусте (р-н Борщов, Черновицкой обл. на Украине),[5] или котел из О-Сонь в Венгрии (комитат Комаром),[6] или котел из Скорцару в Румынии (округ Браилов).[7] Что касается котла, приобретенного Берлинским музеем, то его происхождение с северного побережья Черного моря

---

[3] Размеры котла: высота — 0,65 м (вместе с ножкой, которая имеет высоту 0,20 м); диаметр — 0,71 × 0,42 м; толщина края — 38 мм.

[4] Инв. Гос. Эрмитажа Дн 1863 1/362; см. также ДГС, вып. 2. СПб., 1872, стр. 108 (рис.).

[5] Th. Sulimirski. Scythowie na zahodniem Podolu. Lwów. 1936, стр. 110, табл. IX, *7*.

[6] P. Reinecke. Die skythische Alterthümer im mittleren Europa. Z. f. E., т. 28, 1896, стр. 13, табл. *I*, *10*.

[7] V. Pârvan. Getica. Academia Romana. Memoriile secţiuni istorice. Seria III, tom. III; mem. 2. Bucureşti. 1926, табл. I, рис. 1 и 2.

М. Эберт считает несомненным, так как котел будто бы был найден в кургане на территории б. Екатеринославской губернии.[8]

Геродот говорит об употреблении скифами котлов туземного изделия, более всего похожих на лесбосские чаши — „λεβήτας ἐπιχωρίους μάλιστα λεσβίοισι κρητῆρσι προσεικέλους" (Herod. IV, 61 — Sc. et Cauc., 26);

Рис. 6. Котел из Келермесского кургана.

Рис. 7. Котел из Келермесского кургана.

в этих котлах скифы варят мясо жертвенных животных, сжигая их кости, заранее отделенные от мяса и уложенные вокруг ножки котла. Под именем лесбосских чаш Геродот, по-видимому, подразумевал сосуд в форме кубка.

Рис. 8. Котел из Келермесского кургана.

Рис. 9. Котел из кургана Раскопана могила-Бабы.

И. Г. Краузе[9] считает λέσβιον особым видом кубка для питья и указывает, что этот термин, вероятно, употреблялся первоначально в качестве прилагательного для сосудов, особенно распространенных на о. Лесбосе.

Афиней (Deipnosophistai, XI, 71) приводит стихи поэта Гедила (Ηδύλος), применяющего этот термин к кубку из прозрачного камня

[8] Max Ebert. Ein skythischer Kessel aus Südrussland, PZ, т. IV, вып. 3—4, 1912, стр. 451, 452 (рис. 1).

[9] J. H. Krause, Angeiologie. Halle; 1854, стр. 370.

или стекла цвета пурпура (πορφυρέης λέσβιον ἐξ ὑέλου). Действительно, перечисленные выше котлы, лишенные вертикальных ручек, в миниатюре имели бы форму кубков.

Прототипом котла кургана Солоха являются котлы Келермесских курганов, на тулове которых имеются такие же зигзаги: на двух котлах — один ряд (рис. 5 и 6),[10] на третьем — два ряда зигзагов без обрамления (рис. 7),[11] на четвертом — два переплетающиеся зигзага в обрамлении (рис. 8).[12]

Орнамент в виде зигзагов, украшающий первые два котла Келермесских курганов, можно видеть также и на котле из кургана Раскопана могила-Бабы (рис. 9),[13] однако, изображенные на нем букрании и паль-

Рис. 10. Котел из Чертомлыкского кургана (меньший).

Рис. 11. Котел из бокового погребения кургана Солоха.

метки еще не дают права считать происхождение котла греческим, как это делает М. И. Ростовцев,[14] так как техника его изготовления полностью совпадает с техникой изготовления других котлов скифской эпохи. Скорее можно допустить, что скифский мастер воспроизвел греческий орнамент, чем предположить освоение скифской техники греческим литейщиком.

Подобное же сочетание греческих мотивов орнамента и скифской техники изготовления можно наблюдать на бронзовых бляхах в виде птиц из курганов «Г» Журовки[15] и «Золотого» близ Симферополя,[16] на золотых треугольных пластинах с изображениями льва, козла, орла и зайца из второго и четвертого Семибратних курганов.[17]

На целом ряде бронзовых украшений конских уздечек из Чигиринских и Семибратних курганов скифский мастер воспроизводит греческую пальметку, но в ином осмыслении, чем на котле (хвост птицы).[18]

Котел, наиболее схожий по форме с котлом из кургана Солоха, был найден в главной камере Чертомлыкского кургана (рис. 10);[19] он отли-

[10] Инв. Гос. Эрмитажа Ку 1903—1904 1/9 и 1/10.
[11] Инв. Гос. Эрмитажа Ку 1904 1/10.
[12] Инв. Гос. Эрмитажа Ку 1904 1/14.
[13] Инв. Гос. Эрмитажа Дн 1897 2/14; см. также ОАК, 1897 г., стр. 137, рис. 270.
[14] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 413—414; К. Шефольд, по-видимому, склонен считать котел Раскопаной могилы продукцией местного производства. См. K. Schefold. Der skythische Tierstil. ESA, т. 12. Helsinki, 1938, стр. 25.
[15] ИАК, вып. 14. СПб., 1905, стр. 27, рис. 65.
[16] ОАК, 1890, стр. 5, рис. 1.
[17] ОАК, 1876, табл. IV, рис. 4.
[18] ОАК, 1876, стр. 126 (рис.); ИАК, вып. 14. СПб., 1905, стр. 27, рис. 65.
[19] Инв. Гос. Эрмитажа Дн 1863 1/363.

чается от котла кургана Солоха некоторыми деталями: отсутствием поясков на ножке, числом зигзагов на тулове, меньшим количеством ручек. Его орнамент состоит из двух переплетающихся зигзагов, которые образуют узор в виде сетки (ромбы и треугольники), как и на котле из Келермесского кургана (рис. 8). Зигзаги на Чертомлыкском котле также обрамлены шнуром.[20]

То же количество вертикальных ручек, но оформленных, как уже отмечалось, в виде фигур козлов, имеется на другом котле из Чертомлыкского кургана (рис. 4). Шнуровой орнамент по краю ножки можно видеть также на котле из бокового погребения кургана Солоха (рис. 11)[21] и на котле из с. Андрусовки б. Александрийского уезда Херсонской губ., приобретенном у В. А. Волохина (рис. 12).[22] Таким образом, котел из центрального погребения кургана Солоха органически связан с группой котлов Северного Причерноморья, имевших свою характерную форму лишь с небольшими отклонениями в деталях. Огромные размеры котлов требовали, разумеется, особых технических приемов при их изготовлении, которых я не имею возможности здесь касаться.[23]

Рис. 12. Котел из с. Андрусовка.

Форма котла с вертикальными ручками, украшенными тремя выступами, которые, по всей вероятности, являются реминисценцией фигуры козла, еще уцелевшей на Чертомлыкском котле, бытовала и видоизменялась на территории Северного Причерноморья в течение всего скифского периода. Исходные формы ее — котлы Келермесских курганов конца VII или начала VI вв. до н. э. Продолжает бытовать эта форма котлов, правда в несколько измененном виде, и в сарматский период. В качестве примера можно привести котлы из станицы Еланской,[24] из станицы Ярославской,[25] из села Трояны [26] и т. п.

В настоящее время восточной границей распространения котлов можно считать район Астрахани, где у села Заплавного был найден котел, схожий по форме с описываемым котлом; орнамент его составляет лишь поясок в виде шнура на тулове (ручки не сохранились).[27]

Западной границей распространения котлов можно считать Правобережье Днепра (Чертомлыкский курган), так как дальше на западе, как мы видели, встречаются лишь их единичные экземпляры. На севере

---

[20] Аналогичный орнамент имеется и на котле из с. Осокоровки (район Херсона), находящемся в Херсонском историческом музее. См. В. И Гошкевич. «Летопись музея», 1909—1911 гг., стр. 30, рис. 17; ОАК, 1909—1910 гг., стр., 213, рис. 244.

[21] Инв. Гос. Эрмитажа Дн 1913 1/51.

[22] Инв. Гос. Эрмитажа Дн 1890 2/1.

[23] Посвященная котлам скифо-сарматской эпохи работа Б. А. Шрамко, в которой он с исчерпывающей полнотой освещает технику их изготовления, была доложена ее автором в Гос. Эрмитаже в июне 1955 г., но, к сожалению, еще не увидела свет.

[24] Отчет Моск. историч. музея за 1913 г., стр. 3, рис. 14.

[25] ОАК, 1896 г., стр. 56, рис. 277.

[26] ОАК, 1913—1915 гг., стр. 201, рис. 255.

[27] Там же, стр. 211; Архив ЛО ИА, ф. I, д. 26 за 1914 г.

котлы известны в комплексе Частых курганов у Воронежа; например, в кургане 10 (раскопки 1915 г.) был найден котел с двумя вертикальными ручками, а в кургане 9 (раскопки 1912 г.) — котел с двумя вертикальными и двумя горизонтальными ручками.[28]

Котлы, подобные описанному, могли существовать очень долго благодаря своей массивности, прочности и, несомненно, бережному обращению с ними как с ценными предметами, о чем свидетельствуют следы реставрации на ряде котлов, особенно значительной и тщательной на котле из кургана Солоха.

Ввиду сравнительной малочисленности бронзовых котлов и длительности их бытования точную датировку их определить довольно трудно. Ориентировочно можно разделить котлы на две основные группы, детальное членение которых — дело будущего. Время существования обеих групп длилось в Скифии около трех столетий. К первой группе принадлежат котлы архаического типа, бытовавшие с конца VII в. на протяжении всего VI в. Эта группа в основном представлена котлами из Келермесских курганов. Вторую группу составляют котлы классического типа, относящиеся к V и отчасти к IV вв. до н. э. В эту группу входят все остальные упомянутые выше котлы, в том числе и котел из центрального погребения кургана Солоха.

Геродот сообщает о том, какое употребление имели котлы у скифов. Характерное окисление нижней части ножки котла, образующее иногда значительные наросты, а также слой копоти и нагара на нижней части тулова подтверждают указание Геродота о том, что котлы были вкопаны в землю. В погребениях мы нередко встречаем котлы, лежащие на боку. Следовательно, в этом случае они стояли свободно.

Никаких указаний на место производства котлов у нас нет, так же как нет и анализов металла. Поэтому приходится высказать лишь предположение, что центры их изготовления находились там, где на котлы был наибольший спрос, т. е., по всей вероятности, на территории между Кубанью и Днепром, в области царских скифов. В таком случае термин ἐπιχώριος", примененный Геродотом к котлам Скифии, может быть, действительно означает не только «употребляемые в данной стране», но и «в ней изготовленные», как это передал В. В. Латышев в своем переводе.

---

[28] С. Н. Замятнин. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем. СА, т. VIII, 1946, стр. 35—37, 39.

ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПОДБОЙНЫХ И КАТАКОМБНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ И НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Л. Г. Нечаева

На обширной территории, занятой в прошлом сарматскими племенами, известно огромное количество памятников, преимущественно могильников. Однако из всего многообразия сарматских погребений племенное определение получили лишь немногие — подбои и диагональные погребения. Первые считают аланскими,[1] вторые — роксоланскими.[2] Ни то ни другое предположение не является общепризнанным,[3] хотя гипотеза об аланской принадлежности узких подбоев Нижнего Поволжья принята многими археологами.[4] Ряд исследователей связывает с аланами и другие типы погребений: катакомбы,[5] разного рода каменные ящики,[6] склепы.

Многочисленные попытки выделить из массы различных сарматских памятников аланские вполне закономерны. Расчленение сарматских памятников по племенам действительно целесообразней начинать с выделения именно аланских древностей, поскольку аланы, которых считают предками осетин, — единственное из ираноязычных племен, уцелевшее как самостоятельное этническое объединение до наших дней. Поэтому в отношении алан можно проследить ретроспективным путем всю историю погребального обряда — от позднесредневековых могильных памятников (в отношении которых наиболее ясно, что они принадлежат осетинам) через погребения раннесредневековые до памятников сарматского времени.

---

[1] P. Rau. Die Hügelgräber römischer Zeit an der Unteren Wolga, Pokrowsk, 1927, Hft 1—2.

[2] К. Ф. Смирнов. О погребениях роксолан. ВДИ, 1948, № 1, стр. 213—219.

[3] В. В. Гольмстен. Археологические памятники Самарской губернии. Труды секции археологии РАНИОН, IV. М., 1928, стр. 134; П. С. Рыков. Изучение скифо-сарматской культуры в СССР. Известия Нижне-Волжского института краеведения, т. IV. 1931, стр. 41—47.

[4] Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, 1947, № 3, стр. 100—121; К. Ф. Смирнов. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья. Доклады и сообщения исторического факультета МГУ, вып. V. 1947, стр. 82; К. В. Сальников. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск, 1952, стр. 99—102.

[5] Т. М. Минаева. Могильник Байтал-Чапкан. Материалы по изучению Ставропольского края, вып. 2—3. Ставрополь, 1950, стр. 205—264; Т. М. Минаева. Могильник Байтал-Чапкан в Черкесии. СА, XXVI, 1956, стр. 236—261; А. А. Спицын. Историко-археологические разыскания. ЖМНП, 1909, № 1, стр. 69—74; Ю. В. Готье. Кто были обитатели Верхнего Салтова? ИГАИМК, т. V, 1927, стр. 65—84.

[6] Е. И. Крупнов. Об этногенезе осетин и других народов Северного Кавказа. Сб. «Против вульгаризации марксизма в археологии». М., 1953, стр. 141—164; Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани. МИА. 23, 1951, стр. 297.

Попытки отнесения тех или иных археологических памятников к культуре аланов предпринимались еще в конце прошлого столетия, так как решение вопроса о происхождении осетин на основе только исторических и эпиграфических данных не было достаточно убедительным. Поэтому особое внимание было обращено на археологические древности Северного Кавказа, т. е. той области, где локализует алан античная традиция.

Так, А. С. Уваров предложил «обратиться к памятникам вещественным и рассмотреть, что... рассказывают раскопки, произведенные в главных ущельях Осетии».[7] Несколько позднее В. Ф. Миллер обследовал значительное количество различного рода погребальных сооружений центральной части Северного Кавказа, но ему не удалось выделить среди них погребения, принадлежащие предкам осетин. Вопрос о возможной принадлежности кобанской культуры древним осетинам получил отрицательное решение — В. Ф. Миллер со всей решительностью отвергает возможность отнесения ее к древним аланам.[8]

В дальнейшем в связи с открытием средневековых катакомбных погребений на Северном Кавказе и в результате раскопок на Салтовском могильнике (бассейн Северного Донца) вопрос о принадлежности катакомбных погребений салтовского типа аланам поставил А. А. Спицын. Он впервые отнес также к аланам и кубанские катакомбные погребения первых веков нашей эры,[9] раскопанные Н. И. Веселовским.[10] Позднее к этой точке зрения присоединился Ю. В. Готье.[11] Его работа, опровергающая теорию принадлежности салтовской культуры хазарам,[12] весьма убедительно показывает связь салтовских погребений с северо-кавказскими катакомбами и тем самым определяет их этническую принадлежность осетинам. Причисляя алан к сарматам, общность с сарматами Ю. В. Готье считает возможным установить на основании тех признаков, которые определены для сарматов М. И. Ростовцевым, т. е. по набору вещей (куда входят полихромные украшения, зеркала, пряжки, бусы и т. д., столь распространенные по всему сарматскому миру и даже за его пределами). Но погребальному обряду и, в частности, устройству могильного сооружения в работе Ю. В. Готье внимания уделено недостаточно.

Попытка наметить истоки аланской культуры была предпринята П. Рау. На основе сопоставления погребального ритуала и могильного инвентаря П. Рау наметил в сарматской культуре Нижнего Поволжья две хронологические стадии. Более поздняя из этих стадий, относящаяся к римскому времени, образовалась за счет «слияния и преобразования разновидностей погребальных обычаев различных нижневолжских племен в более однообразную культуру, отражающую процесс объединения этих племен в одну этнографически однородную группу».[13] Характерными признаками этой поздней стадии являются узкие подбойные могилы с северной ориентировкой покойников. «Особенностью этой стадии являются также деформированные черепа (до

---

[7] А. С. Уваров. О важном значении Осетии и осетинцев для первобытной археологии. Древности. Труды Моск. археологич. об-ва, т. IX, вып. 1, протокол № 168. М., 1881, стр. 43.

[8] В. Ф. Миллер. Терская область. Археологические экскурсии. МАК, № 1, 1888, стр. 123.

[9] А. А. Спицын. Историко-археологические разыскания, стр. 69.

[10] ОАК, 1901, стр. 68 и сл.; ОАК, 1902, стр. 65 и сл.

[11] Ю. В. Готье. Кто были обитатели Верхнего Салтова?

[12] Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли. М., 1908, стр. 233.

[13] P. Rau. Die Hügelgräber römischer Zeit an der Unteren Wolga, стр 112.

70%)».[14] Обычай деформации головы дает возможность П. Рау перекинуть мостик из Поволжья римского времени к Кавказу раннего средневековья, где деформирование головы было кратковременной модой и где деформированные черепа встречаются в погребениях, считающихся аланскими. Известие Апполинария Сидония о вытянутой форме головы у гуннов, послужившее ряду ученых основанием для того, чтобы приписывать этот обычай именно тюркским племенам, П. Рау считает ошибочным. Он полагает, что Апполинарий Сидоний, не зная состава гуннской орды, мог ошибочно приписать[15] гуннам обычай, который был распространен и у других племен, в частности у алан, вторгшихся в конце IV столетия в Западную Европу вместе с гуннами. Нижневолжские курганы ставятся, таким образом, в связь с широким кругом могильных памятников Северного Кавказа и Западной Европы (Венгрия), в которых зарегистрирован обычай деформирования головы. Однако кроме обычая деформации, общность между всем этим широким кругом погребений П. Рау не устанавливает, хотя ее следовало бы отметить, если она действительно существует.

Ссылка П. Рау на некоторую общность инвентаря северо-кавказских могильников (а также неудачное привлечение материалов Борисовского могильника, который не может рассматриваться как аланский, поскольку в эту местность аланы никогда не проникали) с инвентарем нижневолжских подбоев не может затушевать различия в устройстве погребальных сооружений этих двух районов. Чтобы стало возможным говорить о нижневолжском происхождении могильных памятников Северного Кавказа и о принадлежности нижневолжских подбоев аланам, необходимо предварительно установить общность в устройстве могильных сооружений.

Эту задачу взяла на себя Т. М. Минаева при публикации могильника Байтал-Чапкан.[16] Она отмечает общие признаки обоих типов могил — камерность, большую глубину входных ям, применение в обоих случаях какого-то заслона у входа в погребальное помещение, чтобы предохранить последнее от засыпания землей. Этот заслон в Поволжье состоит из жердей или плах, а в катакомбах представляет собой сравнительно небольшую каменную плиту, прикрывающую узкое входное отверстие.

Помимо перечисленных признаков сходства, обусловленных камерностью погребального помещения у катакомб и подбоев, других элементов сходства между катакомбами и подбоями Т. М. Минаева не прослеживает.

Между тем, несмотря на различия в устройстве отдельных видов катакомбных могил, катакомбы в целом значительно отличаются по своей конструкции от подбоев.[17]

---

[14] Там же, стр. 111.

[15] Там же, стр. 107.

[16] Т. М. Минаева. Могильник Байтал-Чапкан, стр. 233.

[17] Как бы ни менялись у катакомб пропорции входной ямы (в зависимости от грунта и строительной техники), а также форма и размеры самой камеры, последняя всегда остается камерой, изолированной от входной ямы и внешнего мира «четырьмя стенами» и имеет лишь небольшое узкое входное отверстие. Прямой зависимости между камерой и входной ямой в катакомбных могилах нет, так как форма, размеры и отчасти ориентировка камеры занимают самостоятельное положение относительно входной ямы. Так, сравнение салтовских катакомб с узкими длинными входными ямами и некоторых северокавказских катакомб, у которых яму заменяет просто склон горы (например, в Дуба-Юрт), дает наглядное представление, насколько независима камера катакомбы от входной ямы.

Подбойные сооружения, напротив, имеют непосредственную связь с входной ямой, фактически являясь лишь частью этой последней и без нее совершенно немысли-

С нашей точки зрения, у них значительно больше различий, чем сходства. Сходство состоит только в одном — в стремлении оградить погребенного от засыпания землей, что достигалось камерностью могильного сооружения. Во всем остальном — в архитектурном замысле, в строительных приемах, в архитектонике и в зависимой от нее погребальной процедуре — наблюдаются принципиальные отличия.

В этой связи нам представляются бесперспективными попытки Т. М. Минаевой найти общие этнические черты между строителями катакомбных погребений в верховьях Кубани (а через них — со строителями каменных ящиков) [18] и подбойных погребений Нижнего Поволжья. Перечисленные ею черты сходства между этими двумя типами камерных [19] могил отнюдь не достаточны, чтобы объяснить, почему в Нижнем Поволжье устраивались только подбои, а на Северном Кавказе — только катакомбы. Отмеченные черты сходства, вытекающие из одного общего свойства этих сооружений — камерности погребального помещения, — не могут обосновать вывод Т. М. Минаевой об общности «культовых традиций оставивших их племен».[20]

Между катакомбными погребениями первых веков нашей эры и катакомбами раннего и позднего средневековья без всяких натяжек может быть установлена несомненная типологическая и территориальная преемственность, чего нельзя установить в отношении поволжских подбоев и раннесредневековых катакомб. Следует учесть, что в первые века нашей эры катакомбы и подбои на Северном Кавказе и в Поволжье сосу-

---

мы. Различному устройству катакомб и подбоев сопутствовали, очевидно, некоторые отличия в самом процессе погребения. При подбойном обряде погребения труп вносили в нишу подбоя «боком», что связано как с расположением входной ямы параллельно нише подбоя, так и с устройством широкого входа во всю длину продольной стенки входной ямы. В камеру катакомбы погребаемого вносили через узкое входное отверстие. Эта процедура помещения погребаемого в камеру через узкий вход сохранялась даже в период раннего средневековья, когда племена с катакомбным обрядом погребения переселились в горы и им пришлось воспроизводить катакомбы в камне. Показательно, что у более ранних подземных склепов ко входному проему каменной камеры пристраивается узкий каменный лаз (практически лишь затруднявший внесение трупа в камеру) как бы для того, чтобы воспроизвести толщу входного отверстия земляной катакомбы. Простая земляная катакомба уже таила в себе возможность будущей многократности погребений, что в некоторых случаях имеет место уже в первые века нашей эры. Подбой же, значительно менее прочный, чем катакомба, был рассчитан на одноактное захоронение. Дело в том, что у катакомбы широкая стенка, обращенная к входной яме, имеет упор в виде сплошного материкового массива, в то время как подбой такого упора не имеет. Поэтому потолок подбоя менее прочен, легко обваливается, что затрудняло повторность погребений. Вместе с тем узкое входное отверстие катакомбы, прикрытое зачастую каменной плитой, лучше предохраняло погребальную камеру от засыпки землей, что облегчало повторность погребений в свободной от земли камере. В подбоях, наоборот, легкий деревянный заслон из плах или жердей не мог длительное время выдерживать тяжесть земли, заполнявшей входную яму, быстро прогнивал и открывал доступ для проникновения земли в камеру, что исключало возможность повторных погребений в могильных сооружениях типа подбоев.

[18] Т. М. Минаева. Могильник Байтал-Чапкан, стр. 233; Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани, стр. 298.

[19] Нам кажется, что предложение Н. В. Анфимова называть катакомбные погребения «камерными» (Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской, МИА, 23, 1951, стр. 191) ведет не к уточнению терминологии (несмотря на то, что название «катакомба» действительно очень условно) но, напротив, может привести к смешению камерных могил — катакомб и подбоев, что, собственно, уже имеет место в археологической литературе: см., например, С. С. Сорокин. Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы. СА, XX, 1954, стр. 131—147. В могильнике Боркорбаз, о котором идет речь в работе С. С. Сорокина на стр. 131, раскрыто 10 погребений, из которых 8 являются подбоями и только 2 катакомбами, но, судя по заглавию статьи, могильник в конечном итоге именуется катакомбным.

[20] Т. М. Минаева. Могильник Байтал-Чапкан, стр. 233.

ществуют параллельно большими массивами на почти смежных территориях и при этом не смешиваются. Напрашивается вывод, что эти памятники отражают не две последовательные стадии в развитии погребального обряда одного этнического массива, но скорее представляют археологическое отражение разных этнических групп, сосуществовавших в первые века нашей эры раздельно и параллельно.

В настоящее время, когда выявляются разновидности сарматской культуры, отражающие многоплеменность сарматского мира, нет оснований считать аланскую салтовскую и катакомбную северокавказскую культуру происходящей от сарматской культуры в целом. Накопилось уже достаточно археологических материалов, чтобы установить генетическую связь салтовских и северокавказских катакомб с одним из сарматских племен первых веков нашей эры. Такая попытка в отношении салтовской культуры недавно предпринята Н. Я. Мерпертом.[21] На основе большого материала Н. Я. Мерперт намечает схему генезиса могильного сооружения (катакомбы салтовского типа) и целого ряда наиболее характерных вещей, найденных в катакомбах, связывая их в основном с сарматами Нижнего Поволжья. Что касается генезиса различных вещей салтовской культуры, то Н. Я. Мерперт совершенно закономерно использует весь вещевой сарматский материал, поскольку последний имеет большое сходство во всех синхронных типах погребений, так как вещи изготовлялись в общих для многих кочевых племен ремесленных центрах.

Однако в отношении генезиса могильных сооружений со схемой Н. Я. Мерперта полностью согласиться нельзя, поскольку она имеет несомненные пробелы. Текстовая аннотация к таблице, иллюстрирующей эволюцию могильного сооружения, перегружена для сарматского периода ссылками на подбойные погребения, которые в графическую таблицу сам автор уложить не может. По существу, в текстовой части схемы, относящейся к сарматскому времени, катакомбные погребения подменяются подбойными (так как в качестве массового материала фигурируют подбои). В то же время в графической таблице катакомбные погребения сарматского времени приведены с большими пропусками. Так, здесь совершенно не учтены прикубанские катакомбы, раскопанные Н. И. Веселовским. Между тем их устройство весьма близко именно к салтовским или, во всяком случае, они обнаруживают с ними гораздо большее сходство, чем подбои.[22]

Отсутствие в схеме генезиса катакомбного сооружения такой значительной группы катакомбных погребений, как прикубанская, и является, очевидно, причиной того, что Н. Я. Мерперт направляется по ложному пути в поисках массового материала. В своей схеме он заполняет пробел подбойными погребениями (тем более, что большинство археологов подбои считают аланскими). Если нижневолжские подбои в этой схеме заменить прикубанскими катакомбами, тогда салтовская культура сразу же получит убедительный «массовый материал» для сарматского времени, что, совершенно очевидно, соответствует и фактической

---

[21] Н. Я. Мерперт. О генезисе салтовской культуры. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 14—30.

[22] Правда, в публикации прикубанских материалов чертежи катакомб в большинстве случаев слишком схематичны и неточны, но зарисовки в рукописном отчете Н. И. Веселовского (Архив ИИМК, ф. Археологической Комиссии, д. 103, 1901 г., д. 93, 1902 г.) позволяют установить, что некоторые прикубанские катакомбы сарматского времени по своей конструкции сходны с салтовскими. Последние в отчетах В. А. Бабенко также нередко изображены в виде упрощенной схемы, на которой не показано оформление входа, но в отношении салтовских катакомб нет сомнений, что мы имеем дело именно с катакомбами.

преемственности салтовских погребений от катакомбных погребений Прикубанья и Донетчины.

Вторым, также весьма существенным упущением в схеме Н. Я. Мерперта является отсутствие значительного количества присунженских катакомб: он включил в графическую таблицу только алхастинскую катакомбу, хотя последнюю Е. И. Крупнов связывает «с большой группой подкурганных погребений близ селения Алхан-Кала (Чечня)».[23]

Таким образом, в первые века н. э. на территории Северного Причерноморья существуют большие курганные катакомбные могильники, которые по устройству могильных сооружений тождественны катакомбам салтовским и северокавказским. Зона их распространения в Северном Причерноморье соответствует территории кочевий алан в первые века нашей эры. Вполне естественно предположить, что именно эти могильники должны занять соответствующее место у Н. Я. Мерперта в схеме генезиса аланской салтовской и северокавказской культур, а отнюдь не поволжские курганы с могилами в виде подбоев.

Нам представляется какой-то случайностью и недоразумением, что до сих пор в качестве истока салтовской и северокавказской культур рассматривается культура племен Нижнего Поволжья с подбойным обрядом погребения, в то время как на более близкой для этих средневековых катакомбных культур территории — в Центральном Предкавказье, в Прикубанье и на Донетчине[24] уже в сарматскую эпоху существовали племена с катакомбным обрядом погребения. Имеются все необходимые материалы, позволяющие установить непрерывность существования катакомбного обряда погребения в области расселения алан в Северовосточном Причерноморье начиная с первых веков нашей эры вплоть до периода позднего средневековья. Уже наступило время отказаться от гипотезы П. Рау, в которой отдельные периоды аланской культуры очень слабо связаны между собой и не обнаруживают той поразительной преемственности, которая наблюдается в отношении катакомбных погребений — сарматских и средневековых.

Связь средневековой аланской катакомбной культуры с катакомбными погребениями первых веков нашей эры позволяет считать последние принадлежащими аланам, в то время как поволжские погребения в подбоях должны принадлежать другому племени, о чем свидетельствует параллельность существования катакомбного и подбойного обряда погребения на разной территории.

Какому племени принадлежат нижневолжские и поднепровские подбойные погребения — предстоит решить археологам, занимающимся этими памятниками. Но даже сейчас можно отметить, что появляется все больше и больше данных, позволяющих убедительно аргументировать и развить точку зрения, предложенную В. В. Гольмстен еще в 20-х годах, о принадлежности этих памятников гуннам.[25]

Прежде всего, отмеченные П. Рау элементы сходства между могильными памятниками стадии А и подбойными погребениями с северной ориентировкой и деформированными черепами стадии В разбавлены таким количеством совершенно новых элементов в погребальном обряде, что преемственность между стадией А и В может быть принята лишь с большими натяжками.

---

[23] Е. И. Крупнов. Археологические памятники Ассинского ущелья. Труды ГИМ, вып. XII, М., 1941, стр. 186.

[24] М. Рудинский. Кантамирівські могили римської доби. Записки Всеукраінського Археологічного Комітету, т. 1. Киев, 1931, стр. 127—156.

[25] В. В. Гольмстен. Археологические памятники Самарской губернии, стр. 134; П. С. Рыков. Изучение скифо-сарматской культуры в СССР, стр. 41—47.

Так, К. Ф. Смирнов, принявший теорию П. Рау об аланской принадлежности нижневолжских подбоев,[26] отмечает для стадии В серьезные нововведения в погребальном обряде, которые даже он вынужден поставить в связь с проникновением в Нижнее Поволжье новых групп населения из «западносибирских и среднеазиатских степей».[27]

Эти изменения прослеживаются как в материальной культуре, так и в погребальном обряде: появляется «диаметрально противоположная ориентировка костяков, повсеместная мода деформирования головы»,[28] «гончарная керамика отступает на второй план. Начинает господствовать, особенно в III в., грубая лепная посуда с крутыми, четко выраженными плечиками, воронкообразным коротким горлом, с округлым дном. Все эти признаки сближают ее с посудой зауральских и сибирских районов».[29] «Конный воин вооружается тяжелым луком гуннского происхождения».[30]

Очевидно, эти новые, резкие изменения в сарматской культуре Нижнего Поволжья дали основание В. В. Гольмстен уже в 1928 г.[31] выразить сомнение в принадлежности этой новой культуры сарматам. К сожалению, в работах В. В. Гольмстен не приведена развернутая аргументация гуннской принадлежности нижневолжских подбойных погребений.

Вопрос о проникновении гуннов в Восточную Европу до их массового вторжения в 370—375 гг. в археологической литературе специально почти не ставился. Даже А. Н. Бернштам, посвятивший половину своего труда изучению истории гуннов на территории Европы и считавший возможным проникновение небольшого количества гуннов в Восточную Европу до их массового вторжения, считает неправдоподобными известия древних авторов о гуннах догуннского периода.[32]

Совершенно отчетливая локализация гуннов во II в. н. э. дана у Птолемея, что отмечено уже Ю. А. Кулаковским. На карте Птолемея самая западная группа гуннов находится в днепровском левобережье. Другая группа гуннов, вероятно, находилась в Приуралье: близкое звучание древнего названия реки Урал у Птолемея «Δαΐξ (VI, 14, 20), т. е. jajyk»,[33] или современный Яик, заставляет Ю. А. Кулаковского предполагать появление древних гуннов-тюрков в Приуралье и в Поднепровье уже во времена Птолемея. В достоверности и реальности известия Птолемея нет оснований сомневаться, тем более, что упоминания об этих гуннах имеются и у других авторов.[34]

Невнимание к упоминаниям древних авторов о гуннах в Восточной Европе до их массового вторжения нам кажется совершенно неправильным.[35] Следует внимательно присмотреться к указаниям в древних трудах относительно локализации гуннов и попытаться отыскать в археологическом материале такие памятники, которые могли оставить ранние гунны. Эти памятники должны относиться к первым векам нашей эры, иметь среднеазиатский налет в материальной культуре, поскольку

---

[26] К. Ф. Смирнов. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья, стр. 82.

[27] Там же, стр. 81, 77.

[28] Там же.

[29] Там же, стр. 80.

[30] Там же, стр. 78.

[31] В. В. Гольмстен. Археологические памятники Самарской губернии; П. С. Рыков. Изучение скифо-сарматской культуры в СССР.

[32] А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов. Л., 1951, стр. 135 и сл.

[33] Ю. Кулаковский. Карта Европейской Сарматии по Птолемею. Киев, 1899, стр. 24—25.

[34] Сводка известий имеется в книге А. Н. Бернштама «Очерк истории гуннов», стр. 135 и сл.

[35] А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов, стр. 136, сноска.

гунны явились в Восточную Европу с юго-востока. Кроме того, памятники древнейших гуннов должны располагаться двумя очагами на территории Восточной Европы — в Поволжье — Приуралье и в Поднепровье. Некоторые предварительные археологические данные в этом отношении в настоящее время уже имеются.

В послевоенные годы на Украине все более многочисленными становятся так называемые сарматские погребения и в том числе могилы с подбоями, с северной ориентировкой погребенных и признаками деформации головы,[36] т. е. погребения поздней стадии по схеме П. Рау. Инвентарь этих могильников весьма близок инвентарю волжских курганов, и это в сочетании со сходным обрядом погребения дало основание украинским археологам говорить о принадлежности этих могильников сарматским племенам.

Антропологические исследования также устанавливают идентичность антропологического типа этой культуры обеих территорий.[37] Не исключена поэтому возможность выделения среди украинских и нижневолжских материалов первых веков нашей эры погребений такого типа, который можно будет связывать с проникновением гуннов в Восточную Европу уже во II в. н. э. Пока трудно сказать, какой именно из известных типов погребений окажется связанным с гуннами, но уже сейчас можно отметить, что именно с появлением гуннов начинает господствовать северная ориентировка погребенных, появляется как массовое явление обычай деформирования головы и некоторые специфические предметы погребального инвентаря.

В 1947 г. на Кубани, у ст. Ново-Лабинской было раскрыто несколько погребений в грунтовом могильнике; костяки в этом могильнике лежали головой на С на глубине 2,20—2,40 м, т. е. на такой глубине, которая характерна для камерных могил Прикубанья, причем головы некоторых были деформированы. Вещей при погребенных не оказалось, за исключением простой железной пряжки, по которой могильник ориентировочно датируется концом IV—V вв. н. э.[38] Таким образом, можно констатировать близость обряда погребения новолабинского и нижневолжских могильников и вместе с тем их хронологическую преемственность.

Если припомнить судьбу гуннских племен, часть которых после разгрома и распада гуннской державы передвинулась на Кубань и положила основу кубанским болгарам, то не исключена возможность, что в погребениях Ново-Лабинского могильника сохранились те черты погребального обряда приднепровских и нижневолжских племен, которые прослеживаются там с момента появления в Северном Причерноморье гуннов. Вместе с тем катакомбный обряд погребения в конце IV—V вв. появляется в горах. Возможно, что кубанские племена с катакомбным обрядом погребения были вынуждены отступить в горы с появлением на Кубани болгар.

Эти археологические данные дают возможность вслед за В. В. Гольмстен взять под сомнение принадлежность нижневолжских подбоев с деформированными черепами сарматским и в особенности аланским племенам. Нижневолжский погребальный обряд во всяком случае не имеет (по всей совокупности ритуала) продолжения в северокавказских погребальных памятниках, связываемых с аланами и осетинами.

---

[36] М. И. Вязьмитина. Вивчення сарматів на території Українськоі РСР. Археологія, вып. VIII, Киев, 1953, стр. 62—63.

[37] Г. Ф. Дебец. Современное состояние палеоантропологических исследований в СССР. Тезисы докладов на сессии отделения исторических наук и на пленуме ИИМК, посвященных итогам археологических исследований 1955 г., М.—Л., 1956, стр. 45.

[38] Результаты раскопок этого могильника мне любезно сообщил В. П. Шилов.

Следует отметить, что область распространения катакомбных могильников в первые века н. э. очерчивается достаточно отчетливо (Центральное Предкавказье, Прикубанье и отчасти Донетчина) и совершенно четко отделена от территории распространения подбойных погребений (Нижнее Поволжье, Приуралье и отчасти Поднепровье).

Такое разграничение[39] областей бытования различных обрядов погребения позволяет сделать вывод о том, что различия в погребальных обрядах являются различиями этноплеменными и территория их распространения соответствует области обитания различных племенных групп. Вместе с тем сходство аланских средневековых катакомб и катакомб сарматского времени несомненно показывает, что базой для формирования средневековой аланской катакомбной культуры послужили именно присунженские, прикубанские и донецкие катакомбные курганные могильники первых веков нашей эры.

Наряду с этим расположение катакомбных могильников сарматского времени находится в полном соответствии с данными классических писателей о территории, занимаемой аланами в первые века нашей эры против Аланских ворот (Дарьяльское ущелье), близ Меотиды (Прикубанье) и в области Аланских гор (район Донецкого кряжа).

Изучение материалов катакомбных могильников сарматского времени имеет также исключительное значение для вопроса о времени появления алан в Северном Причерноморье.

Наиболее ранние присунженские и прикубанские катакомбные погребения датируются I в. нашей эры. Отсюда следует, что материал могильников определяет дату появления аланов в Северном Причерноморье. Эта дата совпадает со временем появления упоминаний аланов в письменных источниках. Вместе с тем свидетельства о массагетском происхождении аланов,[40] упоминание в китайских источниках страны Аланья на той же территории также подтверждают названную дату и указывают направление, в котором следует искать более ранние аланские памятники.

Таким образом, различия между катакомбами и подбоями, а также территориальная разграниченность катакомбных и подбойных погребений позволяют сделать заключение, что существование этих двух типов камерных могил на различных территориях — явление не случайное. Оно связано с различными этноплеменными группами, причем та племенная группа, которая характеризуется подбойным обрядом погребения, не принимала непосредственного участия в формировании средневековой аланской катакомбной культуры.

---

[39] За исключением крупных ремесленных центров — городов типа Ольвии, а также оазисов Средней Азии — Ферганы, Бухары, куда подкочевывали этнически различные группы кочевников.

[40] Дион Кассий. Римская история, LXIX, 15; см. также SC, 3, стр. 622; Аммиан Марцеллин. История. XXXI, 2, 12; XXIII, 5, 16.

ДРЕВНИЕ СКОТОВОДЫ ФЕРГАНСКИХ ПРЕДГОРИЙ

С. С. Сорокин

Увалы и мелкие горные хребты, окружающие Ферганскую долину, были широко освоены в хозяйственном отношении только к концу I тысячелетия до н. э. В более раннее время — в эпоху бронзы и раннего железа — на этой территории обитали лишь мелкие обособленные общины.

К памятникам таких общин относятся: Тюлейкенский могильник VI—IV вв. до н. э., состоящий из 22 небольших курганов, могильник раннесакского времени в урочище Чакмак на правом берегу реки Гульчи (два-три десятка едва заметных насыпей), курганный могильник III—II вв. до н. э. и связанное с ним селище в урочище Кызыл-Курган тоже в долине реки Гульчи, могильник VI—V вв. до н. э. против ущелья Шарт, а также селище и могильник II—I вв. до н. э. под Дараут-Курганом на западе Алайской долины.[1]

Кызыл-Курганское и Дараут-Курганское селища расположены в таких местах, где вполне возможно занятие земледелием. На селищах были заложены шурфы и собран подъемный материал. На Дараут-Курганском селище найден обломок каменной зернотерки, а в шурфе — кости животных: домашних (баран) и диких (горный козел, кабан).[2] Там же собраны обломки керамики. В Кызыл-Кургане встречены черепки красных сосудов с темной росписью (типа Анау IV), обломки чаш, похожих на усуньские, и обломки тонкостенной посуды «кушанского» типа. Керамика Дараут-Курганского селища похожа на кызыл-курганскую. В могильнике против ущелья Шарт найдены расписные чаши с загнутыми внутрь краями, раннеферганского типа. Аналогичная чаша, а также расписной кувшинчик обнаружены в Тюлейкенском могильнике. В целом весь керамический комплекс сходен с раннеферганским.[3]

Эти данные свидетельствуют о том, что в I тысячелетии до н. э. в предгорьях Ферганской долины и в окружающих ее горах обитали мелкие общины, которые вели хозяйство на основе сочетания примитивного земледелия и скотоводства с охотой. Эти общины, генетически связанные с древним населением Ферганы, проникали в зону предгорий и в горы по долинам рек и селились небольшими группами в тех местах, где находили удобные для обработки участки земли, где можно было прокормить содержавшийся при поселке скот и где была возможна охота. Такие общины в силу характера и уровня развития своих производительных сил не могли во всей полноте освоить в хозяйственном

---

[1] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, 26, 1952, стр. 189—205.

[2] Там же, стр. 197, 198.

[3] Там же, стр. 205.

отношении территорию гор и предгорий. Широкое хозяйственное освоение этой зоны начинается с конца I тысячелетия до н. э. и продолжается в первых веках н. э. Памятники этого времени, расположенные на окружающих Ферганскую долину увалах и мелких горных хребтах, резко меняют свой характер по отношению к более древним. Мелкие могильники продолжают встречаться, но, кроме них, появляются крупные, насчитывающие в ряде случаев по нескольку сот курганов. Значительно увеличивается число самих могильников. Сходство материала с ферганским сохраняется, но общий его характер, а также топография могильников говорят о том, что хозяйство жителей предгорий в это время не походило на земледельческое хозяйство населения долины. Многочисленные данные свидетельствуют о том, что от смешанного земледельческо-скотоводческо-охотничьего хозяйства население окружающих Фергану предгорий и гор переходит почти исключительно к скотоводческому хозяйству.

Действительно, многочисленные памятники, оставленные этим населением, расположены в зоне, которая неудобна для земледелия, но, как и степь, как бы самой природой предназначена (естественно, при определенной организации) для обеспечения кормом большого количества скота в течение круглого года. Кроме того, надмогильные сооружения древнего населения ферганских предгорий в подавляющем большинстве представляют собой курганы, что по аналогии с формой надмогильных устройств, безусловно принадлежавших скотоводческим племенам (саки, сарматы, усуни, тюрки и др.), также является свидетельством того, что ферганские предгорья в конце I тысячелетия до н. э. были заселены скотоводами. Охота, заниматься которой безусловно возможно в зоне предгорий и которая была известна там давно, вряд ли могла полностью обеспечить все жизненные потребности населения этих районов при той возросшей его численности, о которой можно судить по количеству оставленных этим населением курганов. Обычай класть в могилу часть туши барана, ставший в то время широко распространенным, также свидетельствует о том, что скотоводство в ферганских предгорьях к концу I тысячелетия до н. э. приобрело в хозяйстве исключительно важное значение. Бараны составляли основное поголовье стада. Крупный рогатый скот, по-видимому, не разводили, так как кости коровы не встречены при раскопках ни разу. Возможно, что в небольшом количестве разводили лошадей, которыми пользовались для верховой езды: в Кенкольском могильнике найдены удила и остатки седла, в Ташкентском могильнике — кости лошади и удила. Кроме того, в китайских летописях имеется свидетельство о том, что Фергана в конце I тысячелетия до н. э. славилась своими породистыми лошадьми, пасшимися в ее предгорьях.[4] Для занятия рыболовством соответствующие условия в предгорьях полностью отсутствуют. Для развития высокопроизводительного земледелия, которое могло бы обеспечить население нужным количеством жизненно необходимых продуктов, в предгорьях Ферганы также не было необходимых условий: хозяйственные возможности богарных посевов слишком ограничены, урожайность хлебов на таких полях невелика, а широкое развитие поливного земледелия было тут совершенно невозможно из-за пересеченного рельефа местности. Только скотоводство и только на определенном уровне развития производительных сил общества могло явиться и действительно явилось основной формой *широкой* хозяйственной деятельности населения предгорной зоны Ферганы. Земледелие же

[4] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, М.—Л., 1950, стр. 149, прим.

и охота в этих районах к концу I тысячелетия до н. э. играли второстепенную, подсобную роль.

Таким образом, на основании археологических данных удается установить направление хозяйственной деятельности населения ферганских предгорий в конце I тысячелетия до н. э. — в первых веках н. э. Но для суждения о типе хозяйства и формах быта археологического материала оказывается недостаточно. На помощь приходят данные этнографии (сравнение с другими, тоже скотоводческими хозяйствами) и письменные источники.

Этнографией засвидетельствовано существование нескольких типов скотоводческого хозяйства. В открытых степях, простирающихся в широтном направлении на значительные пространства, в определенных исторических условиях складывается пастбищное скотоводческое хозяйство, основанное на непрерывном кочевании. Такое хозяйство вели некоторые скифские племена в Северном Причерноморье: «...скифы, — пишет Геродот, — не имеют ни городов, ни укреплений, но передвигают свои жилища с собою, и все они — конные стрелки из луков; пропитание себе скифы добывают не земледелием, а скотоводством, и жилища свои устраивают на повозках».[5] Скифы разводили крупный рогатый скот и лошадей, т. е. животных, приспособленных к дальним перегонам с одного пастбища на другое, и, видимо, совершенно не знали земледелия.[6] Продукты земледелия кочевники-скифы добывали или путем прямого военного грабежа, или в виде дани, которую получали с подвластных им скифских и нескифских земледельческих племен, или же путем обмена.

Непрерывное кочевание, т. е. кочевание без сколько-нибудь длительных остановок, для которого типично устройство жилищ прямо на повозках, характерно также для монголов XII—XIII вв. «Они, — пишет Рубрук, — не имеют нигде постоянного местожительства и не знают, где найдут его в будущем. Они поделили между собой Скифию..., и всякий начальник знает... границы своих пастбищ, а также где он должен пасти свои стада зимой, летом, весной и осенью. *Именно зимой они спускаются к югу в более теплые страны, летом поднимаются на север в более холодные* (курсив наш, — *С. С.*). В местах, удобных для пастбища, но лишенных воды, они пасут стада зимой, когда там бывает снег, так как снег служит им вместо воды».[7] И далее: «Батый находится на другом берегу... С января до августа он сам и все другие поднимаются к холодным странам, а в августе начинают возвращаться...»[8] «С тех пор, как мы попали ко двору Мангу, он двигался на повозках только к югу, а с этого времени (апрель 1254 г., — *С. С.*) начал возвращаться в северном направлении...»[9]

Аналогичные сведения сообщает Плано Карпини: «... у [Волги]... переходит с места на место Батый.. у [Яика] переходят с места на место два тысячника, один с одной стороны реки, другой — с другой стороны. Все они зимою спускаются к морю, а летом по берегу этих самых рек поднимаются на горы».[10]

Монголы-кочевники не занимались земледелием. Но какая-то часть древних монголов жила оседло и занималась хлебопашеством, а также

---

[5] Геродот. История, IV, 46.
[6] Там же, IV, 2, 19, 62, 97.
[7] Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Пер. А. И. Малеина. СПб., 1911, стр. 69, 82.
[8] Там же, стр. 96.
[9] Там же, стр. 133.
[10] Иоанн де Плано Карпини. История Монголов. Пер. А. И. Малеина., СПб., 1911, стр. 48.

рыболовством.[11] Потребность в хлебе монголы-кочевники удовлетворяли путем обмена. Богатые и знатные монголы имели, как пишет Рубрук, «поместья, из которых на зиму им доставляется просо и мука».[12]

Таким образом, для кочевников открытых степей характерно скотоводческое хозяйство, основанное на непрерывном кочевании. Формы быта при этом складываются наиболее подвижные. Жилища таковы, что их можно перевозить, не разбирая, на специально приспособленных для этой цели повозках. По-видимому, были распространены также и мелкие разборные жилища, которые перевозили вьюками. При непрерывном кочевании всем обществом занятие земледелием исключено. Потребность в хлебе удовлетворяется за счет соседей, безразлично той же или иной по отношению к кочевникам этнической принадлежности. При этом в основе лежит неэквивалентный обмен, основанный на мощи военной организации кочевников, но также имеет место обмен эквивалентный, основанный на разделении труда между скотоводческими и земледельческими племенами.

В степных районах, примыкающих к горам, в определенных исторических условиях складывается несколько иная, чем в открытых степях, система кочевания. Так, например, казахи Семиречья ранней весной из горных ущелий выходят в открытую степь; в мае они перекочевывают на джайлау; в августе происходит третья перекочевка из гор в степи. Зимуют казахи в теплых ущельях, в удобных для тебеневки предгорьях с высокой травой.[13]

В конце прошлого века семиреченские казахи, помимо скотоводства, занимались также земледелием; они сеяли просо, кунак, пшеницу, изредка рожь.[14]

Кочевое население прибалхашских степей зимует по берегам озера, в местах, богатых камышом, который идет на корм скоту и защищает зимовку от буранов. С приходом же весны те, кто живет на северном берегу озера, откочевывают в горы (на озере остается не имеющая скот беднота, которая занимается охотой и рыбной ловлей), а зимующие у устья Каратала остаются вблизи южного берега озера круглый год и летом занимаются земледелием.[15]

Таким образом, для степных районов, приуроченных к горам или плавням крупных рек, характерны сезонные перекочевки на значительные, но все же ограниченные пространства, с длительными остановками в тех местах, которые для каждого данного сезона являются наиболее удобными в смысле прокорма скота. Такой системе скотоводческого хозяйства обычно сопутствует земледелие.

---

[11] Описание путешествия даоса Чан-Чуня на Запад, пер. с китайского Кафарова Палладия. Труды членов Российской духовной миссии в Пекине, т. IV, СПб., 1866, стр. 285; E. Bretschneider. Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources, т. I, стр. 48—49; В. В. Бартольд. Образование империи Чингис-хана. Записки Восточного отдела Русского археологического общества, т. X, 1896, стр. 106; В. В. Бартольд. Связь общественного быта с хозяйственным укладом у турок и монголов. Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском гос. университете, т. XXXIV, вып. 3—4. Казань, 1929, стр. 2; Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934, стр. 45, 127.

[12] В. Рубрук, ук. соч., стр. 75.

[13] А. Н. Краснов. Очерк быта семиреченских киргиз. Известия Русского географического общества, т. 23, 1887, стр. 439.

[14] Там же, стр. 444 и сл.

[15] А. М. Никольский. Путешествие на озеро Балхаш и в Семиреченскую область. Записки ЗСОИРГО, кн. VII, вып. 1. Омск, 1885, стр. 79—80; Н. Зеланд. Киргизы. Этнологический очерк. Записки ЗСОИРГО, кн. VII, вып. 2. Омск, 1885, стр. 16—26.

В горных районах, где имеются и зимние и летние пастбища, быт скотоводческого населения почти такой же.[16] Весну киргизы района Иссык-Куля проводят в долинах, где обрабатывают поля и сеют хлеб. Летом они поднимаются в горы, сначала в область хвойного леса, а затем на сырты. Долины Прииссыккулья, значительная часть которых занята пашнями, служат пастбищами только после снятия урожая.[17]

В тех районах, где высокие горные хребты непосредственно соседствуют с небольшими долинами, складывается иной тип скотоводческого хозяйства, определяющий иные формы быта. Для таких районов характерно хозяйство, сочетающее яйлажное скотоводство с примитивным земледелием. Примером может служить хозяйство скотоводов Закавказья.[18] В таких районах с октября по апрель продолжается жизнь на зимовках, расположенных обычно в таких местах, где заниматься земледелием почти нельзя, но где скот находит траву, выросшую в конце лета и осенью. В последних числах марта или в начале апреля скот перегоняется на выгонные земли, на которых остается до подъема в горы. Затем после засева ничтожных участков предпринимается перекочевка на джайлау, где скот остается до осени.[19]

В тех же горных районах встречаются хозяйства, которые можно назвать смешанными; скотоводы кочуют только с частью скота и только с зимних на летние пастбища и обратно. Такое хозяйство встречалось в Карабахе.[20]

Все эти примеры показывают, что в зависимости от различных природных условий и в различные исторические эпохи специализированное скотоводческое хозяйство может приобретать самые различные формы. Отметим главнейшие из них:

1) Скотоводческое хозяйство, основанное на непрерывном кочевании. Стада состоят из крупного рогатого скота и лошадей (скифы) или крупного рогатого скота, лошадей, верблюдов и баранов (древние монголы). Землепашества нет. Потребность в хлебе удовлетворяется за счет неэквивалентного обмена, обеспеченного мощью военной организации, а также за счет обмена эквивалентного с уже покоренными и умиротворенными соседями или с непокоренными организованными земледельческими обществами. Жилища подвижные. Такой тип скотоводческого хозяйства характерен для населения открытых степей, простирающихся в широтном направлении на большие расстояния. Основное направление перекочевок — север — юг.

2) Скотоводческое хозяйство с сезонными перекочевками на значительно меньшие расстояния, чем в случае непрерывного кочевания, и с длительными сезонными остановками. Состав стада: лошади, бараны, верблюды; крупного рогатого скота сравнительно мало (казахи Семиречья и Прибалхашья, XIX в.). Скот весной содержится в степи, на лето перегоняется в горы, а на зиму — в предгорья или в богатые камышом плавни. Земледелие ведется для удовлетворения минимальных потребностей в зерновых продуктах. Сено заготовляется в небольшом количестве. Жилища — войлочные юрты; на зимовках и в местах, где расположены пашни, жилища постоянные. Такой тип хозяйства в определенных исторических условиях складывается в степных районах, приуроченных к горам или к дельтам больших рек.

---

[16] А. Н. Краснов. Очерк быта семиреченских киргиз, стр. 479.
[17] Там же, стр. 479—481.
[18] Д. Каллестинов. Кочевое скотоводство. Известия общества обследования и изучения Азербайджана, 1926, № 3, стр. 74—94.
[19] Там же, стр. 80.
[20] Там же, стр. 82.

3) Специализированное скотоводческое хозяйство, основанное на сезонных перегонах скота летом в зону альпийских лугов, зимой — на сырты, расположенные выше зимних облаков. Состав стада: лошади, бараны, козы, иногда яки. Высокогорное земледелие. Жилища — войлочные юрты. Такой тип скотоводческого хозяйства характерен для огражденных со всех сторон высокогорных районов Внутреннего Тянь-Шаня.

4) Горное скотоводческое хозяйство, основанное на сезонных перегонах скота из долины на джайлау и обратно. Состав стада: бараны, козы, лошади; крупного рогатого скота почти нет. Иногда часть скота остается летом в долине. Жилища различные — из камня, или легкие временные (у курдов и некоторых других скотоводческих племен Закавказья), или войлочные юрты (у киргизов). Скотоводству обычно сопутствует земледелие. Хозяйство такого типа складывается в тех районах, где высокие горные хребты спускаются в глубокие, жаркие в летнее время долины.

5) Полукочевое скотоводческое хозяйство, при котором часть скота летом остается в долине, в поселках, около которых расположены пашни, а часть отгоняется в горы (Закавказье).

Все эти примеры, взятые из этнографии или из исторических свидетельств о скотоводческих племенах, существенно пополняют археологические данные и тем самым делают возможной попытку дать более полную характеристику хозяйства древних скотоводов ферганских предгорий.

Во всех случаях природные условия оказывают самое сильное влияние на сложение типа скотоводческого хозяйства. Для ведения такого хозяйства прежде всего необходим определенный климат, достаточное количество влаги в почве и др. Кроме того, необходимы определенные условия, обеспечивающие удовлетворение потребности скотоводческих племен в хлебе. Формы обеспечения скотоводческих общин продуктами земледелия, как об этом свидетельствуют этнографические материалы, многообразны. Например, скифы-кочевники Северного Причерноморья и монголы XII—XIII вв. сами не занимались хлебопашеством. Они получали хлеб от соседей. Во всех других случаях, т. е. при скотоводческом хозяйстве с сезонными перекочевками и с длительными остановками после каждой из них, в условиях, когда цикл кочевания завершается в сравнительно небольшом районе и осуществляется не всем племенем сразу, а отдельными семьями или группами семей, скотоводческому хозяйству всегда сопутствует земледелие, которым занимаются сами скотоводы.

В начале XX в. казахи Семиречья, киргизы Тянь-Шаня и Памиро-Алая, помимо скотоводства, которое безусловно являлось основой их хозяйственной деятельности, занимались также и хлебопашеством. По данным переписи Переселенческого управления (1909—1913 гг.), в бывшем Пишпекском уезде (ныне Фрунзенская область Киргизской ССР) около 90% всех киргизских хозяйств имело посевы, размеры которых колебались приблизительно от 2 га в горных районах (хозяйства с небольшим поголовьем скота) до 12 га в долинах (хозяйства с количеством скота более 200 голов в каждом). Большинство хозяйств имело по 3—4 га посевов.[21] Занимались киргизы землепашеством и в конце и в середине прошлого века.[22]

---

[21] П. Погорельский и В. Батраков. Экономика кочевого аула Киргизстана. М., 1930, стр. 20—25.

[22] А. Н. Краснов. Очерк быта семиреченских киргиз, стр. 444; Н. А. Северцов. Путешествие по Туркестанскому краю. М., 1947, стр. 177, 235.

Занимались хлебопашеством и древние скотоводы ферганских предгорий. В могилах первых веков н. э., расположенных в предгорьях или в горах, находят обломки каменных зернотерок, зерна злаков, остатки волокон культурных растений; в одной могиле найден серп.[23] Нет сомнений, что скотоводческому населению гор и предгорий было не чуждо потребление, переработка и, главное, производство продуктов земледелия. Сеяли ячмень, просо, возможно, и другие злаки.

Ферганская долина обладает совершенно особенными природными данными. Своеобразны исторические судьбы как ее населения, так и населения ее окраин. Долина почти замкнута высокими труднопроходимыми горными хребтами, но вместе с тем, глубоко вклиниваясь в горную систему Тянь-Шаня, неизбежно оказывается частью пути, соединяющего восток с западом. Почвы долины плодородны, она хорошо орошена и достаточно обширна, чтобы стать центром самостоятельной, самобытной и независимой земледельческой культуры.

Земледельческое хозяйство в Фергане, как известно, было развито уже в эпоху бронзы, и ко второй половине I тысячелетия до н. э. значительные пространства долины обрабатывались под посевы. В силу исторических и природных условий в древней Фергане сложилось не скотоводческое, а земледельческое хозяйство. Скот, конечно, разводили, но не в таком количестве, чтобы уход за ним стал основой хозяйственной деятельности древних ферганцев. В Фергане не оставалось достаточного количества свободных земель, которые могли бы обеспечить зимний прокорм стад, принадлежавших скотоводам предгорий, без ущерба для хозяйства земледельцев. С другой стороны, скотоводы занимали предгорные пастбища и тем ограничивали возможность обеспечить летний прокорм скота, принадлежавшего земледельцам. Разобщенные и в военном отношении слабые по сравнению с жителями равнинной Ферганы скотоводы предгорий не могли, подобно скифам или монголам, силой утверждать возможность своего существования. Необходима была иная форма взаимоотношений. Создавались условия для сложения скотоводческого хозяйства определенного типа, основанного на своеобразной кооперации с земледельческим хозяйством долины. Этому способствовало также и то обстоятельство, что в предгорьях жили выходцы из долины.

Таким образом, в предгорьях Ферганы с конца I тысячелетия до н. э. и в первых веках н. э. широкое распространение получило основанное на сезонных перегонах скота из предгорий в горы и обратно пастбищное скотоводство, которому сопутствовало примитивное земледелие и охота и которое помимо этого было тесно связано с земледельческим хозяйством долины.

---

[23] В. И. Спришевский. Некоторые находки из муг-хона в собрании Музея истории. Труды Музея истории УзССР, вып. III. Ташкент, 1956, стр. 70—73; С. Ю. Рожановский. Природа растительных остатков из погребальных сооружений Ферганы первых веков нашей эры. Там же, стр. 75—80.

КУЛЬТУРНО-ЭТНИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ТЮРКСКОГО ПРИБАЙКАЛЬЯ VI—X вв. С ЗАПАДОМ

(Орнамент венгерских пластин для украшения сумок X в. и манхайские гравированные плитки)

А. П. Окладников

Вдоль древнего пути от берегов Ангары к верховьям Лены по просторной степной долине вьется река Куда, родина кудинских бурят.

Около старинного села Усть-Орды, или, по-бурятски, Харганая, над руслом Куды поднимается гора Манхай, уже издали бросающаяся в глаза своими лесистыми вершинами и крутыми склонами. Против самой высокой вершины Манхая лежит небольшой, но знаменитый в прошлом холм, священная гора кудинских бурят — Ухыр-Манхай, где на выходах красного песчаника были высечены древние рисунки. На самой же манхайской вершине, где снова выступают горизонтальные пласты красного песчаника, тоже видны многочисленные наскальные рисунки.

Непосредственно над писаницами располагаются остатки древнего укрепленного поселения — Манхайского городища. Городище было надежно защищено с трех сторон отвесными обрывами и крутыми склонами столовой возвышенности. Но этого обитателям Манхайского поселения показалось мало; они выкопали глубокие рвы и насыпали земляные валы со стороны узкого перешейка, соединяющего площадку городища с вершиной горы, и, кроме того, укрепили вал на перешейке подстилающей его мощной кладкой из плит песчаника. Изучая этот вал, мы неожиданно обнаружили в его основании ритуальное захоронение костей коня. Это были трубчатые кости ног, не расколотые для извлечения костного мозга, а целые, как это делается во время шаманских жертвоприношений. Нужно думать, что жертвенная лошадь была убита во время закладки укрепления, а кости ее захоронены после ритуальной трапезы. Еще неожиданнее оказалась другая находка: на одной из плит четкими уверенными линиями было вырезано изображение всадника. За первым камнем с изображениями последовали другие, всего более двух десятков (рис. 1—3).

Изображения на плитах, извлеченных из вала Манхайского городища, по стилю и содержанию ближайшим образом напоминают наскальные рисунки на писаницах той же Кудинской долины, например на Манхайских скалах или на горе Байтог. Эти изображения не вытерты, как наскальные рисунки на р. Лене, сплошным пятном, а вырезаны тонкими линиями. Главным сюжетом их являются изображения лошадей и всадников. Лошади часто украшены султанами и подшейными кистями (рис. 1). На шеях лошадей видны острые зубцы подстриженной гривы (рис. 2). Лошади иногда одеты в специальную броню, которая, как и броня на фигурках всадников, передается поперечными линиями. У всадников видны в руках копья с флажками. На плитах имеются также изображения диких животных. Такова, например, целая группа

косуль, переданная очень живо, с большой экспрессией: косули прыгают одна за другой, широко раскидывая ноги и вытянув вперед головы (рис. 3).

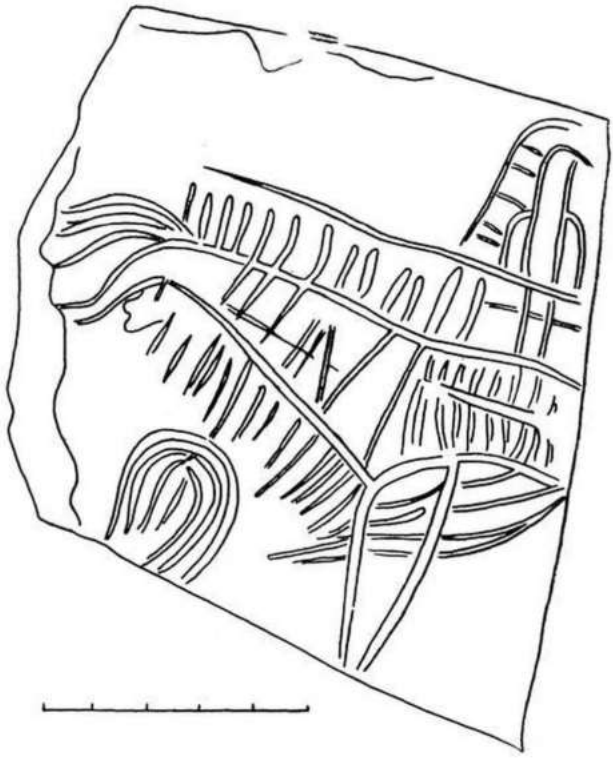


Рис. 1. Изображение всадника на плитке. Манхай

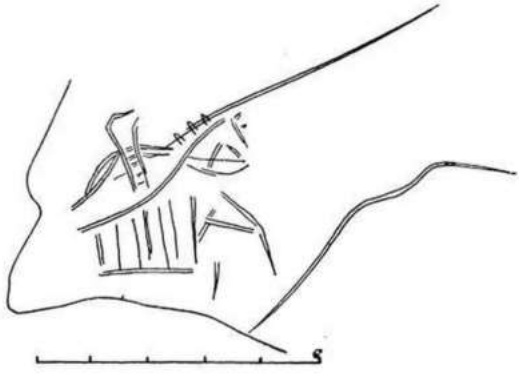


Рис. 2. Изображение конного воина на плитке. Манхай

Кроме изображений людей и животных на плитах из вала Манхайского городища встречаются и условные, а также орнаментальные рисунки в виде сетки из перекрещивающихся косых линий, выполненные в той же технике. Такие схематические изображения в виде сеток часто встречаются в наскальных рисунках Прибайкалья, в особенности на реке Лене, например в классическом местонахождении около деревни Шишкино, между Качугом и Верхоленском. Судя по шишкинским и другим наскальным рисункам на Лене, они были связаны с охотой при помощи сетей или охотничьих изгородей и с охотничьей

магией. В результате магических обрядов звери должны были попадать в ловчие сети и в изгороди. О таких обрядах наглядно рассказывает рисунок на одной из ленских скал, где изображены сети и направляющиеся к ним олени, а также фигура божества — даятеля охотничьей добычи и руническая надпись — заклинание, или алгыс.

Среди условных рисунков, выгравированных на плитах из вала Манхайского городища, особое место принадлежит двум рисункам. Первый вырезан на довольно тонкой плитке песчаника размером 29 × 15 см и состоит из смело и размашисто вычерченных кривых линий, среди которых выделяется фигура, напоминающая своеобразно схематизированную пальметку или цветок с двумя боковыми округлыми лопастями

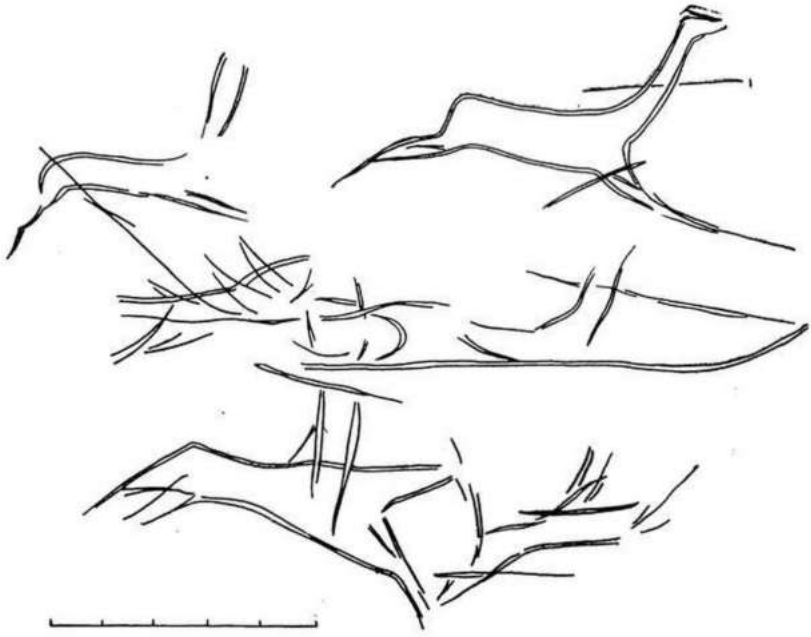


Рис. 3. Косули. Изображение на плитке. Манхай

и такими же двумя выступами вверху (рис. 4). Среди прихотливо извивающихся длинных кривых линий разбросаны также V-образные фигуры, похожие на лепестки цветов или листья. Второй рисунок на плитке размером 23 × 13 см, выполненный более детально и тщательно, отличается и более четко выраженной композицией (рис. 5). Сплошное орнаментальное поле рисунка отчетливо делится на три горизонтальных пояса, расположенных один над другим и вместе с тем соединенных друг с другом. В каждом поясе видна одна и та же фигура, напоминающая полумесяц с V-образно вогнутой серединой. Промежутки между такими тремя крупными фигурами, расчленяющими и организующими все орнаментальное поле, заполнены такими же, но более сложными по форме мелкими фигурами, представляющими стилизованные цветы или части растений.

Оба этих рисунка совершенно необычны по своему стилю и содержанию не только среди других рисунков на плитах из вала Манхайского городища, но и среди всех остальных наскальных изображений Прибайкалья. Они вообще не имеют никаких аналогий в древнем искусстве Восточной Сибири.

Тем неожиданнее аналогии этим манхайским рисункам, находящиеся далеко от Ангары и Лены, на Западе — в Венгрии. Среди археологических памятников эпохи переселения предков венгров из Лебедии

Рис. 4. Орнаментированная плитка. Манхай

на Дунай выделяются в «особый культурный круг» погребения, характеризующиеся оригинальными орнаментированными пластинами от кожаных походных сумок для сабель (Säbeltaschenplatten).

Пластины эти изготовлялись из двух слоев металла, нижнего и верхнего. Верхний слой представлял собой серебряную или медную позолоченную пластину. Нижняя пластина выделывалась из меди или бронзы. Обе пластины соединялись металлическими гвоздями. Верхняя пластина

обычно бывает покрыта богатым и своеобразным криволинейным орнаментом. Характерная особенность последнего — своеобразная сетка из переплетающихся выпуклых линий, образующих иногда как бы рамки,

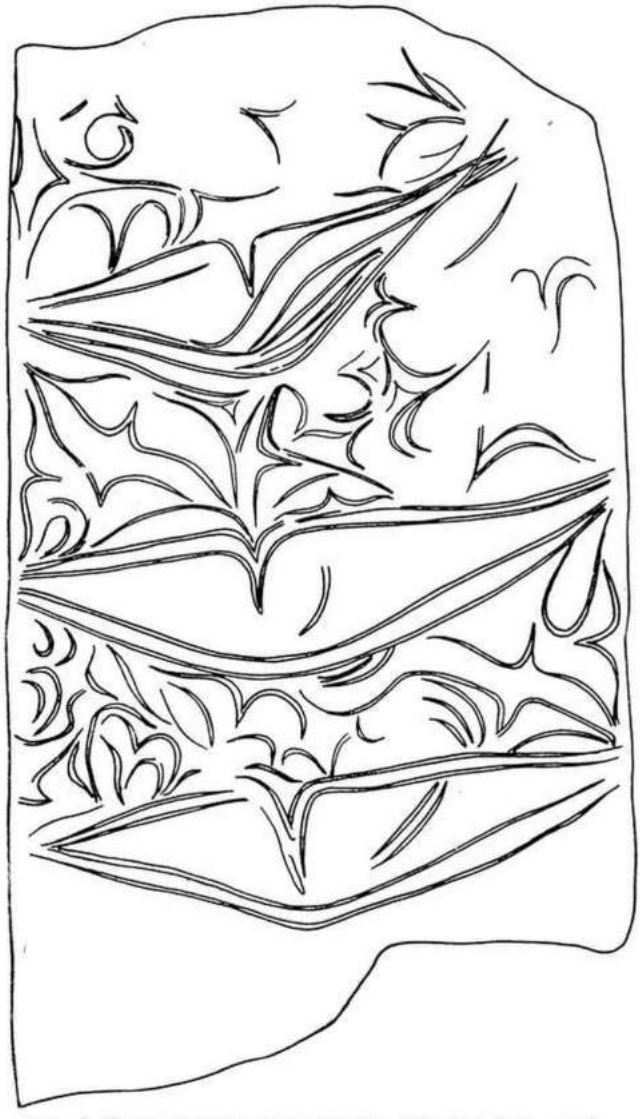


Рис. 5. Орнаментированная плитка. Манхай (нат. вел.).

внутри которых заключены растительные узоры типа пальметок или цветов. Каждая такая рамка напоминает по форме ромб с округленными углами.

Достаточно сравнить этот узор с рисунками на манхайских плитках, чтобы убедиться в их сходстве. Узор манхайских плит является как бы упрощенной, «скорописной» копией того же изображения: те же медальоны из широких изгибающихся полос, те же растительные элементы, похожие на пальметки, цветы и листья, та же композиция в виде горизонтальных поясов.

Металлические орнаментированные пластины найдены в Венгрии в погребениях конных воинов, отличавшихся такой характерной чертой, как наличие при погребенном костяке человека костей лошади, причем не целой, а расчлененной (хоронили только череп и длинные кости, т. е. голову и ноги лошади). Именно таким же образом приносились в жертву шаманским духам и божествам у сибирских народов шкуры жертвенных животных вместе с головой и костями ног.

Следовательно, ритуал захоронений с металлическими пластинами для сумок типично степной, тюркский, связанный с древними шаманскими представлениями и культом. Вместе с пластинами в таких могилах встречались железные сабли, различные украшения конской сбруи, железные наконечники стрел, поясные бляшки, наконечники от поясов и другие предметы, образующие определенный выдержанный комплекс. Время этих погребений определяется найденными в них монетами, в первую очередь диргемами саманидского чекана начала X в. нашей эры.

Погребения с металлическими пластинами для сумок вне пределов Венгрии неизвестны, а сами эти пластины представляют собой действительно «изолированное художественное явление». Нужно считать вполне обоснованной мысль о принадлежности этих памятников конным кочевникам — предкам венгров, вышедшим в конце IX в. (896 г.) из Лебедии на Дунай.[1]

В Лебедии, как полагают исследователи памятников древневенгерской культуры, и возникли замечательные металлические пластины для сумок с их богатым орнаментом, представляющие подлинно выдающееся явление в средневековом ювелирном искусстве Восточной Европы. Вполне возможно, что происхождение орнамента пластин для древневенгерских сумок связано с распространением восточных, т. е. иранских и среднеазиатских тканей, украшенных растительными в своей основе узорами.

Однако вывод о возникновении такой орнаментики и всего «искусства сумок для сабель» — Säbeltaschen именно в Лебедии, т. е. между Днепром и Доном в VIII—IX вв., а также о принадлежности его только предкам венгров не может быть принят в такой категорической формулировке. Действительная картина истории орнамента древневенгерских металлических пластин для сумок значительно сложнее.

Об этом свидетельствуют совпадения между ними и рисунками на плитах из вала Манхайского городища.

Такое сходство орнамента на вещах, разделенных более чем пятью тысячами километров, можно объяснить в данном случае двумя гипотезами.

Если согласиться с предположением, что орнамент, характерный для металлических накладок на сумки, действительно возник в Лебедии у древних венгров, то остается допустить, что древние тюркские обитатели Прибайкалья познакомились с этим орнаментом благодаря кыргызам или же арабским и среднеазиатским купцам, которые, судя по труду Гардизи «Украшение известий», написанному в царствование газневидского султана Абд-ар-Рашида (1050—1052 гг.), давно знали о племени кури, обитавшем на Ангаре, и хорошо представляли себе дорогу с Енисея к Байкалу.

За последнее время на Ангаре при раскопках поселения в устье р. Унги обнаружены новые находки, подтверждающие связи тюрков Прибайкалья с Западом. Об этом свидетельствуют обломки стеклянных сосудов, каменная печать с изображением быкоголового существа

[1] Handor Fettich. Die Metalkunst der Landnehmen den Ungarn. Archaeologia Hungarica, т. XXI. Budapest, 1937, стр. 221—247, табл. LXII, LV, LVIII.

в короне и с крыльями, а также настоящие среднеазиатские светильники — чираги, впервые найденные между Таласом и Байкалом. Следует предположить, что оригинальная орнаментика «Säbeltaschen» возникла не на Западе, в Лебедии, и не в VIII—IX вв., а раньше, и на Востоке — там, где складывались тюркские народности и их культуры. За такое решение вопроса свидетельствуют драгоценные по их значению для истории культуры Сибири находки в древнекыргызских чаатасах на Енисее. На роскошной золотой тарелке и на сосуде с птицами из Копенского чаатаса орнамент имеет вид такой же сетки из выпуклых линий, образующих фигуры в виде медальонов-ромбов с округленными углами, а в них и в промежутках между ними размещены пальметки и фантастические фениксы китайской мифологии. С. В. Киселев и Л. А. Евтюхова справедливо связывают орнамент золотой тарелки из Копен с орнаментом китайских тканей танского времени.[2]

Новая находка плит на Манхае, орнаментированных таким же узором, не только вновь подтверждает наличие живых связей тюрков Прибайкалья с Западом, но является дополнительным доказательством важного значения культурных элементов, зародившихся на Востоке, для сложения культур степных племен Восточной Европы первой половины первого тысячелетия н. э., в том числе культуры древних венгров в Лебедии и на Дунае.

О том же, кстати, свидетельствуют и сами условия, в которых оказались публикуемые здесь изображения с Манхая. Они были найдены в оборонительном валу городища. Точно так же на стенах нижнедонских городищ, принадлежавших хазарам, были найдены камни и кирпичи с изображениями животных и всадников, аналогичными по содержанию и стилю прибайкальским писаницам. Такие же изображения имеются на кирпичах из древнеболгарской столицы Преславы и среди наскальных рисунков Болгарии.[3]

---

[2] Л. Евтюхова и С. Киселев. Чаатас у села Копены. Сборник статей по археологии СССР. Труды Гос. историч. музея, вып. XI. М., 1940, стр. 48.

[3] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону. ИГАИМК, вып. 131, 1935, стр. 100—101, рис. 40—41; М. И. Артамонов. Саркел — Белая Вежа. МИА, 62 (Труды Волго-Донской археологической экспедиции, т. I). 1958, стр. 24, 46.

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПОНЕМАНЬЯ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I тысячелетия н. э.

Ф. Д. Гуревич

Археологические памятники Верхнего Понеманья второй половины I тысячелетия н. э. исследованы весьма неравномерно. В северной части указанной территории (Восточная Литва и частично Минская и Гродненская области БССР) известно значительное количество раскопанных и относительно хорошо датированных курганных могильников. Синхронные поселения, за исключением небольших раскопок на территории Вильнюса, не изучались. Памятники южной части Понеманья известны только по разведкам С. А. Таракановой и автора настоящей статьи, а также по отрывочным данным случайных работ. За последние годы польские археологи заметно пополнили сведения о курганных могильниках I тысячелетия н. э. в северо-восточной Польше.

Археологические памятники Верхнего Понеманья второй половины I тысячелетия могут быть распределены на 3 группы: северную, южную и западную, каждая из которых связана с более или менее однородным населением. Попытаемся последовательно охарактеризовать эти группы.

Северная группа памятников, известная, как уже указывалось, по курганным могильникам, расположена в бассейнах рек Вилии и Меркис. Раскопки могильников производили Ф. В. Покровский, Э. А. Вольтер, В. А. Шукевич, П. С. Рыков, А. А. Иохер и Е. и В. Голубович.[1] В последние годы курганные могильники восточной Литвы исследует А. З. Таутавичус, проделавший большую работу по систематизации как курганов,

---

[1] Ф. В. Покровский. Археологическая экскурсия в окрестности Радошкович. Труды Виленского отделения Моск. предварительного комитета по устройству IX Археологического съезда. Вильна, 1893, стр. 139—146; Ф. В. Покровский. Вторая археологическая экскурсия в бассейн р. Лоши. Труды Виленского отделения Моск. предварительного к-та по устройству IX АС. Вильна, 1893, стр. 136—139; В. Ф. Покровский. К исследованию курганов и городищ на восточной окраине современной Литвы. Тр. IX АС, т. II. М., 1893, стр. 138—196; Ф. В. Покровский. К исследованию бассейна Вилии в археологическом отношении. Тр. X АС, т. I. М., 1899, стр. 71—171; Каталог предметов, доставленных на археологическую выставку при IX Археологическом съезде. Вильна, 1893, стр. 51; W. Szukiewicz. Kurhany ciałopalny w Pomusiu (pow. Trocki gub. Wileńska). «Swiatowit», 1902, т. IV, стр. 3—16; П. С. Рыков. Могильник близ ст. Сморгонь. Зап. сев.-зап. отделения Русского географич. об-ва, кн. 4, Вильна, 1914, стр. 7—13; ОАК, 1890, стр. 114, 116; W. Hołubowicz. Pięc lat pracy terenowej museum archeologicznego uniwersytetu Stefana Batorego w Wilnie (1933—1937). Rocznik archeologiczne, т. 1. Wilno, 1937, стр. 84—88; H. i. W. H. Hołubowiczowie. Wykopaliska na Wileńszczyznie w latach 1938 i 1939. Wilno, 1940; H. Cehak-Hołubowiczowa. Kurhany w Karmazinach. Wiadomości Archeologiczne, т. XXII, вып. 3—4. Warszawa, 1955, стр. 312—331; Ф. Д. Гуревич. Трупосожжение в Литве. КСИИМК, вып. XVIII, 1947, стр. 31—37.

так и других памятников Восточной Литвы I тысячелетия и начала II тысячелетия.[2]

Первую сводку памятников северной группы сделал А. А. Спицын.[3] В 1930—1950 гг. эти памятники изучали многие русские, эстонские, литовские и польские археологи. Так как многие материалы северной группы памятников опубликованы, ограничимся самой общей их характеристикой.

Обращает на себя внимание, что курганы второй половины I тысячелетия н. э. преемственно связаны с курганами IV—V вв. той же территории. Они имеют округлую форму, высоту до 1,5 м, диаметр до 20 м, а у основания — каменный венец, что характерно и для курганов предшествующей поры. У курганов бассейна р. Меркис либо сплошной каменный покров, либо насыпь их состоит из земли, смешанной с камнями. Преемственность заметна и в инвентаре. Однако если для курганов IV—V вв. характерен обряд трупоположения, то начиная с V—VI вв. в Восточной Литве распространяется обряд трупосожжения. Умерший сжигается на стороне, а кальцинированные кости укладываются в подкурганной яме, на грунте или в насыпи. Если для курганов IV—V вв. характерны 1—2 захоронения в кургане, то начиная с V—VI вв. число захоронений увеличивается, доходя до 9—10. Вещи, частично сломанные или погнутые, кладутся на прах умершего. В последней четверти I тысячелетия н. э. исчезают каменные венцы у основания курганов. Все чаще встречаются погребения с конем, как с сожженным, так и с не сожженным.

Керамика в курганах встречается редко. Это — лепные толстостенные сосуды преимущественно баночных форм, иногда слегка профилированные. В Кармазинах наряду с лепной керамикой встречены обломки кружальных сосудов.[4] В инвентаре погребений V—VIII вв. много находок из металла. В мужских погребениях — полусферические умбоны щитов, наконечники копий с овальным и ромбовидным пером, узколезвийные топоры, иногда с закраинами на обухе, серпы, железные шилья, ножи, точильные камни, железные прямоугольные гнутые пряжки и нарядные прямоугольные бляхи с тисненым орнаментом. Весьма разнообразен и набор женских украшений — поздние типы арбалетных фибул, браслеты с утолщенными концами, спиральные перстни, гривны с концами, обвитыми проволокой, глиняные биконические и цилиндрические нередко орнаментированные пряслица. Начиная с VIII в. оружие в виде массовых находок исчезает, и лишь в богатых погребениях изредка попадаются мечи. В погребениях с конем встречаются предметы конского убора (дву- и трехчленные удила, стремена, пряжки, бубенчики и др.). К концу I тысячелетия н. э. вместо арбалетных появляются подковообразные фибулы, гривны с седловидными и плоскими заходящими друг за друга концами.

Курганы второй половины I тысячелетия н. э. не только преемственно связаны с курганами IV—V вв., — эта связь прослеживается и с более поздними (X—XII вв.) курганами на этой же территории. Таким образом, в могильных памятниках Восточной Литвы обнаруживается на протяжении почти целого тысячелетия одна и та же культура.

---

[2] А. З. Таутавичус. Восточнолитовские курганы. Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М., 1959, стр. 128—154; А. З. Таутавичус. Rutų Leituvos pilkapai. Труды АН Лит. ССР, серия А, 1 (на литовском яз.), стр. 87—98.

[3] А. А. Спицын. Предполагаемые литовские курганы. ЗРАО, т. VIII. СПб., 1896, стр. 103.

[4] H. Cehak-Hołubowiczowa. Kurhany w Karmazinach, стр. 329.

Вторая, южная, точнее юго-восточная, группа памятников Верхнего Понеманья сосредоточена в верховьях р. Вилии, по правым притокам Немана — Гавье, Дитве, Лебеде и по всему его левобережью, т. е. на территории Гродненской и Брестской областей БССР. Особенностью памятников этой территории является то, что в составе курганных групп встречаются удлиненные и длинные курганы. Мы уже обращали внимание на эти специфические могильные сооружения и частично пополнили известную карту удлиненных и длинных курганов, составленную в 1941 г. Н. Н. Чернягиным.[5] Материалы из длинных и удлиненных курганов Западной Белоруссии аналогичны материалам из удлиненных курганов более северных и северо-восточных территорий. Наиболее ранние курганы относятся, возможно, к VI в., однако они продолжают служить населению местами погребений вплоть до X в. и, вероятно, до XI в.[6]

Наряду с могильными памятниками на территории Гродненской и Брестской областей известны поселения с лепной гладкостенной керамикой.[7] На правом берегу Немана, близ сел Докудово и Збляница Лидского р-на и с. Песковцы Желудокского р-на, найдены обломки лепной посуды (тесто с примесью дресвы), в отдельных случаях с налепным валиком.[8] На левом берегу Немана несомненный интерес представляет селище у д. Черешля Новогрудского р-на Гродненской обл., обследованное автором настоящей работы в 1956—1957 гг. Оно расположено на мысе при слиянии р. Белоножки со старицей Немана. Культурный слой селища мощностью в 40 см содержит керамику различных периодов, в частности единичные обломки сосудов эпохи бронзы, штрихованную, гладкостенную лепную и гончарную керамику. Особый интерес представляет лепная гладкостенная посуда. В тесте ее — примесь довольно крупных зерен дресвы. Найдены обломки сковородки с невысоким бортиком и горшка с ребром в верхней части.[9] Обломки лепных гладкостенных слабопрофилированных горшков найдены у д. Огородники Дятловского р-на.[10] Близ д. Селище Новогрудского р-на встречена лепная гладкостенная керамика, орнаментированная зубчатым чеканом.[11] Можно упомянуть еще находки керамики на селище у д. Городиловка Новогрудского р-на,[12] на территории окольного города Новогрудка [13] и других поселениях. Всего на правом берегу Немана и его левобережье разведками выявлено свыше 20 укрепленных поселений с лепной гладкостенной керамикой. Форму сосудов в ряде случаев установить трудно, но когда это удается, то оказывается, что в состав керамического комплекса входят сковородки и горшки с высокими плечиками. Встречаются сосуды и баночной формы. Орнамент — волна, линия, зубчатый чекан и налепной валик.

---

[5] Ф. Д. Гуревич. О длинных и удлиненных курганах в Западной Белоруссии. КСИИМК, вып. 72, 1958, стр. 54; Ф. Д. Гуревич. Археологическая разведка 1955 г. в Понеманье. Вопросы этнической истории, М., 1959, стр. 240—242.

[6] Ф. Д. Гуревич. О длинных и удлиненных курганах..., стр. 65.

[7] С. А. Тараканова. Археологическая разведка по Неману. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 105; Ф. Д. Гуревич. Отчет об археологических работах Славяно-литовского отряда Прибалтийской экспедиции за 1957 г. Архив ИА АН СССР и Архив Ин-та истории АН БССР.

[8] С. А. Тараканова. Археологическая разведка по Неману, стр. 105.

[9] Ф. Д. Гуревич. Отчет... 1957 г.

[10] Там же.

[11] Там же.

[12] Ф. Д. Гуревич. Отчет о работах Славяно-литовского отряда Прибалтийской экспедиции в 1956 г. Архив ИА АН СССР и архив Ин-та истории АН БССР.

[13] Там же.

Попытаемся датировать эти поселения. Лепная гладкостенная керамика с налепным валиком может быть сопоставлена с аналогичной керамикой из раскопок Я. В. Станкевич на поселении у с. Жабино Великолукской обл. Найденный здесь большой горшок, несколько суживающийся ко дну, датируется автором V—VI вв.[14] Подобная же керамика встречена Н. Н. Чернягиным в удлиненных курганах близ д. Безьва Псковской обл. Там же найдены стеклянная удлиненная бусина, костяная поделка, спиральки, височное кольцо и другие предметы VI—IX вв.[15] На поселении у д. Хотомель Давид-Городокского р-на Брестской обл. найден лепной сосуд баночной формы, несколько суживающийся ко дну, с валиком, покрытым насечкой.[16] Там же найдены сковородки с невысоким бортиком, горшки со слегка отогнутым венчиком и миски с наклонными внутрь краями. Сходство наблюдается и в орнаменте.[17] Ю. В. Кухаренко относит городище и селище у д. Хотомель к VII—IX вв.[18] Поселения у с. Жабино и д. Безьва также датируются второй половиной I тысячелетия н. э. Следовательно, поселения Понеманья с керамикой, аналогичной керамике перечисленных поселений, также могут быть отнесены ко второй половине I тысячелетия н. э. Нельзя вместе с тем не отметить, что городище и селище у д. Хотомель принадлежат к типичным памятникам роменской культуры. Поскольку же керамика понеманских поселений аналогична хотомельской, значит мы встречаемся с роменской культурой и в Понеманье. Существенно, что обломки лепной посуды встречаются на поселениях Понеманья, где преобладает кружальная керамика; поселения эти относятся, по-видимому, к X в. (не ранее). Следовательно, поселения с гладкостенной лепной керамикой существуют на протяжении всей второй половины I тысячелетия н. э.

Суммируя находящиеся в нашем распоряжении данные о памятниках южной группы Понеманья, можно отметить, что, с одной стороны, здесь известны длинные и удлиненные курганы, сходные с такими же курганами бассейна Западной Двины и Верхнего Днепра, с другой — поселения эти роменского типа, основная масса которых расположена на значительно более южных территориях.

Третья, западная группа памятников расположена на территории Польши — на Сувалкщине, у истоков р. Черная Ганча. В Прудишках, Бялорогах, Суходолах, Осове и Шурпилах в разное время были исследованы низкие курганы, покрытые камнями (высота 50—60 см, диаметр до 10—11 м).[19] Любопытно, что в Суходолах есть курган овальной формы.[20] Курганы Сувалкщины, так же как и курганы Восточной

---

[14] Я. В. Станкевич. Славянские памятники середины I тысячелетия н. э. в верхнем течении Западной Двины. КСИИМК, вып. 72, 1958, стр. 53, рис. 10, 8.

[15] Архив ЛОИА, ф. 35, д. № 35, 1940, лл. 10, 11.

[16] Ю. В. Кухаренко. Раскопки на городище и селище Хотомель КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 94, рис. 36, *7*.

[17] Ю. В. Кухаренко, ук. соч., стр. 96, рис. 37, *6*.

[18] Там же, стр. 42.

[19] R. Jakimowicz. Sprawozdanie z dzialalnosci państwowego museum archeologicznego za 1927 rok. Wiadomości Archeologiczne, т. XIII. Warszawa, 1935, стр. 246—249; J. Kostrzewski. Od mezolitu do okresu wędrowek ludow. Prehistoria ziem polskich. Krakow, 1939—1948, стр. 356; Kamiński. Materialy do bibliografii archeologicznej jacwiezy od I do XIII w. Materialy starożytne, т. I. Warszawa, 1956, стр. 207, 237, 242, 243, 252; M. Kaczyński. Cmentarzysko z okresy wędrowek Ludow w mejscowsci Osowa, pow. Suwalki. Wiadomości Archeologiczne, т. XXII. Warszawa, 1955, стр. 364—365; Е. Антоневич. К археологическому изучению древнего населения Прибалтики. Известия АН ЭССР, т. VI, серия общ. наук, 1957, № 2, стр. 175—176.

[20] A. Kamiński. Materialy do bibliografii..., стр. 252.

Литвы, преемственно связаны с местными могильными памятниками первой половины I тысячелетия н. э. В середине I тысячелетия здесь, как и в Восточной Литве, обряд трупоположения сменяется трупосожжением.[21] Пережженные останки ссыпались в лепные урны — сосуды с примесью дресвы в тесте, биконические или баночные. Нижняя часть их нередко шероховатая, верхняя — гладкая. В курганах встречаются миски и тарелки. Их орнамент — ногтевые насечки. Кроме того, в Прудишках найдены серебряные и бронзовые арбалетные фибулы, бронзовый спиральный перстень, нож, оселок, обломок костяного гребня, часть янтарной, бусины, стеклянные шашки для игры, бронзовая подвеска и т. д.[22] Польские и немецкие археологи, исследовавшие эти могильники, датируют их IV—VI вв. (Р. Якимович), VI—VII вв. (Ю. Костржевский), V—VI вв. (Е. Антоневич), VI в. (О. Клеман), V—VIII вв. (К. Энгель и В. Лабом).[23] Курганы этой группы имеют сходство с погребальными сооружениями, расположенными в зоне мазурских озер, т. е. с теми, которые лежат уже за пределами рассматриваемой нами территории.

Археологические памятники Понеманья локализуются следующим образом. В бассейнах рек Вилии и Меркис сосредоточены курганы с обрядом трупосожжения, генетически связанные с курганами IV—V вв. той же территории. С востока и юга с этой группой памятников граничат районы распространения удлиненных курганов второй половины I тысячелетия н. э., аналогичных более северным удлиненным курганам. В отдельных случаях в удлиненных курганах встречаются вещи, типичные для Восточной Литвы. В области распространения удлиненных курганов известны городища и селища с лепной гладкостенной керамикой, в том числе керамикой роменского типа. В западной части Понеманья у истоков р. Черной Ганчи расположены курганные могильники V—VII вв. с обрядом трупосожжения, как и в Восточной Литве, сходные с местными курганами первой половины I тысячелетия н. э. (см. карту).

Есть все основания предполагать, что описанное расположение памятников в известной степени отражает реальное размещение этнических групп, населявших Понеманье в рассматриваемую эпоху. Вопрос этнической атрибуции лучше всего разработан для северной группы. По единодушному мнению исследователей, курганы северной группы принадлежали литовским племенам. Несмотря на специфику восточнолитовских курганов, культура их во многом близка погребальным памятникам остальной Литвы и резко отличается от нелитовских могильников как по обряду погребения, так и по инвентарю. Естественно поэтому рассматривать эти курганы как могильные памятники литовских племен.

Прежде чем попытаться дать этническое определение населения, оставившего после себя поселения и могильники южной группы, остановимся на основных точках зрения по данному вопросу. Слабая изученность археологических памятников южной части Понеманья долгое время вынуждала исследователей при рассмотрении вопроса о заселении этих земель обращаться в основном к письменным источникам. Основываясь на свидетельствах летописи о борьбе в X—XIII вв. Руси и Польши с ятвягами, историки и археологи полагали, что южная часть Понеманья вплоть до русской колонизации принадлежала ятвягам.[24]

---

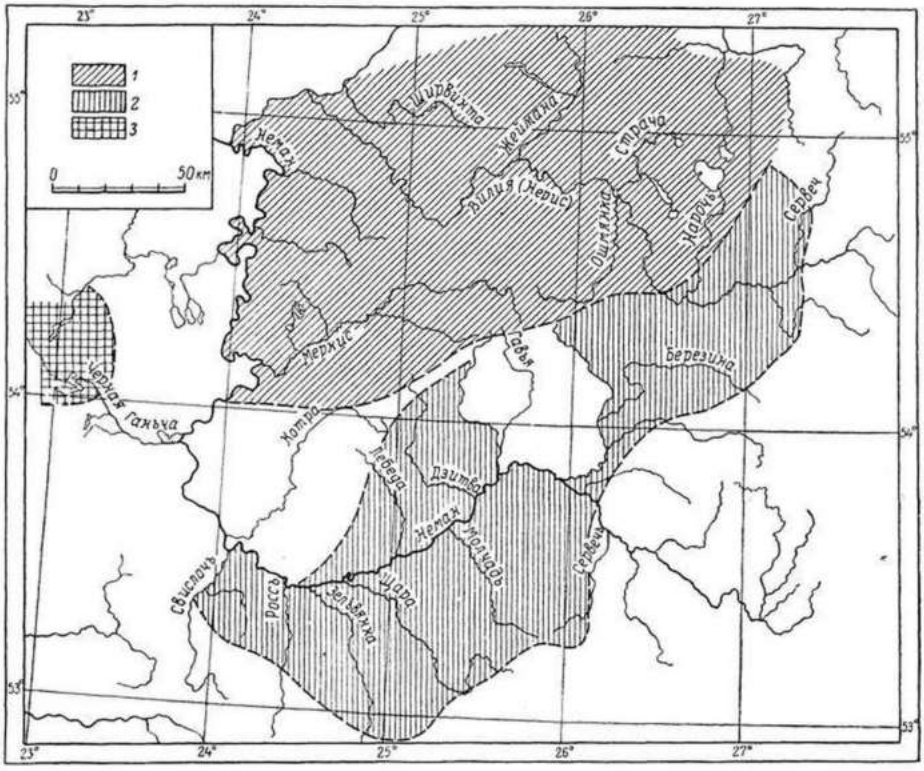
[21] Е. Антоневич. К археологическому изучению древнего населения Прибалтики, стр. 176.

[22] A. Kamiński. Materialy do bibliografii..., стр. 242.

[23] Там же, стр. 248.

[24] Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1873. стр. 34; В. Б. Антонович и Д. Иловайский. Исторія великого князевства

Однако в настоящее время польский историк А. Каминский, основываясь и на других видах источников, утверждает, что левобережье верхнего Немана не входило в состав территории, занятой ятвягами. По его мнению, ятвяги занимали земли Северо-Восточной Польши



Карта Верхнего Понеманья.

1 — памятники литовских племен; *2* — памятники славянских племен; *3* — памятники ятвягов.

и Юго-Восточной Литвы.[25] Кем же тогда было заселено неманское левобережье до XI в., т. е. до времени основания здесь русских городов?

Первые сомнения в том, что эти земли безраздельно принадлежали балтийским племенам вплоть до конца I тысячелетия н. э., появились у автора настоящей статьи тогда, когда на данной территории он обнаружил длинные и удлиненные курганы. Н. Н. Чернягин проследил их только до Западной Двины, в действительности же они существуют и в Понеманье, особенно на левом берегу. Идентичность отдельных удлиненных курганов Западной Белоруссии с такими же курганами западной полосы РСФСР не оставляют сомнения в том, что в удлиненных курганах Понеманья следует видеть погребальные памятники сла-

---

Литовского. Тернополь, 1887, стр. 5; Н. П. Батюшков. Белоруссия и Литва. СПб., 1890, стр. 8; М. К. Любавский. Очерки истории Литовско-Русского государства. М., 1915, стр. 8; W. Antoniewicz. Archeologia Polski. Warszawa, 1932, стр. 195.

[25] A. Kamiński. Jaćwez. Teritorium, Ludnność, stosunki gospodarcze i spoleczne. Łódź, 1953, карта 2.

вянского населения второй половины I тысячелетия н. э. Это мнение подтверждает и то обстоятельство, что удлиненные курганы обычно встречаются в могильниках с большим количеством обычных круглых славянских курганов с инвентарем X—XIII вв. Кроме того, удлиненная форма насыпи и обряд трупосожжения пережиточно сохраняются в курганах с типично славянскими находками X—XI вв.[26]

В свое время граница распространения длинных и удлиненных курганов была нами прослежена до Западного Буга.[27] Некоторые данные, опубликованные в польской литературе, позволяют отодвинуть эту границу далеко на юго-запад Польши. Так, длинные и удлиненные курганы с обрядом трупосожжения открыты в междуречье Буга и Вислы (Липско, Замойского повета, Гусынне Грубешовского повета).[28] Курган овальной формы известен в Корнатке Мысленицкого повета на р. Рабе, южном притоке Вислы.[29] Особенно интересны результаты раскопок длинного кургана, произведенных М. Древко в 1950 г. Курган этот имел длину 24 м, ширину — свыше 12 м и высоту 1,80 м. В нем обнаружены остатки двух сожжений в ямах. Найден сосуд, верхняя часть которого правлена на гончарном круге. Сосуд имеет слегка отогнутый венчик и овальное тулово. Верхняя часть его орнаментирована волной в три ряда и глубокой горизонтальной линией. Кроме того, в кургане найден обломок железного ножа, наконечник двуперой стрелы и шпора с загнутыми внутрь концами, которая и датирует курган VII—VIII вв.[30] Подобные же находки известны и в кургане у д. Гусынне.[31] Нет сомнения, что длинные и удлиненные курганы Польши следует причислить к памятникам славянским.

Таким образом, выясняется, что длинные и удлиненные курганы распространены на огромной территории — от Вислы до Волги. Длинные и удлиненные курганы Понеманья являются лишь одним из звеньев славянских памятников, свидетельствующих о том, что первые славянские поселения появились здесь не в XI в., как это думали раньше, а во второй половине I тысячелетия н. э. Удлиненные курганы, расположенные на границе с балтийскими племенами и содержащие материалы, характерные для Литвы и Сувалкщины, принадлежат, по-видимому, смешанному населению.

Значительный интерес представляют находки в Понеманье отдельных фрагментов южнославянской, роменской керамики. В древнерусских городах Понеманья — Гродно, Волковыске, Новогрудке наблюдается много общего с Волынью. Сходство между Волынью и Понеманьем заметно в типе жилища (землянки в Волковыске и Новогрудке), в керамике и других вещевых находках.[32] Не исключено предположение,

---

[26] Ф. Д. Гуревич. О длинных и удлиненных курганах..., стр. 65.

[27] Там же.

[28] M. Drewko. Wielki kurhan wszesnośredniowiecznego cmentarzyska we wsi Lipsko, pow. Zamośc. Wiadomości Archeologiczne, т. XX, вып. 3. Warszawa, 1954, стр. 307—309; K. Żurowski i G. Mikołajczyk. Sprawozdanie z badań kurhanu we wsi Husynne w pow. Hrubieszowskim w 1954 r. Sprawozdania archeologiczne, I. Wrocław, 1955, стр. 251—267.

[29] S. Nosek. Ciałopalne mogily s okresu wcznohistoryczhego w Małopolsce Zachodniej. Wiadomości Archeologiczne, т. XVI. Warszawa 1939—1948, стр. 328.

[30] M. Drewko. Wielki kurhan..., стр. 308—309.

[31] K. Żurowski i. G. Mikołajczyk. Sprawozdanie z babań, стр. 254—256, 262—264.

[32] Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. МИА. № 41, 1954, стр. 40; В. Р. Тарасенко. Раскопки городища «Шведская гора» в Волковыске в 1954 г. Материалы по археологии БССР, т. I, Минск, 1957, стр. 268; Ф. Д. Гуревич. Отчет... 1957 г. и др.

что эта культурная общность является не только результатом русской колонизации из Волыни в Понеманье в XI—XIII вв., но в какой-то мере отражает более древние традиции, сложившиеся здесь в связи с приходом в Понеманье славян еще в конце I тысячелетия н. э.

Трудно сказать, одни ли славяне занимали во второй половине I тысячелетия н. э. южную часть Понеманья или здесь и при них продолжало жить местное литовское население. На поселениях южного Понеманья обнаружена штрихованная керамика (Черешля, Ковали и др.).[33] Это свидетельствует о том, что в первой половине I тысячелетия н. э. южное Понеманье, как и северная его часть, было заселено теми же балтийскими племенами, культура которых теперь уже довольно хорошо изучена А. Г. Митрофановым, Я. В. Станкевич, А. З. Таутавичусом, П. З. Куликаускасом и другими.[34]

Разумеется, на все вопросы, поднятые в данной статье, могут быть даны лишь предварительные ответы, поскольку они основаны на очень небольшом материале. Однако несомненно одно — считать, что вплоть до начала II тысячелетия н. э. южное Понеманье было заселено только литовскими племенами, нет никаких оснований.

По археологическим данным, население Верхнего Понеманья во второй половине I тысячелетия н. э. выглядит довольно пестро. В бассейнах рек Вилии и Меркис живет «литва», на восток и на юг от нее разместились славяне, оставившие после себя длинные и удлиненные курганы. В VIII—IX вв. здесь появляются славяне с культурой, близкой роменской. Не исключено, что славяне не смогли полностью вытеснить балтийские племена, жившие здесь в первой половине I тысячелетия н. э. Западными соседями «литвы» и славян были ятвяги, чьи памятники лишь частично размещаются в бассейне верхнего Немана (рис. 1). Наиболее спорной стороной изложенной схемы расселения племен в Верхнем Понеманье является определение времени прихода сюда славян. Появление их здесь в VI в. может быть принято пока лишь условно. Для уточнения даты потребуются новые материалы. Однако уже и сейчас есть все основания утверждать, что славянское население появилось в южной части Понеманья не в XI в., как это принято считать, а на несколько столетий раньше.

---

[33] Ф. Д. Гуревич. Отчеты о полевых работах Славяно-литовского отряда 1955—1957 гг. Архив ИА АН СССР и Ин-та Истории АН БССР.

[34] Я. В. Станкевич. Исследования памятников I тысячелетия нашей эры в верховьях Зап. Двины за 1949—1951 годы. КСИИМК, вып. 52, 1953, стр. 62—65; А. З. Таутавичус. Восточная Литва. Автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. ист. наук. Вильнюс, 1954, стр. 8—9; А. Г. Митрофанов. К истории населения средней Белоруссии в эпоху раннего железа. Автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. ист. наук. Л., 1955; А. Г. Митрофанов. Археологические памятники средней Белоруссии в эпоху раннего железа. Тезисы докладов на объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики (секция археологии). М., 1955, стр. 21—22; П. И. Куликаускас. Археологические исследования Неменчинского городища. Iš Lietuvių Kulturos Istorijos I. Vilnius, 1958, стр. 20—43, 290—292 (на литовском языке).

О НЕКОТОРЫХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ОБЫЧАЯХ АЛАНСКИХ ПЛЕМЕН ПОДОНЬЯ

С. А. Плетнева

В 1957 г. были начаты раскопки на могильнике, расположенном в верховьях Северского Донца, на берегу р. Корочи (у с. Дмитровского Шебекинского р-на Белгородской обл.). Могильник вместе с находящимися рядом с ним городищем и селищем представляет собой единовременный, уникальный по сохранности комплекс, особенно интересный тем, что он является самым крайним северо-западным памятником салтово-маяцкой культуры.[1]

Настоящая статья не подводит итогов двухлетних раскопок этого памятника, а освещает только один из частных вопросов, поставить который позволили раскопки на могильнике, а именно — вопрос о некоторых погребальных обычаях племен салтово-маяцкой культуры на Северском Донце.

Могильник у с. Дмитровского расположен на пологом склоне высокого правого берега реки Корочи, на полкилометра севернее городища. Раскопки начались с подчистки и выравнивания срезов карьера для добычи глины в нижней части склона у дороги.[2] Всего за два полевых раскопочных сезона на могильнике было вскрыто около 400 кв. м. Толщина гумусированного слоя на нем равна 60—80 см. Этот слой делится на две прослойки: верхняя — серая, с вкраплениями меловой крошки, проросшая корнями трав (дерновая), и нижняя — более темная, насыщенная находками (обломками керамики и костями). Верхний горизонт нижней прослойки — древняя дневная поверхность могильника. Разрезы слоя над дромосами раскопанных катакомб показали, что дромосы перерезают только нижнюю прослойку, т. е. древний слой; верхняя перекрывает их, так как она образовалась позднее, в результате постепенного сползания грунта с верхних склонов мыса (рис. 1).

Материк на этом участке берега состоит из плотной желтовато-белой глины, местами, особенно в верхней части мыса, переходящей в рыхлый мелозем. Дромосы катакомб, видимые обычно уже по снятии верхней прослойки, наиболее четко прослеживаются в материке. Это —

---

[1] Городище было известно еще до революции Д. А. Самоквасову, назвавшему его Козеевским по самому ближнему к городищу населенному пункту — окраинному хутору большого села Дмитровского. И. И. Ляпушкин в работе «Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона» (МИА, 62, 1958) пишет, что весь комплекс в целом находится у д. Доброй (стр. 149), тогда как в действительности у д. Доброй расположено только городище, а селище и могильник находятся на окраине и на территории с. Дмитровского. К этому следует добавить, что д. Добрая, так же как в начале XX в. хутор Козеевка, в настоящее время всеми местными жителями считается окраинной частью села Дмитровского.

[2] Местные жители, издавна доставшие здесь белую глину для обмазки домов, не раз проваливались в могилы-катакомбы и доставали оттуда посуду, украшения и оружие. Катакомбы встречались не только на склоне мыса, но и у его подножия.

желто-серые или темно-серые, почти черные полосы шириной 60—70 см и длиной от 1,5 до 6 м.[3]

На всей расчищенной нами площади было обнаружено 30 катакомб (рис. 2), расположенных параллельными неровными рядами. Нашими раскопками начато вскрытие пяти линий катакомб. Катакомбы с одиночными и групповыми захоронениями, нередко сопровождающимися богатым инвентарем и посудой, имеют точные аналоги в соседнем Салтовском могильнике. Многочисленные вещи позволяют отнести могильник

Рис. 1. Северо-восточный участок могильника (на профиле четко видны две прослойки).

к концу VIII и IX вв., т. е. к тому времени, что и Салтовский. На рис. 3 представлены все наиболее характерные категории вещей, позволяющие датировать памятник в целом (зеркала, тонкие штампованные бляшки, серьги, удила, стремена, сабля и т. д.).

Характеристика погребального обряда в целом, расчленение катакомб по инвентарю и расположению на ранние и поздние (в указанных хронологических рамках), а также выяснение этнической и социальной принадлежности покойников будут возможны только на основании более обширного материала.[4] До нас не дошло ни одного описания древних языческих погребальных обрядов народов, входивших в состав хазарского каганата или соседних с ним.[5] Тем большую важность приобретают данные археологические. Раскопки Дмитровского могильника позволили установить два интереснейшие обычая в погребальном обряде

[3] Дромосы разграбленных катакомб, как правило, заполнены черной гумусной землей; дромосы не тронутых грабителями катакомб забиты материковой глиной с легкой примесью гумуса.

[4] Уже сейчас выясняются некоторые важные детали обряда. Так, в результате сопоставления археологических и антропологических данных было установлено, что мужчины и дети похоронены на спине в вытянутом положении, женщины — скорченно, на боку.

[5] Описание погребения хазарского кагана, сделанное Ибн-Фадланом нельзя принимать во внимание вследствие его краткости и неясности (см. А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, стр. 146—147).

племен, обитавших в VIII—IX вв. в бассейне Северского Донца: 1) сооружение кенотафов, 2) поминальные тризны.[6] Оба обряда, несомненно, связаны с языческими представлениями о продолжении жизни в загробном мире и с культом умерших предков и родичей.

Кенотафы сооружались в честь родственников-воинов, ушедших в поход, убитых и погребенных или брошенных где-то на чужбине. Кенотафы, известные в могильниках языческих народов Восточной Европы — славян и кочевников, сооружались таким образом: славяне в память убитого насыпали курган,[7] кочевники X—XIII вв. хоронили под курганной насыпью в неглубокой яме кости коня (голову и ноги) и несколько предметов, принадлежавших покойнику.[8] Этот же принцип лежит

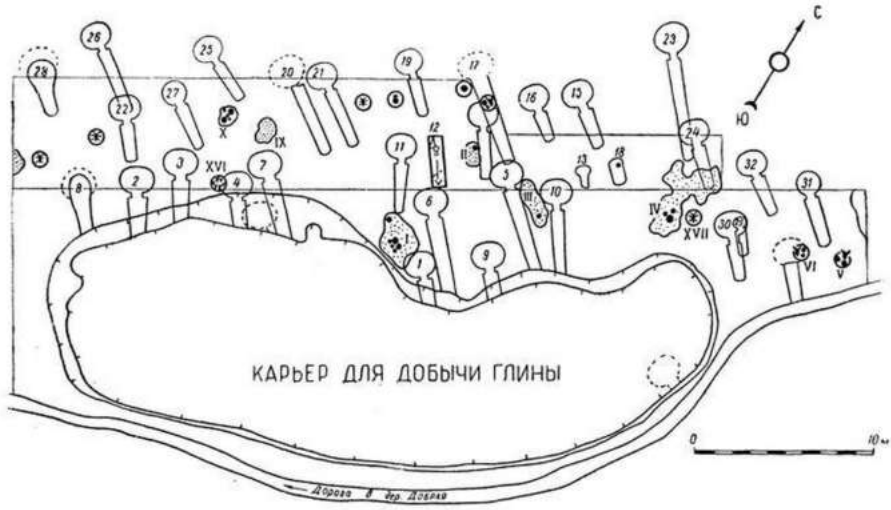


Рис. 2. План расположения катакомб и тризн на могильнике у с. Дмитровского (раскопки 1957—1958 гг.).

в основе обоих кенотафов, обнаруженных на Дмитровском могильнике. Оба находились среди катакомб, оба имели до расчистки вид обыкновенных дромосов. Наиболее богатым, а потому наиболее сложным и интересным является кенотаф, отмеченный на плане под № 12 (рис. 4). Он представляет собой длинный дромос (2,8 × 0,7 м) глубиною около 1,5 м. Стенки дромоса отвесные, ровные, дно горизонтальное, плоское. На дне лежал на левом боку, головой на СЗ труп лошади с вырубленной спиной. Морда коня опущена вниз, шея изогнута, передние ноги согнуты в коленях, задние поджаты. На 40—60 см выше лошади в засыпке расчищен скелет молодой женщины, похороненной в вытянутом положении на спине с немного раскинутыми и согнутыми в локтях руками. Свободная поза говорит о том, что женщина лежала непосредственно на засыпке, без гроба. На руках у нее железные браслеты, в ушах и на

[6] Исследователи, работавшие ранее на аналогичных могильниках Подонья (Салтовский, Подгоровский, Маяцкий) и Сев. Кавказа (аланские могильники близ Чми, Балты, Кумбулты, Змийской и др.), не могли проследить замеченные нами особенности потому, что все они раскапывали могильники не широкой площадью, а траншеями и при этом, естественно, упускали детали топографии изучаемого памятника.

[7] Д. А. Авдусин. Гнездовская экспедиция. КСИИМК, вып. 44, 1952; Д. А. Авдусин. Раскопки в Гнездовке, КСИИМК, вып. 38, 1951.

[8] С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА, № 62, 1958, стр. 156, рис. 2.

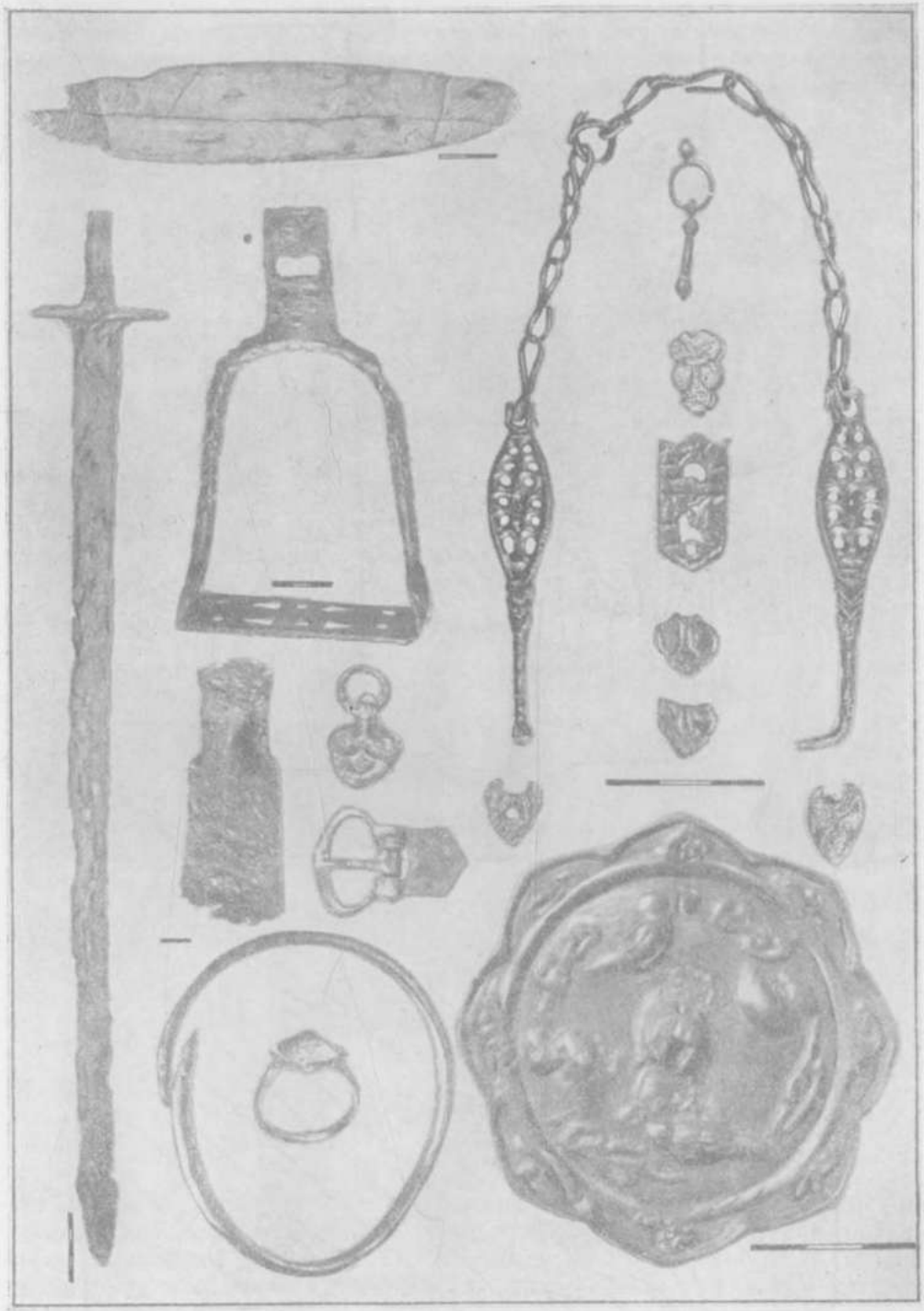


Рис. 3. Вещи VIII—IX вв. из катакомб Дмитровского могильника.

пальце правой руки бронзовые украшения, от которых на костях сохранились следы окиси, у таза — зеркало. Череп женщины отличается от

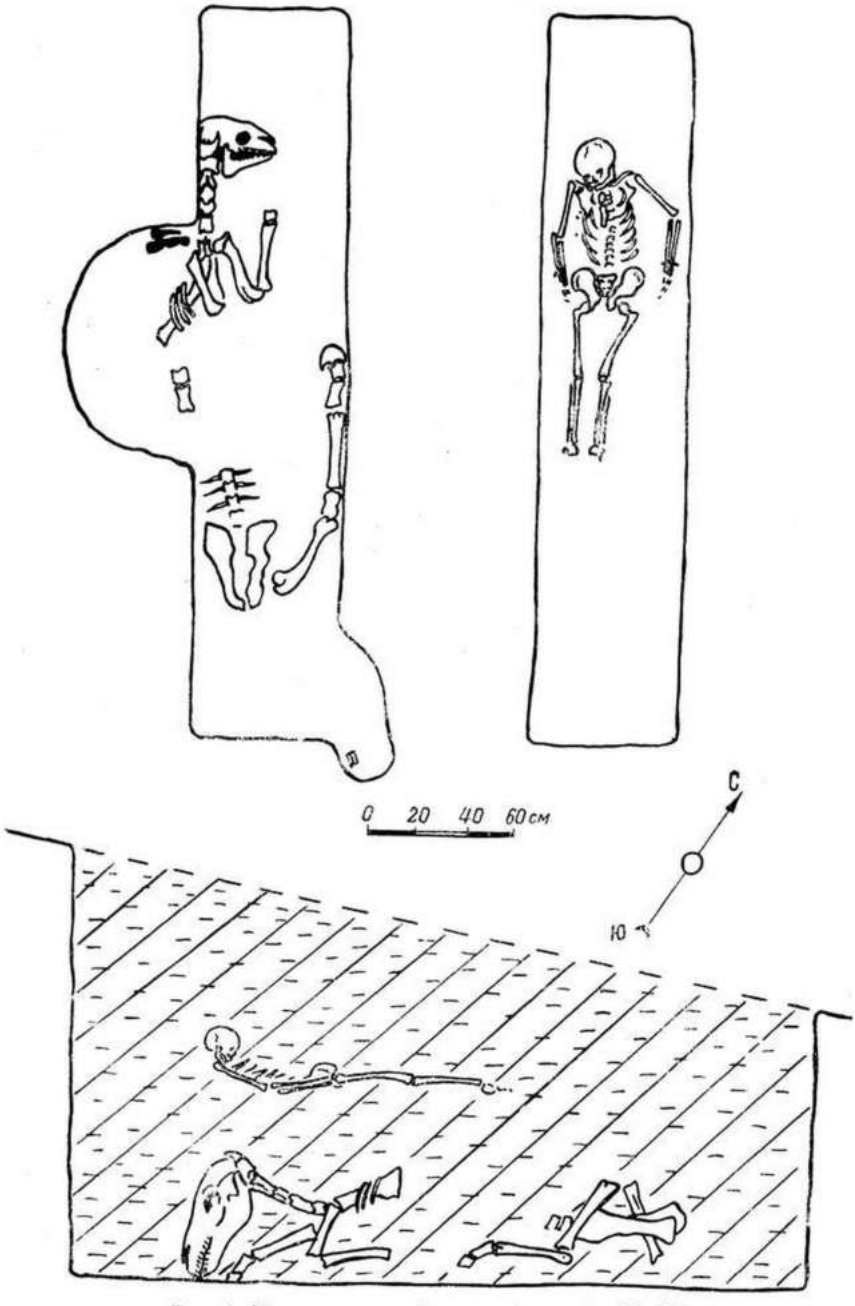


Рис. 4. План и разрез богатого кенотафа (№ 12).

найденных в могильнике долихокранных черепов резкой круглоголовостью. В юго-западной и северо-восточной стенках кенотаф имеет подбои,

в которых обнаружены пряжка от подпруги, стремя, рифленый литой бронзовый бубенчик от сбруи, боевой топорик и мотыжка (рис. 5). Никаких следов катакомбы в этом «дромосе» не было, так как не было покойника, для поминания и в честь которого был сооружен этот памятник. Поминаемый был довольно богатым человеком, поскольку в кенотаф были положены конь, вещи и убитая рабыня. О том, что это

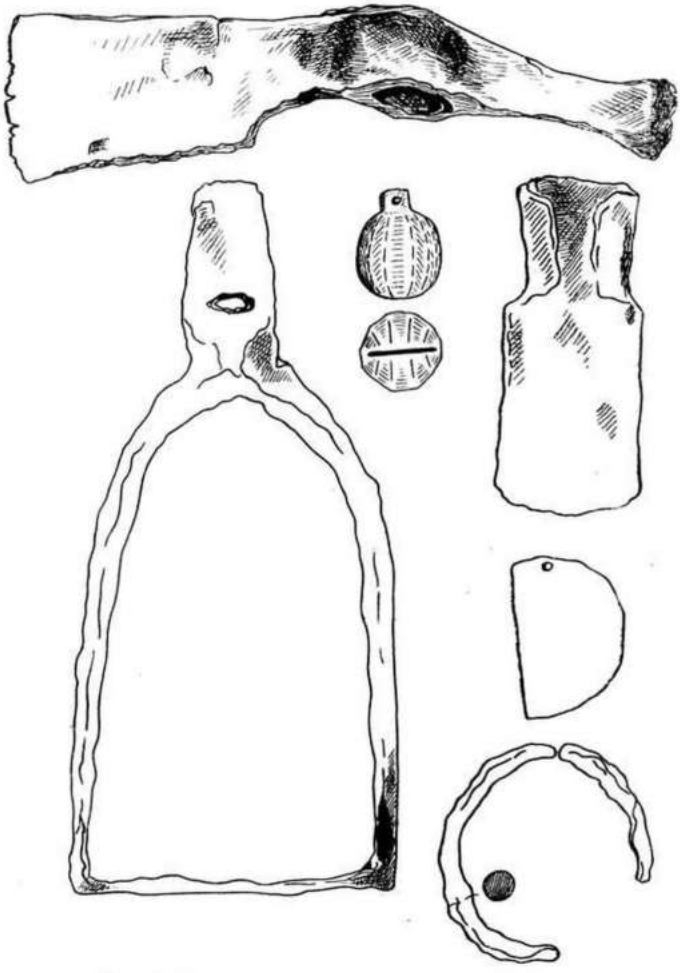


Рис. 5. Вещи из богатого кенотафа (№ 18).

рабыня, а не свободная женщина, свидетельствует не только форма головы (круглоголовый, зливкинский, праболгарский этнический тип), но и иной обряд ее захоронения — в вытянутом положении, на спине, в засыпке, в отличие от остальных погребенных женщин, которые лежали внутри катакомб, всегда в скорченном положении, на правом боку.

Второй кенотаф (№ 18) был сооружен в память о бедняке. Это неглубокий и короткий «дромос» (1,5 × 1 м). У стенки, в которой должен был быть вход в катакомбу, поставлен горшочек с поминальной пищей (рис. 6).

Инвентарь богатого кенотафа (№ 12) — лошадь со сбруей, топорик, мотыжка — говорит о посвящении его мужчине-воину. По-видимому, и бедный кенотаф был вырыт в честь воина, родственники которого, выполнив необходимую обрядность, не имели возможности оформить памятник с подобающей пышностью.

Рис. 6. Горшочек из бедного кенотафа № (18).

Выше уже говорилось, что «культурный слой» могильника отличается насыщенностью материалом — мелкими обломками керамики, целыми сосудами, костями животных.

Характерно, что находки на вскрытой площади могильника расположены отдельными группами или пятнами (рис. 2). Одиночных находок вне территории этих групп очень мало. Очевидно, керамика и кости животных не случайно попали на территорию могильника, а были принесены и оставлены людьми, хоронившими здесь своих умерших родичей. Компактные группы находок представляют собой не что иное, как остатки поминальных тризн по умершим,

Рис. 7. Остатки тризны X.

Рис. 8. Остатки тризны VII.

похороненным в близлежащих катакомбах. Так, с той или иной степенью вероятности мы можем связывать с тризнами следующие катакомбы:

NN катакомб	3	10	11	14	17	19	21	22	23	25	28	31
NN тризн			I						IV	IX	XII	V
То же	XVI	III		II	XIV	VII	VIII	XX	XVII	X	XIII	VI

Всего было обнаружено 17 остатков тризн. Все они разделены нами по составу входящих в них находок на три группы: 1) с глиняными сосудами; 2) с останками животных (костями); 3) смешанные тризны — с сосудами и костями животных.

1. В первую группу входит наибольшее число остатков тризн — I, II, III, IV, VII, IX, X, XIII, XV. В одних случаях они состоят из группы поставленных рядом сосудов (рис. 7), в других — сосуды расставлены на сравнительно большой территории (около 4 м в поперечнике),

Рис. 9. Остатки тризны XVII.

в третьих случаях от тризны остался всего один сосуд (рис. 8). В некоторых случаях от сосудов остались лишь мелкие разрозненные обломки, нередко разбросанные вокруг целых горшков. По виду и расположению этих обломков можно заключить, что они были принесены на тризну вместе с целыми горшками и специально рассыпаны среди них. Ничего необычного в этом нет, так как в катакомбах и дромосах часто встречаются поломанные, иногда починенные (сшитые) кувшины и горшки. По-видимому, считалось, что в загробной жизни эта принесенная на тризну и погребенная керамика превратится в новую.

Сосуды ставились, вероятно, в неглубокие, вырытые в культурном слое ямки. Поскольку сосуды стоят всегда на материке, очевидно, ямки вырывали только до глубины материка; в редких случаях сосуды, если они были очень большими, слегка (на 5—7 см) врезались в материк. Верхняя часть сосудов почти всегда сильно разрушена из-за близости к дневной поверхности; хрупкие сосуды вообще сохранились очень плохо. Что касается отдельных обломков керамики, то их бросали, видимо, прямо на землю рядом с врытыми в нее целыми сосудами.

2. Вторая группа памятников этого рода состоит исключительно из костей животных (тризны VIII, XI, XII, XVI, XVII). Жертвенными

животными на этих тризнах всегда были козы. Кости их лежат в каждом случае компактной кучкой в культурном слое или на материке. Создается впечатление, что кости складывались в вырытые в культурном слое неглубокие ямки (рис. 9). Часть костей разбита, на некоторых видны следы зубов, а это означает, что животных съедали на тризне, а не просто резали, расчленяли и зарывали в землю. В четырех случаях в земле были обнаружены кости только одного животного, в пятом — в большую круглую яму, врезанную в материк и прослеженную нами и в профиле раскопа, в полном беспорядке были брошены кости семи коз (рис. 10).[9]

Рис. 10. Яма с останками семи коз (тризна XVI).

3. Третья, смешанная группа, наиболее интересная, состоит из остатков трех тризн (V, VI, XIV).

Остатки тризн V и VI относятся к катакомбе № 31 (рис. 11 и 12). Они совершенно идентичны. В материке вырыты круглые ямки (диаметр — 60, глубина — 40 см), в которых лежат головы и передние ноги быков и по два сосуда — один лощеный с двумя ручками и узкой горловиной, другой — кухонный горшок, сделанный на гончарном круге. В кухонные горшки вложено по одному небольшому горшочку. Остатки третьей тризны этой группы найдены непосредственно над дромосом катакомбы № 17 и относятся, безусловно, к погребению, находящемуся внутри катакомбы. Здесь обнаружены два лощеных сосуда — кувшин и горшок (рис. 13), а также кости быка (голова, ноги и часть вырубленной спины).

В остатках тризн первой и третьей групп встречаются сосуды трех основных типов:

[9] Интересно, что число семь (количество принесенных в жертву коз) у многих восточных народов, в частности у персов, считается числом священным.

Сосуды	№№ тризн								
	I	II	III	IV	V	VI	VII	X	XIV
Лощеные	2	—	1	1	1	1	1	1	2
Кухонные кружальные	1	1	—	2	1	2	—	2	—
Кухонные лепные . . .	2	—	—	—	1	—	1	2	—

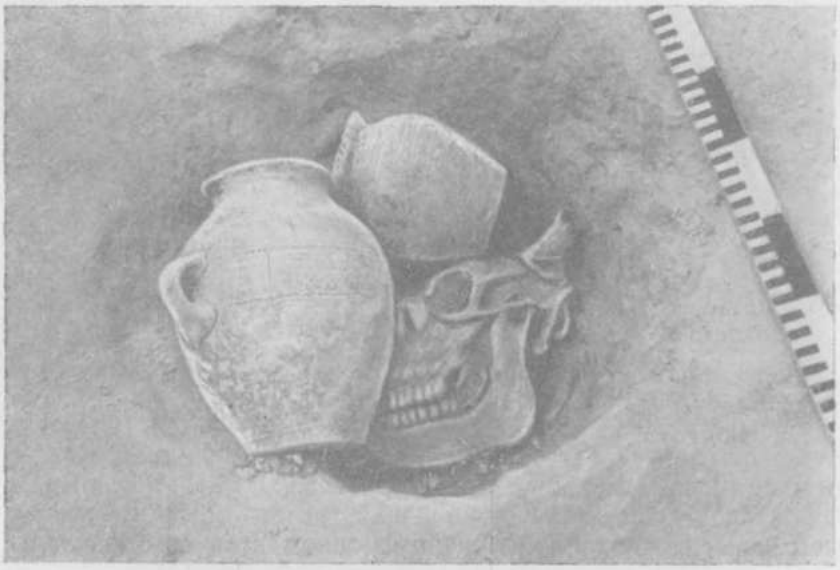


Рис. 11. Остатки тризны V.

Рис. 12. Остатки тризны VI.

Лощеная парадная посуда изготовлена из плотного теста серого или желтого обжига. Она представлена небольшими приземистыми кружками с двойной ручкой, шаровидным кувшином с низким горлом, яйце-

видным двуручным кувшином, яйцевидными двуручными горшками, горшком с прямым венчиком и др.

Рис. 13. Сосуды из тризны XIV (над дромосом катакомбы 17).

Кухонная посуда изготовлена на ручном гончарном круге из теста с примесью дресвы, изредка — шамота. Черепок в изломе серый, поверхность желтая. В подавляющем большинстве это обычные печные яйцевидные горшки со сплошным линейным орнаментом по стенкам и насечками или зубчатым штампом на венчике (рис. 14, 15).

Рис. 14. Кухонная керамика из тризны II.

Рис. 15. Кухонная керамика из тризны IV.

Лепная кухонная посуда изготовлена из того же теста, что и кружальные горшки. По форме лепные горшки мало отличаются от кружальных. Стенки у них очень часто украшены тем же характерным линейным орнаментом.

Весь керамический комплекс, несомненно, принадлежит к северному варианту салтово-маяцкой культуры, который советские археологи считают, как и аналогичные ему памятники Сев. Кавказа, аланским.[10]

Остатки тризн в честь умерших родичей сохранились и дошли до нас только благодаря обычаю зарывать или хотя бы присыпать землей остатки ритуальных трапез и сосуды с поминальной пищей. Вполне возможно, что с обрядом погребения костей жертвенных животных связывались представления об их магической силе. О вере в оберегающую

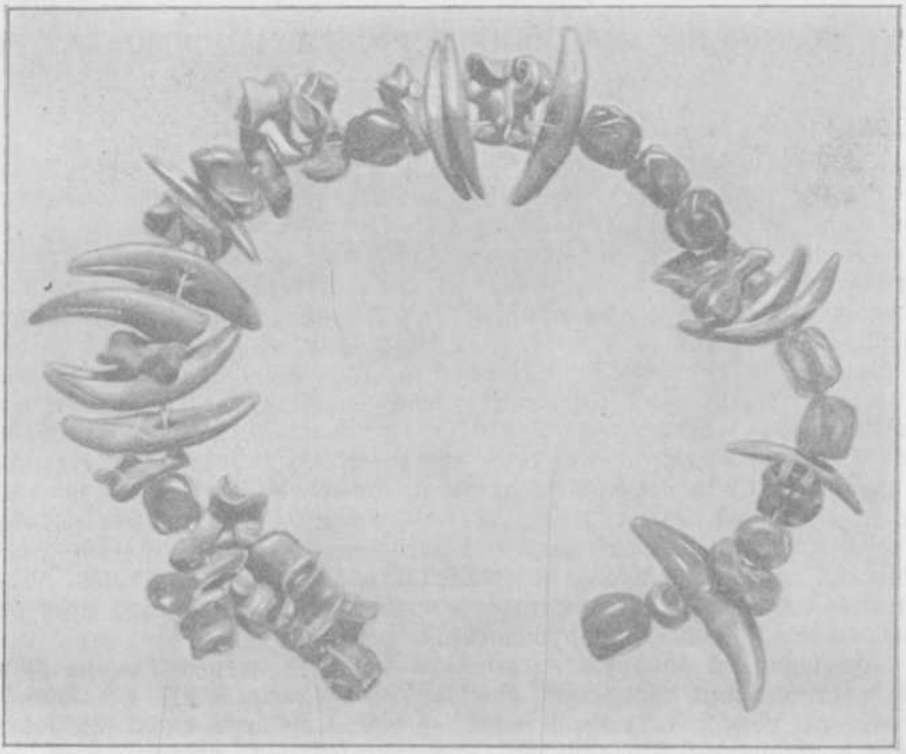


Рис. 16. Низка стеклянных бус, клыков и пястных косточек собаки и лисицы из катакомбы 10.

силу костей некоторых животных свидетельствуют и амулеты, обнаруженные нами на поясах у женщин, захороненных в катакомбах №№ 8, 10, 11. Амулеты имеют вид ожерелий, в которых обычные бусы из прозрачного и непрозрачного стекла чередуются с просверленными клыками, когтями и пястными косточками собаки и лисицы (рис. 16). В дромосе катакомбы № 20 было обнаружено ритуальное погребение костей собаки — отрубленная голова, ориентированная мордой ко входу в катакомбу, и лапы, уложенные в аналогичном порядке. На шее собаки висел медный колокольчик. Вероятно, собака, так же как бык и коза, играла роль жертвенного животного.

Подбор жертвенных животных и вера в их магическую силу берут свое начало в глубокой древности от представлений первобытного человека о животных-тотемах — родоначальниках и покровителях отдельных родов.

[10] Н. Я. Мерперт. О генезисе салтовской культуры. КСИИМК, вып. 36, 1951, стр. 27; Н. Я. Мерперт. К вопросу о древнейших болгарских племенах. Казань, 1957, стр. 30—36; И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. МИА, № 62, 1958, стр. 141—142; С. А. Плетнева. Средневековые поселения верховьев Северного Донца. КСИИМК, вып. 79, 1960.

МОГИЛЬНИК КОЧЕВНИКОВ У СЕЛА МАКСИМОВКА НА ДНЕПРЕ[1]

Л. С. Кухарева

Летом 1947 г. Днепровской левобережной экспедицией был обследован левый берег р. Днепра на участке от устья р. Орели до Переяслава-Хмельницкого. В ряде районов разведка носила сплошной характер. Одним из таких районов был участок от г. Кременчуга до г. Градижска, где левый обрывистый берег на значительном протяжении высоко поднимается над долиной Днепра, достигая в районе с. Максимовки высоты 50—60 м. Вся эта береговая полоса сильно изрезана оврагами, образующими ряд мысов. В сторону плато берег постепенно понижается. Наиболее высокая часть берега песчаная. Открытая со всех сторон, она сильно разрушается под действием ветров и дождей. На одном из мысов, в самой высокой его части, близ Максимовки, на местах выдувов экспедицией были обнаружены выходы культурных остатков. В некоторых местах они выступали гнездами. Это были обломки металлических вещей (железных и бронзовых), обломки глиняной посуды и целые сосуды, кости животных, а также человека. В ряде мест были прослежены не совсем разрушенные погребения.

Экспедицией обнаружено до двух десятков погребений, разрушенных частично или полностью. Большая часть погребений, по-видимому, смыта под откос. Остатки четырех не совсем разрушенных погребений были исследованы. Материалы, полученные при исследовании этих погребений, не представляют чего-либо нового, но они интересны и в совокупности с другими явятся дополнительным источником при изучении далекого прошлого Юга нашей страны.

Погребение I расположено в северо-восточной части мыса. До расчистки на поверхности выступали череп (лицевые кости разрушены полностью) и нижние конечности погребенного (кости голени разрушены, ступни отсутствуют). Остальная часть скелета находилась на глубине 5—7 см. Погребение ориентировано головой на север. Покойник лежал на спине в вытянутом положении, левая рука — вдоль туловища, правая — согнута в локте, кисть руки — на полости таза. Сохранность костей очень плохая, отсутствуют почти все кости грудной клетки. Длина сохранившейся части косяка 150 см. В погребении инвентаря нет.

Погребение II расположено в 15 м к западу от погребения I. Значительная часть костяка находилась в земле; на поверхность выступали: верхняя часть черепа (лобная кость и кости носа), кости таза, фаланги пальцев правой руки, кости голени, кости правой стопы. Основ-

---

[1] Доклад, сделанный автором на заседании кафедры археологии исторического факультета ЛГУ 6 марта 1953 г.

ная часть костяка находилась на глубине 7—10 см. Погребенный лежал на спине, головой на север, в вытянутом положении. Руки вытянуты вдоль туловища, правая слегка согнута. По антропологическим данным, покойник — мужчина 40—45 лет, монголоидного типа (рис. 1). Длина костяка 175 см. Вокруг погребения и над ним, особенно у ног погребенного, много обломков ржавого железа — остатки удил, стремян и т. д. (рис. 2, *1, 2*). Около головы — конический колпачок из тонкого листа бронзы (рис. 2, *3*).

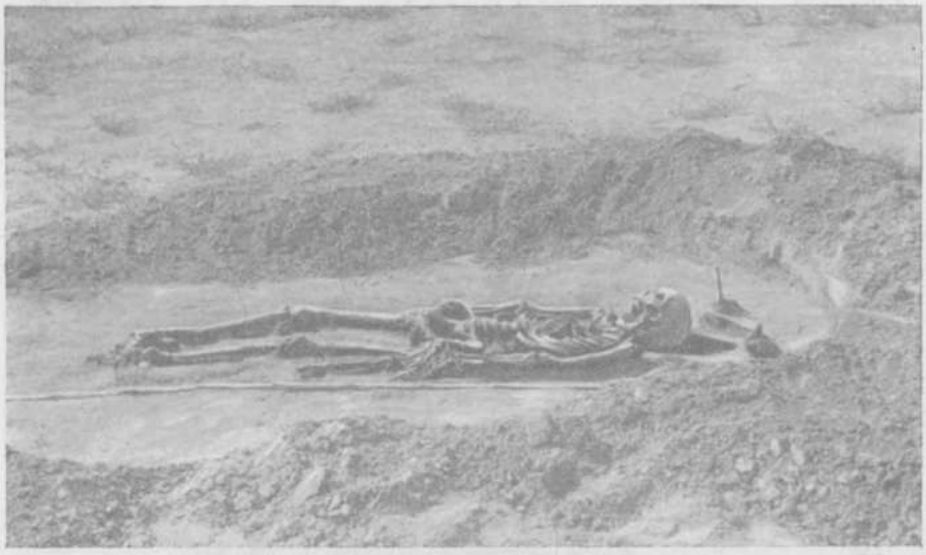


Рис. 1. Погребение II.

Около покойника найден следующий инвентарь: с левой стороны черепа — полусферическая чашечка, выбитая из тонкого листа бронзы с железной дужкой, четырехгранной в сечении. В двух местах края чашечки частично разрезаны и концы их заложены друг за друга. С внешней стороны чашечки заметны тонкие насечки (следы ковки), особенно частые в местах присоединения дужки. Диаметр чашечки — 11 см, высота — 3,7 см. Длина сохранившейся части дужки — 4,8 см, толщина — 0,6 (рис. 2, *4*). В чашечке находилось 8 прямоугольных пластинок с дырочками по углам, вырезанных из такого же листа бронзы (0,08 см толщины), причем 6 пластинок размером 1,5 × 4 см с четырьмя дырочками по углам и две пластинки размером 1,5 × 2 см с двумя дырочками (рис. 2, *5*). У черепа костяка найден рог животного (по-видимому, косули) и овальной формы кресало размером 2 × 8,5 см со спекшимися с ним тремя кремешками (рис. 2, *6*). По правую сторону рога — три косточки животного, из них одна трубчатая. У левого плеча небольшая кость, по-видимому лопатка барана и окисший железный предмет. С левой стороны костяка, ниже кисти руки — пучок стрел. Их железные наконечники настолько подверглись окислению, что превратились в бесформенную массу. По-видимому, наконечники были плоские, крупного размера. От древков сохранились лишь отдельные небольшие куски длиной 3—5 см, судя по которым можно заключить, что длина стрел была около 30 см (рис. 2, *7*).

Погребение III расположено в 4—5 м к юго-западу от погребения II. Перед расчисткой на поверхности были найдены кости черепа

(затылочная кость и челюсть), а также большое количество обломков окисшего железа, в том числе обломки стремени (рис. 3, *1*). Костяк находился на глубине 4—5 см. Череп и фаланги пальцев правой руки

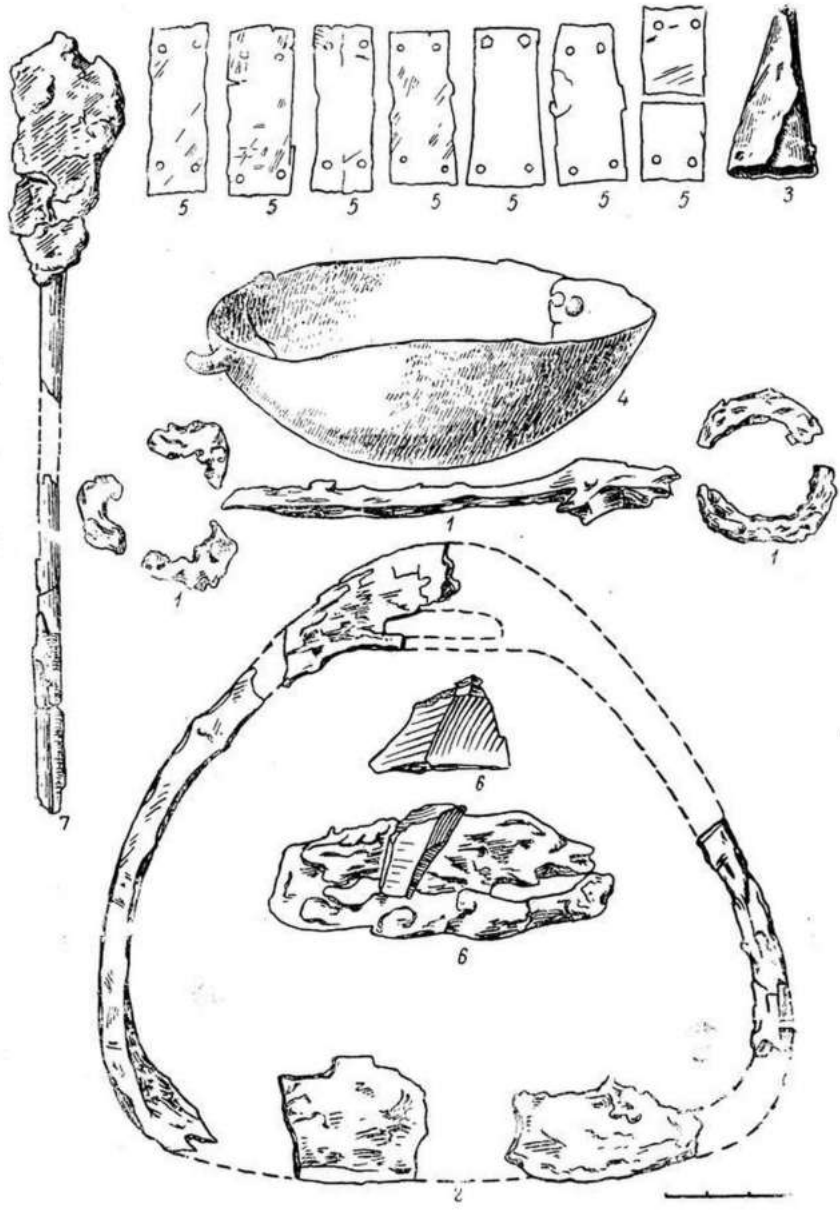


Рис. 2. Инвентарь погребения II.

1 — обломки удил; *2* — обломки стремени; *3* — конический колпачок; *4* — чашечка; *5* — медные пластинки; *6* — кресало и кремешки; *7* — наконечник стрелы.

отсутствовали. Сохранность остальных частей скелета хорошая. Вокруг костяка, а также под ним — следы дерева, видимо остатки гроба.

Погребение ориентировано по линии восток — запад. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на запад, руки вдоль туловища. Длина костяка без черепа — 143 см (рис. 4).

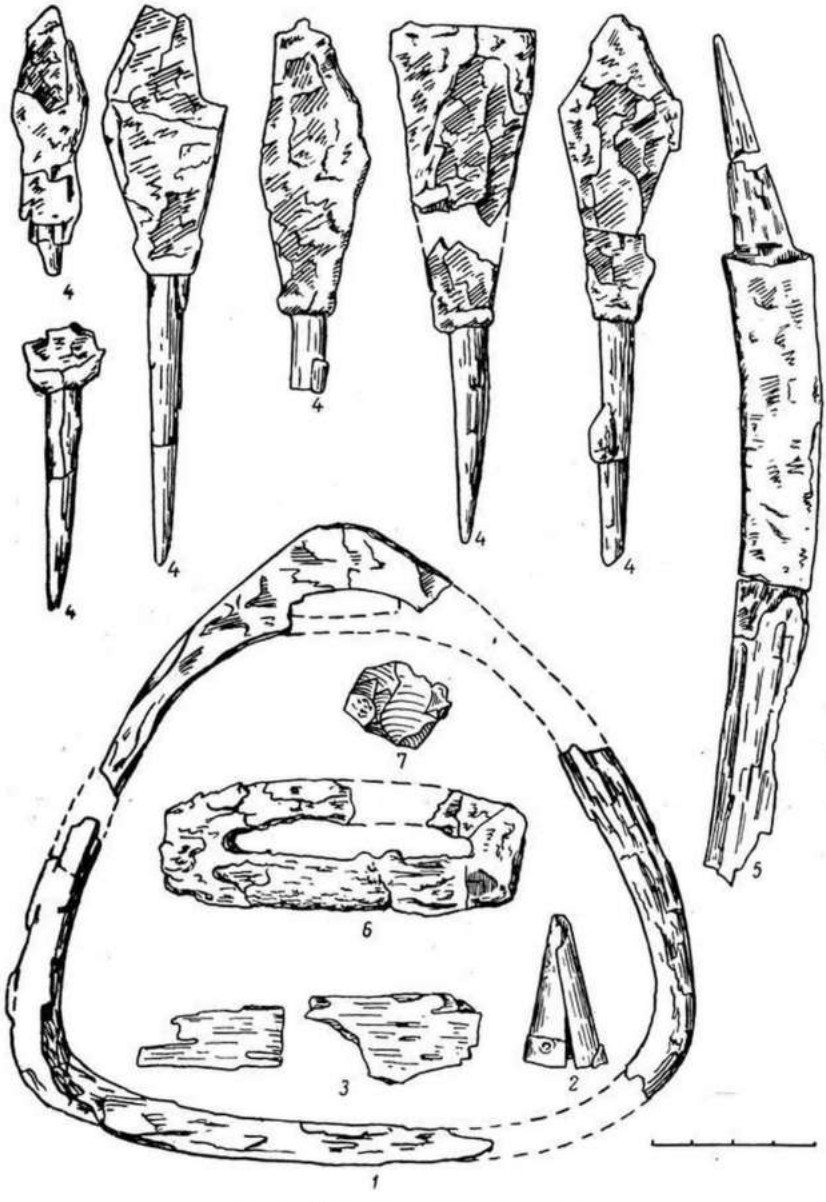


Рис. 3. Инвентарь погребения III.

1 — обломки стремени; *2* — конический колпачок; *3* — кусочки бересты; *4* — стрелы; *5* — нож; *6* — кресало; *7* — кремень.

Инвентарь погребения: над левым плечом покойника — конический колпачок, такой же как и в погребении II, свернутый из тонкого листа бронзы с двумя диаметрально расположенными дырочками у основания.

Высота конуса — 3,5 см, диаметр основания — 2 см (рис. 3, *2*). На расстоянии 15 см к северу от локтевого сустава левой руки — кусочки бересты, видимо остатки колчана (рис. 3, *3*), и шесть железных, сильно окислившихся наконечников стрел (рис. 3, *4*); из них более или менее хорошо сохранились четыре. Все наконечники черешковые, плоские, с небольшим валиком у основания. Один из них трапециевидной формы; бóльшее основание трапеции является острием наконечника. Три наконечника ромбовидной формы. На черешках — следы дерева (остатки древков). У кисти левой руки был найден железный нож с черенком; лезвие ножа слегка выгнуто. На конце лезвия и на черешке — следы дерева (остатки ножен и рукоять; рис. 3, *5*). У кисти правой руки железное, сильно окислившееся и сломанное кресало удлиненно-овальной формы со следами ткани (рис. 3, *6*) и спекшийся с ним кремень (рис. 3, *7*).

Рис. 4. Погребение III.

Погребение IV расположено в 10—12 м к востоку от погребения III. На поверхности земли обнаружено большое количество кусков перегнившего дерева и древесной трухи. Длина следа древесины около 2 м. Ориентировка погребенного — северо-запад — юго-восток. При расчистке площади к северо-востоку от остатков древесины найден лепной горшок, разбитый в верхней части; в северо-западной части поверх древесины — перегнившие кости животных (череп и трубчатые кости). Здесь же — небольшой обломок зеркала из белого сплава. Из-за небольших размеров сохранившейся части зеркала орнамент восстановить трудно; ясно только, что он состоит из двух или трех концентрически расположенных рельефных кругов, один из которых идет по краю зеркала, другой — отступя от края на 0,5 см; в центре намечается еще один круг. Остальная площадь зеркала заполнена небольшими рельефными овами (рис. 5). Перегнившее дерево, видимо, является частью гроба, а само погребение разрушено и смыто.

Среди разрозненных находок, собранных на поверхности мыса, найдены обломки неопределенных железных предметов, являющихся, по-видимому, частью конского снаряжения, трубочка из бронзовой пластины около 1 мм толщиной, бронзовая пластинка длиной около 4 см,

шириной 0,3 см и т. п. При детальном обследовании площадки было собрано значительное количество обломков глиняной лепной посуды, а также три целых сосуда, из которых удалось сохранить лишь два, третий рассыпался. Керамические остатки относятся к самым различным эпохам — от эпохи бронзы до средневековья. Целые сосуды принадлежат к скифскому времени, два из них имеют горшкообразную форму. Ниже края венчика расположены сквозные отверстия. По общему облику сосуды близки горшкам так называемого позднезольничного типа, но поверхность их более гладкая. Возможно, однако, что заглаженность поверхности — результат действия песка на выдувах. Третий сосуд представляет собой небольшую чашечку с носиком. Сосуд подобной же формы был найден при раскопках кургана скифского времени у с. Малые Будки.[2]

Большое количество культурных остатков, преимущественно обломков разновременной керамики тех же типов, а также отдельные человеческие кости были найдены на соседнем мысу, расположенном ниже по течению реки (непосредственно у села), но ясно выраженных следов захоронений здесь обнаружить не удалось.

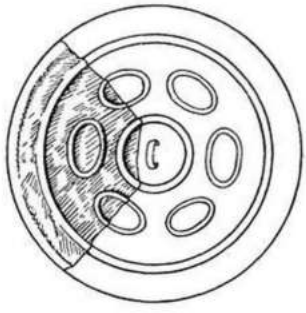


Рис. 5. Погребение IV. Обломок зеркала.

По-видимому, господствующее положение береговых всхолмлений над окружающей территорией сравнительно рано стало привлекать к себе внимание человека. Начиная с эпохи бронзы вплоть до наших дней люди время от времени селились в этих местах. Разнообразные культурные остатки, найденные на обследованных мысах, являются свидетельством этого. В отношении захоронений нет никакого сомнения, что мы имеем дело с разрушающимся могильником и, судя по инвентарю, довольно поздним. К сожалению, исследованные погребения не содержат в себе достаточно данных для того, чтобы воссоздать весь облик могильника. В частности, мы совершенно не располагаем материалами для суждения о характере могильных сооружений. Исследованные костяки лежали по существу непосредственно на дневной поверхности, лишь частично перекрытые незначительным песчанистым слоем (5—10 см). Возможно, что погребения были подкурганными, подтверждением чего являются невысокие холмики, разбросанные на мысу вперемежку с разрушенными погребениями, но это все же только предположение.

Однако как ни малочисленны собранные материалы, некоторые данные позволяют судить о месте, которое они занимают среди древних памятников Юга нашей страны. Аналогии отдельным вещам из погребений, а также целым комплексам мы находим на широкой территории лесостепной и степной части нашей страны — от Урала до Среднего Поднепровья. Так, в Моздокском могильнике, раскопанном в 1936 г. Б. Б. Пиотровским, в одном из курганов (№ 1) открыт костяк, инвентарь при котором полностью совпадает с инвентарем исследуемого нами погребения II. Здесь была найдена чашечка, изготовленная из выгнутого бронзового листа, и плоские железные наконечники стрел. В той же

[2] Е. В. Махно. Кургани скіфського часу біля с. Мал. Будки. Археологія, т. VIII. Київ, 1953, стр. 123—127, рис. 2, *1*.

могиле над костяком обнаружены железные стремена и удила (хранятся в коллекции Эрмитажа). Следует отметить, что и ориентировка (север—юг) сравниваемых нами погребений полностью совпадает.[3] Комплекс вещей — медная чашечка, железные наконечники стрел, кресала с кремешками и медная трубочка в виде копья (конус?), очень схожие с комплексом того же погребения II, — был найден Д. И. Эварницким в кургане № 3 у с. Благодатного (на р. Конке Александровского уезда б. Екатеринославской губ.). Отдельные аналогичные вещи имеются и в кургане № 2 у с. Благодатного.[4]

В ряде захоронений из других могильников, раскопанных тем же Эварницким в б. Екатеринославской губернии, по берегам рек Орели, Самары и Конских вод, встречается такой же инвентарь, как и в могильнике у с. Максимовки. Таковы отдельные вещи из погребений у с. Григорьевки б. Александровского уезда (курганы № 1—6),[5] а также у д. Татарбранки, б. Новомосковского уезда (курганы № 4 и 5)[6] и некоторых других погребений. Все они связаны с курганными могильниками, известными среди местного населения под названием рясных (т. е. частых). Курганные насыпи невысокие, не более 2 м, и располагаются группами. Глубина могильных ям от 0,25 до 1 м. Стенки ямы либо обкладывались деревянным срубом, либо покойников укладывали в дубовые колоды. Костяки лежали на спине, головой преимущественно на северо-запад.

В инвентаре женских погребений — бусы, серьги, кольца, бронзовые зеркала, пряжки, в мужских — кинжалы, ножи, железные стрелы, дротики, каменные пращи, огнива, кремни для высекания огня, узкие железные лопатки, медные наконечники, медные конусообразные пустые внутри трубочки, берестяные или костяные колчаны, медные рыболовные крючки, железные пряжки и упряжные кольца, серебряные монеты, стремена.[7]

Много вещей, аналогичных вещам из разрушенных погребений у с. Максимовки, обнаружено раскопками Н. Е. Бранденбурга в пределах б. Киевской, Полтавской, Харьковской и некоторых других южных губерний нашей страны. Как и вещи, добытые Эварницким, все они связаны с захоронениями под небольшими курганными насыпями в неглубоких (до 1 м) могильных ямах и, как правило, сопровождаются захоронениями конских костей (курганные могильники у с. Кагарлыкская слобода б. Киевского уезда, погребения № 334, 335, 336 и у с. Зеленки б. Каневского уезда, погребения № 364 и 366).[8]

Приведенный в качестве аналогии инвентарь из погребений датируется широкими хронологическими рамками XII—XIV вв. и связывается исследователями с кочевыми племенами Юга нашей страны — печенегами, торками, половцами и татарами. Принадлежность погребений кочевникам подтверждается и данными антропологии. По определению В. П. Якимова, череп из погребения II у с. Максимовки принадлежал мужчине 40—45-летнего возраста монголоидного типа, близкого современным казахам, киргизам и некоторым другим азиатским народам. По заключению В. П. Якимова, такими антропологическими признаками характеризовались тюрки-кочевники, обитавшие в эпоху средневе-

---

[3] Археологические исследования в РСФСР, 1934—1936. М.—Л., 1941, стр. 242—248.
[4] Труды XIII АС, т. I. М., 1907, стр. 153.
[5] Там же, стр. 146—147.
[6] Труды XIII АС, т. 1. М., 1907, стр. 128—129.
[7] Там же, стр. 115.
[8] Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга 1888—1902 г., СПб., 1908, стр. 15—16, 37—38.

ковья в степях Нижнего Поволжья и Южной Украины (половцы, торки).

Археологи не раз пытались расчленить широкий круг древностей, принадлежавших кочевникам, в хронологическом и этническом отношениях. В дореволюционное время этим вопросом занимались Н. Е. Бранденбург,[9] В. А. Городцев,[10] А. А. Спицын.[11] Ряд работ посвятили ему и советские исследователи.[12] Однако единого мнения по этому вопросу еще нет.

В последнее время сделана попытка составления полной сводки известных позднекочевнических памятников и расчленения их в хронологическом и этническом отношениях (диссертации Л. П. Зяблина и С. А. Плетневой). К сожалению, результаты этих изысканий опубликованы пока не полностью. В своих изысканиях исследователи идут разными путями. Исходным пунктом классификации Л. П. Зяблина явились так называемые черноклобуцкие курганы б. Киевской губ., в составе которых он установил две группы погребений — печенежскую и торкскую. Погребения в обыкновенных ямах, ориентированные преимущественно головой на запад, сопровождаемые, как правило, захоронением частей коня в строгом порядке (голова лошади на запад, около головы — пара передних ног, восточнее — пара задних ног) и удилами без перегиба, автор связывает с печенегами. Торкские погребения отличаются лишь частностями — например, наличием удил с перегибом и с большими, свободно вращающимися кольцами и особым характером серег в виде широких и толстых колец с припаянными к ним большими коническими бусами. Погребения с признаками, не характерными для «черноклобуцких» курганов, составили в классификации Л. П. Зяблина третью группу — половецкую. Они отличаются от двух первых групп прежде всего сложной конструкцией погребальных сооружений (деревянные перекрытия разных форм над могильной ямой, каменные и кирпичные выкладки в курганных насыпях и т. д.) и более или менее выдержанным комплексом погребального инвентаря, состоящего из удил, наконечников стрел, колчана, серег, зеркал и т. д. Что касается ориентировки, то она довольно разнообразна: около половины всех известных погребений этой группы ориентированы головой на запад, приблизительно четвертую часть составляют погребения с восточной ориентировкой и около четверти — с южной, северной и неопределенной ориентировкой.[13]

С. А. Плетнева кладет в основу своей классификации два основных признака: 1) ориентировку костяка и 2) захоронение вместе с покойником костей коня или же целого конского остова.[14] Таким образом, и в этих изысканиях мы не находим определения твердых признаков,

---

[9] Н. Е. Бранденбург. Какому племени могут быть приписаны те из языческих могил Киевской губернии, в которых вместе с покойниками погребены остовы убитых лошадей. Труды X АС, т. I. М., 1899, стр. 1—13.

[10] В. А. Городцов. Результаты исследований в Изюмском уезде Харьковской губ. Труды XII АС, т. I. М., 1905, стр. 211—215.

[11] А. А. Спицын. Курганы киевских торков и берендеев. ЗРАО, т. X, вып. 1, СПб., 1899, стр. 156—160.

[12] Н. Д. Мец. К вопросу о торках. КСИИМК, вып. XXIII. М.—Л., 1948, стр. 45—49.

[13] Л. П. Зяблин. Археологические памятники кочевников X—XIV вв. Восточной Европы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1952, стр. 7—13.

[14] С. А. Плетнева. Кочевники южнорусских степей IX—XIII вв. Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1952; С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА, № 62, М.—Л., 1958, стр. 151—226.

исходя из которых можно было бы классифицировать археологические памятники, известные под общим наименованием позднекочевнических.

Учитывая все изложенное, мы полагаем, что погребения, обнаруженные у с. Максимовки, могут явиться полезным материалом при изучении кочевнических древностей. Могильник у с. Максимовки интересен, во-первых, как дополнительный материал к ранее исследованным погребениям, а во-вторых, как пока что единственный памятник кочевников, открытый на данной территории левого берега Днепра (раскопки Д. И. Эварницкого относятся к более южной территории — бассейну р. Орели).

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНОМ ЕДИНСТВЕ СЛАВЯН

И. И. Ляпушкин

Тема «Культурное единство славян в ранний период их истории» в советской историко-археологической литературе оказалась незаслуженно обойденной. К этому были свои причины. С одной стороны, значительная часть исследователей до недавнего прошлого (вплоть до дискуссии по языкознанию 1950 г.) придерживалась во взглядах на древнейшую историю славян той точки зрения, что культурное единство славян — явление довольно позднее, возникшее в результате сближения племен, разнородных по культуре, и что археологически это единство едва ли может быть прослежено ранее X в.,[1] а с другой стороны, главное внимание уделялось изучению локальных особенностей славянской культуры с целью найти в них свидетельства былого племенного деления, зафиксированного в письменных источниках (работы А. В. Арциховского о вятичах, Б. А. Рыбакова — о радимичах, полянах, северянах и т. д.). Нет никакого сомнения, что при изучении ранней истории славян вопрос о территориальном размещении и особенностях жизни и быта отдельных племен должен находиться в поле зрения исследователей. Но, по нашему мнению, неменьшего внимания заслуживает изучение того, что является общим для всего славянства той или иной поры, ибо без уяснения этого момента трудно отчетливо разобраться в племенных особенностях.

Настоящая тема, как она нам представляется, сложна и обширна, и разработка ее необходима для раскрытия многого и, пожалуй, основного в ранней истории славян. В данной работе мы лишь напомнили о существовании этой темы, о ее значении для изучения истории славян и указываем на источники, подтверждающие ее бытие.

Изучение археологических материалов, относящихся к I тысячелетию н. э., обнаруженных в разное время, особенно в последний период на территории нашей страны, а также в соседних странах — Румынии, Чехословакии и др., показывает, что в этих странах славянские древности (поселения и могильники) этой поры не только близки, но в некоторых случаях просто ничем не отличаются друг от друга. О каких же памятниках идет речь?

На территории СССР памятники, которые мы имеем в виду, обнаружены на огромной территории лесостепной полосы и в пограничье лесостепи и леса — от Дона до Днестра. Мы знаем здесь и остатки поселений (городища и селища), и могильники (курганные и бескурганные). В области между Доном и Днепром они известны преимущественно под названием роменско-боршевских; на Правобережье Днепра

[1] А. В. Арциховский. Культурное единство славян в средние века. СЭ, 1946, № 1, стр. 84 и сл.; П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена, МИА, № 6, 1941, стр. 31—34.

(вплоть до Днестра) это памятники типа Луки-Райковецкой, Григоровки, Хотомли и им подобных. Между Днепром и Доном (особенно в пограничье со степью) преобладают остатки укрепленных поселений (городища) с прилегающими к ним неукрепленными поселками (селищами), в области Правобережья — многочисленные остатки неукрепленных поселений. Но в обоих районах общий облик поселений однотипен. Это небольшие поселки, состоящие из отдельных жилищ полуземляночного типа с печами-каменками или с печами, сделанными из глины. Средние размеры жилищ 3—3,5 × 3—4 *м*. К жилищам примыкают хозяйственные постройки — погреба, хлевы, клети и т. п. Керамика (бытовая посуда) преимущественно лепная. Могильники размещены около поселков; преобладают курганные. В отдельных случаях курганные насыпи не прослеживаются, но это не является основанием для утверждения, что их не было. Курганы могли быть разрушены (распаханы) в последующее время. Господствующий обряд погребения — трупосожжение (в урнах и без урн). Под курганными насыпями иногда встречаются остатки деревянных сооружений кольцевой или прямоугольной в плане формы.

Большое число памятников этого типа было исследовано еще в дореволюционное время Д. Я. Самоквасовым в области днепровского Левобережья; раскопки велись на ряде поселений и прилегающих к ним курганных могильниках.[2] Целая серия памятников в районе г. Ромны была изучена Н. Е. Макаренко.[3] После революции памятники этой группы исследовались как к востоку, так и к западу от Днепра — на Дону,[4] в верховьях Оки,[5] на Псле,[6] на Ворскле,[7] на Сейме и Десне,[8] в бассейне Днестра[9] и Припяти[10].

[2] Д. Я. Самоквасов. Северянские курганы и их значение для истории. Труды III АС, т. I, Киев, 1878, стр. 185—224; Д. Я. Самоквасов. Историческое значение городищ. Труды III АС, т. I, Киев, 1878, стр. 225—235; Д. Я. Самоквасов. Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М., 1908; Д. Я. Самоквасов. Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева Обоянского уезда Курской губ. М., 1915; Атлас гочевских древностей. М., 1915.

[3] Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г. ИАК, вып. 22, СПб., 1907, стр. 38—90; М. Макаренко. Городище «Монастирище». Науков. збірн. Істор. секції УАН, т. XIX, Київ, 1924, стр. 3—23 (отд. оттиск).

[4] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону, МИА, № 8, 1948.

[5] Т. Н. Никольская. Археологические исследования в Орловской области. КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 91—104; Т. Н. Никольская. Древнерусское селище Лебедка. СА, 1957, № 3, стр. 176—197.

[6] Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. ВДИ, 1939, № 1(6), стр. 319—337; И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. МИА, № 74, 1958.

[7] П. Н. Третьяков. Стародавні слов'янські городища у верхній течії Ворскла. Археология, т. I. Київ, 1947, стр. 123—140; І. І. Ляпушкін. Старослов'яньске поселення VIII—XIII ст. на території м. Полтави. Археологічні пам'ятки УРСР, т. I. Київ, 1949, стр. 58—75.

[8] Д. Т. Березовець. Дослідження на території Путивльського району Сумської області. Археологічні пам'ятки УРСР, т. III, Київ, 1952, стр. 242—250; Д. Т. Березовець. До питання про літописних сіверян. Археологія, т. VIII. Київ, 1953, стр. 28—44; В. А. Падин. Поселения домонгольского времени в районе Трубчевска. КСИИМК, вып. XXIII, 1948, стр. 86—92; М. В. Воеводский. Городища верхней Десны. КСИИМК, вып. XXIV, 1949, стр. 67—77; Б. А. Рыбаков. Раскопки во Вщиже в 1948—1949 гг. КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951, стр. 34—41; И. И. Ляпушкин. Славянские памятники второй половины I тысячелетия н. э. верхнего течения р. Десны. КСИИМК, вып. 74, 1959, стр. 81—86.

[9] И. И. Ляпушкин. Место роменско-боршевских памятников среди славянских древностей. Вестник ЛГУ, 1956, № 20, стр. 45—60; Г. И. Смирнова. Сведения о работах Западноукраинской экспедиции в 1954 г. Сообщения Государственного Эрмитажа, вып. VIII. Л., 1955, стр. 47 и 48.

[10] Ю. В. Кухаренко. Раскопки на городище и селище Хотомель. КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 90—97.

Время бытования описанных памятников в целом довольно продолжительное; оно охватывает почти всю вторую половину I тысячелетия н. э. Однако не все памятники и не во всех районах сосуществовали. К востоку от Днепра памятники эти датируются не ранее VIII в. В области Правобережья, особенно в Поднестровье, есть основание нижнюю хронологическую границу отодвинуть к VI в.[11]

Памятники этого типа (поселения и могильники) встречаются и на западе, за Днестром и Зап. Бугом — на территориях Польши, Чехословакии, Румынии, смыкаясь непосредственно с памятниками территории СССР. Правда, там, как и у нас, древности I тысячелетия н. э., особенно поселения, все еще мало привлекают к себе внимание исследователей, а то, что изучено, в силу разных причин не всегда публикуется и поэтому остается мало доступным.

Наиболее отчетливое представление мы имеем о памятниках на территории Чехословакии и Румынии. В Чехословакии эта группа памятников тянется от границы СССР до Южной Моравии. Здесь известны такие же поселения и прилегающие к ним курганные и бескурганные могильники, как и на территории СССР. Хотя подробных публикаций материалов, относящихся к этим памятникам, пока нет, тем не менее общий облик их выступает достаточно отчетливо. В работах Я. Айснера, И. Поулика, Я. Кундрача и др. содержится много данных, позволяющих заключить, что памятники эти очень близки к славянским памятникам второй половины I тысячелетия н. э., находящимся на территории СССР. Жилища, как правило, полуземляночные, углубленные в землю до 1 м. В одном из углов жилища — или глиняная печь, или каменка. В полу по углам или в средней части стен — столбовые ямки. Около жилищ, а иногда и в жилищах — хозяйственные ямы (погреба). О характере бытового и хозяйственного инвентаря судить труднее, однако то немногое, что нам известно, например керамика, ничем не отличается от наших памятников. Это — лепные сосуды (горшки) так называемого пражского типа, сковородки, большие сковороды или противни.

Погребальные памятники, сопровождающие эти поселения, представлены курганными и бескурганными (?) могильниками. Захоронения совершались по обряду трупосожжения. Сжигание производилось как на месте, так и за пределами могильного сооружения. Сожженные кости клались или в ямку, или в глиняную урну. В некоторых могилах находится по нескольку урн, причем в ряде случаев урны помещены в деревянные сооружения. Керамика, находящаяся в могильниках, как правило, лепная, того же (пражского) типа, что и на поселениях.

Из числа обследованных и частично раскопанных древних памятников Чехословакии с материалами, аналогичными советским археологическим находкам, следует отметить: поселение и могильник в Пржитлуки (окр. Густопече) на р. Дыи,[12] могильник у Ланжгот (окр. Бржец-

[11] Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. ВДИ, 1939, № 1(6), стр. 319—337; И. И. Ляпушкин. О датировке городищ роменско-боршевской культуры. СА, т. IX, 1947, стр. 121—136; Б. А. Рыбаков. Проблема образования древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина. «Вопросы истории», 1952, № 9, стр. 55, примеч. 60; И. И. Ляпушкин. Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного Левобережья. СА, т. XVI, 1952, стр. 36—39; И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. МИА, № 74, 1958, стр. 180—188; И. И. Ляпушкин. Место роменско-боршевских памятников среди славянских древностей. Вестник ЛГУ, 1956, № 20, стр. 58—60; Ю. В. Кухаренко. Раскопки на городище и селище Хотомель. КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 94—97; И. П. Русанова. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории древлян. СА, 1958, № 3, стр. 33—46.

[12] J. Poulík. Staroslovanská Morava. Praha, 1948, стр. 15, 89—94; J. Poulík. Jižní Morava země dávných Slovanů. Brno, 1948—1950, стр. 32—42, 53—61, рис. 13 и 14, табл. 92; J. Poulík. Nové slovanské výzkumy na Moravě. Vznik a počátky Slovanů, т. I. Praha, 1956, стр. 239—258.

лав) на р. Дыи,[13] могильник у Велатиц (окр. Брно),[14] городище в Ключеве (окр. Чески Брод),[15] поселение в Нитре,[16] могильник в Вычапох-Опатовцах (окр. Нитра),[17] поселение в Сомоторе,[18] могильник в Кралевки Хльмец[19] и др.

Правда, и здесь не все памятники существовали в одно и то же время, но все они, несомненно, преемственно связаны между собой. Как и на территории СССР, чехословацкая группа памятников существовала сравнительно длительное время — от V—VI до X в.

Большая группа славянских памятников (поселений и могильников) I тысячелетия н. э. обнаружена на территории Румынии в восточной ее части (бассейн рр. Прута, Серета и нижнее течение Дуная). При раскопках поселений найдены прямоугольные в плане полуземляночные жилища с печами-каменками, тождественные жилищам-полуземлянкам, вскрытым на нашей территории. Керамическая посуда, найденная при исследовании поселений — лепные горшки и сковородки, — по форме и орнаменту, а также по характеру обработки поверхности ничем не отличается от керамического комплекса, выявленного на нашей территории. Близость румынских археологических памятников с нашими подчеркивают и румынские археологи, называя их по аналогии памятниками роменско-боршевского типа, или типа Луки-Райковецкой.[20]

На территории Румынии в тех же районах открыты и славянские могильники I тысячелетия н. э. Наиболее интересным из них является могильник у Сэрата-Монтеору, исследованный проф. И. Нестором. Могильник, по-видимому, бескурганный. Обряд погребения — трупосожжение; пережженные кости сложены или в ямки, или в урны. Бо́льшая часть урн изготовлена ручным способом, без гончарного круга. Форма сосудов — горшкообразная, близкая пражским. Могильники того же типа известны у Балта-Верде (область Крайова), у Сатул-Ноу (Констанцская область) и в ряде других мест. Обряд захоронения, как и в Сэрата-Монтеору, трупосожжение. Сосуды, найденные в могилах, преимущественно лепные, пражского типа.[21]

---

[13] J. Eisner. Popelnicové hroby z doby hradištné na Slovensku. Památky archeologické, тт. IV—V, вып. XL, 1934—1935, стр. 82—90; J. Poulík. Jižní Morava země dávných Slovanů, стр. 32—42, рис. 16 и 17; J. Poulík. Nové slovanské výzkumy na Moravě. Vznik a počátky Slovanů, т. I, стр. 239—258.

[14] J. Poulík. Staroslovanská Morava, стр. 15, 69—71, 89—94, рис. 3 и 4; табл. II и III; J. Poulík. Jižní Morava země dávných Slovanů, стр. 32—42, 53—61, рис. 91, 93, 94, 95; J. Poulík. Nové slovanské výzkumy na Moravě. Vznik a počátky Slovanů, т. I, стр. 239—258.

[15] J. Kudrnáč. Slovanská obydlí na hradišti v Klučové. Archeologickě rozhledy, т. VII, вып. 1. Praha, 1955, стр. 61—65, 73—75.

[16] J. Poulík. Nové Slovanské výzkumy na Moravě. Vznik a počátky Slovanů, т. I, стр. 243.

[17] V. Budinský-Krička. Slovanskě popelnicové pole z doby predhradištnej vo Výčapoch-Opatovciach, okr. Nitra. Historica Slovaca, т. V (Eisnerov sborník). Bratislava, 1947, стр. 135—152.

[18] J. Pastor. Staroslovanské zemnice v Somotore. Archeologické rozhledy, т. IX, вып. 6, 1957, стр. 827—842.

[19] V. Budinský-Krička. Staroslovancký mohylník v Královskom Chlmci na východnom Slovensku. Archeologické rozhledy, т. II, вып. 1—2, 1950, стр. 70—74; V. Budinský-Krička. Slovanskě mohyly na východnom Slovensku. Slovenská Archeológia, т. VI-1, Bratislava, 1958, стр. 138—205.

[20] M. Petrescu-Dîmboviţa. Santierul arheologic Hlincea-Iaşi. Studii şi cercetări de istorie veche, т. IV, № 1—2, 1954, стр. 233—255; M. Petrescu-Dîmboviţa. Rezultatele ultimelor cercetări ale arheologilor Sovietici cu privire la aşezările de tip Romen-borşevo şi importanţa lor pentru arheologia R. P. R. Studii şi cercetări de istorie veche, т. V, № 3—4, 1954, стр. 569—584; M. Petrescu-Dîmboviţa. Slovanské sídliská v Moldavskej oblasti Rumunska. Slovenská Archeológia, VI, 1. Bratislava, 1958, стр. 209—221.

[21] Ion. Nestor si Eugonia Zaharia. Săpăturile de la Sărata-Monteoru din

Румынские археологи относят указанные поселения и могильники к второй половине I тысячелетия н. э., причем могильник у Сэрата-Монтеору из них наиболее ранний. Отдельные погребения в нем могут быть отнесены к концу VI — началу VII вв.

Румынская группа славянских памятников, как и чехословацкая, территориально смыкается со славянскими памятниками на территории СССР, все они являются как бы частями единого целого.

Значительно хуже изучен этот период на территории Польши, но и здесь, судя по последним данным, в районах южной Польши от Зап. Буга до Одера, т. е. в полосе, примыкающей к границам СССР и Чехословакии, обнаруживаются остатки славянских поселений с жилищами полуземлянками, курганные и бескурганные могильники с захоронениями по обряду трупосожжения. Существенно отметить, что и здесь в основании некоторых курганных насыпей встречаются следы деревянных сооружений. Керамика этих памятников или лепная (пражского типа), или частично подправленная на гончарном круге. Польские археологи датируют эти памятники VII—X вв. Таким образом, и здесь общий облик древних памятников совпадает с обликом древностей на территории СССР, Чехословакии и Румынии.[22]

Наконец, буквально в последние годы в Болгарии, на правом берегу Дуная, были обнаружены развалины древнего поселения с жилыми и хозяйственными постройками полуземляночного типа, в которых находились остатки лепных глиняных горшков и сковородок. По всем данным это поселение следует датировать VII в.[23]

Как видно из изложенного, схожие между собой славянские археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. занимают огромную территорию — всю лесостепь и пограничье лесостепи и леса Восточной и Центральной Европы, а также северную часть Балканского полуострова. Сходство этих памятников определяется не по отдельным случайным вещам, а по археологическому комплексу в целом, на основе изучения не одиночных, а целых серий подобных памятников (поселений и могильников).

Следует также отметить, что наряду со сходством данные памятники имеют и различия, однако это различия частного порядка, обусловленные или природными данными, или принадлежностью отдельных памятников различному времени. Они ни в какой мере не нарушают единства археологической культуры в широком ее понимании.

Такая ярко выраженная картина общности славянской культуры второй половины I тысячелетия н. э. на широкой территории естественно не может быть обойдена исследователями, стремящимися к беспристрастному раскрытию прошлого славянских народов.

1955. Materiale si cercetări Arheologice, т. IV, 1957. Bucureşti, стр. 187—194; Ion Nestor. La nécropole slave d'epoque ancienne de Sărata Monteoru. Dacia, nouvelle série, I. 1957; Bucureşti, стр. 288—295; М. Кишваси-Комша. Некоторые исторические выводы в связи с несколькими археологическими памятниками VI—XII вв. н. э. на территории РНР. Dacia. Nouvelle série, т. I, 1957, стр. 309—327.

[22] Lechosław Rauhut. Osadnictwo wczesnośredniowieczne w Strzyżowie, pow. Hrubieszów. Wiadomości archeologiczne, т. XXIV, вып. 1—2, 1957, стр. 113—129; Jerzy Szydłowski. Sprawozdanie z badań na osadzie VI—VII w. w miejsc. Chorula, pow. Krapkowice. Wiadomości archeologiczne, т XXIV, вып. 1—2, 1957, стр. 53—70; Wl. Bernat. Wczesnośredniowieczne cmentarzysko ciałopalne w Międzyborowie pod Warszawa. Archeologické rozhledy, t. VII, вып. 3, 1955, стр. 348—350; M. Drewko. Sprawozdanie z badań przeprowadzonych w 1955 r. na wczesnośredniowiecznym cmentarzysku kurhanowym we wsi Lipsko, pow. Zamojski. Sprawozdania archeologiczne, III. Warszawa — Wrocław — Krakow, 1957, стр. 135—168.

[23] Ж. Н. Выжарова. О происхождении болгарских пахотных орудий. М., 1956, стр. 34—42.

По нашему мнению, наличие общности материальной культуры у населения, занимающего большие территории в различные исторические периоды, может быть обусловлено рядом причин: длительным существованием тесных экономических связей, вхождением населения данной территории в одну политическую организацию (государство), этническим единством и т. п. Подходя к рассмотрению данного конкретного случая, можно с достаточным основанием утверждать, что о тесной экономической связи и о политическом единстве всей очерченной нами территории во второй половине I тысячелетия н. э. говорить не приходится. Хорошо известно, что во второй половине I тысячелетия н. э. никакого политического объединения на территории от верховьев Дона до Одера и Моравы не существовало. Не могло быть в этот период и тесных экономических связей, которые смогли бы в такой степени сказаться на материальной культуре районов, отделенных один от другого не сотней, а тысячами километров. А если это так, то искать ответ на затронутый нами вопрос остается лишь в одном — в общности происхождения населения, оставившего эту культуру. Только общностью происхождения и длительной совместной жизнью на сравнительно небольшой территории можно объяснить сложение целого комплекса таких устойчивых черт в этой археологической культуре, как полуземляночный тип жилищ с печами-каменками или печами из глины, захоронение по обряду трупосожжения, определенный набор лепных сосудов (горшки, миски, сковородки) и т. д. Распространение этой культуры на более широкой территории, на которой мы обнаруживаем ее остатки во вторую половину I тысячелетия н. э., есть не что иное, как результат постепенного расселения народа, создавшего эту культуру, что с полной очевидностью подтверждается и разновременностью памятников, найденных в отдельных районах (в частности, отсутствием в районе Днепровского левобережья памятников более ранней поры, чем восьмое столетие).

Где находится территория совместной жизни славянских племен и когда началось их расселение — это вопросы весьма сложные. Они требуют самого кропотливого изучения всего уже добытого материала, а также накопления нового, причем и в первом и во втором случаях *главное внимание должно быть направлено на поиски древнейших достоверно славянских памятников и определения территории их распространения.* Следует при этом иметь в виду, что начало расселения славян по времени, по-видимому, не так уж далеко от исследуемого нами периода. Поразительное сходство материальной культуры на широкой территории, существовавшее вплоть до X в., не могло бы иметь места, если бы расселение началось в глубокой древности.

Это положение в какой-то мере подтверждается и языковыми данными. По мнению многих современных славистов, распад общеславянского языка следует относить к середине I тысячелетия н. э.[24]

Итак, приведенные нами материалы с полной очевидностью показывают, что, по археологическим данным, культурное единство славянского мира по времени прослеживается значительно глубже, чем это предполагалось. По сути дела эту общность мы находим уже в самых ранних известных нам достоверно славянских памятниках, а это позволяет заключить, что возникновение ее уходит далее в глубь веков. Мы не сомневаемся, что со временем, когда будут найдены достоверно

---

[24] Ф. П. Филин. Происхождение и развитие русского языка. Л., 1954, стр. 6—10; П. Я. Черных. Очерки русской исторической лексикологии. М., 1956, стр. 24 и сл.; Материалы к IV международному съезду славистов. «Вопросы языкознания», 1958, № 3, стр. 38—42.

славянские археологические памятники более ранней поры, это положение найдет себе подтверждение.

В заключение хотелось бы остановиться еще на одном вопросе. Как видно из изложенного, в настоящей работе мы затрагиваем лишь часть славянского мира, по нашей терминологии *южную,* связанную с лесостепной территорией и совершенно не касаемся *северной* части, лесной. Делается это прежде всего потому, что в северной, лесной, полосе мы пока не знаем отчетливо выраженных славянских археологических комплексов второй половины I тысячелетия н. э., что позволило бы нам с такой же уверенностью ставить затронутый вопрос в отношении северной группы, как мы это делаем в отношении южной. Однако следует заметить, что *памятники северной (лесной) группы восточных славян также имеют сходство с памятниками северной группы западных славян* (территории Польши и Чехословакии).

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что между южной и северной группами в целом (Вост. и Центр. Европа) имеются некоторые различия. Правда, эти различия определяются преимущественно физико-географическими условиями, но все же они есть и это придает археологическим памятникам северной полосы несколько отличный от южных внешний облик. Наиболее ярким отличием является тип жилища. Как было отмечено выше, в южной полосе жилища полуземляночные, в то время как в северной наземные, рубленые или забранные в столбы. Эти различия в жилищах, а также в некоторых других элементах культуры между северной и южной группами славянских древностей прослеживаются в самых ранних известных нам достоверных славянских памятниках, относящихся к середине I тысячелетия н. э. Это заставляет предполагать, что возникновение отмеченных особенностей в культуре славян следует отнести к периоду более раннему, чем начало их широкого расселения.

Исходя из изложенного можно думать, что ранние этапы жизни славян (не известные нам пока по археологическим данным) протекали где-то на территории пограничья лесостепи и леса, что, по-видимому, и обусловило возникновение некоторых особенностей в материальной культуре славян лесостепной (южной) полосы и лесной (северной). Эти особенности сохранились и после распада (расселения) славян на восточных, западных и южных — вплоть до XIII в. Таким образом, по археологическим данным, в исследуемый период основ для существующего в наши дни деления славян на восточных, западных и южных не было. Очевидно, они сложились в более поздний период (рубеж I и II тысячелетий) в результате расселения славян и крупных экономических, социальных, политических и религиозных сдвигов, происходивших в это время в различных районах славянского мира, как это имело место позже и среди восточных славян при разделении их на белорусов, великорусов и украинцев. Материалы второй половины I тысячелетия позволяют утверждать существование в этот период иного, менее резкого деления славян *на южных и северных.* Изыскания последних лет в области славянских языков как будто подтверждают эти выводы.[25] Но вопрос о соотношении южной и северной групп славян — особая тема, касаться которой здесь мы не будем.

[25] И. Леков. Значението на граматическите, словообразователни и лексикални данни за класификацията на славянските езици от съвременно гледище. Славянская филология. Сборник статей. II. М., 1958.

РАННЕСЛАВЯНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ В С. НЕЗВИСКО СТАНИСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ

Г. И. Смирнова

Работы последних лет на многослойном поселении в с. Незвиско показали, что это поселение заслуживает внимания не только как памятник липицкой, трипольской и первой дунайской культур, каким он считался до 1954 г.,[1] но и как один из ранних памятников славянской культуры на Верхнем Днестре. Следы раннеславянской культуры впервые были выявлены на поселении во время раскопок 1954 г.[2] В 1956—1957 гг. велось дальнейшее изучение раннеславянских комплексов; за три года работ на площади в 600 м² были вскрыты остатки десяти жилых построек (4—6, 8, 10—15),[3] а также несколько ям и очагов, расположенных вне жилищ (рис. 1).

Слой раннеславянской культуры на поселении, так же как и вышележащий слой XII—XIII вв. и подстилающие слои I—IV вв. н. э., состоит из чернозема с мелкими вкраплениями обмазки и угля. Отчетливо выраженная граница между всеми перечисленными слоями отсутствует.

Мощность славянского горизонта в среднем достигает 30—40 см, уровень его залегания — 0,6—0,9 *м*. Контуры жилых построек удается проследить только на глубине 0,7—1 м, так как аморфное черноземное заполнение по цвету слабо отличается от окружающего чернозема, в который они углублены.

Для поселения у с. Незвиско характерны четырехугольные в плане постройки полуземляночного типа с печью-каменкой в одном из углов. Полуземлянки, как правило, ориентированы своими углами по странам света. Площадь их колеблется от 7,5 м² до 12 м², при этом преобладают жилища площадью около 10 м². Судя по сохранившейся высоте стен, жилища были углублены в землю на 40—70 см. Следов облицовки стен при зачистке жилищ не обнаружено. Земляные полы в ряде жилищ подмазаны желто-зеленой глиной и в большинстве случаев сильно утоптаны. В полу некоторых полуземлянок, помимо столбовых ям, зачищены бессистемно расположенные ямки от колышков с остатками сгоревшего дерева в них (рис. 1, Ж. 6, 8, 12).

В каждом жилище, за исключением 8-го и 15-го, где печи в позднейшее время были разобраны, хорошо сохранилась печь-каменка, распо-

---

[1] M. Smiszko. Osady kultury lipickiej. Lwów, 1934; Е. К. Черныш. Раскопки в селе Незвиско Станиславской области. КСИА, вып. 4. Киев, 1955, стр. 142—144; Е. К. Черныш. Многослойное поселение у села Незвиско на Днестре. КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 48—56.

[2] Г. И. Смирнова. Сведения о работах Западноукраинской экспедиции 1954 года. СГЭ, VIII, 1955, стр. 47—48; Г. И. Смирнова. Работы Западноукраинской экспедиции в 1954 году. КСИИМК, вып. 67, 1957, стр. 101—108.

[3] Для жилищ верхних слоев поселения была принята единая нумерация. Жилища 1—3, 7, 9, 16, 17 являются более ранними и относятся к I—IV вв. н. э.

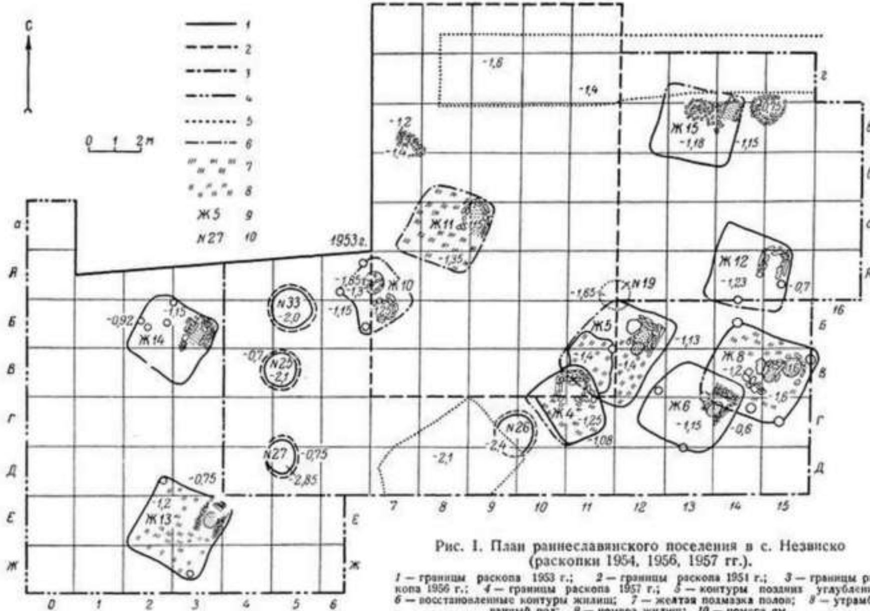


Рис. 1. План раннеславянского поселения в с. Незвиско (раскопки 1954, 1956, 1957 гг.).

1 — границы раскопа 1953 г.; *2* — границы раскопа 1954 г.; *3* — границы раскопа 1956 г.; *4* — границы раскопа 1957 г.; *5* — контуры поздних углублений; *6* — восстановленные контуры жилищ; *7* — желтая подмазка полов; *8* — утрамбованный пол; *9* — номера жилищ; *10* — номера ям.

ложенная обычно в восточном углу постройки. Печи прямоугольные в плане, размеры их от 1 × 1,5 м до 1,2 м × 1,65 м при высоте 0,45—0,9 м. Печи сложены из камня. Для сооружения свода всегда используется мелкий камень, стенки сделаны в одних случаях из крупных блоковых камней или плит, в других случаях так же, как и свод, из мелких камней. Под печей или ровный, земляной, чаще подмазанный сверху глиной (рис. 1, Ж. 4, 8, 10, 11, 12, 14, 15), или имеет округлое углубление, также подмазанное глиной. Выявлены случаи переделки пода, например в полуземлянке 13, где углубление пода было позднее заложено камнями.

Внутри жилища 10 возле печи обнаружена яма хозяйственного назначения. Ее заполняет земля с золой и углем и камни со следами копоти.

Об устройстве наземной части жилых построек получены довольно скудные данные. Столбовые ямы, выявленные в полу большинства жилищ, свидетельствуют о том, что крыша крепилась на столбах. Единства в расположении столбовых ям не наблюдается. Так, в жилище 8 четыре столбовые ямы обнаружены по углам, в жилищах 5 и 6 они располагаются по центральной оси построек, в полуземлянке 13 две ямы находятся в противоположных по диагонали углах. В остальных полуземлянках определенной системы в расположении ям установить не удалось.

Отсутствие постоянства в размещении опорных столбов внутри жилищ свидетельствует о существовании нескольких способов крепления крыши. Размещение столбов по углам жилища (жилища 8 и, возможно, 10 и 13) предполагает четырехскатное устройство крыши, при расположении столбов по линии середины жилища устройство крыши, по всей вероятности, было трехскатным или двускатным. Более детальную характеристику внешнего облика раннеславянских жилищ в Незвиско дать затруднительно, так как для их реконструкции не имеется хотя бы минимального количества данных.

Относительно расположения жилищ в плане поселения следует отметить, что на исследованной части поселения жилища располагаются на незначительном расстоянии друг от друга либо поодиночке, либо группами по две-три полуземлянки (например, группа жилищ 10 и 11 и группа жилищ 4, 6, 12). Следы каких-либо переходов между жилыми постройками отсутствуют, так же как ни в одном из них не обнаружено следов входа.

На поселении найдены жилища, перекрытые позднее другими славянскими постройками, что свидетельствует о том, что в период существования этого поселка жилища перестраивались. К числу перекрытых построек относятся жилища 5 и 8 (рис. 2, 3). Эти постройки до того, как их забросили, существовали сравнительно долгое время. Об этом можно судить, во-первых, по сильной утоптанности пола в обоих жилищах, являющейся результатом длительного хождения по нему, во-вторых, по наличию двух жилых горизонтов в полуземлянке 8, разделенных культурным слоем мощностью в 40 см.

Жилище 8 существенно перестраивалось во второй раз, в частности старая печь была разобрана, и в центре помещения сооружена новая печь-каменка. Жилище 5, по всей вероятности, погибло от пожара; следы пожара в виде обугливших досок найдены на полу этой постройки. Причины гибели жилища 8 неясны.

Между жилыми постройками вскрыто несколько хозяйственных ям. Все они, за исключением ямы № 36 (рис. 1 и 3), отличаются большими размерами, диаметр их достигает 1,5 м, а глубина 1,4—2,1 м. Как пра-

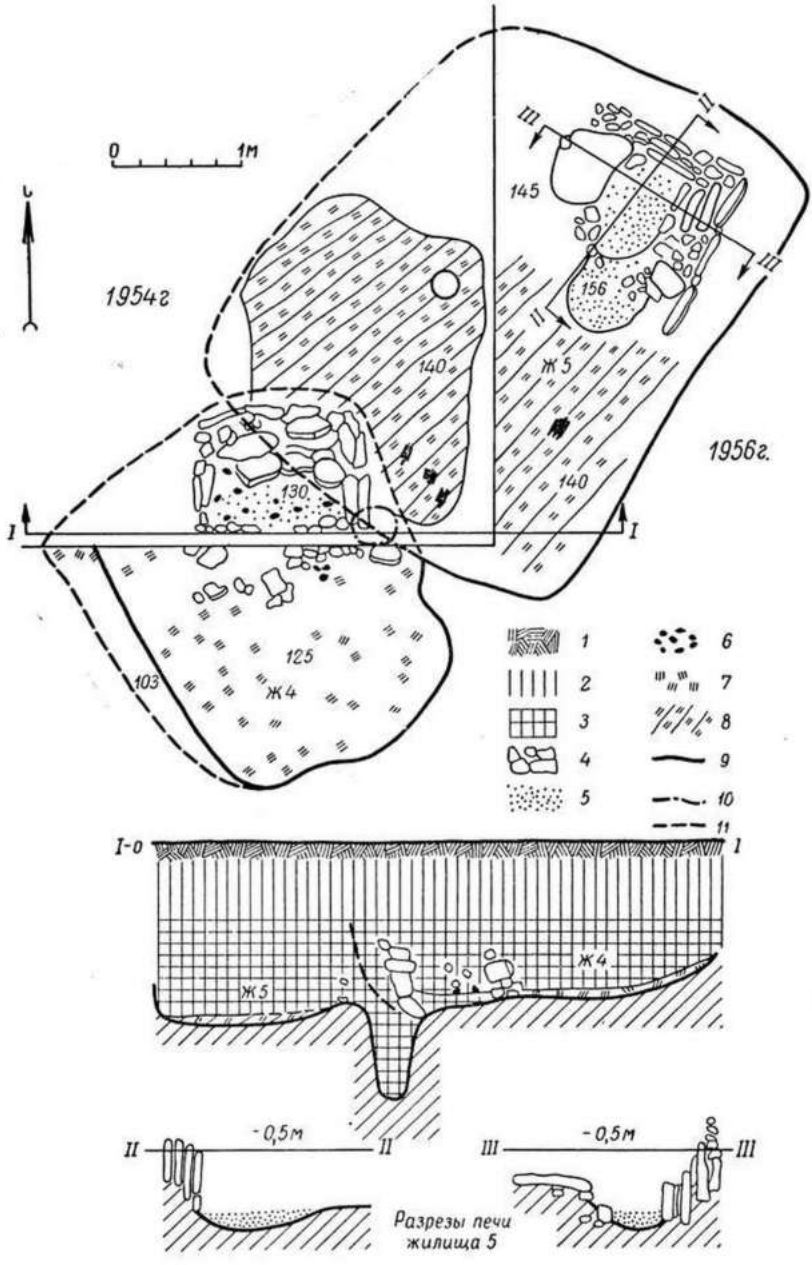


Рис. 2. План и разрезы жилищ 4 и 5.

1 — дерновый слой; *2* — чернозем; *3* — заполнение жилищ; *4* — камни; *5* — зола; *6* — уголь; *7* — желтая подмазка подов; *8* — утрамбованный пол; *9* — контуры жилищ; *10* — контуры перекрытых жилищ; *11* — восстановленные контуры жилищ.

вило, ямы расширяются ко дну. Заполнение их представлено темно-серой рыхлой землей. В ямах обнаружены обломки керамики и кости животных. На дне ямы № 27 найден жернов.

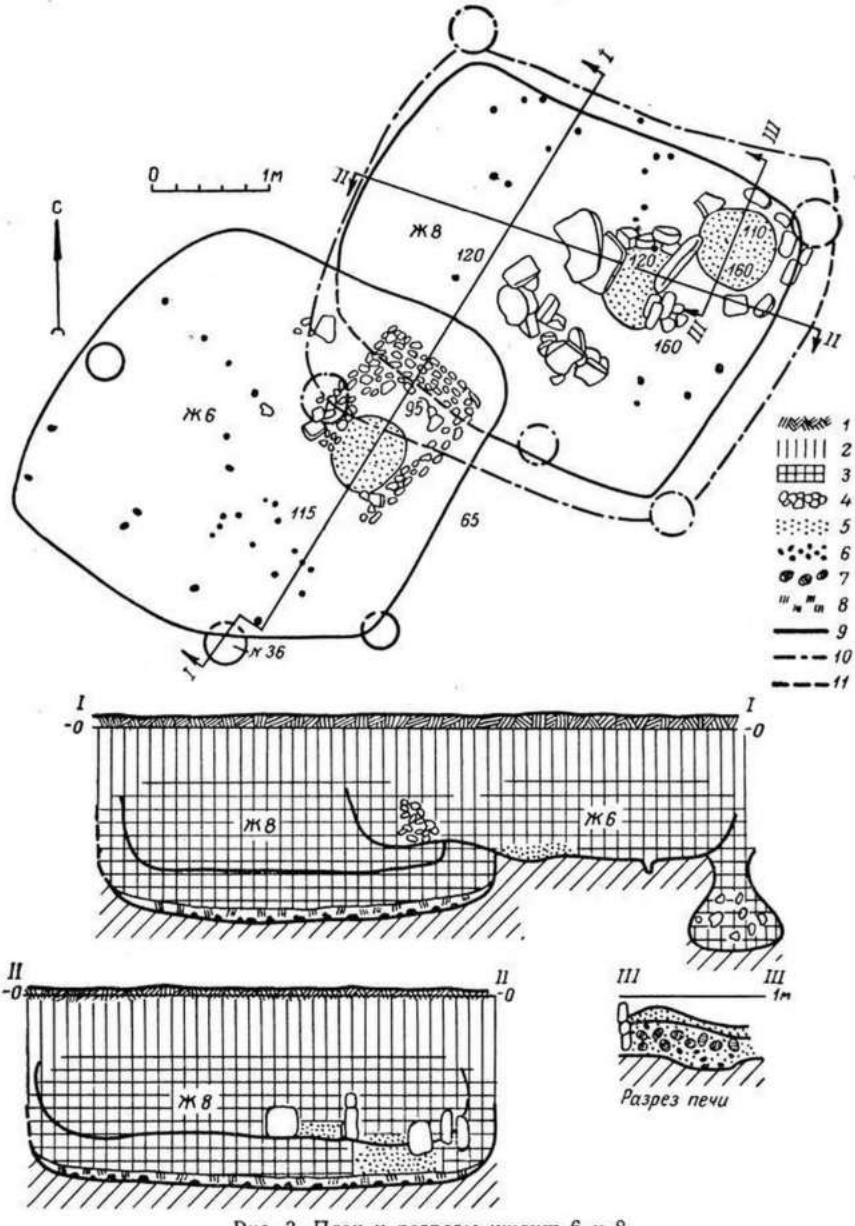


Рис. 3. План и разрезы жилищ 6 и 8.

1 — дерновой слой; *2* — чернозем; *3* — заполнение жилищ; *4* — камни; *5* — зола; *6* — уголь; *7* — печина; *8* — желтая подмазка полов; *9* — контуры жилищ; *10* — контуры перекрытых жилищ; *11* — восстановленные контуры жилищ.

Остатки материальной культуры, найденные в жилищах и вне их, незначительны и имеют примитивный вид. На полу и главным образом под завалами печей найдены обломки сосудов, разбитых в древности,

и кости животных — быка, свиньи, овцы, лошади, а также и птиц. Какой-либо другой инвентарь встречается в виде исключения. В культурном слое вне жилищ, кроме обломков керамики и костей животных, найдены единичные изделия из кости (проколки) и глины (пряслица).

Несмотря на малочисленность находок на поселении, можно составить определенное представление об их характере. Найденная в полуземлянках посуда в основном сделана ручным способом. Реже попадаются сосуды, слегка подправленные на круге. Посуда изготовлялась из глины с большой примесью шамота и небольшим количеством дресвы. Цвет посуды коричневый, реже серый и желтый. Поверхность грубая, шероховатая. Ввиду фрагментарности керамического материала восстановить форму и размеры большинства сосудов не представляется возможным. Из найденных фрагментов керамики можно заключить,

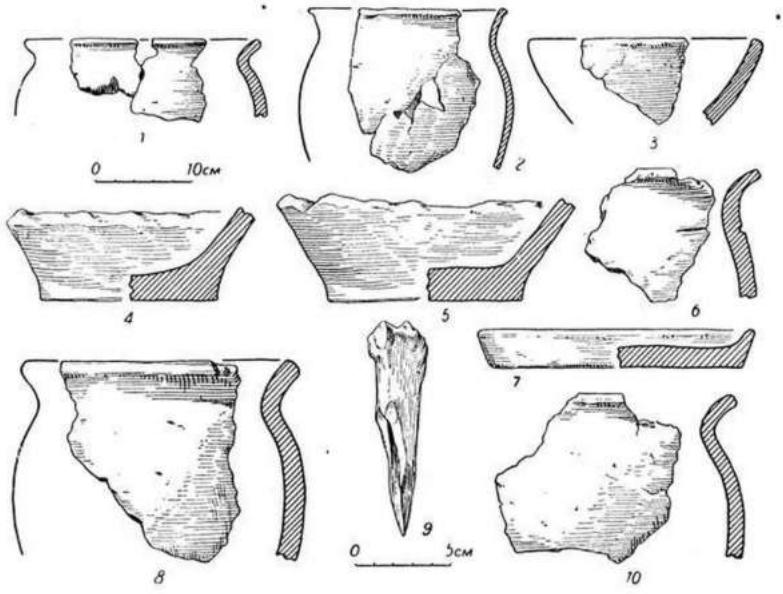


Рис. 4. Находки из жилища 12.

1—8, 10 — керамика; *9* — костяная проколка.

что на поселении по преимуществу пользовались двумя видами посуды — горшками и сковородками. Третий вид посуды — миски употреблялся реже.

Горшки имеют вытянутые пропорции при небольшом диаметре дна по сравнению с диаметром горловины. Край венчика у одних горшков отогнут сильнее, у других — слабее. Плечики четко выражены, дно у ряда горшков имеет закраину (рис. 4, *1—2, 4—6, 8, 10;* рис. 5, *1, 4, 8, 9*). Наиболее распространенным видом орнамента на горшках являются ячейки или косые насечки по краю венчика. В порядке исключения встречаются горшки с орнаментом в виде вертикальных зигзагообразных линий или накольчатого узора.[4]

Сковородки имеют толстое плоское дно и невысокий вертикальный или слегка отогнутый наружу бортик, украшенный иногда по краю ячейками или насечками. Диаметр сковородок 14—22 см (рис. 4, *7, 5, 2*).

[4] Г. И. Смирнова. Работы..., рис. 45, *3*.

Миски толстостенные, грубые, с шероховатой поверхностью, имеют вид широко раскрытой чаши. Размеры их по обломкам восстановить трудно (рис. 4, *3*; 5, *6*).

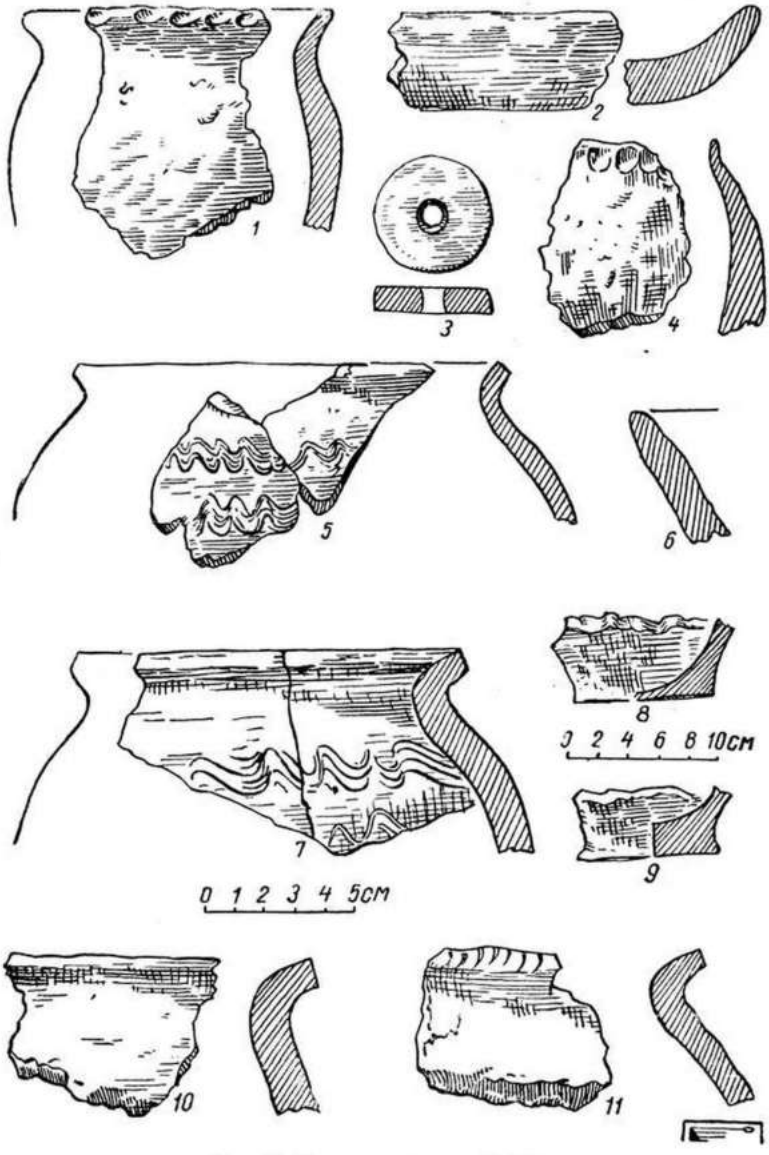


Рис. 5. Находки из ямы № 27.

Миски в комплексе с двумя другими видами посуды найдены только в полуземлянках 4 и 12. Для керамики этих жилищ характерна орнаментация по краю ячейками или насечками. В жилищах 6, 10, 11, 13, 14, 15 миски отсутствуют, в них найдены только горшки и сковородки, орнамент на которых встречается реже.

По особенностям керамического материала следует выделить полуземлянки 5 и 8, где встречаются только одного вида сосуды — горшки,

немного отличающиеся по форме от вышеописанных. Эти сосуды имеют более архаичный облик, чем горшки из других жилищ (рис. 6, *1, 2, 3, 5, 6; 7, 1, 6, 7, 8*). Для них характерны едва заметная отогнутость вен-

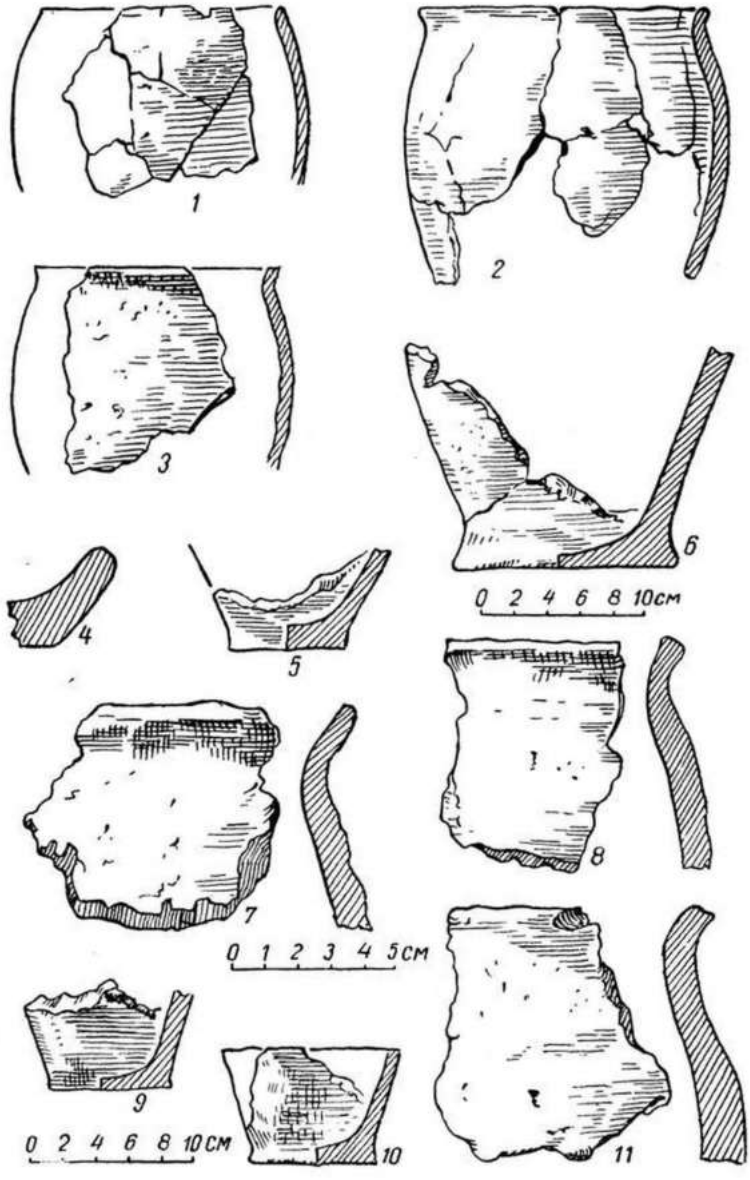


Рис. 6. Керамика из жилища 5 (*1—3, 5, 6*) и из жилища 6 (*4, 7, 8, 9, 11*).

чика, слабо выступающие плечики и наличие закраины на дне большинства сосудов. Орнамента на этих горшках нет.

Из всего вышесказанного о характере керамического материала и распределении его по жилищам следует, что более ранние жилища,

к каковым, судя по стратиграфическим данным, относятся полуземлянки 5 и 8, дают только один вид посуды — горшки довольно нечет-

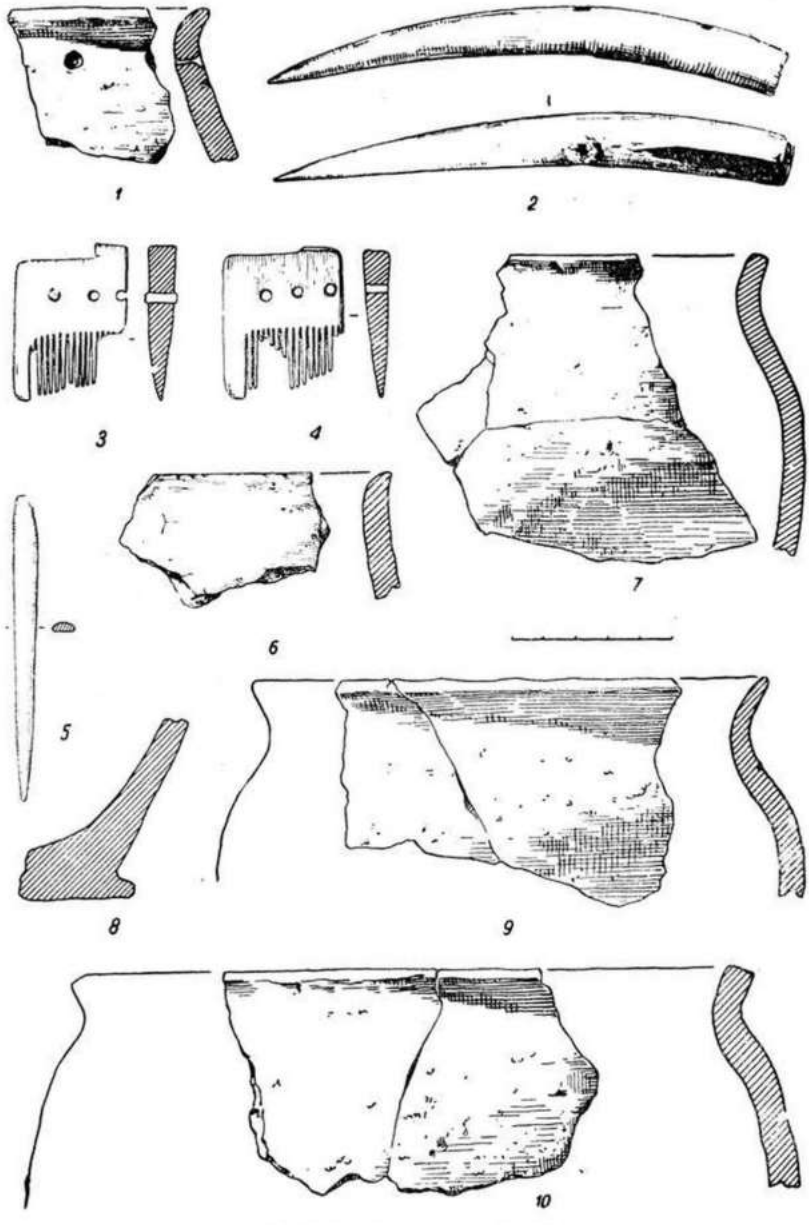


Рис. 7. Находки из жилища 8 (*1, 4—10*), из ямы 33 (*2*), из культурного слоя (*3*).
1, 6—10 — керамика; *2* — костяная поделка; *3, 4* — костяные гребни; *5* — костяная проколка.

кого профиля. В других полуземлянках керамический комплекс более разнообразен. Наряду с горшками, форма которых немного изменяется и совершенствуется, там бытуют сковородки и миски, на них появляется орнамент, не известный ранее. Такую же разнообразную по формам леп-

ную керамику находим и в ямах, зачищенных на поселении. Особый интерес вызывает яма № 27, где грубая лепная посуда (см. рис. 5, *1, 2, 4, 6, 8, 9*), представленная горшками, сковородками и мисками, сопровождалась керамикой, сделанной на гончарном круге.

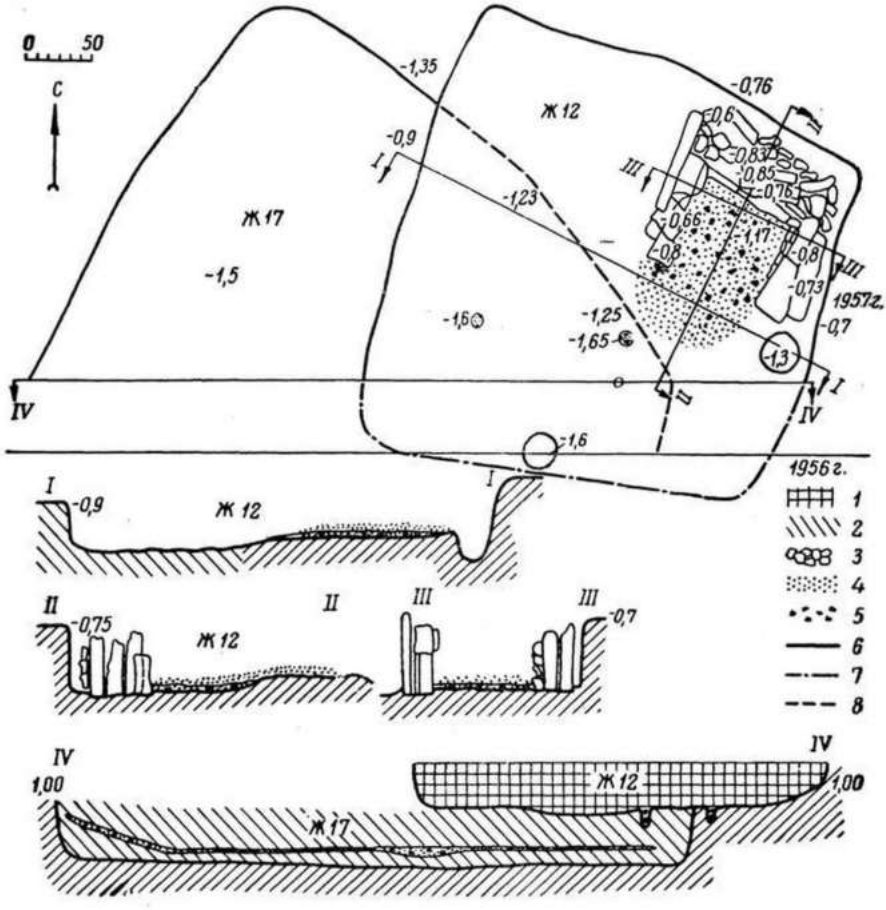


Рис. 8. План и разрезы жилища 12.

1 — заполнение жилища славянской культуры; *2* — заполнение жилища черняховской культуры; *3* — камни; *4* — зола; *5* — уголь; *6* — контуры жилищ; *7* — восстановленные контуры жилищ; *8* — контуры перекрытых жилищ.

Последняя изготовлена из хорошей глиняной массы с примесью колчедана, придающего поверхности сосудов золотистый блеск, у нее хороший обжиг и богатый орнамент в виде горизонтальных и волнообразных бороздок. Отогнутый венчик сосудов имеет косо или горизонтально срезанный край (см. рис. 5, *5, 7, 10—11*). Яма № 27 является пока единственным раннеславянским комплексом на поселении, давшим наряду с лепной гончарную керамику, и свидетельствует о том, что славянское поселение у с. Незвиско существовало не только в период распространения лепной посуды, но также и в период появления керамики, сделанной на гончарном круге.

Как отмечалось выше, раскрытые на поселении жилища бедны

находками. Этот факт служит прямым доказательством того, что славянское поселение в с. Незвиско было покинуто в мирных условиях; жителями был забран весь ценный для них бытовой и хозяйственный инвентарь вплоть до посуды. Поселение, по-видимому, существовало продолжительное время, о чем свидетельствуют такие данные, как следы перестройки жилищ и переделки пода в печах, сильная утоптанность полов и насыщенность ям и культурного слоя между ними бытовыми отбросами. Это подтверждается также разнохарактерностью керамики, не позволяющей считать одновременным весь керамический комплекс, найденный на поселении.

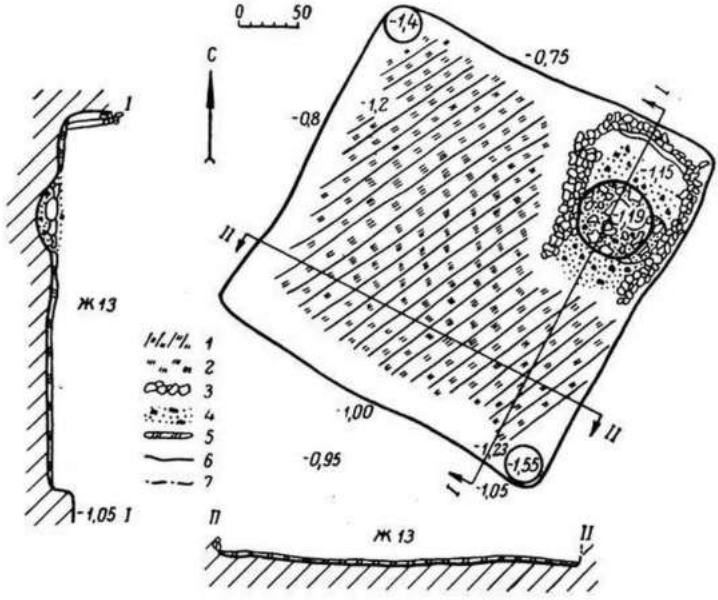


Рис. 9. План и разрезы славянского жилища 13.

1 — утрамбованный пол; *2* — желтая подмазка пола; *3* — камни; *4* — уголь, зола; *5* — обмазка пода печи; *6* — контуры жилища; *7* — восстановленные контуры жилища.

По данным стратиграфии и особенностям керамики, жилые и хозяйственные сооружения на поселении можно разделить на две группы — раннюю и позднюю. К ранней группе относятся жилища 5 и 8, к поздней — все остальные жилые и хозяйственные сооружения. Каких-либо датирующих предметов на поселении не найдено, и основанием для датировки может служить лишь характер керамического материала.

Сходство незвисской керамики с керамикой из Луки Райковецкой,[5] Григоровки,[6] Хотомеля,[7] Радванки [8] и др. позволяет отнести позднюю

---

[5] В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, стр. 10—13.

[6] М. И. Артамонов. Археологические исследования в Южной Подолии в 1952—1953 гг. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 109—110.

[7] Ю. В. Кухаренко. Раскопки на городище и селище Хотомель. КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 90—97.

[8] К. В. Бернякович. Исследования древнеславянского поселения VIII—IX вв. в г. Ужгороде. КСИА, вып. 3, 1954, стр. 42—48. К. В. Бернякович. Древнеславянские памятники Закарпатской области (СССР). Slovenska Archeologia, 1957, V, 2, стр. 443—445.

группу построек к кругу памятников типа Луки Райковецкой и датировать в пределах VIII—IX вв.

Керамика из жилищ 5 и 8 во многом схожа с керамикой пражского типа на Западе[9] и с керамикой житомирского типа на Востоке.[10] Сходство проявляется в одинаковой технике лепки сосудов, а также в бытовании одних и тех же видов посуды, близких по форме. Основным видом

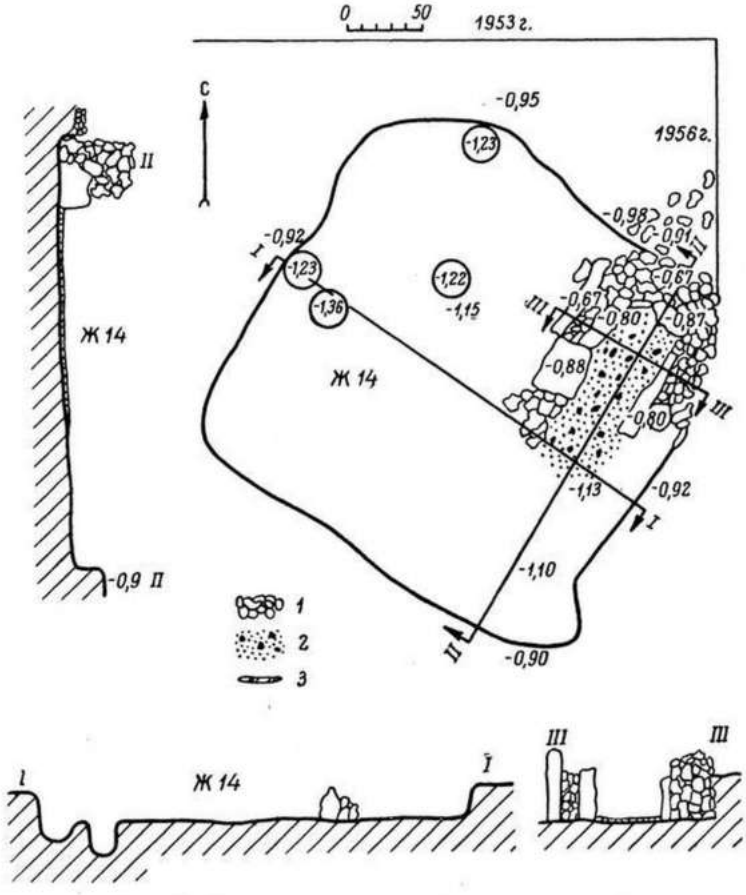


Рис. 10. План и разрезы славянского жилища 14.

1 — камни; *2* — зола, уголь; *3* — обмазка пода печи.

посуды являются горшки, или, как их иначе называют, урны, вытянутых пропорций со слабо отогнутым венчиком и едва выраженной шейкой. Орнамент на них встречается очень редко.

Памятники житомирского типа по аналогии с пражскими датируются в пределах V—IX вв., при этом те из них, в которых встречается только лепная посуда, относятся к началу этого периода.[11] Относить раннюю группу жилищ поселения Незвиско к V—VI вв. мы воздержи-

[9] I. Poulik. Staroslovanská Morava. Praha, 1948, стр. 15—16, 89—94. J. Eisner. Devinska Nova Ves. Bratislava, 1952, стр. 248—253, 366.

[10] Ю. В. Кухаренко. Славянские древности V—IX вв. на территории припятского Полесья. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 33—38.

[11] Там же, стр. 37.

ваемся из-за отсутствия достаточных для этого данных. Жилища 5 и 8 по времени предшествуют поздней группе жилищ на поселении, датируемой VIII—IX вв., и пока у нас нет оснований сомневаться в том, что между этими группами существовал разрыв во времени. Исходя из этого мы считаем, что наиболее вероятной датой для ранней группы жилищ будет VII в., может быть конец VI—VII вв. Не исключена возможность, что в дальнейшем удастся уточнить хронологию раннеславянского поселения у с. Незвиско. На данном уровне наших знаний это поселение в целом можно датировать концом VI—IX вв.

В настоящее время материалы исследуемого памятника позволяют различать два этапа жизни на поселении — ранний (дороменский) и поздний (роменский). Особый интерес вызывают ранние комплексы, поскольку открытие их дает дополнительные материалы для изучения пока малоисследованного дороменского периода существования славянской культуры.

Культура этого периода, судя по раскопкам поселения у с. Незвиско, характеризуется жилищами полуземляночного типа, в основных чертах сходными с жилыми постройками роменской поры. Керамический материал несколько отличается от более позднего, что проявляется, например, в общем облике однообразной по виду посуды, представленной горшками с коротким, почти вертикальным венчиком и слабо выступающими плечиками, а также в отсутствии какого-либо орнамента на ней. Однако, несмотря на различия, этот вид посуды типологически связан с керамикой данного поселения, относящейся к VIII—IX вв.

Среди керамики VIII—IX вв. одной из ведущих форм на поселении по-прежнему остаются горшки. Горшки этого периода характеризуются бóльшей отогнутостью венчика и четко выраженными плечиками. На них появляется орнамент в виде ячеек или насечек по краю венчика и волны по тулову. Вместе с горшками в VIII—IX вв. бытуют другие виды посуды — сковородки и миски. Возможно, что миски на поселении появляются позже сковородок, так как они встречаются только в тех жилищах, где керамика имеет более совершенный облик. Опираясь на хронологию мисок аналогичного типа, известных в культурах западнославянских областей, появление мисок в Незвиско, вероятно, следует относить ко времени не ранее конца VIII в.

Путь развития лепной керамики на поселении Незвиско в основных чертах повторяет путь эволюции керамики, прослеживаемый по материалам Хотомельского городища.[12] Правда, керамический материал VIII—IX вв. из Незвиско отличается от хотомельского бóльшим разнообразием форм. Среди керамического материала из Хотомеля неизвестны миски, характерные для Незвиско и ряда других раннеславянских памятников.[13] Эти различия, однако, не столь существенны и, видимо, носят локальный характер.

В целом же поселение Незвиско (точнее его поздние комплексы VIII—IX вв.) по топографии и характеру поселка, по конструкции жилищ, а также по бытовому и хозяйственному инвентарю имеет много общего как с памятниками типа Луки Райковецкой в Днепровском пра-

---

[12] Z. V á ň a. Mísy v západoslovanské keramice. Památky archeologické, XLIX, 1, Bratislava, 1958, стр. 202—204, рис. 7, *4—5;* И. П. Русанова. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории древлян. СА, 1958, № 4, стр. 38—46, рис. 4.

[13] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА, № 8, 1948, стр. 36—37, табл. III, *7—8;* К. В. Бернякович. Исследования..., стр. 43, рис. 4, *3—4.*

вобережье,[14] так и с памятниками роменского типа в Днепровском левобережье.[15]

Открытие на Верхнем Днестре памятника с культурой, близкой раннеславянской культуре Поднепровья, свидетельствует о широком распространении культуры этого типа далеко на запад и служит еще одним подтверждением высказываемой И. И. Ляпушкиным точки зрения об отсутствии резких различий в материальной культуре восточных славян в конце I тысячелетия н. э.[16]

Поселение Незвиско полностью еще не исследовано, но по имеющимся в нашем распоряжении данным становится очевидным, что этот памятник даст исключительно ценный и интересный материал, который существенно пополняет наши представления о характере славянской культуры второй половины I тысячелетия н. э. в области Верхнего Поднестровья.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Жилище 4 (кв. В—Г/10—11) исследовалось в течение двух полевых сезонов. Часть жилища осталась под бровкой, поэтому о размерах его можно говорить лишь приблизительно (см. рис. 1, *2*). Судя по сохранившимся остаткам, жилище имело вид четырехугольного в плане углубления, ориентированного углами по странам света. Размеры его — 2,6 × 2,7 м, глубина — 20 см. На сильно утоптанном земляном полу прослеживаются следы подмазки глиной. В северном углу жилища находится прямоугольная печь размерами 1,15 × 1,2 м при высоте стенок 0,65 м. Стенки печи сложены из крупных плит, свод, завалившийся внутрь печи, — из мелкого камня. На полу и главным образом под завалом печи найдено большое количество обломков лепной посуды — мисок, горшков, сковородок. Два последних вида посуды орнаментированы по краю венчика ячейками.[17] Найден также один обломок горшка с орнаментом в виде коротких вертикальных линий, расположенных на плечиках.

Жилище 5 (кв. Б—В/11—12). Западная половина постройки в виде остатков сильно утоптанного пола и двух столбовых ям была раскрыта во время раскопок 1954 г., восточная ее часть дочищалась в 1956 г. (см. рис. 1, *2*). Жилище 5 не удалось полностью исследовать, так как часть его попала в оставленную между раскопами бровку, а северный и южный углы оказались разрушенными: первый — ямой № 19 (см. рис. 1), второй — перекрывшим его жилищем 4 (см. рис. 2). На основании имеющихся данных можно полагать, что эта постройка имела вид прямоугольного углубления, ориентированного углами по странам света. Размеры ее 3,5 × 3,75 м. Стенки сохранились на высоту 30 см. На сильно утоптанном земляном полу жилища 5, находившемся на 15 см ниже пола жилища 4, зачищены остатки перегоревших плах. Восточный угол постройки занимает квадратная печь-каменка размерами 1,3 × 1,35 м, высотой 0,95 м. Стенки печи состоят из больших поставленных на ребро плит, свод сложен из мелкого камня и речного галечника. Под, находившийся на 25 см ниже пола жилища, подмазан глиной (см. рис. 2). Керамика, найденная на полу и при разборке печи, представлена обломками лепных горшков, имеющих слабо отогнутый венчик и закраину на дне (см. рис. 6, *1, 2, 3, 6*).

Жилище 6 (кв. Г—В/13—14) представляет собою квадратное в плане помещение, углубленное в землю не менее чем на 0,5 м, размером 3,2 × 3,2 м (см. рис. 1, *3*). В полу у стенок выявлены две столбовые ямы диаметром 30—35 см, а также большое количество ямок со следами сгоревшего дерева. В восточном углу полуземлянки зачищена прямоугольная печь, стенки и свод которой сложены из мелких камней. В передней части пода, находившегося на уровне пола, имеется небольшое углубление. Размеры печи 1,4 × 1,15 м, высота ее (без свода) 0,4 м (рис. 3). Керамический материал полуземлянки 6 состоит из обломков горшков, при этом венчик у одних горшков отогнут больше, у других — меньше (см. рис. 6, *7, 8, 9, 11*).

---

[14] В. К. Гончаров, ук. соч., стр. 10—13.

[15] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков, ук. соч., стр. 5—79; И. И. Ляпушкин. Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного левобережья. СА, XVI, 1952, стр. 7—41.

[16] И. И. Ляпушкин. Место роменско-боршевских памятников среди славянских древностей. Вестник ЛГУ, 1956, № 20, серия истории, языка и литературы, вып. 4, стр. 46—60.

[17] Г. И. Смирнова. Работы..., рис. 45, *2 6, 7, 8*.

Жилище 8 (кв. Б—В—Г/14—15) оказалось частично перекрытым полуземлянкой 6. Уровень пола жилища 8 находится на 45 м ниже пола жилища 6 (см. рис. 1, *3*). В жилище 8 ясно прослеживались два периода обитания, представленные двумя сильно утоптанными полами, разделенными прослойкой плотного аморфного чернозема толщиной в 40 см, и двумя печами. Первоначальное жилище имело вид четырехугольного углубления размерами 3,3 × 3,8 м. Пол жилища покрыт слоем светло-зеленой глины; под ней повсюду прослеживается тонкая прослойка угля от сгоревших тонких досок, которыми, возможно, был выстлан пол. В полу выявлено пять столбовых ям, четыре из которых расположены по углам, и множество ямок от колышков. В восточном углу жилища зачищены остатки печи в виде обмазанного глиной пода и несколько камней, сохранившихся от основания стенок. В поздний период обитания площадь жилища 8 сократилась до размеров 2,7 × 3,3 м, и взамен старой печи в центре постройки была сооружена новая печь-каменка размерами 0,7 × 1,5 м. Эта печь также оказалась разрушенной в древности.

На первоначальном полу жилища 8 найдены обломки горшков такого же архаичного типа, как в жилище 5, костяная проколка и боковая часть одностороннего костяного гребня (см. рис. 7, *1, 4—8*). Гребень складной, для скрепления с накладкой на спинке гребня имеются отверстия. На аналогичном гребне, найденном в культурном слое поселения, в одном из отверстий сохранился бронзовый штифтик (см. рис. 7, *3*). Не исключена возможность, что гребень попал в жилище из более ранних слоев поселения, тем более, что ему пока не найдено аналогий среди раннеславянских материалов. По пропорциям и ряду других особенностей эти гребни сходны с гребнем из могильника в Обермеллере (Германия), который происходит из комплексов второй половины V — начала VI вв.[18]

Керамический материал, относящийся к позднему периоду обитания жилища 8, состоит из большого количества обломков горшков, среди которых наряду с горшками архаичного типа встречаются обломки горшков с венчиком, более отогнутым наружу (см. рис. 7, *9, 10*).

Жилище 10 (кв. А—Б/6—7) исследовано не полностью, так как часть его попала в оставленную между раскопами бровку, а восточный угол разрушен поздней постройкой (см. рис. 1). Судя по сохранившимся остаткам, можно полагать, что жилище 10 имело вид четырехугольного углубления, ориентированного углами по странам света. Размеры его — около 2,5 × 2,5 м. Печь-каменка находится возле юго-восточной стенки постройки. Размеры ее — 1 × 1,5 м, высота — 0,45 м. Рядом с печью зачищена хозяйственная яма диаметром 0,9 м и глубиной 0,6 м, заполненная углем и золой. В земляном полу жилища выявлены также три небольшие ямы, являющиеся остатками угловых столбов жилища. В хозяйственной яме и под завалом печи найдено большое количество обломков керамики (горшки и сковородки). Некоторые из них украшены насечками по краю венчика или имеют орнамент в виде зигзагообразного узора по тулову и наколов по внутреннему краю венчика.[19]

Жилище 11 (кв. а—б/7—9). Остатки постройки в виде обрывков покрытого светло-зеленой глиной пола и хорошо сохранившейся печи-каменки выявлены на глубине 1,35 м (рис. 1). Приблизительные размеры жилища — 3,2 × 3,2 м. Печь прямоугольная в плане, ее размеры — 1,1 × 1,2 м при высоте 0,5 м. Стенки сложены из крупных плит, свод — из мелких камней. На поду сохранились следы подмазки глиной. Под завалом печи, кроме обломков лепных горшков и сковородок, иногда орнаментированных по краю венчика ячейками, найдена целая сковорода, стоявшая на поду в слое золы и угля.[20]

Жилище 12 (кв. а—А/14-15) представляло собой четырехугольное в плане помещение, углубленное в землю не менее чем на 50 см. Размеры его 2,6 × 2 × 75 м (см. рис. 1, *8*). В восточном углу помещается печь размерами 1,5 × 1,5 м, высотой 0,55 м. Свод печи состоит из мелких камней, стенки — из крупных блоковых камней. Уровень земляного пода печи совпадает с уровнем пола жилища, в котором возле южной и восточной стенок зачищены столбовые ямы диаметром около 30 см, а в центральной части — несколько ям диаметром 5—10 см с остатками сгоревшего дерева. Заполнение жилища состоит из чернозема с включениями угля и камней. Под развалом печи и на полу найдено большое количество обломков лепной керамики, а также костяная проколка (см. рис. 4) и кости животных. Среди керамических обломков имеются фрагменты горшков, мисок и сковородок. Горшки и сковородки иногда орнаментированы по краю венчика ячейками.

Жилище 13 (кв. Е—Ж/2—3) четырехугольное, размеры 3,2 × 3,05 м, глубина — 0,5 (см. рис. 1, *9*). Печь-каменка находится в восточном углу жилища. Ее размеры — 1 × 1,5 м, высота — около 0,6 м. Стенки и свод сложены из мелкого камня; в передней части пода имеется обмазанное глиной углубление диаметром 0,55 м, которое позднее

[18] W. Schulz. Vor- und Frühgeschichte Mitteldeutschlands ,1939, стр. 198—207, рис. 260.

[19] Г. И. Смирнова. Работы..., рис. 45, *1, 3, 4*.

[20] Там же, рис. 45, *5*; Г. И. Смирнова. Сведения..., стр. 48.

было заложено камнями. На земляном утоптанном полу хорошо сохранились следы подмазки светло-зеленой глиной. В южном и северном углах зачищены столбовые ямы диаметром 20 и 27 см (см. рис. 9). В аморфном черноземном заполнении жилища и в завале печи найдены обломки сковородок с ячейками по краю венчика, а также стенки и днища лепных горшков.

Жилище 14 (кв. Б-В/2-3) имеет квадратную форму (см. рис. 1, *10*). Его размеры 2,7 × 2,75 м, высота стенок — 0,2 м. Восточный угол жилища занимает печь-каменка размерами 1,2 × 1,65 м, высотой 0,45. Стенки печи образуют крупные камни, поставленные на ребро, свод состоит из мелких камней. Под подмазан глиной. В северо-западной половине постройки выявлены четыре ямы диаметром 20—27 см. В плотном черноземном заполнении жилища, а также при разборке печи найдено несколько обломков лепных сосудов с насечками по краю венчика и кости животных.

Жилище 15 (кв. в/13-14) оказалось сильно разрушенным (см. рис. 1). Сохранились слабо выраженные остатки земляного пола на глубине 1,18 *м* и основание печи-каменки, разобранной в древности. Приблизительные размеры жилища — 3 × 3,2 м. Возле печи найдены обломки лепных горшков и сковородки, украшенной по венчику ячейками.

О ГНЕЗДОВСКОЙ АМФОРЕ И ЕЕ НАДПИСИ

Г. Ф. Корзухина

Находка в одном из Гнездовских курганов под Смоленском амфоры с надписью[1] сразу же вызвала появление в печати статей, посвященных расшифровке маленького загадочного слова из восьми букв, нацарапанных на плечике сосуда. Интерес к надписи вполне понятен: курган, в котором найдена амфора, насыпан в X в., тем самым надпись на амфоре оказывалась самым древним памятником русской письменности.

Первое чтение надписи дал М. Н. Тихомиров. Он прочел ее как «гороухща» («горухща»). «Слово „гороухща", — пишет он, — было известно в древних славянских языках, в том числе и в русском, в форме „горуха" и „горушица". Оно обозначало горчицу или горчичное семя».[2] М. Н. Тихомиров допускает также, что под «горухщей» гнездовской надписи «собственно понималось не горчичное семя, а вообще какая-то горькая пряность» или «овощь» русских летописей, может быть, перец.[3] Амфора служила тарой для транспортировки этой высоко ценившейся заморской пряности, а надпись обозначала содержимое сосуда. Д. А. Авдусин полагает, что надпись (а следовательно и амфора) была сделана не в Гнездове, а еще на месте упаковки товара.[4]

Чрезвычайно существенно наблюдение М. Н. Тихомирова, отметившего, что гнездовская надпись «представляла собой своеобразное воспроизведение слова, известного в памятниках древнерусской письменности в несколько ином начертании: „горуха", „горушица", „зрьно гороушно"». «Писец колебался, — пишет М. Н. Тихомиров, — как его написать, — через *х* или *щ*, отчего и получилось „горухща". Своеобразие написания этого слова не должно нас удивлять, так как орфография памятников раннего периода должна была быть еще не очень точной, вернее, колеблющейся».[5]

---

[1] Д. А. Авдусин. Отчет о раскопках Гнездовских курганов в 1949 г. Материалы по изучению Смоленской области, вып. 1. Смоленск, 1952, стр. 334—340, рис. 2; Д. А. Авдусин. Раскопки в Гнездове. КСИИМК АН СССР, вып. 38, 1951, стр. 77, рис. 36.

[2] М. Н. Тихомиров. Древнейшая русская надпись. «Лит. газета», 20 мая 1950 г.; Д. А. Авдусин и М. Н. Тихомиров. Древнейшая русская надпись. Вестник АН СССР, 1950, № 4, стр. 77—79, рис. 3 и 4.

[3] М. Н. Тихомиров, ук. соч.; Д. А. Авдусин и М. Н. Тихомиров, ук. соч. стр. 76; Д. А. Авдусин. Отчет..., стр. 321—322.

[4] Д. А. Авдусин. Отчет..., стр. 319.

[5] Д. А. Авдусин и М. Н. Тихомиров, ук. соч., стр. 76.

Несколько иное чтение надписи предлагает П. Я. Черных. Он читает ее, как «горушна», но расшифровывает так же, как и М. Н. Тихомиров, — горчичное семя, горчичные зерна.[6]

По-иному читает и расшифровывает гнездовскую надпись чешский исследователь Ф. Мареш. Он различает в ней два слова: «Горух пса», т. е. «Горух (имя собственное) писал».[7] При таком чтении содержание надписи оказывается ничем не связанным с сосудом, на котором она написана.

Интерпретация гнездовской надписи, предложенная М. Н. Тихомировым и П. Я. Черных, получила в литературе более широкое признание, нежели чтение ее, предложенное Ф. Марешом. Замечание М. Н. Тихомирова о том, что «горухща» могла быть не обязательно горчицей, но и другой горькой пряностью, например перцем, было упомянуто только Т. Арне.[8] Другие же исследователи, касавшиеся данного вопроса, не вспоминали о нем, и единственным значением, с которым слово «горухща» укрепилось в литературе, осталось «горчица».[9]

Соглашаясь с чтением гнездовской надписи, предложенным М. Н. Тихомировым, я тем не менее полагаю, что интерпретация надписи еще не может считаться окончательной. Дело не в том, что начертание слова «гороухща» не совсем совпадает с начертанием слова «горчица», как оно пишется в памятниках славянской и русской письменности («горуха», «горушица» и др.). В гнездовской надписи лишней оказывается либо *х*, либо *щ*. М. Н. Тихомиров был безусловно прав, отметив, что, нанося это слово на амфору, писец колебался, какую из двух шипящих следует ему изобразить — *х* или *щ*. Он написал обе буквы и исправить не мог, так как писал не по сырой глине, а по готовому обожженному сосуду. Следовательно, в гнездовской надписи мы имеем дело со словом, в котором сделана ошибка. Как должно было быть написано это слово — «горуха» или «горуща», мы не знаем. Выяснению этого вопроса и посвящена настоящая заметка.

Если мы примем чтение «горуха», то оно полностью совпадет с древнеславянским «горуха», и тогда вопрос о содержании гнездовской надписи решится легко и быстро: в гнездовской амфоре действительно была горчица, горчичные зерна. Однако против этого имеется существенное возражение. Амфора — это тара для перевозки не сыпучих тел, а жидкостей — вина и масла. Так и только так использовалась амфора в античном мире. Таково же было ее назначение и в средние века.[10] Амфора — слишком тяжелая и громоздкая тара для сыпучих тел, которые, учитывая небольшие размеры торговых судов, гораздо проще было перевозить в мягкой таре. Следовательно, если бы мы остановились на чтении «горуха», то должны были бы признать, что в гнездовской амфоре когда-то находилось не горчичное семя, а горчичное масло.

---

[6] П. Я. Черных. Две заметки по истории русского языка. Изв. АН СССР, отд. литер. и яз., т. IX, вып. 5, 1950, стр. 398—401.

[7] F. V. Mareš. Dva objevy starých slovanských nápisů (v SSSR u Smolenska a v Rumunsku). Slavia, Časopis pro slovanskou filologii, vydává slovanaský ústav v Praze, т. XX, вып. 4, Praha, 1951, стр. 497—511.

[8] T. J. Arne. Die Warägerfrage und die sowjetrussische Forschung. Acta archaeologica, т. XXIII. København, 1952, стр. 144.

[9] Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы. М.—Л., 1952, стр. 18—19; Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1956, стр. 80—81, рис. 8.

[10] Б. А. Рыбаков. Надпись киевского гончара XI века. КСИИМК АН СССР, вып. 12. 1946, стр. 137—138; Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948, стр. 372—373.

Теперь посмотрим, что получится, если мы примем второе чтение — «горуща». Не следует забывать, что из двух спорных букв в слове «горухща» буква *х* была написана первой и писавший, видимо, признал ее написанной неправильно, так как счел нужным исправить ее, написав и букву *щ*. Уже одно это заставляет нас обратить особое внимание на второй возможный вариант чтения гнездовской надписи.

В памятниках древнерусской письменности XI—XV вв. часто встречается именное причастие «горѫще», «гороуще» (свѣтильници горѫще, огнь горѫщь, огнь горѧщь, съжаливъси... селъ горѧщь, кандило плъно и гороуще, вьси въ роукахъ свѣщь горѹщѣ имѧхоуть, средѣ гороуща пламене, кандило гороуще,[11] свѣщѣ горуще[12] и т. д.). Написание интересующего нас именного причастия крайне неустойчиво. Наряду с написанием, полностью повторяющим надпись на гнездовской амфоре — «гороуща», «гороуще», имеются и иные, где звук *у* передан через ѫ и ѧ. Слово, написанное через ѫ, по произношению было близко к «горуща»; слово же, написанное через ѧ, по произношению было близко к «горяща». Очевидно, прочно установившейся морфологической формы данного слова в то время еще не было. Во всех перечисленных случаях, как бы ни писалось и ни произносилось это слово, оно всегда обозначало что-то горящее: села, свечи, просто огонь или пламя, масло в кадиле. Естественно возникает вопрос, не заключалась ли в гнездовской амфоре какая-то жидкость, способная гореть?

В 1950 г. в районе ст. Сенной на Таманском полуострове при случайных обстоятельствах были найдены три небольшие круглодонные амфоры IX—X вв., по форме аналогичные гнездовской. Амфоры были «наполнены на три четверти темной жидкостью, обладающей типичным нефтяным запахом».[13] Анализ жидкости показал, что в амфорах хранилась нефть, по составу имевшая наибольшее сходство с нефтью из месторождений Керченского полуострова.[14] Данная находка не единична. В 1895 г. близ ст. Великокняжеской на Маныче, также при случайных обстоятельствах, было найдено 15 или 16 таких же амфор, наполненных смолистым веществом.[15] Н. В. Анфимов, опубликовавший амфоры с Таманского полуострова, не располагал анализами нефти из Таманских месторождений, но справедливо указал, что таманская нефть в X в. была широко известна не только среди местного населения, но и в Византии, поскольку Константин Багрянородный мог подробно перечислить многочисленные нефтяные источники Тамани.[16] Добыча нефти и использование амфор для ее хранения засвидетельствованы не только для IX—X вв. Находка в Тиритаке амфоры IV в. с нефтью из местных крымских месторождений указывает, что уже в IV в. нефтяные источники Керченского полуострова разрабатывались.[17]

Чрезвычайно существенным обстоятельством является то, что амфоры с нефтью, найденные на Таманском полуострове и в При-

[11] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. 1. СПб., 1893, по словам «горѣть».

[12] Д. И. Абрамович. Жития святых мучеников Бориса и Глеба. Пг., 1916, стр. 44.

[13] Н. В. Анфимов. Средневековые амфоры с нефтью с Таманского полуострова. КСИИМК АН СССР, вып. 49, 1953, стр. 151, рис. 52.

[14] Там же, стр. 153.

[15] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону. ИГАИМК, вып. 131. Л., 1935, стр. 71.

[16] Н. В. Анфимов, ук. соч., стр. 154; Константин Багрянородный. Об управлении государством. ИГАИМК, вып. 91. М.—Л., 1934, стр. 44.

[17] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 481—482, рис. 85; Н. В. Анфимов, ук. соч., стр. 154.

азовье, принадлежат к тому же типу, что и гнездовская амфора. Это небольшие круглодонные сосуды яйцевидной формы с невысоким горлом и небольшими ручками, начинающимися у самого венчика. Такие амфоры широко распространены в IX—X вв.[18] в Крыму, на Северном Кавказе, в Приазовье, на Дону и во всем Северном Причерноморье. В последнее время удалось обнаружить древние производственные центры, в больших количествах изготовлявшие амфорную тару. Один из таких центров находился на восточном побережье Крыма близ с. Морского Судакского района. Здесь обнаружено 22 гончарные печи. Огромное количество производственного брака, нагроможденного вокруг печей, свидетельствует о больших масштабах производства. Брак состоит почти исключительно из обломков амфор интересующего нас типа. Никакого поселения в районе раскопанных печей не обнаружено. Это свидетельствует о том, что амфоры сбывали не на месте, а развозили по городам и поселкам восточной Таврики и «далеко за пределы Крыма: они распространялись и в Подонье и в салтово-маяцкие поселения и в славянские поселения — так называемые роменско-боршевские».[19]

Сопоставляя данные о производстве в больших масштабах амфор, аналогичных гнездовской, в Крыму, и в частности на его восточном побережье, и о находках на Тамани и в Приазовье амфор данного типа с нефтью из местных источников, можно высказать предположение, что в гнездовской амфоре была привезена с юга нефть, а надпись, нацарапанную на ее плечике, следует читать «горуща», т. е. «горючая». Человек, сделавший эту пометку на сосуде, написал только именное причастие, не указав название самой горючей жидкости.[20] Мне не довелось видеть внутреннюю поверхность гнездовской амфоры, поэтому я не знаю, сохранился ли на ней черный налет от нефти. Однако отсутствие следов нефти внутри амфоры не могло бы служить поводом к отклонению высказанного предположения. Амфора найдена разбитой на мелкие куски на огромном кострище (диам. — 8,75 м, мощность горелого слоя — до 0,25 м), на котором было сожжено в ладье не менее двух человек,[21] а поэтому остатки нефти, безусловно, должны были выгореть.

В высшей степени интересно еще одно обстоятельство. Известно, что в Древней Руси сосуды типа гнездовской амфоры назывались «кор-

---

[18] Для временно́го определения амфор интересующего нас типа я пользуюсь очень обобщенной датой — IX—X вв., так как, во-первых, в работах, посвященных хронологической классификации амфор Северного Причерноморья, для указанного периода хронологические определения ясны самим авторам далеко не во всех подробностях (см. М. И. Артамонов, ук. соч., стр. 68—79; А. Л. Якобсон. Средневековые амфоры Северного Причерноморья (опыт хронологической классификации). СА, XV, 1951, стр. 331—333). Во-вторых, при определении верхней временно́й границы для амфор данного периода исследователи были введены в заблуждение заниженной датировкой гнездовского кургана с амфорой, время насыпки которого Д. А. Авдусин в своих первых публикациях ошибочно отнес к первой четверти X в. (см. Д. А. Авдусин. Отчет..., стр. 321; Д. А. Авдусин. Раскопки в Гнездове, стр. 79; А. Л. Якобсон, ук. соч., стр. 333—334; Д. Б. Шелов. Раскопки средневекового поселения в восточном Крыму. КСИИМК АН СССР, вып. 68, 1957, стр. 100). На самом деле курган был насыпан позже, не ранее второй половины X в. Основания для передатировки данного кургана не могут быть изложены в настоящей заметке, поскольку эта тема не имеет прямого отношения к рассматриваемому здесь вопросу.

[19] А. Л. Якобсон. Раннесредневековые гончарные печи в восточном Крыму. КСИИМК АН СССР, вып. 54, 1954, стр. 164—172; А. Л. Якобсон. Средневековые гончарные печи в районе Судака (по раскопкам 1953 г.). КСИИМК АН СССР, вып. 60, 1955, стр. 102 и 108.

[20] Вряд ли можно допустить существование в X в. термина «горючее», которым мы пользуемся в настоящее время.

[21] Д. А. Авдусин. Отчет ..., стр. 335.

чагами» (кръчага, корчага, къръчага, кръчаг). В. Ф. Ржига считал, что по происхождению это слово «представляет собою не что иное, как общеславянское заимствование от тюрк. слова korčag, алтайск. kurčuk».[22] Думается, что можно предложить и иное решение данного вопроса. Известно, что в Древней Руси кузнец, обрабатывавший железо, назывался «кърчъ», «корчи», что связано с древней Керчью — Къръчевым — районом интенсивной добычи и обработки железа.[23] В этом же районе в больших масштабах изготовлялась амфорная тара, которая с товаром — вином, маслом и нефтью — расходилась через крупные торговые центры Крыма по огромной территории, попадала и к нам на Русь. Такие амфоры назывались у нас «корчагами». Естественно возникает мысль, не сложилось ли это название вследствие того, что сосуды подобного рода приходили на Русь из района Керчи — Корчева, не значит ли «корчага» — «керченский сосуд», «сосуд из Корчева»? Если это так, то в гнездовской амфоре мы имеем любопытный и выразительный пример торговых связей Древней Руси с северо-восточным Причерноморьем. Кто-то из русских, бывших на Тамани или в Керчи, — купец или знатный воин-дружинник — купил большой сосуд-корчагу с нефтью и пометил ее, чтобы не спутать с корчагами, наполненными вином или маслом. А потом этот своеобразный предмет роскоши проделал большой путь на север, в верховья Днепра, где нефть Приазовья освещала жилище знатного воина, похороненного позже в одном из курганов Гнездовского могильника.

---

[22] В. Ф. Ржига. Очерки из истории быта домонгольской Руси. Труды ГИМ, вып. V. М., 1929, стр. 35.

[23] Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948, стр. 134.

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ СТЕКЛЯННЫХ БУС В НЕКОТОРЫХ РАЙОНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В VIII—X ВЕКАХ

З. А. Львова

В настоящее время мы уже имеем достаточно полное представление о восточноевропейских стеклянных бусах VIII—X вв. по целому ряду публикаций как дореволюционных, так и советских авторов. Опубликованные данные позволяют судить как о времени, так и о территории распространения различных типов стеклянных бус интересующего нас периода, но еще не дают права с полным основанием говорить об их местном производстве. Однако, несмотря на сравнительное однообразие стеклянных бус Восточной Европы и отсутствие следов стекловаренных мастерских, все же следует особо выделить стеклянные бусы нескольких пунктов — Земляного городища Старой Ладоги, а также Паломского могильника и городища Редикор в районе верхнего Прикамья. Бусы этих районов заслуживают особого внимания с точки зрения возможности их местного производства.

Остановимся прежде всего на стеклянных бусах нижних слоев городища Старой Ладоги, которые представляют исключительный интерес в силу огромного количества бракованных экземпляров.

Стеклянные бусы древнейших слоев городища Старой Ладоги впервые были исследованы Ф. Д. Гуревич.[1] Используя материалы раскопок в основном 1947 г., автор выделил наиболее характерные типы староладожских стеклянных бус и определил время и территорию их распространения.

Рассмотрим эти бусы, а также встречающиеся на городище бракованные экземпляры бус с точки зрения их изготовления, используя материалы раскопок в основном 1947 и 1950 гг. (1019 бус). Остановимся только на двух группах староладожских бус — многочастных пронизках и мозаичных бусах.

Наиболее многочисленны в Старой Ладоге многочастные пронизки из синего стекла (рис. 1, *1*), а также из заглушенного грязновато-белого стекла, украшенного серебряной фольгой, которая в свою очередь покрыта светло-коричневым стеклянным прозрачным слоем, из-за чего стеклянная пронизка производит впечатление не серебрёной, а золоченой (рис. 1, *2*).

Ф. Д. Гуревич отмечает несколько признаков, роднящих эти бусы между собой. Прежде всего это расширяющиеся в середине каждой бусины (или дольки пронизки) и суживающиеся по направлению к ее концам отверстия для нити. Вторым общим признаком этих бус является двуслойность стенок. Многие синие многочастные пронизки или единичные бусы так же, как и серебрёные, состоят из двух слоев

[1] Ф. Д. Гуревич. Древнейшие бусы Старой Ладоги. СА, т. XIV, 1950, стр. 170—186.

стекла — сравнительно тонкого верхнего и нижнего, составляющего основу бусины.

Далее автор отмечает еще более интересный факт — наличие среди описанных выше типов бус бракованных изделий: у многих бус отверстия для нитей «только намечены, но не проколоты». Ф. Д. Гуревич не делает из этого наблюдения выводов о местном изготовлении перечисленных выше типов бус, однако находка бракованных изделий уже сама по себе должна склонять исследователя к этой мысли.

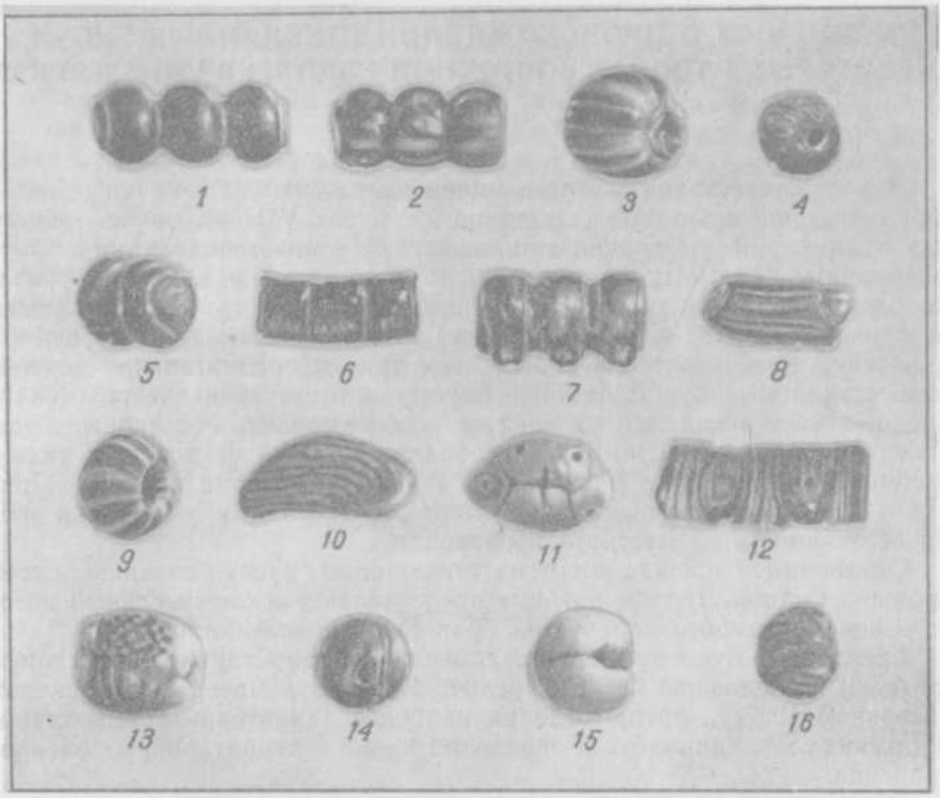


Рис. 1. Стеклянные бусы.

1—4 — бусы первой группы, изготовленные из тянутых стеклянных трубочек; *5—8* — незаконченные и бракованные бусы первой группы; *9—15* — бусы второй группы, изготовленные из тянутых стеклянных палочек, одноцветных или многослойных; *16* — бракованная стеклянная бусина второй группы (увел. в 2 раза)

При внимательном рассмотрении многочастных пронизок с точки зрения их изготовления оказывается, что они представляют собой не что иное, как отрезки вытянутых, зачастую двуслойных стеклянных трубочек, которые в размягченном состоянии перехватывались в нескольких местах щипцами. Так образовывались округлые дольки пронизок с расширяющимися посередине и суженными в местах наложения щипцов отверстиями для нити.

По принципу изготовления все многочастные пронизки можно объединить в одну большую группу. Сюда же включаются и двуслойные лимонообразные бусы с продольными полосками красного, синего, желтого и белого цвета, с расширяющимся в середине отверстием (рис. 1, *3*), а также двуслойные пронизки, подобно серебрёным покрытые слоем коричневого стекла, но в отличие от них не украшенные

фольгой. Из тянутых трубочек изготовлялся, по-видимому, также и разноцветный «рубленый бисер», т. е. несколько закругленные с одной стороны отрезки стеклянных трубочек из синего, желтого или зеленого полупрозрачного стекла (рис. 1, *4*).

Стеклянные бусы всех описанных выше типов, в основе изготовления которых лежит обработка тянутых стеклянных трубочек, составляют в Старой Ладоге 87,6% общего количества просмотренных нами бус (1019 шт.).

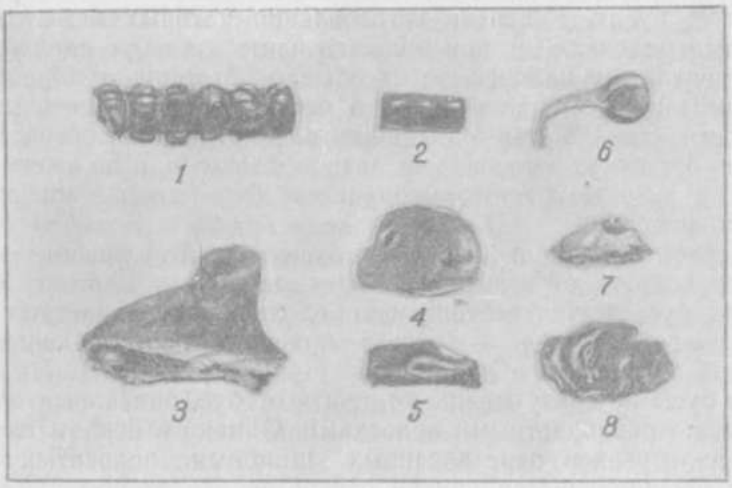


Рис. 2. Бракованные стеклянные бусы и отходы стекольного производства.

1 — бракованная бусина первой группы; *2* — кусочек трубочки из синего стекла; *3, 4* — бесформенные куски бирюзового и зеленоватого стекла; *5* — осколок тянутой ленты из печеночно-красного стекла; *6* — кусочек тянутого синего стекла со следами от щипцов; *7, 8* — комки из сваренных вместе разноцветных бус (нат. вел.).

Знакомство со способом изготовления бус дает возможность объяснить причины возникновения бракованных экземпляров. Прежде всего отсутствие на многих бусах отверстий для нити объясняется тем, что узкие участки отверстия заплывали во время перехвата разогретой стеклянной трубки щипцами (рис. 1, *5*).[2] При обработке стеклянных трубочек брак мог происходить и по ряду других причин. Для получения пронизок с округлыми дольками, по-видимому, было необходимо или поворачивать зажатую в щипцах трубочку, или, наоборот, неоднократно перехватывать ее в одном и том же месте с разных сторон, иначе пронизка имела бы сильно упрощенный вид. Куски таких неумело перехваченных синих трубочек также встречаются на городище (рис. 1, *6*).[3]

Бракованные экземпляры, в частности серебрёных пронизок, образовывались также и по другой причине. Верхний предохранительный слой светло-коричневого стекла наносили на почти готовую пронизку, по-видимому, в виде продольных лент. В тех случаях, когда он нанесен неровно, на пронизках наблюдаются продольные выпуклые утолщения, или шовики, если ленты частично совместились, или продольные щели, если ленты предохранительного стекла наложены неплотно одна к другой (рис. 1, *7*; 2, *1*). В некоторых случаях большая часть поверхности

[2] Гос. Эрмитаж, ОИПК, ЛС-2091.
[3] Гос. Эрмитаж, ОИПК, ЛС-318, 576.

бусины бывает и вовсе не покрыта предохранительным стеклом.[4] Наконец, к четвертому виду брака можно отнести еще не перехваченный щипцами отрезок бесцветной стеклянной трубочки с верхним светло-коричневым слоем стекла (рис. 1, *8*).[5]

Таким образом, бракованные многочастные пронизки и единичные лимонообразные бусы Старой Ладоги можно рассматривать как результат небрежности уже при вторичной обработке стеклянных трубочек.

Далее следует остановиться на немногочисленных в Старой Ладоге стеклянных бусах, в основе изготовления которых лежит обработка стеклянных палочек. Так как большая часть этих бус сделана из пестрых многослойных палочек, то их обычно объединяют под общим термином «мозаичные», различая их в основном по форме и рисунку на поверхности. Однако при ближайшем рассмотрении способы изготовления таких бус могут быть весьма разнообразными, и по этому принципу всю массу известных нам «мозаичных» бус можно разделить на несколько подгрупп.

К первой подгруппе относятся бусы, представляющие собой продольно проколотые отрезки двуслойных стеклянных палочек. Наружный слой этих бус обычно состоит из продольных разноцветных полосок стекла синего, желтого, белого и красного цвета. Основа бусины состоит из зеленоватого или бурого стекла (рис. 1, *9*). По внешнему виду эти бусы не сразу можно отличить от бус, описанных нами выше, с такими же разноцветными полосками. Однако в первом случае бусы состоят из отрезков перехваченных щипцами полосатых трубочек и имеют расширяющееся внутри отверстие. Во втором случае основу бусины составляет закругленный и сглаженный отрезок такой же полосатой снаружи палочки, который затем специально прокалывали (рис. 1, *3* и *9*).[6]

Вторую подгруппу составляют бусы, являющиеся поперечно-проколотыми отрезками многослойных палочек. Для изготовления этих бус обычно применялись палочки, имеющие наиболее интересный рисунок не с поверхности, а в разрезе. Поверхность таких бус обычно бывает украшена двумя симметрично расположенными глазками, рисунок которых соответствует рисунку разреза многослойной палочки. Весьма немногочисленные в Старой Ладоге бусы подобного рода обычно состоят из очень тонких отрезков многослойных палочек. Обе плоские стороны таких бус обычно украшены одинаковым цветным узором в виде концентрических кругов или расположенных в шахматном порядке разноцветных квадратиков. Всю остальную поверхность бусины заполняют чередующиеся цветные полоски (белые и синие или зеленые и зеленовато-желтые), соответствующие полосатой поверхности первоначальной палочки.[7] Другим типом староладожских мозаичных бус этой подгруппы являются также весьма немногочисленные округлые бусины, украшенные в местах срезов первоначальной палочки двумя симметричными узорами, чаще всего из расположенных в шахматном порядке квадратиков. Остальную поверхность бусины заполняют поперечные полоски. При изготовлении некоторых бус отрезку многослойной палочки придавалась форма медвежьего клыка

---

[4] Гос. Эрмитаж, ОИПК, ЛС-201, 1462.
[5] Гос. Эрмитаж, ОИПК, ЛС-464.
[6] Гос. Эрмитаж, ОИПК, ср. образцы ЛС-51, 112, 1433 и ЛС-111, 161, 181, 436, 579, 605, 1201.
[7] Гос. Эрмитаж, ОИПК, ЛС-2086, ЛС-180.

(рис. 1, *10*) или сердечка. В материалах раскопок Старой Ладоги (1957 г.) имеется только два экземпляра подобных бус.[8]

Мозаичные бусы третьей подгруппы целиком состоят из сплавленных вместе отрезков стеклянных палочек (рис. 1, *11*). Иногда вся бусина бывает сплавлена из несколько расплющенных отрезков многослойных в разрезе и зачастую полосатых снаружи стеклянных палочек. Способ изготовления бусины обусловливает очень оригинальный рисунок на ее поверхности. Вся поверхность таких бус обычно бывает испещрена пестрыми глазками с расходящимися от них чередующимися темно- и светло-зелеными или голубыми лучиками.

Другие бусы третьей подгруппы имеют цилиндрическую форму и состоят как бы из нескольких частей. Ряды сплавленных между собой цветных глазков в виде отрезков многослойных палочек чередуются с колечками из синих полосок, которые в свою очередь украшены тонкими белыми и красными продольными нитями. Рисунки цветных глазков бывают различными. Из них наиболее интересен шахматный узор из разноцветных квадратиков (рис. 1, *12*).

Одна такая бусина заслуживает особого внимания. В отличие от описанных выше пронизок, она имеет не цилиндрическую, а боченкообразную форму и состоит только из трех частей. Вся ее средняя часть заполнена сплавленными между собой глазками с шахматным узором. Обрамляющие бусину с обоих концов цветные полоски состоят из желтого непрозрачного стекла (рис. 1, *13*).[9]

Вплотную к мозаичным примыкают менее нарядные, но изготовленные по тому же принципу бусы четвертой подгруппы, сделанные из отрезков одноцветных палочек. Для получения такой бусины палочку сгибали пополам, образовывая округлый мешочек с отверстием в виде щели как раз в том месте, где сошлись оба конца согнутой палочки. В середину бусины в отверстие в виде щели просовывали твердый стерженек, чтобы проткнуть бусину насквозь (рис. 1, *14, 15*).

Все эти типы староладожских бус, в основе изготовления которых лежит обработка стеклянных палочек, составляют всего 5,6% из общего количества 1019 бус, но представляют не меньший интерес, нежели описанные выше многочастные пронизки, так как и среди них также встречаются бракованные экземпляры.

Одна заготовка для бусины подобного рода представляет собой отрезок согнутой пополам, но не проколотой насквозь черной стеклянной палочки с продольными желтыми прожилками (рис. 1, *16*).[10] Другие имеют вид сложенных пополам и окатанных в виде шарика, но не проколотых до конца заготовок.[11]

Как уже видно из исследования Ф. Д. Гуревич, большая часть стеклянных бус из нижних слоев Старой Ладоги (VIII—IX вв.) имеет многочисленные аналогии по всей территории Восточной Европы, где они «не являются украшениями, свойственными определенной этнической группе, а встречены в памятниках славянских, болгарских, хазарских, народов Кавказа и т. п.»[12]

Более того, многие из них, как, например, многочастные пронизки, украшенные серебряной фольгой и верхним слоем светло-коричневого стекла, встречаются далеко за пределами Восточной Европы — на тер-

---

[8] Гос. Эрмитаж, ОИПК, ЛГ-866, ЛГ-788.
[9] Гос. Эрмитаж, ОИПК, ЛС-348.
[10] Гос. Эрмитаж, ОИПК, ЛГ-956.
[11] Гос. Эрмитаж, ОИПК, 13/1522, 16/4839, 16/6175.
[12] Ф. Д. Гуревич, ук. соч., стр. 179.

ритории современной Польши[13] (в погребении III в. н. э.), в Болгарии[14] (могильник VIII—IX вв.), Чехословакии[15] (могильник VIII—IX вв.), в Швеции[16] (Бирка), а также в Индии.[17]

Далеко за пределами Восточной Европы встречаются также округло-вытянутые мозаичные бусы из сваренных вместе расплющенных отрезков многослойных полосатых палочек. Рисунок на поверхности такого рода бус имеет вид многократно повторяющихся желтых глазков в красном обрамлении, от которых отходят зеленые лучики.

Аналогии таким бусам встречаются в Коптском Египте IV—VI вв.[18]

Таким образом, большую часть стеклянных бус Старой Ладоги можно считать привозной скорее всего из стран Ближнего Востока, где еще во второй половине I тысячелетия до н. э. стали изготовляться золоченые пронизки из тянутых стеклянных трубочек и где впервые была освоена техника изготовления мозаичного стекла.[19] Бракованные экземпляры могли также завозиться в Старую Ладогу среди такого массового товара, как стеклянные бусы.

В то же время, так как бусы Старой Ладоги сделаны из дополнительно обработанных стеклянных трубочек и палочек, то бракованные бусы можно рассматривать и как результат небрежности уже при вторичной обработке стеклянных трубочек и палочек. Если при этом принять во внимание возможность перевозки стеклянных украшений в виде полуфабрикатов, что неоднократно подчеркивалось Н. Н. Качаловым и М. А. Безбородовым,[20] то можно предположить, что некоторая часть стеклянных бус могла ввозиться в Старую Ладогу в виде еще не обработанных трубочек и палочек и окончательно обрабатывалась уже на месте.

О возможности существования такого рода производства стеклянных украшений свидетельствует также наличие в Старой Ладоге стеклянного брака несколько иного характера, чем описанный выше. Прежде всего, это очень коротенькие кусочки палочек из прозрачного или заглушенного синего, желтого или сиреневого стекла (рис. 2, *2*).[21] Не меньший интерес представляют также бесформенные оплавленные комки прозрачного или заглушенного бирюзового, печеночно-красного, зеленоватого или синего стекла, часто со следами от щипцов (рис. 2, *3—4*);[22] мелкие осколки тянутых стеклянных лент из синего и пече-

---

[13] J. Jaskanis. Sprawozdanie z badań w 1956 r. na cmentarzysku kurhanowym w miejscowości Osowa, pow. Suwalki. Wiadomości archeologiczne, t. XXV, 1—2. Warszawa, 1958.

[14] Материалы раскопок славянского некрополя VIII—IX вв. в Букевци, р-н Ореховска. Болгария.

[15] Материалы раскопок славянского некрополя VIII—IX вв. в Старом Месте на территории Великоморавского княжества.

[16] Holger Arbman. Birka I. Die Gräber. Stockholm, 1940, табл. 117—118; 120—124.

[17] Memoirs of the archaeological Survey of India, No 65. The beads from Taxila. Pl. IX, No 17, 33, 34, 41. 1941.

[18] Гос. Эрмитаж, ОЗВ, 99/1158—1159.

[19] A. Kisa. Das Glas im Altertume. Leipzig, 1908, стр. 120, 129, 130.

[20] М. А. Безбородов. Химический состав и технологические приемы производства стекла в Древней Руси. ДАН СССР, новая серия, т. 97, № 6, 1954, стр. 1041—1045; М. А. Безбородов. Древнерусские стекла и огнеупорные изделия (химико-технологическое изучение древнерусских стекол и огнеупоров из археологических раскопок). КСИИМК, вып. 62, М., 1956 стр. 82—83; М. А. Безбородов. Стеклоделие в Древней Руси. Минск, 1956, стр. 267—268.

[21] Гос. Эрмитаж, ОИПК, 12/1125, ЛА-623, ЛА-625, СЛ-1463, ЛД-611 и др.

[22] Гос. Эрмитаж, ОИПК, 12/1092, 12/1204, 12/1269, 13/2474, 3/2830, 16/2632, 16/6077, ЛА-364, ЛС-213, ЛС-600 и др.

ночно-красного стекла (рис. 2, *5*),[23] маленькие кусочки синего прозрачного стекла в виде запятой со следами от щипцов (рис. 2, *6*);[24] бесформенные оплавленные комки из сваренных вместе разноцветных бус (рис. 2, *7—8*) и др.[25]

Наличие брака такого рода может свидетельствовать об изготовлении стеклянных бус не только из полуфабрикатов в виде трубочек и палочек, но и прямо из вязкой стеклянной массы, которую в свою очередь могли получать от переплавки, по-видимому, битых бус.

В связи со всем сказанным следует также особо выделить две стеклянные пронизки в виде медвежьих клыков. Одна такая пронизка из раскопок Старой Ладоги уже упоминалась выше (рис. 1, *10*). Другая известна из материалов Салтовского могильника. Обе сделаны из отрезков тянутых трехслойных палочек одной и той же расцветки — поперечный срез палочек имеет вид желтого кружка в красном обрамлении, наружная поверхность покрыта чередующимися светло- и темно-зелеными прожилками.

Как уже говорилось выше, мозаичные бусы, сделанные из палочек тех же самых расцветок, еще в IV—VI вв. бытовали в Коптском Египте. В то же время трудно представить, что пронизка-амулет в виде медвежьего клыка могла быть сделана в одной из стран мусульманского Ближнего Востока. Таким образом, стеклянные бусы Старой Ладоги представляют исключительный интерес и заслуживают особого внимания.

Как уже говорилось выше, кроме Старой Ладоги стеклянные бусы известны в целом ряде других городищ и могильников VIII—IX вв. от севера до крайнего юга Восточной Европы, на территории Швеции[26] (Бирка), на острове Готланд,[27] а также в Европейской части СССР — в Прибалтике,[28] в низовьях Волхова (сопки волховского типа),[29] в Южном Приладожье (курганы Южного Приладожья),[30] на Верхнем Днепре (Гнездовские курганы),[31] на Дону (большое Боршевское городище),[32] в Днепровском левобережье (Новотроицкое городище);[33] далее к востоку и юго-востоку от территории восточных славян бусы встречаются в районе притоков Верхней Волги (Лядинский и Томниковский могильники),[34] в районе Верхнего Прикамья (Паломский могильник[35] и городище Редикор[36]), в районе Средней Волги (Болгары),[37]

---

[23] Гос. Эрмитаж, ОИПК, 16/6167, 18/1495, Л-201 и др.

[24] Гос. Эрмитаж, ОИПК, ЛА-389, СЛ-317, ЛД-493 и др.

[25] Гос. Эрмитаж, ОИПК, 13/1561, Л-1950, ЛА-287, ЛД-531 и др.

[26] Holger Arbman. Birka I, Die Gräber, табл. 117—124.

[27] Holger Arbman. Schweden und das Karolingische Reich. Studien zu den Handelsverbindungen des IX Jahrhunderts. Stockholm, 1937, табл. 53, 54.

[28] Ф. Д. Гуревич, ук. соч., стр. 178.

[29] С. Н. Орлов. Сопки волховского типа около Старой Ладоги. СА, XXII, 1955, стр. 195.

[30] Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. МАР, № 18. СПб., 1895, стр. 53—57, табл. XIV, *20, 31, 32*.

[31] А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. ИАК, № 15, рис. 1, 3, 4, 10, 17, 19, 45.

[32] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА, № 8, 1948, стр. 55.

[33] Гос. Эрмитаж, ОИПК, колл. Нт.

[34] В. Н. Ястребов. Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии. МАР, № 10. СПб., 1893, табл. XII, *1, 2, 4—7, 9, 11, 14, 17, 20, 21*. Гос. Эрмитаж, ОИПК, колл. 758, 759.

[35] Гос. Эрмитаж, ОИПК, колл. 606.

[36] Гос. Эрмитаж, ОИПК, колл. 535.

[37] А. Д. Лихачев. Бытовые памятники Великой Болгарии, Труды II, АС, т. II. СПб., стр. 34.

на Дону (Салтовский могильник),[38] на Северном Кавказе,[39] в Средней Азии[40] и т. д.

Непосредственное знакомство с рядом коллекций приводит к выводу, что большая часть этих бус, так же как и в Ладоге, сделана из тянутых стеклянных трубочек и палочек. Так, например, из общего количества 80 просмотренных нами стеклянных бус Новотроицкого городища[41] бусы, изготовленные из тянутых трубочек, составляют 93,7%. В Салтовском могильнике[42] из общего количества 2260 просмотренных бус 72,61% изготовлены из тянутых стеклянных трубочек, 22,58% — из тянутых стеклянных палочек. В Дмитровском могильнике[43] из 252 бус 42,04% изготовлены из тянутых стеклянных трубочек, 50,77% — из палочек. В Томниковском могильнике[44] из 1965 бус 93,45% сделаны из трубочек и 6,12% — из палочек.

Предварительное ознакомление с бусами Старой Ладоги почти избавляет от необходимости подробного описания стеклянных бус всех этих могильников и городищ в данной статье, так как по большей части эти бусы аналогичны ладожским не только по способу изготовления, но и в полном смысле — по форме, окраске и орнаментации. Бусы из тянутых трубочек представлены в основном многочастными пронизками и сильно оплавленным и окатанным бисером, бусы из тянутых палочек представлены по большей части мозаичными экземплярами. Однако два памятника в районе реки Вятки (Верхнее Прикамье) заслуживают в этом отношении особого внимания. Это — городище Редикор и Паломский могильник. Остановимся на них более подробно.

Стеклянные бусы Паломского могильника (X в.)[45] были нами просмотрены в количестве 5920.[46]

Как и в большей части восточноевропейских городищ и могильников VIII—X вв., бусы эти сделаны двумя способами — из тянутых трубочек или из палочек. В то же время по форме, окраске и орнаментации они не имеют с вышеописанными бусами ничего общего. Так, среди бус первой группы из тянутых трубочек (58,32% из всего количества) в Паломском могильнике преобладает очень редкий в других местах «рубленый бисер» в виде коротких отрезков стеклянных трубочек с острыми или слегка оплавленными краями из бирюзового, желтого и печеночно-красного стекла (51,3%).

Бусы второй группы, в основе изготовления которых лежит обработка тянутых стеклянных палочек, составляют 41,65% из общего количества бус, но и среди них наибольший процент составляют типы, почти неизвестные ни в Старой Ладоге, ни в других названных выше восточно-европейских могильниках и городищах. Это округлые, боченкообразные или с неясными шестью гранями, реже призматические бусы, обычно имеющие узенькое отверстие, один конец которого производит впечатление щели (41,3% из всего просмотренного количества). Как и «рубленый бисер», эти бусы состоят из бирюзового, желтого и пече-

---

[38] Гос. Эрмитаж, ОИПК, колл. 1107, 905.
[39] Ф. Д. Гуревич, ук. соч., стр. 178, 179.
[40] Гос. Эрмитаж, ОСВ, СА-14699.
[41] Гос. Эрмитаж, ОИПК, колл. Нт.
[42] Гос. Эрмитаж, ОИПК, колл. 1107, 905.
[43] Материалы раскопок 1958 г. Дмитровского могильника. М., Институт археологии АН СССР.
[44] Гос. Эрмитаж, ОИПК, колл. 758, 759.
[45] М. В. Талицкий. Верхнее Прикамье в X—XIV вв. МИА, № 22. М., 1951, стр. 96.
[46] Гос. Эрмитаж, ОИПК, колл. 606.

ночно-красного заглушенного стекла и очень редки в Восточной Европе.

Стеклянные бусы городища Редикор (X—XIII вв.)[47] были нами просмотрены всего в количестве 183,[48] но и среди них также наибольший процент составляют характерные для Паломского могильника бусы из тянутых стеклянных палочек желтого, бирюзового и печеночно-красного цветов (78,14%). Форма бус такая же, как и в Паломском могильнике: неправильно округлая, боченкообразная, в виде куба со срезанными углами, призматическая и т. д. Различного рода многочастные пронизки и рубленый бисер составляют здесь сравнительно небольшой процент — 9,83.

Существование в районе реки Вятки такого ярко выраженного локального района распространения стеклянных бус уже само по себе может свидетельствовать о возможности существования в X в. собственного производства стеклянных бус где-то на территории, примыкающей с севера к волжским болгарам.

Химический анализ призматической печеночно-красной бусины X в. (Калининская область, д. Посады)[49] также подтверждает предположение о возможности изготовления бус на территории континентальной Восточной Европы — бусина состоит из свинцово-кремнеземного стекла. Только центр ее изготовления следует искать не на территории Древней Руси,[50] а в северо-восточных районах, граничащих с Волжской Болгарией, где локализуются эти и другие подобные им бусы из печеночно-красного, бирюзового и желтого стекла.

Таким образом, беглое ознакомление со стеклянными бусами Восточной Европы VIII—X вв. позволяет высказать предположение о возможном существовании собственного производства стеклянных бус в Старой Ладоге и в районе реки Вятки. В Старой Ладоге стеклянные бусы могли изготовляться из привозных стеклянных палочек и трубочек и из стеклянного боя, в районе реки Вятки — из сваренного на месте заглушенного стекла желтого, бирюзового и печеночно-красного цветов.

Вследствие этого в дальнейшем следует обратить особое внимание на стеклянные бусы именно этих районов и остановиться на них уже значительно более подробно, не только с учетом возможных способов изготовления бус, но и применяя такие методы исследования, как спектральный и химический анализы.

---

[47] М. В. Талицкий, ук. соч., стр. 90.

[48] Гос. Эрмитаж, ОИПК, колл. 535.

[49] М. А. Безбородов. Технология производства стеклянных бус в древности. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М., 1959, стр. 231, табл. III, обр. № 468.

[50] М. В. Фехнер. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М., 1959, стр. 171.

К ОЦЕНКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СТРОЯ СОБОРА ВАСИЛИЯ БЛАЖЕННОГО

Н. Н. Воронин

Покровский собор «на рву» в Москве (Василий Блаженный) является едва ли не величайшим творением всего древнерусского зодчества по национальному своеобразию своего облика, по поразительному богатству и силе архитектурной фантазии. Можно сказать, что в сущности к нему подводит предшествующая история русской архитектуры, история поисков динамической композиции здания, отраженная в творчестве выдающихся мастеров XII—XIII вв. — полочанина Иоанна, смольнянина Петра Милонега, псковича Кирилла.[1] Василий Блаженный — итог многовекового развития древнерусского зодчества. Последующая история русской архитектуры XVI—XVII вв. во многом определяется борьбой за художественное наследие гениального Постника Яковлева-Бармы.[2] Острота этой борьбы, в которой народные тенденции «обмирщения» культового зодчества сталкиваются с ортодоксальной художественной политикой господствующей церкви, свидетельствует о глубоких народных основах созданного Постником-Бармой шедевра. Эта мысль о народности и национальном своеобразии архитектуры Василия Блаженного была четко и ярко сформулирована еще И. Е. Забелиным.[3] Однако специального анализа и характеристики художественного строя прославленного памятника в этом отношении сделано не было.

В другой связи мне пришлось уже коснуться этой темы. Я отметил, что художественные особенности Василия Блаженного восходят в конечном счете к мировоззрению крестьянства, его художественным взглядам, к особенностям народного восприятия живописности в архитектуре как живописности естественной, растительной и динамики, воплощенной в архитектурных формах, как реального органического роста, естественного движения природы.[4] В подтверждение этого положения я привел цитату из русской былины, где у сказочного терема

Вершочки с вершочками свивалися,
Потоки с потоками срасталися,
Крылечки с крылечками сплывалися.[5]

В варианте этой поэтической характеристики мы находим:

---

[1] Н. Н. Воронин. У истоков русского национального зодчества. «Ежегодник Института истории искусств. 1952». М., 1952, стр. 257—316.

[2] Н. Ф. Калинин. Постник-Барма — строитель собора Василия Блаженного в Москве и Казанского кремля. СА, 1957, № 3, стр. 261—264.

[3] И. Е. Забелин. Русское искусство. М., 1900.

[4] Н. Н. Воронин. Архитектурный памятник как исторический источник. СА, XIX. М., 1954, стр. 66—68.

[5] Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. II. М., 1910, стр. 156.

Собор Василия Блаженного (до реконструкции)

Вьюночки с вьюночками свивалися...

Это не просто произвольная замена слова «вершочек» словом «вьюночек», а реальная архитектурная подробность. Об этом свидетельствует сохранившаяся доныне необычайная архитектурная деталь Василия Блаженного — изготовленные из полосового железа спиральные «вьюнки», бегущие по ребрам его центрального шатра. Другая архитектурная деталь Василия Блаженного — майоликовые звезды на гранях его шатра — также находит параллель в сказочных архитектурных образах былин, где терем украшен звездами:

На небе месяц, в тереме месяц,
На небе звезды, в тереме звезды...

Правда, здесь речь идет о реальных подвесных потолках в деревянных храмах или хоромах, украшенных изображениями светил и называвшихся «небом».[6] Постник-Барма перенес эти символы неба в наружную архитектуру. Названные детали убора шатра Василия Блаженного нигде более не повторялись.

Однако гораздо более интересны не эти частные совпадения реальных деталей Василия Блаженного с образами былинной архитектуры. Сам строй образа прославленного памятника имеет сходство с художественным строем и поэтикой русского народного эпоса.

Приведем некоторые параллели, пользуясь исследованием А. П. Скафтымова о поэтике былин.[7]

Основной художественной идеей Василия Блаженного является прославление «казанской победы», идея, близкая былинам, где «пафос победы» — основной мотив.[8] К его выявлению направлены все художественные средства народных поэтов. К основной теме прикрепляются побочные, «иерархически соподчиненные» сюжеты, способствующие ее эффекту.[9] Этот общий композиционный прием с полной отчетливостью проведен в иерархической соподчиненности столпов Василия Блаженного, где при всей сложности и декоративности целого идеально выражено господство столпа Покровского храма. Эта подчиненность частей здания в то же время содержит идею единого государства, подчиненного царской власти. Звучание основной темы усиливается в былинах приемом резонации, эпического повторения и «напластования» образов, сравнений, «арифметической картинностью» построения.[10] В соборе Василия Блаженного боковые столпы также вторят концепции центрального храма, идея их неудержимого органического роста вверх подчеркнута «напластованием» рядов кокошников и их «сгущением» на среднем столпе.

В былине «сосредоточенность рассказа на действиях героя создает решительное преобладание динамики над элементами статики»; отсюда «непрерывность и стремительность слитных предложений с множеством сказуемых при одном подлежащем и незначительном количестве самых необходимых второстепенных членов»; в заключительных частях эпизодов былины ритм замедляется: «в последнем случае иногда происходит особенное сгущение движений и состояний, глагольные стержни учащаются, сплетаются, образуют единую массу то рядоположных, то пересекающихся пятен и линий... динамика оказывается на рубеже и частью

---

[6] Д. В. Айналов. Очерки и заметки по истории древнерусского искусства. ИОРЯС, т. XVIII, кн. 3. СПб., 1913, стр. 108.
[7] А. П. Скафтымов. Поэтика и генезис былин. Москва — Саратов, 1924.
[8] Там же, стр. 67.
[9] Там же, стр. 71.
[10] Там же, стр. 72—73.

как бы переходит в статику».[11] Приведенные средства ритмической выразительности речевого потока былины совпадают с методом нарастания, борьбы и «сгущения» декоративных форм в динамике центрального столпа Василия Блаженного. Характерно при этом, что его ритм несравненно энергичнее, нежели в боковых и диагональных башнях, где вертикальные силы побеждаются тяжестью венчающих столп горизонталей карнизов, кокошников и массивностью самих завершающих столп глав. В этом ритмическом противопоставлении также можно усмотреть параллель эпического приема сравнения качеств главного персонажа с второстепенными или контраста образа героя с образом его противника. В самом принципе построения эпического былинного образа от недоверия к герою к его возвеличению и победе, рассчитанном на чисто психологический эмоциональный эффект контраста и неожиданности,[12] есть сходство с композицией центрального столпа Василия Блаженного, когда движение, замедленное в нижних ярусах горизонталями, прорывается наконец во все более нарастающем темпе — в органическом росте сочных «лепестков» кокошников.

Из сопоставления народных былин с разработкой аналогичных по идее сюжетов в церковной литературе выясняется реалистическая линия народного творчества — сила духовная сменяется физической мощью героя, магические средства победы (крест, священный предмет) — реально весомым оружием воина.[13] Здесь также общий строй собора Василия Блаженного не расходится с народным эпосом. Сравнивая его живописную динамику с отвлеченной геометричностью замкнутых в себе и изолированных от внешнего мира крестовокупольных храмов, образ которых воплощает абстрактную идею «дома божьего», с совершенной очевидностью ощущаем различие смысла этих двух систем. При всем стремлении столпов Василия Блаженного ввысь они лишены малейшего привкуса мистического «ухода от земли». «Готической выспренности у нас не замечается нигде», — писал И. Е. Забелин.[14] Напротив, вертикальное движение столпов столь органично, что подчеркивает обратное — силу земного плодородия и неисчерпаемого многообразия его проявлений. Эту черту архитектуры собора хорошо ощутил и наш современник-поэт:

Не памяти юродивой
Вы возводили храм,
А богу плодородия,
Его земным дарам...[15]

Храм Василия Блаженного, если можно так выразиться, насквозь материалистичен, движение его форм чуждо кристаллической ломкости готики и глубоко родственно мощному, напоенному соком земли росту роскошного сказочного растения. Это материалистическое начало Василия Блаженного также сближает его с народной поэзией.

Постник-Барма воспринял художественный опыт многих поколений русских зодчих; богатство их наследия позволяло уже некоторую роскошь чисто эстетической, декоративной игры форм. В этом смысле Постник-Барма был подлинным выразителем народной эстетики. Стремление народного эпоса к красочным аксессуарам быта, одежд, вооружения героев, сказывающееся в детальном описании богатырского убранства,

---

[11] А. П. Скафтымов, ук. соч., стр. 88—89.
[12] Там же, стр. 49—58.
[13] Там же, стр. 104 и сл.
[14] И. Е. Забелин, ук. соч., стр. 136.
[15] А. Вознесенский. Василий Блаженный. (Стихи). «Лит. газета», 1958, 30 сентября, № 117.

выражено иногда в гиперболических идеальных формах, но никогда не приобретало духа условности и отвлеченности. Это были образы той идеальной красоты и того рисовавшегося народной фантазии прекрасного будущего, которое выражалось реально в виде ли заманчивой рыбы «семжинки-белужинки», в виде ли «шолковых лапотков», в образе ли пашущего «золотой сохой» царевича-пахаря Микулы Селяниновича.[16] Так идеальное становилось реальным, эстетическое срасталось с жизненными устремлениями народа. Именно этой любовью к идеальной декоративности, украшенности, дробности драгоценных деталей наполнен образ собора Василия Блаженного, сотканный из многих «образцов и переводов».[17] Именно поэтому и его последующая декоративная раскраска не может быть оценена как позднейшее искажение, «чужое платье», она развивала и заложенные в его первоначальном образе начала. Характерно обилие в этой росписи цветов и растений, еще глубже раскрывающих «растительное» и земное в художественной философии этого храма. Подобно былине, собор Василия Блаженного был, с одной стороны, итогом многовекового художественного опыта, с другой стороны, его создание не закончилось освящением в 1560 г.; образ храма, подобно былине, продолжал развиваться в атмосфере глубокой народной любви, и его красота усложнялась и обогащалась последующими поколениями.

---

[16] А. П. Скафтымов, ук. соч., стр. 123—125.

[17] В этом смысле собор Василия Блаженного может быть сопоставлен с такими созданиями XVI в., как Лицевой летописный свод, Великие Минеи-Четьи и Степенная книга. Подобно тому, как эти энциклопедические труды перерабатывали и обобщали в единой концепции историю государства и церкви, собор Василия Блаженного был своего рода архитектурной энциклопедией XVI в., обобщавшей и двигавшей вперед весь предшествующий опыт русского зодчества.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЧПЕ	— Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы.
АС	— Археологический съезд.
БСЭ	— Большая советская энциклопедия, 2-е изд.
ВДИ	— Вестник древней истории.
ВИ	— Вопросы истории.
ДАН	— Доклады Академии наук СССР.
ДГС	— Древности Геродотовой Скифии.
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения.
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества.
ЗСОИРГО	— Записки Западносибирского отдела Императорского русского географического общества.
ИАК	— Известия Археологической комиссии.
ИАН ТССР	— Известия Академии наук Таджикской ССР.
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры.
ИОАИЭ	— Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете.
ИОРЯС	— Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии Академии наук Украинской ССР.
КСИИМК	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР.
МАК	— Материалы по археологии Кавказа.
МАР	— Материалы по археологии России.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР.
ОАК	— Отчет Археологической комиссии.
ПИДО	— Проблемы истории докапиталистических обществ.
СА	— Советская археология.
СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа.
СЭ	— Советская этнография.
ТЮТАКЭ	— Труды Южнотуркменской комплексной археологической экспедиции.
AH	— Archaeologia Hungarica.
ESA	— Eurasia Septentrionalis Antiqua.
IPE	— Inscriptiones antiquae septentrionalis Ponti Euxini (B. Latychev).
JNES	— Journal of Near Eastern Studies.
SC	— Scythica et Caucasica. (В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. 1893—1906).
WA	— Władomości archeologiczne.
Z. f. E.	— Zeitschrift für Ethnologie.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Научная деятельность М. И. Артамонова 5
Список печатных работ М. И. Артамонова 7
П. И. Борисковский. К вопросу о древнейших землекопных орудиях 12
З. А. Абрамова. Памятники палеолитического искусства на территории СССР 17
А. Д. Столяр. Об исторических корнях культуры надпорожского неолита . . 34
И. Н. Хлопин. Некоторые вопросы развития древнейших земледельцев 47
Т. Д. Белановская. Раннетрипольское поселение Лука-Устинская 56
Л. С. Клейн. О хронологических и генетических взаимоотношениях локальных вариантов катакомбной культуры 69
В. Д. Рыбалова. О связях Правобережной лесостепной Украины с Центральной Европой в эпоху поздней бронзы и раннего железа 80
Л. Я. Крижевская и *Н. А. Прокошев*. Турбинский могильник на р. Каме . . 96
Б. А. Латынин. Вопросы хронологии земледельческих культур древней Ферганы 111
В. П. Шилов. К вопросу о происхождении ананьинской культуры 120
В. Ф. Гайдукевич, К. Михаловский. Мирмекий в свете советско-польских исследований 1956—1958 гг 127
М. П. Грязнов. Так называемые оселки скифо-сарматского времени 139
А. П. Манцевич. Бронзовые котлы в собрании Государственного Эрмитажа. (Котел из кургана Солоха) 145
Л. Г. Нечаева. Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе 151
С. С. Сорокин. Древние скотоводы ферганских предгорий 160
А. П. Окладников. Культурно-этнические связи тюркского Прибайкалья VI—X вв. с Западом (орнамент венгерских пластин для украшения сумок X в. и манхайские гравированные плитки) 167
Ф. Д. Гуревич. Этнический состав населения Верхнего Понеманья по археологическим данным второй половины I тысячелетия н. э. 174
С. А. Плетнева. О некоторых погребальных обычаях аланских племен Подонья 182
Л. С. Кухарева. Могильник кочевников у села Максимовка на Днепре 194
И. И. Ляпушкин. К вопросу о культурном единстве славян 203
Г. И. Смирнова. Раннеславянское поселение в с. Незвиско Станиславской области 210
Г. Ф. Корзухина. О гнездовской амфоре и ее надписи 226
З. А. Львова. К вопросу о происхождении стеклянных бус в некоторых районах Восточной Европы в VIII—X веках 231
Н. Н. Воронин. К оценке художественного строя собора Василия Блаженного 240
Список сокращений 245

KGP304dZn0K07H

STUDIES IN ARCHAEOLOGY PRESENTED TO PROFESSOR M. I. ARTAMONOV

CONTENTS

Pp.

M. I. Artamonov's scientific activity 5
List of M. I. Artamonov's books and articles 7
P. I. Boriskovsky. On the question of the most ancient digging tools 12
Z. A. Abramova. Records of the paleolithical arts on the territory of U.S.S.R. . 17
A. D. Stolyar. On the historical roots of the Nadporozhye neolithic culture 34
I. N. Khlopin. Some questions of the most ancient agricultural peoples' development 47
T. D. Belanovskaya. Early-Tripolyean village Luka-Ustinskava 56
L. S. Klein. On the chronological and genetic interrelations of the Catacomb-grave culture local varieties 69
V. D. Rybalova. On the Right-bank forest-steppe Ukraine connections with Central Europe in the Bronze and Early Iron Age 80
L. J. Krizhevskaya and [N. A. Prokoshev]. Turbino cemetery on the r. Kama 96
B. A. Latynin. Some problems of chronology of the Ancient Fergana agricultural areas 111
V. P. Shilov. On the question of the Ananyino culture origin 120
V. F. Haidukevich, K. Mikhalovsky. Mirmekios in the light of the new Soviet-Polish explorations 1956—1958 127
M. P. Gryaznov. On the so-called whetstones of the Scythian and Sarmatian epoch 139
A. P. Mantsevich. Bronze kettles from the collections of the State Hermitage (the kettle from the Solokha barrow) 145
L. G. Nechayeva. On the ethnic determination of the recess-and catacomb-graves of the Sarmatian epoch in the basin of the Lower Volga and in the North Caucasus 151
S. S. Sorokin. Ancient cattle-breeding peoples of the Fergana foothills 160
A. P. Okladnikov. Baikal Turks' cultural-ethnic connections with the West in the VI—X centuries (the ornaments of the Hungarian bagdecorating plates of the X century and the Mankhay engraved plates) 167
F. D. Gurevich. Ethnic structure of the population of the Upper Niemen basin according to the archaeological data of the second half of the I century n. e. 174
S. A. Pletneva. On some funeral customs of the Alan tribes of the Don basin 182
L. S. Kukhareva. Nomads cemetry near the village Maximovka on the Dnieper 194
I. I. Lyapushkin. On the question of the Slavs cultural unity 203
G. I. Smirnova. Early Slav settlement on the territory of the village Nezvisko, Stanislav region 210
G. F. Korzukhina. On the Gnezdovo amphora and its inscription 226
Z. A. Lvova. On the question of the origin of the glass beads of VIII—X centuries in some areas of Europe 231
N. N. Voronin. On the estimation of the artistic order of the Bazyl the Beatific's cathedral 240
Abbreviations' list 245

Исследования по археологии СССР

Сборник статей

Редактор *А. А. Иванова*
Переплет *Ю. В. Пушкина*
Техн. редактор *С. Д. Водолагина*
Корректор *Г. А. Полиевская*

Сдано в набор 5/VIII 1960 г. М-45680
Подписано к печати 13/XII 1960 г.
Уч.-изд. л. 21,87 Печ. л. 15,5 (условн. 21,4)
Бум. л. 7,75 Формат бум. $70\times108^{1}/_{16}$
Тираж 1200 экз.+25 отд. отт. Заказ 2022
Цена 1 р. 31 к.

Картфабрика ВМФ

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
22	22 сверху	бокхеда	богхеда
38	6 „	34—35	34—36
38	21 „	1955 г.	1956 г.
47	6 снизу	téré	tépé
138	2 „	erchéologique	archéologique
147	4 „	Ηδύλος	Ἠδύλος
148	1 сверху	πορφυρέης	πορφυρέης
201	11 снизу	ЗРАО, т. X	ЗРАО, т. XI
224	2 сверху	45м	45 см
247	12 „	Luka-Ustinskava	Luka-Ustinskaya
		АВТОРСКИЕ ИСПРАВЛЕНИЯ ПО СТАТЬЕ В. Д. РЫБАЛОВОЙ	
81	прим. 2	1959	1955
81	прим. 3	łużickiej na Ukraine	łużyckiej na Ukrainę
84	прим. 17		
	прим. 22		
90	прим. 55		
84	12—13 сверху	Чернигова,[22] другой — из Черкасской области (?)	Чернигова, другой — из Черкасской области (?)[22].
84	прим. 22	T. Sulmirski. Zaganienie ekspansji kultury łużickiej na Ukraine, табл. XII, 2. Находка хранится в Государственном историческом музее в г. Киеве.	T. Sulimirski. Zagadnienie ekspansji kultury łużyckiej na Ukrainę, табл. XII, 2 (топорик из-под Чернигова). Топорик из Черкасской области хранится в Государственном историческом музее в г. Киеве.
85	прим. 26	epoki	z młodszej epoki
	прим. 31		
90	прим. 50		
94	прим. 80		
88	2 сверху	Печёрах[39] (рис. 5, *1*) и Чеботырке (рис. 7, *2*)	Печёрах (рис. 5, *1*) и Чеботырке (рис. 7, *2*)[39].
93	прим. 78	Skytowie	Scytowie

Зак. 2022